

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОКСИД ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2023

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2023 ГОДА
(в порядке следования юбилейных дат)

*195 лет со дня рождения известного
русского мыслителя, писателя и
критика Николая Гавриловича
Чернышевского (1828 — 1889)*

*280 лет со дня рождения
выдающегося русского поэта
и государственного деятеля
Гавриила Романовича Державина
(1743 — 1816)*

*170 лет со дня рождения известного
русского писателя и публициста
Владимира Галактионовича
Короленко (1853 — 1921)*

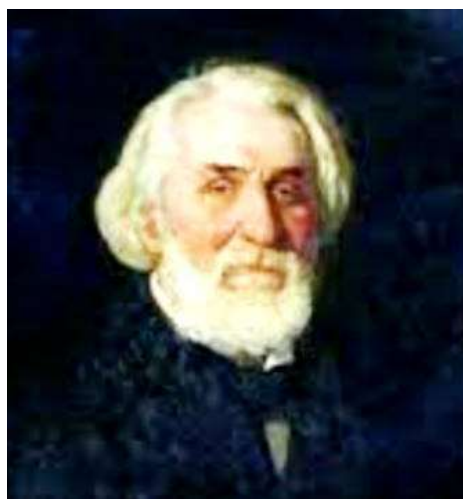

*195 лет со дня рождения великого
русского писателя и мыслителя
Льва Николаевича Толстого
(1828 — 1910)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2023 ГОДА
(в порядке следования юбилейных дат)

*200 лет со дня рождения известного
русского писателя и публициста
Ивана Сергеевича Аксакова
(1823 — 1886)*

*205 лет со дня рождения
выдающегося русского писателя
Ивана Сергеевича Тургенева
(1818 — 1883)*

*220 лет со дня рождения
выдающегося русского поэта и
государственного деятеля
Федора Ивановича Тютчева
(1803 — 1873)*

*150 лет со дня рождения видного
русского поэта и прозаика
Валерия Яковлевича Брюсова
(1873 — 1924)*

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2023 — 3(70)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Елки-палки из Парижа. К истокам повреждения русского языка..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 22

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантазмагория..... 36

Яков Шафран. Русофобия — это расизм и нацизм (очерк)..... 57

Алексей Яшин. Военная цивилизация (главы из повести)..... 71

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Валерий Неудахин. Уход..... 103

Евгений Асташкин. Категория сложности..... 115

Людмила Брагина. Где живут шиншиллы?..... 118

Николай Макаров. Афганистан. Из цикла «Воспоминания батальонного врача»..... 122

Сергей Калинин. Подранок..... 129

Александр Александров. Магда..... 135

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Сухов. Запах горькой полыни..... 155

Андрей Лушников. По Вологде-реке..... 161

Игорь Отчик. Творчество..... 164

Татьяна Горчакова (Гречишкина). Туман..... 168

Николай Тимохин. И правит миром вновь любовь..... 172

Николай Полотнянко. Душа России..... 176

Игорь Игнатъев. «Все до банальности наивно»..... 182

Евгений Трещев. Зимний вечер..... 186

Валерий Демидов. *Personalia*..... 188

Николай Еремин. Поэту — 80 лет!..... 196

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Аркадий Польшин. Скромность — сестра таланта..... 205

Игорь Карлов. Об экономике доступно и увлекательно.....	212
Алла Новикова-Строганова. «Как слово наше отзовется»: И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев.....	214
Сергей Овчинников. Тульская литература 1950-х — 1970-х годов (Александр Лаврик, Наталья Парыгина, Иван Панькин, Анатолий Кузнецов, Владимир Лазарев, Сергей Галкин, Виктор Пахомов, Владимир Сапронов, Валерий Ходулин, Николай Завалишин, Глеб Паншин, Виктор Греков, Игорь Минутко, Сергей Белозеров.....)	232
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ».....	245
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	248

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) —
 зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
 зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
 председатель Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
 Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Владимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
 зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
 Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
 Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ЕЛКИ-ПАЛКИ ИЗ ПАРИЖА К истокам повреждения русского языка

*Тогда
Из глубины молчания рождается
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни!*

Максимилиан Волошин «Подмастерье»,
из книги «*Selva oscura*»

♦ *Язык как самоидентификация народа.* Шатов, персонаж «Бесов» Ф. М. Достоевского, обстоятельно толкует: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог».

А у Державина бог — это поэзия, то есть высшее воплощение гармонии языка. И заменив в речи Шатова слово «бог» на «язык», получим логически непротиворечивое утверждение: нет народа без своего языка, а народ, по той или иной причине утративший свой исторический язык, становится социумно аморфной биомассой, хотя бы отчасти еще мыслящей. Действительно, услышав даже в русском переводе известные фразеологизмы: «Бостонское чаепитие», «Буря в викторианской чашке чая», «А деньги — это не твоя чашка чая», — тотчас, не ошибаясь ни на йоту, представим себе Англию и своеобразие английского языка (вовсе его не зная...), которое назовем исчерпывающей краткостью. Опять же не ошибемся. Но вот все о том же чае: «В Тулу со своим самоваром не ездят», «Чай не водка, много не выпьешь», «Чай не наше казачье питье» (это из «Капитанской дочки»), «Чай да сахар», «Не просят на водку, а просят на чай», «По чаям ходить, добру не быть», а у Даля и Афанасьева еще с полсотни характерных пословиц и присказок о чае найдете. — И в них уже вся исподвольная Россия и русский язык, уже не с исчерпывающей краткостью, наоборот, с его широтой и красочностью, не жалеющий слов даже в афористических рамках «жанра». Здесь Тургенев на все предшествующие века сказал.

Итак, предмет один и тот же — чай, кстати, на Британских островах не растущий, а у нас приказом Вождя-генералиссимуса успешно разведенный, но высказывания о нем настолько полно «озвучивают» два совершенно различных (только древний санскритский корень для них общий) языка, что ошибиться невозможно.

Народ и его исторический язык в их разделении теряют свою корневую естественность. «...Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», — грустила в ресторане «Корнилов» в Париже белая эмиграция. И не раз, не два в истории «языковые» войны случались... увы, Россия сейчас именно в такой ситуации, хотя бы движущая причина здесь далека от филологии, а запрет русского языка на канонической его территории есть «долгоиграющая» и хорошо продуманная атлантическим Западом завязка мирового конфликта. Опять же вызревший в веках «то давний спор славян между собою»

(«Клеветникам России» Пушкина). Опять же разрушение СССР мировым империализмом создало ситуацию, которую во многом можно охарактеризовать строками Ф. И. Тютчева:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море.
И ропщет мыслящий тростник?*

Их можно трактовать как разлад и противоречивость человеческого сознания и стихийной бессознательной природы. Понимая под последней стихию родного человеку языка, разлад возникает в сознании человека, когда тот, что называется директивно, отъединяется от этого языка. Либо наоборот, столь же искусственно повреждается исторически сложившийся язык, тем самым отъединяемый от его традиционного пользователя.

И без ссылок на Достоевского, Тютчева и приверженность русских и англичан к чаепитию интуитивно, скорее даже инстинктивно, каждому здравомыслящему человеку понятно: именно язык самоидентифицирует конкретный народ, нацию. Сам человек, рассматриваемый как индивидуум в социуме, по биологической природе своей не склонен отклоняться от норм, то есть словаря, грамматики и фонетики, своего родного языка. Многоученные — в последние тридцать лет по переводным американским учебникам — доценты от психологи, которых сейчас селедочными бочками штампуют многочисленные «университеты классического типа», что в девяностые года лихо образовались на базе заштатных уездных педучилищ, как дважды два четыре, скороговоркой расталдычат вам о таком языковом консерватизме.

Мы же, ничтоже сумняшеся, как профессор биологии (с уклоном в эволюционную эпистемологию), объясним эту верность исторически сложившемуся языку просто: человек есть животное, склонное к лени, то есть природно выработанному стремлению к экономии физических и умственных сил, вот и все. А там... *«laisser faire, laisser passer»* (предоставьте вещам идти своим ходом (чередом), фр.). Но вот здесь-то мина замедленного действия, скорее палка о двух концах. Генетически врожденная лень спасает человека от покушения на его исторический язык, это замечательно. Но она же склоняет его к обеднению своей лексики. Так возникают слова-паразиты, понимаемые как «универсальные заменители» сразу нескольких десятков, а то и сотен слов — для нас «живого великорусского».

За примерами и ходить далеко не надо. Сижу, пишу этот очерк, а в нескольких метрах тихо урчит на малой громкости телеящик, для звукового фона включенный. Но что-то меня насторожило, потому на экран пару раз оглянулся, «врубился в тему» (отголоски лексики лихих девяностых...). На экране здоровенный, пышущий неподдельным здоровьем мужик в густых пшеничных усах, со сложной должностью, переводимой на понятный язык как главный в общероссийской ассоциации какой-то вечнонеразрешимой доуки. Говорит хорошо поставленным густым баритоном на хроническую в последние два десятка лет тему «европейски поставленной... и так далее». А насторожило частое упоминание слова «история» — и именно в отношении к предмету беседы, а не к исторической дисциплине. Сработал профессиональный исследовательский «охотничий инстинкт»: начал считать частоту употребления пшеничноусым этого слова — это как в известном четырехтомном «Частотном словаре А. С. Пушкина». И насчитал: за четверть часа вдохновенного монолога о пользе европейского опыта не менее полусотни «историй»! Александр Сергеевич? — смейся и плачь.

Но все равно той же *истории*, новомодным *локации* и *генерации*, старинчатым братковским *«темам»*, ох, как далеко до лидера — паразитарного американизма *«проблема»*.

Опять же давно исследовал причину и истоки появления этого победительного

американизма, обеднившего «живой великорусский» если не наполовину, то на одну десятую точно: одно «лечить проблему» чего стоит! Заметим, что до американизации русского языка слово это использовалось, да и то редко, в научной лексике, например, «проблемы Гильберта» в математике. Да-а, еще в среде студенчества и образованной (то есть с «вышкой») молодежи ходило ироническое «ноу проблем!»

Но вот началась американизация девяностых годов. Вся заваль голливудчины, о которой сами американцы говорят, что ее смотрят только кретины и иностранцы, хлынула на российские экраны. Надо заметить, что американский диалект английского языка, как нации деловой — время деньги! — весьма беден, а в голливудской «продакшен» и вовсе сведен к языку Эллочки-людоедки: «доллар», «бизнес», «проблема», «надрать задницу» и где-то еще сотня-полторы.

Вот и народ наш простодушный, прильнув к экранам телевизоров, в нераспроданных еще под ночные клубы и «маркеты» кинотеатрах, в расплодившихся подвальных видеосалонах (которые с порнухой тож), слушает косноязычный любительский перевод голливудских фильмов, а там сплошняком идет: проблема, проблема, проблема... Вот и сработал биолого-физиологический механизм лени-экономии: сначала эсмэишники, передовой отряд вредителей русского языка, а с их подачи и народные массы начали использовать это универсальное словцо, заменяя им множество исконно русских. По моим прикидкам, это паразитическое слово заменило тридцать восемь (!) полных русских аналогов, понятно, контекстных, а число неполных и счету не поддается!

Опять же народные массы... А *«масса»*, — пишет выдающийся философ и мыслитель XX века Хосе Ортега-и-Гассет в трактате «Что такое философия?» — *это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров* (выд. нами. — А.Я.)... *И как раз этот человеческий тип сегодня решает».*

...Это нас пшеничноусый с телеэкрана с его хронически неразрешимой «историей» раззадорил, несколько сбил с последовательной колеи размышлений. Но ведь попутно и роль физиологической лени в языковой сфере разъяснили? — А это важно для нашей темы рассуждений.

Но вернемся к языковой самоидентификации, вернее, завершим настоящее введение.

Вот пшеничноусый — надо же навязался на язык не хуже «проблемы с историей!» — отдежурил свое на телеэкране со своей «исторически» неразрешимой (у нас) «проблемой» с помойками, отправился в приличное необщепитовское заведение перекусить от трудов праведных семужкой под стопку-другую приличного грузинского «Асканели», а мы продолжим о своем, девичьем.

«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность», — писал Н. С. Лесков в «Соборях». Действительно, за тридцать с небольшим лет язык наш, вообще языковая культура, так изменились, что попади попуткой с машиной времени (а таковая реально следует из достославной общей теории относительности, как логико-математически строго доказал Курт Гёдель, выдающийся ученый прошлого века) человек семидесятых-восьмидесятых годов в наши дни, то без переводчика с американо-нижегородского ему сложно было бы обойтись... Мы же — в массе своей — протопавши из этих годов в нынешнее время на своих-двоих, уже вроде бы по-лесковски мало чему удивляемся. Потому что шли-шагали вровень с этим временем. Человек же — упомянутые психологи подтвердят — из всех биологических видов самое адаптивное существо. Допустим, объявили из всех радиоточек и с телеэкранов некоторое время назад, что футбол — национальный вид спорта россиян (не лапта или городки!), и — все на стадионы... в смысле к экранам и репродукторам! И в чем-то народ даже благодарен за футбольную эйфорию (или психоз?), потому как в воплях десятков тысяч на трибунах и криках «судью на мыло!» как-то

временно отходят на второй план все сложности нашего нелегкого бытия. Понятно на что намекаем в связи с футболом — национальной игрой... но только жителей Британских островов. Однако опять же — и всякий раз! — прав Федор Михайлович («Записки из подполья»): *«Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это существо на двух ногах и неблагодарное»*. Как о нацигре футболе скоренько позабыл наш народ, двуногий и неблагодарный, так и в неполных двух поколениях замятовал: а как это по-русски? — попривыкши понимать американо-нижегородскую феню, льющуюся из репродукторов и с телеэкранов. Именно слушать и понимать; сам же народ в массе своей упорно придерживается словаря традиционного великорусского.

А великодушные наши эсмэи так и подбрасывают по-стахановски уголек лопатами-шахтерками в топку локомотива, что мчит всех нас в безликое, безъязычное светлое глобалистское будущее. Мало того, что на телевидении программу с подковыркой назвали «А как это по-русски?», но вот из тех же репродукторов на главной все-российской радиоволне порой развеселившаяся дикторша, назвав некий предмет щегольским американизмом, делает паузу, оговорится: «Как бы это по-русски сказать?» Слушатели среднестаршего поколения в унисон пробормочут: «А я знаю как сказать... только матом!»

...Опять на пшеничноусого свое раздражение перекинем, дескать, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. С другой стороны, пшеничные усы, особенно пушистые и аккуратно подправленные,— создают их владельцу видимость добрейшего, прекраснородушного человека. И говорил он о своем неразрешимом деле вовсе не унылым, как то обстоятельства требуют, но даже веселым, оптимистичным баритоном. Работа у него такая. Как и у тех эсмэишников, что уже за тридцать лет приучают наш народ к американо-нижегородскому наречию. Дудки! — не приучите. Хотя бы потому, что в американском языке нет родного нашего мата.

Так-то, начали с ученой самоидентификации, а все на матерок перевели. Вот это чисто по-расейски, по-нашему посконно-домотканному. Чего мудровать с громоздкой терминологией, когда просто можно сказать: каков народ, таков у него и язык, или еще понятнее: как потопашь, так и полопашь. Хочешь говорить на родном, исконном своем языке, так стяхни языковую лень, не переводи весь словарь живого великорусского на «историю» и «проблему», не засоряй свой слух и память гнусными американизмами. Вот и весь наказ. А то и вовсе с оружием в руках отговывай право говорить на родном языке... Не грех в этом деле и у кичливой заграницы поучиться. Один мой знакомый в девяностые и двухтысячные, когда русских еще в европы-америки пускали, особенно при деньгах которые, многие страны объехал. Сказал мне удивительную вещь: в той же Европе все говорят с иностранцами на английском языке. Так что зная пару сотен слов из этого языка и элементарные правила их сопряжения, языкового барьера не ощущаешь: от Варшавы до Лиссабона — по географической широте, от Стокгольма до средиземноморского побережья — по долготе. Ты иноземцу — хао ду ю ду, он тебе: йес, сэр-мистер, плиз за ваши доллары-евро!

...Но только не в Италии. Там даже за эту конвертируемую валюту с тобой на инглиш не станут спикать. Для итальянцев только один в мире язык существует: итальянский, дальний правнук меднозвенящей латыни Древнего Рима. Хоть флэш-мобом его по карширингу, хоть кешбэком его мать онлайн, но не хочет макаронник понимать твою ломаную английскую речь. На пальцах приходится объясняться: в подбородок себя щелбанешь — несет тебе тамошний халдей бутылку фалернского, да обязательно нарочито по-итальянски добавит: «Фалернум винум, синьор!» Совсем просто со слабым полом пониженной соотответственности: ты ей про руссо туристо облик морале, а она тебе на пальцах таксу в евро показывает... Никакого косоротого инглиша.

А все оттого итальянцы такие языковые патриоты, что в разное время, с различ-

ной идеологической подоплекой, но одинаково внушили ему Джузеппе Гарибальди и Бенито Муссолини: хотите жить в едином государстве, а не в десятках самостоятельных княжеств и уединенных городов, так прежде всего говорите безо всяких диалектов на одном языке; главное, не подлаживайтесь под австрияков и французов — пусть они, если им так надо, в Италии говорят по-итальянски! Дуче, правда, австрияков опускал — ведь самого фюрера земляки.

Так и Русь-Россию объединил московский акающий говор, ставший великорусским, имперским языком. Хотя и окающему нижегородскому, цокающему поморско-архангельскому, южно-русскому говору здесь место нашлось: через единую грамматику. А раз историю (настоящую, филологическую) русского языка помянули, так и перейдем к ней.

♦ *Как сложился тезаурус великорусского языка.* В любом языке первичны слова, словарный запас, тезаурус — полный свод этого запаса. Как это ни покажется на первый взгляд странным, но грамматика вторична. Ведь нынешние вредители русского языка, то есть эсмэишники, в своем американо-нижегородском все же русскую грамматику используют. Они бы, кешбэкистые парниши и файновые герлы, зная англо-американский язык (еще в девяностые школьниками, в ущерб другим предметам, заучили, готовясь сделать ручкой «этой рашке и смотаться за бугор»), перевели бы все на его же грамматику, но поопасались потерять слушателей-зрителей. ... Кстати уточним: под эсмэишниками мы понимаем *масс-медиа*, хотя это и амерканизм, едрить его в хвост и гриву!

Открывая свою «Пространную русскую грамматику» (СПб, 1830), ставшую базовой для всех последующих учебников русского языка*, включая нынешние, Николай Иванович Греч вдохновенно писал: *«Язык, как дарованная человеку свыше способность и необходимое последствие действий его ума, рождается при первом соединении его в общество с подобными себе (выд. нами.— А.Я.), и бывает в объеме своем сообразен с числом понятий живущих в обществе людей, следственно распространяется и усовершенствуется по мере развития в них умственных способностей».*

...Даже несколько неудобно становится за славного нашего баснописца Крылова, что обидел Греча и приятеля его Фаддея Булгарина («Кукушка и Петух»), когда читаешь этот великолепный труд, основание научной русской грамматики, где первые десятки страниц посвящены собственно истории возникновения и становления русского языка. За прошедшие два века ничего нового сотни академиков и тысячи диссертантов от филологии по существу не сказали. И сейчас, когда все в мире оцифровано, а все мы суть узники электронного концлагеря с цифровым рабством, так и зришь этот том в старинном тисненном переплете, что стоит на почетном месте, о котором волшебным образом все тот же Максимилиан Волошин («Облики. Р.М. Хин», из книги «*Selva oscura*»):

*Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...*

Именно «в обществе с подобными себе» формируется национальный язык. И классики отечественного языкознания, те же Потемкин и автор яфетической теории академик Мар, столь жестко раскритикованный Сталиным («Марксизм и вопросы языкознания»), не отходили от этого определения Греча. Но это дела сложной в восприятии филологической науки. Наше же внимание отнесем к историческому формированию словарного богатства русского языка. А его тезаурус действительно бо-

* Справедливо известное с XIX века утверждение, что все лучшие учебники и словари русского языка написали немцы. Немцем был и русскоподданный Н. И. Греч.

гатство, не уступающий по словарному запасу английскому языку (имеется в виду язык Шекспира, не Голливуда...), который полагается, западными естественно филологами, наиболее словесно обширным в среде европейских языков, идущих от индоевропейского праязыка (санскрит здесь промежуточен).

...Современному умственному содержанию голов человека глобалистского (*homo globalicum* на ученой латыни) уже неприлично удивляться; см. выше реплики Достоевского и Лескова, но вашего покорного слугу в полный восторг привел свежий номер областной «молодежной» газеты, посвященной недавнему закону об ограничении использования иностранных слов. Оно и закон-то наспех написан: где ограничивается? — не указано, а главное, как-то постеснялись прямо сказать: ограничить использование именно *американизмов*! Это-то и дало повод писарчукам из «молодежки», выпускникам журфака местного университета, бывшего политехнического института с оборонным профилем, разразиться ядовитыми — с их точки зрения — филиппиками, дескать, всю научную, латино-греческую в основе, терминологию теперь следует из обращения убрать?

Это мы к тому припомним, что латинская и греческая научная, отчасти социальная, терминология вовсе не в один русский язык *совершенно естественно* вошла, но и *во все* европейские! Даже в современный вариант иврита — государственного (кстати, наряду с арабским — повертите в руках монету в шекель достоинством!) языка Израиля. Другое дело, если за Европой две тысячи лет эпохи цивилизации и культуры и прямое преемство от античного мира, то Россия удивительно молода и ей всего лишь триста лет тому назад пришлось столкнуться с мировым наследием науки, образования, культуры. Наверное, мы уже прискучили *своему* читателю частым упоминанием в очерках слов Льва Давидовича Троцкого (Лейбы Давидовича Bronштейна в «девичестве»), но слов-то гениальных! а именно, что Россия слишком поздно пришла в семью цивилизованных народов, поэтому и принуждена была спешно доучиваться *по сокращенному европейскому учебнику*.

С латынью и греческим все понятно, поэтому даже современники посмеивались над старинными писателями-славянофилами (Хомяков, братья Аксаковы и Киреевские — все наши тульские земляки...), пробовавшими переиначить геометрию в землемерию, теологию в богознание и так далее. И если греческий лексикон пришел в русский язык из Византии вместе с православием, то ученая латынь только с началом регулярного образования, то есть в XVIII веке.

Этот же век пополнил русский язык сотнями, даже тысячами слов германского корня, собственно немецкого, голландского, отчасти английского. Если кому попадется в руки учебник географии позапрошлого века для кадетских корпусов, а именно издание второй трети XIX века, то непременно ваши глаза выделят в самом начале книги слова о том, что «*Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозою света...*» Понятно, что несколько самонадеянно, но — в духе того времени. Но вот Петр Первый явно поставил воинское дело во главу державных устремлений. Отсюда и оправданное заимствование иностранных слов из лексикона военного, нового для России. Тем более в части военно-морской, учитывая, что доселе страна была отрезана от морей (Каспийское и замерзающее Белое моря не в счет), флота не имела: здесь все полностью пришлось Петру брать у морской заграницы, той же Голландии, Англии и ганзейских германских земель.

И все тот же XVIII, с продлением на две трети XIX века, установили в России французский язык на уровне «первого государственного». Именно первого, коль скоро на нем изъяснялся не народ, а его высшая, дворянская власть. Кстати говоря, от почти полуторавекового господства в «образованных классах» этого *парле ву франсе*, удивительно — и относительно! — небольшое число слов вошли в общерусский обиход: в основном бытовые термины, слова французской кухни (фужер, антрекот, лангет...). И это есть свидетельство того, что Россия уже вошла в европейский мир и

особо не нуждалась в сколь-либо обширном заимствовании иностранных слов. Тем более, уже к началу последней трети XIX века в образованных кругах начало складываться понимание того, что Россия не совсем Крайний Восток Европы, но скорее Крайний Запад Азии. Хотя бы оформил в этих словах такую мысль Редьярд Киплинг.

...А собственно в широком разговорно-бытовом русском языке всего-то три (!) французских слова отложилось; все после Наполеонова нашествия и крайне неодобрительные: шваль, шаромыжник и шантрапа.

Совсем понятно большое число тюркских, татарских слов, общеупотребительных в разговорном и письменном русском языке: ведь почти три столетия Русь — под названием Улуса Джучиева — входила в состав Золотой Орды, являвшей собой средневековое союзное государство. Как, кстати говоря, и Священная римская империя германской нации (таково официальное название) в Европе. И тот же русский мат, ныне притча во языцех на радио-ТВ, из татарского языка, где все эти слова сугубо нормативные, как сейчас принято говорить... И как не быть тюркско-татарским словам в русском языке? — вспоминаю свое детство-отрочество-юность в мурманском Заполярье, когда на лето семья наша уезжала в родную отцову калужскую деревню, в велосипедной доступности от которой соседние деревни именуются Ярлыковым и Баскаковым!

Даже не задумываемся о происхождении таких «истинно русских» слов как пуд, тонна, князь, баня, имен Олег, Ольга, Игорь, которые явно не из православных святцев. Их принесли еще в Киевскую Русь варяги: торговые и военные с призванием Рюриков (кстати, слово «рюрик» исконно русское; в новгородской речи оно означало изгородь на реке для ловли семги).

Еще раз оговорившись про молодость России — Московской Руси, в сравнении с Европой, резюмируем: ко второй половине XIX века русский язык окончательно сложился — с его *естественным* словарным запасом. Более того, выдающиеся мыслители-соотечественники того времени четко осознавали национально- и государственнообразующую роль русского языка, особенно литературного, образовательного, сложившегося на основе московского говора, что достаточно гармонично сочетается с естественными же разговорными диалектами, в основном фонетическими: северными архангелогородским, вологодским, новгородско-олонецким; южнороссийским, тем же воронежским; восточными нижегородским и волго-вятским; белорусским и малороссийским, в языкознании того времени рассматриваемыми (у того же Греча) как переходные формы от русского к польскому языку.

Пожалуй, что лучше всего о роли родного, русского языка в воспитании гражданина своей отчизны сказал в своих воспоминаниях* Николай Иванович Пирогов, не только выдающийся русский врач и организатор медицины, но и признанный педагог и мыслитель: *«Да, я считаю позором для нас, русских, что наши родители, воспитатели и само правительство поощряли эту паскудную, пошлую и вредную меру. Говорить детям и недетям одной народности между собой на иностранном языке без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения,— это, по-моему, верх нелепости и, главное, нелепости вредной, мешающей развитию и мысли, и отечественного языка. Много я думал об этом при воспитании моих детей; я имел средства воспитать их в упражнениях на французском диалекте и, вероятно, этим повлиял бы благотворно на их будущую карьеру в нашем обществе; но я не мог преодолеть в себе отвращения от этого нелепого способа образования детей. Мыслить на двух и трех языках, и даже мыслить на винегрете из трех языков, каждому из нас возможно; но чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужом языке, нужно знать его с пеленок, точно так же, как свой родной, и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этот чужой язык глубоко, как изучит его тот, кто видит в нем*

* Пирогов Н.И. Быть хирургом: записки старого врача.— М.: Родина, 2019.

единственное средство к приобретению какого-нибудь знания или к достижению какой-либо цели жизни».

Заметим *in pendant*, что почему-то (?) не афишируемый ни в масс-медиа, ни в серьезных исследованиях вопрос о связи многоязычия (индивидуального человека) и мышления. Возможно представляет интерес концепция, разработанная в томе 18 нашего многотомного исследования* (этот том был удостоен в 2022 году старейшей, престижной научной Макариевской премии в области естественных и точных наук).

Выше, говоря о сложившемся ко второй половине позапрошлого века русском языке *in corpe*, мы имели в виду единую грамматику и фонетику московского говора, сложившийся тезаурус в исторической последовательности его формирования, которое не противоречит, как мы аннотировано убедились, обычным правилам и законам языкознания. То же самое можно сказать и о четвертой составляющей — алфавите русского языка. Здесь не лишним будет снова обратиться к историческим истокам. Отличительной особенностью славянского алфавита Кирилла и Мефодия является его изначальная избыточность в сумме как букв, взятых из греческого языка, так и предложенных внове славянскими просветителями. Можно уверенно предположить, что они имели в виду, вводя такую избыточность, следующее: во-первых, алфавит предназначался для многих славянских народов с охватом фонетических особенностей их языков; во-вторых, они гениально предвидели, что по мере эволюции этих языков и их письменности, алфавиты будут исторически оптимизироваться, а любая оптимизация всегда предполагает сокращение смысловой символики — актуальный к рассматриваемой теме вывод из так называемой «бритвы Оккама», классической философии.

Именно поэтому и имевшие место в XVIII — начале XX веков изменения в русском алфавите можно полагать естественными и даже «благословенными» самими создателями славянской письменности. Вполне справедливо (по факту!) можно упрекнуть Петра Первого в «латинизации» русского алфавита введением «гражданского», то есть и нынешнего, начертания букв вместо прежнего «фигуристого», преемственного от церковного, старославянского. Но естественным образом такое упрощение написания букв совпало с требованием времени: грамотность в эпоху кардинальных реформ-преобразований Петра вышла за церковные и административные рамки. Как следствие резкого возрастания письменной культуры и гражданского книгопечатания, прежнее начертание букв русского алфавита стало заметным тормозом. Скоропись и тиражирование печатных изданий требовали *качественного* упрощения написания: письменного и печатного. Словом, король умер, да здравствует король!

Сокращение числа букв в русском алфавите, которое мы отнесли к предвидению Кирилла и Мефодия, то есть переход от 42-буквенного церковно-славянского алфавита к нынешнему его составу, также полагается естественным. Во-первых, сугубо «церковные буквы» — юс, от, кси, пси (начертание их достаточно «фигурно», поэтому в машинной графике вряд ли присутствует) — вряд ли уместны в общегражданском алфавите. Поэтому они и были, как бы сейчас сказали, явочным порядком изъяты из общего обихода в реформах русского языка графа Уварова в XIX веке.

Во-вторых, буквы Θ (фита) и V (ижица) по церковно-славянской традиции писались *только* в словах греческого происхождения, причем не «обрусевших», исключая первую букву греческих имен навроде Θедор. То есть использовались достаточно редко... сразу вспоминается классика девятнадцатого века: посадить на фиту, то есть

* Продолжающаяся серия наших книг под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы»; на сегодняшний день издано двадцать томов (различные издательства: «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Издательство Тульского госуниверситета; в электронной форме см. на различных научных сайтах по поисковику).

чиновника-регистратора «посадить» на документы, начинающиеся с фиты,— значит дать ему самое малодежодное место...

Наконец, буква *i* и сведшая с ума не одно поколение гимназистов ять ъ — гласная где-то между *э* и *ие* утратили в XIX веке свои фонетические выделительные особенности.

Поэтому подготовленную в начале 1910-х годов реформу русского алфавита с изъятием указанных выше букв, а также «слова — ер», то есть написания твердого знака в конце слов, заканчивающихся на согласную, разработанную специально созданной комиссией Министерства просвещения Российской империи, комиссией из авторитетных ученых-филологов и лингвистов, подошедших к делу очень ответственно и выверено, можно без оговорок считать своевременной, актуальной и полезной для великорусского языка, его аутентичности сложившейся фонетике, избавлению от излишней зубрежки в школьном образовании. Словом, в этой реформе были тщательно, аргументированно и научно-обоснованно продуманы все моменты сохранения грамматического, фонетического строя современного для начала XX века русского языка. Словом, это можно считать наиболее удачной, пожалуй что и единственной, реформой в истории русского алфавита и правописания (комиссия и другие вопросы рассматривала)... в отличии от бездумного «реформаторства» в последующем. Но об этом в своем месте скажем.

Начавшаяся Первая мировая (империалистическая) война отодвинула введение нового алфавита и некоторых изменений в грамматике, но в 1918 году Наркомпрос РСФСР во главе с А. В. Луначарским без каких-либо изменений реформу эту провел.

...В девяностых годах яростно брызжущие слюной антисоветизма либералы, к тому же отчаянно неграмотные, всестраично и все-теле-радиоволново обличании «большевиков, что испоганили и обеднили «великий и могучий» введением нового, обрзанного алфавита». А вот сейчас мы уже вплотную перейдем к истинным вредителям русского языка.

♦ *Неугомонные «реформаторы» русского языка.* Император Петр, граф Уваров, комиссия Министерства просвещения Российской империи, тож комиссия советского Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским для пользы русского языка на десять уже ненужных букв сократили изначальный алфавит Кирилла и Мефодия. Именно для пользы. Но нашелся человек, что решил сделать обратный ход: ввести в алфавит новую букву.

Все началось с нашествия на Россию XVIII века масонов. Они люди серьезные, конспирологи, поэтому для смущения народа и расшатывания царств (как в Ветхом Завете) используют задорные ватаги несколько образованных людей, обычно литераторов. Это как в деревенских драках стенка-на-стенку сначала выпускают помахать кулачками малых ребят: для затравки и куражу. Масонские же кураж-ватаги состояются из либералов. Причем русские либералы из всего этого отряда двуногих суть наиболее всполошные, переимчивые, обычно попадающие впросак. Опять все от той же молодости нации. Как всегда, припечатал Достоевский (это не цитирование, пересказ): не потому неприятны ему русские либералы, что они либералы, а потому что они *не русские* либералы; дайте ему *русского либерала* и он его расцелует.

...Это грех Екатерины, разумной немки и императрицы правильной, полезной для России, что заигралась она (пока Великая Французская революция в 1789 году не грянула) в переписке с Вольтером в части полезности идей французских просветителей, руссоистов и пр. ответвлений европейского масонства. Она-то играла в просвещенную государыню, опять же для европейского авторитета России, но ближнее ее окружение всерьез, по русской наивности, восприняло интерес и поощрение императрицей идеей просветительства. Отсюда и открытие в Петербурге и Москве различных воспитательных пансионков, в которых по швейцарско-французским калькам ставился эксперимент по выращиванию «передовой русской интеллигенции». Наиболее

известным стали воспитательные дома, учрежденные Бецким, придворным чтецом Екатерины.

Получилось в итоге по-черномырдински: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Собирались создать интеллектуальную элиту государственников, но вместо этого получили либеральную фронду. Бунтарь Радищев и потерявший осторожность масон Новиков заставили Екатерину завершить заигрывание с европейским либерализмом. Но свое-то, нерусское по Достоевскому, либеральное течение уже пустило корни.

Этот экскурс к тому, что и выдающийся русский просветитель, историк и писатель, автор «Бедной Лизы» Николай Михайлович Карамзин также является выпускником пансиона Шадена при Московском университете; в этом пансионате декларировалась педагогическая система «воспитания сердца» в русле того же европейского просветительства. Литературная деятельность Карамзина началась с середины 1780-х годов. Уже в первых его произведениях просвечивается весь будущий, всероссийски известный писатель и историк: чистой воды либерал, воспитанный на нравственной философии европейского просвещения; его любимые авторы, начальные путеводители в мир творчества: Лессинг, Галлер, Жанлис, Геснер, Томсон и Шекспир.

В русском литературном мире Карамзин весьма скоро стал видной фигурой. Если «Бедной Лизой» он открыл направление романтизма в отечественной прозе, то «Письмами русского путешественника» стартовала эпистолярная публицистика, ставшая в девятнадцатом веке одним из самых излюбленных жанров в творчестве многих известных русских писателей, упомянутых выше Достоевского и Лескова также.

При всем том, не подвергаемому сомнению, большом вкладе, что Карамзин внес в становление великой русской литературы XIX—XX веков, воспитание и образование духовно-нравственное и историческое, Николай Михайлович был истинным либералом-западником. Достаточно прочесть одно лишь его высказывание из «Писем русского путешественника», весьма характерное: *«Путь образования или просвещения о д и н (выд. Н. М. Карамзиным.— А.Я.) для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?»* Хотя слова эти написаны Карамзиным двусмысленно, в контексте полемики «западников» и «патриотов», но подтекст-то предельно ясен...

Копнем глубже. С одной стороны, либерал европейской ориентации, но с другой — дитя восемнадцатого века становления России как империи, к тому же «века цариц», фаворитизма, да еще густо поперченного русской неизбывной традицией: чем ниже поклонисься, тем выше поднимаешься. Вот и «Историю государства российского», при всем своем западно-просвещенческом либерализме, Карамзин, не хуже своих последователей из категории «чего изволите?» XIX—XX (тот же Покровский наркомпросовский) веков, написал «под Романовых»; дескать, рюриковичи много чего неверного сделали, только с воцарением Романовых дела пошли по правильному пути. Умных, самодостаточно мыслящих людей не проведешь. Именно поэтому карамзинский труд, несмотря на его исключительно обширную историческую фактологию, выверенную научную методологию, хронологическую достоверность и пр., все же с осторожностью в последующие века воспринимался в ученом историческом мире. Пальму первенства здесь отдают С. М. Соловьеву и В. О. Ключевскому.

Сказанное выше вроде как не имеет прямого отношения к русскому языку, но весьма конкретно характеризует (см. цитату выше) Карамзина как либерала западнической направленности.

Но — история историей; как сказал один классик: «История — плачь и смеяться», — но именно Карамзин нанес непоправимый урон русскому языку в части его

фонетики. Он совсем молодым, начинающим литератором отправился путешествовать по Европе, а именно в год Французской революции. Из «Писем русского путешественника» видно, что с восторгом, хотя временами и несколько критическим, неопита он жадно впитывал новые впечатления об открывшейся ему иной, нежели в России времен «поздней Екатерины», жизни. Явно по причине этого восторга и не сложившейся еще по молодости твердости, самодостаточности убеждений, возможно и некоторого тщеславия «первооткрывателя», он и «привез» из Франции букву ё... к читателю: прогуливаясь, отметьте глазами французскую машину марки «ситроен» и прочтите это название: *citroën*. Кстати, буква это достаточно редко используется во французском языке. По мысли Карамзина эта буква в словах русского языка должна обозначать фонему *йо* — по аналогии с буквами *ю* и *я*, обозначающими фонемы *йу* и *йа*. Словом, молодой литератор уподобился персонажу Маяковского, что «в духе парижан назвал себя электротехник Жан».

Дело-то все в том, что московскому говору, то есть уже устоявшемуся русскому языку, времен Карамзина фонема *йо* была совершенно несвойственна; тем более, что ее не было и в предшествующих формах русского языка: старославянском, церковнославянском, древнерусском и старорусском XVI—XVII веков. Но зато фонема *йо* присутствовала в «параллельном» русскому французском языке дворянского сословия. Короче говоря, случилась ситуация, в психологии именуемая как *сдвиг мотива на цель*. Поэтому, ввиду чуждости фонемы *йо* русскому языку, искусственная, привезенная Карамзиным из «города Парижу» буква-«елка» потыкалась, потыкалась в русском алфавите, пробуя потеснить *е*, *э* и *ять ѣ* в каких-то гласно-согласных словесных контекстах, но место своего не нашла, так и оставшись на последующие два века непризнанной парижанкой-чужестранкой. Посмотрите, полистайте словарь Даля, к счастью, по ряду причин, в том числе конспирологических, до сих пор не переведенный на современную русскую орфографию. Авторитетнее этого издания в части русского словаря в природе нет. ...Как и нет у Даля раздела на букву *ё* (впрочем как и на *й*; она упоминается лишь как частный случай фонемы *и*).

Но вот дворянство, особенно провинциальное, то есть форсистое и малограмотное, в том числе в части французского языка, за эту-то новоявленную букву уцепилось: хоть здесь проявить свою «ученость»! И начало коверкать русский язык. Сразу вспоминается: в школьные годы почему-то увлекся романами классиков латышской литературы (в русском переводе разумеется) от ее родоначальников братьев Каудзит («Времена землемеров») до исторического писателя Андрея Упита и уже советского классика Вилуса Лациса (он же председатель президиума Верховного совета ЛатССР). И у него персонажи 30-х годов из «образованцев» шеголяли словечком «фардон» — вместо «пardon», а потому, что фонема *эф* в латышском языке отсутствует. Так и у «образованцев» карамзинской пары...

Карамзинская же попытка явочным порядком ввести французскую букву в официальный алфавит ему не удалась. Ее «гражданство» не признали в XIX веке по понятным причинам; см. выше вкратце. Поэтому ее и не увидишь в печатных изданиях XIX века. Соответственно, и фонема *йо* если и использовалась в просторечии, то приносили ее жители северных и верхневолжских губерний с их отличительными от московского говора фонетическими особенностями. Пролетаризация России после реформы 1861-го года вызвала к жизни достаточно массовую миграцию.

После обновления русской орфографии и алфавита (см. выше) в 1918 году комиссией Луначарского — Крупской, положение буквы *ё* стало и вовсе двусмысленным. С одной стороны, она появилась в букварях и прописях младших школьников, но до окончания двадцатого века *в печатных текстах она по-прежнему отсутствовала*. Но школьные буквари сделали свое дело: детская память остается на всю жизнь, ее ничем не перешибешь! Дальше — больше: как только в русифицированном *Word'e* буква *ё* появилась к началу нового века и тысячелетия, так она и утвердилась

в печатных текстах. Аминь! Более того, с подачи наших вечных либералов с их «нынче не то, что было завтра» в последние два десятка лет вспыхивают в СМИ кампании по полной легализации парижской карамзинской буквы. Один волжский губернатор даже освятил памятник ей в форме ели. И госвласти поддались: не так давно законом утвердили эту букву как обязательную для документов навроде паспорта, водительских удостоверений и пр. И литераторов уже явочным — пока не законодательным! — порядком достают: вашего покорного слугу не печатают некоторые, даже дружественные литературные журналы: условием публикации ставят простановку буквы ё!

...Черт говорит в бреду Ивану Карамазову: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще с писанные с чужих учреждений (выд. нами. — А.Я.) — один только вред!»*

И хотя не черт нашептал Николаю Михайловичу привезти из Парижа в Россию злосчастную буквицу, но результат налицо: не мытьем, так катаньем, с подачи <авторитета> Карамзина, в течении двух столетий подспудно, явочно и пр. (см. подробно выше), но внедрение французской буквы «ё», совершенно чуждой фонетике русского языка, с «подачи» всего лишь одного, еще молодого литератора эта самая фонетика «великого и могучего» была основательно, искусственно повреждена!

И еще одна *nota bene*: в связи с «легализацией» в последние годы буквы ё в русском алфавите, уже встречались публикации, обеляющие роль Карамзина, но настолько неубедительные и малограмотные, что только со смехом их читаешь. Навроде: буква ё появилась в русском языке еще до Карамзина — в царствование Екатерины Второй*...

Да-да, уважаемый читатель, той самой, что с удовольствием читала первое, журнальное издание «Писем русского путешественника» молодого еще писателя Карамзина! Это все одно, как недавно по «культурному» ТВ-каналу запиаренный «телевизионный историк» восхищался: дескать, хотя восстания Разина и Пугачева разделяют три века, но ведь оба они из одной донской станицы! Станишники значит...

И Карамзин не одинок во Вселенной, в смысле в России. Он-то, при всем нанесенном русскому языку повреждении, вообще действовал из благих побуждений, правда, по молодости не продумал возможных последствий. И тем уж извинительно, что по молодости, а не по дурости малообразованной, а пуще всего — из обезьянничества подражательного.

...В 1858 году в Лондоне, в Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева, что из английского своего издалека (это как через сто с лишком лет Солженицын из Вермонта) с 1855 по 1869 гг. либерально просвещали русского читателя изданием газеты «Колокол», журнала «Полярная звезда», сборниками «Голоса из России» и «Исторических сборников Вольной русской типографии», вышла сдвоенная книга (конволют — издательско-типографский термин), содержащая два запрещенных в России издания: «О повреждении нравов в России» князя Михаила Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева. Имеется современное издание**.

Попутно заметим, что эта книга, как и все остальные издания Герцена и Огарева, да и собственно сама «Вольная русская типография», имели выходные данные: «*London, Trübner & Co., 60, Paternoster Row*», — то есть издавались издательством Н. Трюбнера, официально уполномоченного агента Ост-Индской компании, которая имела свою мощную разведывательно-пропагандистскую службу, поддерживающую

* Одна из версий: букву «ё» привнесла в русский язык Дашкова с позволения своей подруги Екатерины... Вряд ли, женщины очень осмотрительны и подозрительны!

** О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание / Под ред. акад. М. В. Нечкиной и д-ра ист. наук Е. Л. Рудницкой. — М.: Наука, 1983.

революционную деятельность в странах — потенциальных противниках Британии, прежде всего — Российской империи. Таким образом, «Герцен, который разбудил Россию» (В. И. Ленин) состоял на службе антироссийских государственных сил. Опять-таки из благих побуждений, столь любезных сердцу и душе извечного «нерусского русского либерала» (Ф. М. Достоевский). Вот откуда ноги растут у антирусских, антигосударственных либералов XIX, XX и уже XXI веков, пишущих из западного «издалека»!

Опять же к слову, но нелишне напомнить. В названном конволюте Герцен представил две крайние точки зрения: левого либерала Радищева и предшественника славянофилов князя Щербатова. Последний пишет: *«Таковыми степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каковом при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить Бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было»* (переводим на современную орфографию).

В своей книге князь Щербатов (1733—1790)* уже в царствования Елизаветы и Екатерины Второй отмечал, что «повреждение нравов» в России началось с излишней переимчивости (опять же еще молодого!) Петра Первого с Европы. Что мы уже пояснили на примерах Карамзина, Герцена и Огарева. И опять же в авангарде антирусизма идет повреждение языка.

В 1840—44 гг. в Москве была издана в трех томах (!) поэма И. П. Мятлева с затейливым названием: *«Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»*, относящаяся к жанру *макаронической поэзии* (от ит. *maccheroni* — макароны значит), то есть вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст пересыпан иностранными словами, возникший в Возрождение в Италии, как пародия на испорченную латынь.

В поэме Мятлев едко высмеял всероссийскую страсть к иноземным словечкам. Тот же незабвенный «аршавский портной»! Ведь самое страшное, когда повреждение языка укрепляется в мещанской среде... воистину получают «ноги в шляпе, сапоги в смятку», а русский язык обыденный превращается в тот же одесский (при всем его своеобразии!) *Ungepotchket* (идиш), то есть «составленный из лоскутков и обрезков». И надо нам всем в пояс поклониться тем, кто в XIX веке не только сохранил русский язык, но выкристаллизовал его, сохранив весь исторически сложившийся словарный запас. Прежде всего — великим русским писателям, а также столь ругаемым в советских школах графу Уварову и адмиралу Шишкову, решительно пресекавших неугомонных реформаторов русского языка, напрочь отвергавших попытки официальных, законодательных реформ. ... Равно как и советскому руководству двадцатых годов во главе со Сталиным, отвергавшим бесчисленные попытки рьяных реформаторов урезать правила грамматики «по самый пояс», обескровить алфавит и вообще (пример турецкого Ататюрка что ли вдохновил?) перейти с кириллицы на латиницу. Не верите? — Откройте на главе XIX книгу одесских классиков «Золотой теленок»: *«В ответ на наглое бесчинство бухгалтера Кукушкинда, потребовавшего уплаты ему сверхурочных, ответим... л) поголовным переходом делопроизводства на латинский алфавит»*.

Дальше не до реформ русского языка было. Правда, «волонтарист и пробелелист» Хрущев какую-то урезанную (заеца вместо зайца отсекали!) реформишку утвердил. Но настолько несущественную, что лично мне запомнилось только упрощение переноса слова: раньше тире нужно было ставить — в письме только — дважды, в конце строки с началом переносимого слова и в начале новой строки с окончанием того же слова. Теперь же только в конце строки. И то мне сейчас не верят...

* Михаил Михайлович Щербатов, известный историк, автор многотомной «Истории российской от древнейших времен», доведенной до Смутного времени. В словаре Брокгауза и Ефрона, а это авторитетнейшее издание! прямо говорится, что «История» Щербатова стала основой для «Истории» Крамзина... Либерал!

...Но все это печки-лавочки. В страшном сне не приснился бы Федору Михайловичу и Николаю Семеновичу (Лескову), Генералиссимусу Сталину и адмиралу Шишкову, Карамзину и князю Щербатову, Герцену с Огаревым, Луначарскому с Крупской и пр. и пр., что придет пора апокалипсического повреждения русского языка, о чем ниже.

♦ *Атлантический вал американизации: от modus vivendi u modus operandi* до русского языка.* Если бы, например, Козьма Минин, Лев Толстой и известный русский писатель Алексей Хомяков несколько лет тому назад, реинкарнировавшись, попали в наши дни, то были бы приятно удивлены, а именно. Первый, прослушав 4-го ноября 2019 года, в День народного единства, утренние новости на Центральном ТВ, узнал бы, что он, «Козьма Минин, был крещеным татаринном и, как сейчас говорят, занимал должность сити-менеджера Нижнего Новгорода» — в кавычках дословно цитируем. А вот наши тульские земляки, Лев Николаевич и Алексей Степанович, с некоторым смущением прочли бы тексты плакатов на входе в *свои* родовые имения: «*Tolstoy Weekend*» и «*Хомяков — home Поэзия*». Толстой бы срочно написал 200-страничный обличительный трактат, а трезвенник Хомяков сходу выпил целиковый штоф «очищенной». Как славянофил, коньяком и виски он манкировал. И если Гитлеру не удалось исполнить свою мечту о переименовании Москвы в *Moskaustadt*, то современные ее власти сами, без указки с Запада, часть города нарекли Москва-сити... И не одного нижегородского старосту менеджером обозвали, как оплевали: несколько дней назад из того же телящика (у меня он старинчатый, не плоский) услышал, что маршал Жуков был *кризис-менеджером Красной Армии*.

Что это — наглое издевательство победителей в «холодной» (информационной и пр.) части Третьей мировой войны над русскими и их языком? Но давайте спустимся по шкале времени ровно на сто десять лет назад, когда столичные жители были изумлены авангардистской оперой «Победа над солнцем» (то есть над Пушкиным): композитор Матюшин, либретто — поэт Крученых (из круга Маяковского), пролог — еще более знаменитый поэт Велимир Хлебников**, художник-оформитель не кто иной как Малевич. После первого исполнения оперы некоторых зрителей прямо из зала увозили в сумасшедший дом...

Но — чужая беда не дает ума. Да что там говорить, напрасно бились против повреждения русского языка князь Щербатов, граф Уваров, адмирал Шишков... только второй русский (полугрузин — полусетин) Генералиссимус, человек решительный, на тридцать лет остановил это издевательство. И плюс еще три десятка лет народ держал в памяти остерегающие слова Вождя: «космополитизм» и «низкопоклонство перед Западом».

«Откуда, как разлад возник?» — повторим строку Тютчева. Почему с начала девяностых годов со всех сторон понеслось: «Крутость коуча, работающего на финансовый интерес», «Требуются зав. отделом логистики и мерчендайзер» (для слабограмотных в том же газетном объявлении пояснение: «зав. складом и грузчик») и пр. и пр. Здесь же непонятная административная должность, название которой, труднопроизносимое, народ упрощает: абдулмен. Словом, «я б в мерчендайзеры пошел, пусть эсмэи меня научат».

Опять же почему географическое название Средняя Азия напрочь в СМИ заменено Центральной Азией? Это ведь тоже смысловой американизм. Это для них бывшие советские союзные — центр Азии, то есть Центральная Азия. Для России же, ранее СССР, самой крупной азиатской страны, протяженной от Кавказа до Тихого океана, это *именно Средняя Азия!*

* Образ жизни и образ действия (лат.).

** Попутно заметим, что именно он оформил обложку своей стихотворной книги изображением черного квадрата, взяв за основу французский философско-мистический труд начала XVII века под названием «Черный квадрат»... А живописцы всегда были и есть «на подхвате...»

А всюду проникший, даже в школьные и вузовские методички, обезьяннический термин «дорожная карта», калька с американского. Сам читал в местной газетке: «Дорожная карта реализации муниципальной программы раздельного сбора бытового мусора...» А я помню когда, с чьей подачи штамп этот к нам попал: в начале 2000-х годов, когда закончилась очередная стычка Израиля с палестинцами, в наших утренних новостях диктор объявил: «...в подписанном перемирии содержится дорожная карта по разграничению территорий Израиля и Палестины». И далее пояснил для народа, что это аналогия с дорожной картой у американских автомобилистов; поскольку американцы слабы в географии (это уже мой комментарий), то это просто перечень населенных пунктов вдоль конкретной дороги. Поскольку это было на центральном радио России, то новый американизм вмиг разлетелся и был освящен к употреблению. Так что история языка на глазах творится!

Если в позапрошлом веке русские писатели вовсю иронизировали над «смесью французского с нижегородским», то нынешний *американо-нижегородский* победно шествует уже третий десяток лет. Официальное подтверждение тому недавнее сообщение в СМИ: только что в словарь Виноградова, а это академический свод, то есть закон для русского языка! — внесены 600 американизмов навроде «кешбэк», «коворкинг», «хайп» (я-то по наивности доселе полагал это гавкающее словечко американским матом?) и остальные 597 того же типа.

Значит, теперь уже «виноградовской» стала обычная лающая телерадиореклама: лайф! драйв! — и поперхнулся старый цепной пес, прохрипел: кееш-бээк вашу фейкину экономию на экваринге... И совершенно зашибительское: «Подледный дайвинг, а также кайзинг и джипинг — любимые зимние забавы россиян» (ТВ, зима 2020-го года). Вроде недавно опять еще триста таких же слов «овиноградили»? — но не гарантирую истинности: дикторша очень уж малограмотная попалась, слушал вполуха.

Сформулируем два базовых тезиса, которые, как объективно представляется, лежат в основе нынешнего повреждения русского языка: (а) все варианты такого повреждения директивно исходят... от СМИ в категории масс-медиа; (б) оптимистичное: несмотря на тридцатилетнюю «обработку» масс-медиа, народ наш, включая некоторые замкнутые социально-профессиональные группы, в целом и в массе своей практически не воспринял (!) и не перешел на «американо-нижегородский» сленг и на американские кальки в мышлении.

Некоторый негатив наблюдается в молодых поколениях, что не застали советского воспитания-обучения, но уже в полной мере оказались в сетях интернета-уманета. Согласно одному из опросов, 36 % людей в возрасте от 18 до 36 лет хотелось бы изменения норм русского языка по принципу «как слышится, так и пишется». То есть все тот же заец вместо зайца, упомянутый выше. И второй момент: для данной возрастной группы характерен в полной мере компьютерный солипсизм: если чего-то нет в компьютере, то оно и вовсе в природе не существует... Протестов против такого ущербного мышления в молодежной среде нет, иначе будешь белой вороной... хотя в последнее время и «затаскали» в ТВ-программах характерные слова Оноре де Бальзака, но вернее здесь не скажешь: «Там где все горбатые, стройность становится уродством». Еще жестче выразился по схожему поводу А. П. Чехов, что-де дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из ста нет ума...

Раскроем тезис (а). Сразу оговоримся, что полагаем эти рассуждения сугубо объективными (см. выше ссылку на наш двадцатитомник, где данные положения научно выверены), поскольку высказывает их профессиональный писатель, автор более тысячи публикаций, а одновременно и профессиональный же ученый-исследователь также с тысячью опубликованных работ. Это ведь тоже пресса, отчасти и масс-медийная. Опять же и выступлениями на радио не манкирую. Был бы субъективен, так в свой колодец-то плевать не принято?

...Когда Наполеон, человек большого ума, хотя бы сам плохо кончил, поименовал

прессу и вообще печать четвертой властью, то словно за два века в будущее смотрел. Русские цари, а потом генсеки тоже не рядового ума людьми были, тем более с такими своеобразными подданными: наивными и подозрительными одновременно. Поэтому-то как коронованные в соборе Кремля, так и избранные (или «избранные»?) на заседании Политбюро по-соседству, в здании на Старой площади, воли «четвертой власти» не давали — особенно генсеки, попросту сделав ее канцелярией по минимально-достаточному информированию народа. Именно поэтому к началу лихолетья девяностых годов народ наш и преемники кремлевской власти (тем более, что они и сами в ней состояли) пришли с генофенотипически выработанной уверенностью: что сказано по радио, показано по телевизору и напечатано в газете — есть истина в последней инстанции.

На Западе же, с его блестяще отработанной — от доктора Геббельса и штаб-квартиры ЦРУ — техникой информационной пропаганды, тотчас прибрали под свое крыло российскую масс-медиа, благо она сама, даже без обещания скромных опресноков, то есть долларов, радостно бросилась в омут либерализма: дескать, семьдесят лет терпели-мучались, дождались родненьких, слава ихнему богу, про которого и на баках написано: *«In God we trust»*, то есть в Бога мы верим! И помчалось в ритме холерического рейг-тайма и иных западных плясок.

А уроки американского начались строго с самых первых утренних телерадиоизвестий. Включаешь, заваривая чай для завтрака, кухонный динамик, оставшийся от советской обыденности, а там веселая дикторша задает урок на сегодняшний день: «...Одно из благ нашей молодой демократии — постепенное уменьшение фактов взаимного унижения полов в браке, или, как сейчас принято говорить: лайкинга и козлайкинга». И так изо дня в день на протяжении тридцати с лишком лет. Поскромничали «виноградовцы»: вместо полутора десятков тысяч всего-то шестьсот американских слов «обрусели»!

Но здесь сами масс-медийцы подкачали: слащаво-веселые дикторши иногда забывали (память девичья коротка!) ранее сказанные ими новорусские словечки, а ведь для закрепления в головах слушателей-зрителей, как и на школьных уроках, их надо произнести несколько раз (и доктор Геббельс это авторитетно заявлял). Вот почему из пятнадцати тысяч американизмов только шестьюстами обогатился великий (доселе) и могучий... Карамзин с княжной Дашковой и самой Екатериной Второй вовсе понурили бы головы: они-то едину буковку с парижан списали, а тут тысячами слов *американских* ворочают безродные всякие...

Как только ежедневное новое американское слово произнесено в утренних радионовостях, так к полудню-вечеру (не к вечерне!) оно перекечало уже в новостные и многочасовые «авторские» телерадиопередачи, в задумчивые беседы актеров, одетых «ведущими политологами». Через неделю и разного ранга чиновники, особенно чиновницы, всевозможных оттенков административные труженики в интервью этим словечком не преминут щегольнуть. Через месяц и в свежих выпусках бесконечных сериалов американская составляющая в диалогах «говорящих голов» тоже обогатится.

Сближение в Америкой, оруэлловским Старшим Братом, словом. Сразу вспомнилось из истории нашего переимчивого отечества. Когда «англичанка» решила создать Антанту, чтобы руками Франции и России приструнить своего экономического материкового конкурента — Германию, то начала опутывать Россию французскими займами из мощны Ротшильдов. Хотя Александр Третий Миротворец умен был, но не сразу сообразил что к чему приведет, морщась поддался на политику сближения с Францией. Поэтому и заказал Чайковскому балет на французский литературный сюжет. Так появилась «Спящая красавица»...

...Таким-то образом — мы уже не о Чайковском говорим — в считанные начальные девяностые годы и появился феномен американо-нижегородского языка. Пусть

славные нижегородцы не обижаются: это из девятнадцатого века тянется в подобных ситуациях. Казалось бы, смиришься, раз такая планида нам выпала в нынешнее время, ломай язык чужеземными словами... ан нет! Вспомните о тех трех ругательных словесах, что только и остались в народной речи от двухсотлетнего офранцуживания русских: с мирными и вольными нашествиями. Поэтому перейдем к оптимистическому.

Раскроем тезис (б). Говорю по личному опыту общения с людьми различных социальных, как сейчас казенно говорят, групп, а он-то, собственный опыт, редко обманывает. И круг общения достаточно широк по роду занятий: студенчество, университетские преподаватели и административный персонал, люди науки, образования, медицины, литературного творчества и пр. вплоть до рабочих, служащих, пенсионеров, дворовых мирных «алконавтов» и дворника,— узбека Кизима, то есть всех тех, с кем сталкиваешься в быту. И за все тридцать с лишним лет принудительной, массмедийной американизации, исключая студенческие, по малому еще их уму, «о`кей» и «вау», ни от кого, ни разу не слышал ни единого слова из тех шестисот, что внесли в словарь Виноградова, тем более из тех ~ 15000, что в утренних телерадионовостях подарили нашим ушам веселые дикторши и телеведущие. А если и употребляют иногда, то только с юмором с сарказмом в адрес «просветителей»: «Пока не сделаны уроки, забудь про виски «Джонни Уокер». Или в недавнюю пандемию: «Сегодня ты без антител, а завтра в НАТО захотел»; «Каждому кто привился, хотдог в подарок!»; «Бигчикен острый — только по кюар-коду»; «Лазанью Васька захотел, пошел и сделал ПЦР»... и так далее.

Вывод очевиден: с одной стороны, в русском человеке, обширно понимаемом, то есть который *думает* на русском языке, генофенотипически живет настроенность к чуждо звучащим для него словам, причем это вовсе не пресловутая «русская лень» — избегать умственных усилий, семантически осваивая новые слова, но именно *неприятие* всего чужеродного, что они несут в его традиционное мышление *по-русски*, хотя бы это мышление *исторически* включило, но уже считает *своими* сотни и тысячи слов древнегреческого и латинского корня; названий предметов и действий варяжских, татарско-тюркских; бытовых и научных немецких и французских (как бы мы не иронизировали над ними...). С другой же стороны, всякие нововведения в языковую норму — а это закон науки филологии! — приживаются в ней именно в историческое время. Если же за пару-тройку десятков лет, что историческим временем не является, в уши человека «влетает» не одна сотня-тысяча чужеродных слов, причем в язык (русский), который является самодостаточным, развитым, не уступающим по словарно-семантическому запасу и обиходу «языку-донару», то в сознании человека «языка-акцептора» интуитивно возникает ступор в части осознанного восприятия привносимых слов. Значит, «невакцинированным и неотолмаченным* вход строго воспрещен!»

...Чтобы не превращать литературно-публицистический очерк в суховатое филологическое исследование, вернемся к заявленной теме о повреждении русского языка, к натиску его американизации в последние три десятка лет. Опять же — для понятности — на характерных примерах. Возьмем четыре наиболее «въевшихся» в организм современного русского языка американизма: *бизнес*, *3Д* — <далее название предмета>, *контент* и *фейк*. Первое — наиболее *частотно* употребительное в массмедиа, в административно-управленческих и бюрократическо-чиновничьих кругах (не в личном, конечно, общении, но «для прессы»). Сам термин *business* в американском, вообще англоязычном его употреблении несет семантический смысл *наживы любым способом*. Поэтому обычно переводимое американское приветствие при

* От древнерусского толмачить — переводить; само это слово в русском (и в других славянских языках) является заимствованным из тюркского; по другим данным (см. словарь Фасмера) — из печенежского языка.

встречах: «Как ваши дела?»,— в оригинале есть: «Как ваш бизнес?» При этом вид бизнеса-наживы даже не обсуждается (вспомните из фильма «Брат-2» наивный вопрос героя Бодрова-младшего: «А что, им интересны мои дела?»). Нажива и только нажива. Отсюда в «лихие девяностые» расхожие уточнения: торговый бизнес, нарко-бизнес, бандитско-воровской, даже военный и церковный...

То есть смысл слова (в первоисточнике) сугубо неприемлем — по Христовой морали, которая и доселе еще жива в нашем народе. Именно поэтому, самодостаточно мыслящий — без телеящика — русский человек, слыша этот самый «бизнес» со всех экранов, трибун и пр., невольно и досадливо морщится. Тем более, что у этого чуждого слова в русском языке имеется — контекстно — до двух десятков семантических синонимов.

...Полный обезьянический идиотизм с пресловутым 3Д, которое, как горох из прорвавшегося небесного ящика, уже который год сыпится отовсюду на наши уши. Народ (см. тезис (б)) этого цифро-буквосочетания на дух не переносит, ибо грамотен и знает, что это есть американская аббревиатура слов *three dimensional* с переводом, яснее ясного, на русский язык: трехмерный, то есть объемный. Что за любовь к «трем дэ»? — Может что-то таинственное, сакральное чудится за ним? По мне так полная потеря смысловой составляющей мышления... 17D-водка оцифрованная безалкогольная.

Далее на очереди *контент* — с конкретным, не допускающим разночтение, русским переводом: *содержание*. И без перерыва в перечислении — словечко *фейк*, то есть вранье.

Владимирский централ — ветер северный.

Этапом из Твери — нас намерено.

Когда я банковал, жил размеренно,

Но не очко обычно губит,

А к одиннадцати туз!

Дожили-таки до времен, когда песни Михаила Круга (а они ведь вовсе не лишены вкуса и содержания?) в параллели с масс-медиа стали высокой языковой классикой!

Раз уж вспомнили о лагерной поэтике Миши Круга (пусть земля ему будет пухом!), то приведем в контексте ТВ-рекламу с предложением работать в УФСИН, то есть тюремном ведомстве: «Сотрудники силового блока и принудительного исполнения наказаний обеспечиваются конкурентным окладом содержания и дают возможность самореализации». Добавим шутейски: при отмене моратория на смертную казнь — самореализации «технического ликвидатора»... Мд-д-а, похоже не только американизацией делают из русского языка «словесный нужник». Одно «цифровое министерство» чего стоит? — это ведь снова калька с американского (на Украине — Министерство цифровых трансформаций).

...У яростного ненавистника советского социализма, а значит и вообще традиционного русского народа, Солженицына, «вермонтского отшельника», все же есть хорошее, меткое слово: подмахивать («Один день Ивана Денисовича»). И его действительность сказалась в повреждении русского языка в начале девяностых, когда, якобы «в уважении к бывшим союзным и пр.», забыв напрочь о филологической науке *ономастике* (исторически сложившихся именах собственных), в масс-медиа началось такое подмахиванье: Ашгабад, Алматы, Кыргызстан, Таллинн, Молдова (по-русски Молдавия) и даже Минск! (правда, всего год продержалось — снова вернули Минск).

Это все одно, как бы вдруг велено было масс-медиа Норвегию именовать Норге, Германию — Дойчландом, Францию — Франсе и пр. Со Швейцарией вышло бы затруднение, у нее три языковых самоназвания: Швитцерланд, Зюссе и Гельвеция. Вроде как в последние пять-десять лет вернулись к ономастической норме... за исключением Киргизии (!). С состраданием народ смотрит по телевизору на высоких

чиновников, что с напряжением выговаривают: Кыргызстан и (живущие в нем) кыргызы. Наверное, так надо.

...Кстати, в *pendant* на ученой латыни, вспомнил. Когда в первой половине 2010-х годов, то есть до «времен очаковских и покорения Крыма» (это не я — Грибоедов сказал, а сейчас столичные либералы подьелдыкивают...), у нас на медфакультете учились очаровательные юные хохлушки из Черниговской и Полтавской областей, то есть из самого сердца Малороссии, где говорят на языке Тараса Шевченко, а не на искусственном галицийском «украинском» языке, то они, наивные еще создания, с удивлением спрашивали: «А почему у вас в России так странно говорят: «Приехать в Украину» и «Уехать из Украины»? — «А у вас как говорят?» — «Как обычно: «Приехати на Украйну» и «Уихати с Украйны».

...Не буду же им объяснять, что как-то их президенту Ющенко, тому, что объевшись раками с салом, покрылся пятнами и обвинил российских агентов в отравлении, показалось обидным российское же «приехать на...» и «уехать с...». Он просто, не задумываясь, сказал это, но вот у нас явочным порядком СМИ, а за ними все госслужбы, с тех пор и поныне говорят «приехать в...» и «уехать из...». Словом,

*Жили-были я и он,
Подружились с похорон...*

— вроде как Саша Черный (или Велимир Хлебников?). Нет, скорее Андрей Белый.

...Вовсе не страшны языковые агрессии, даже столь мощные, скоординированные и направляемые, как нынешняя американизация: народ в массе своей как проглотил картавые словечки из телерадиопередач, так и выплюнул: тому свидетельства истории; см. выше. И если чиновник что-то по написанному тексту и промямлит на американо-нижегородском, а также учительница среднестарших лет, у которой берут интервью, пропустит пару-тройку «челенджей», «контентов» и «Толстой-уикэндгов», решив, что так надо для массового озвучивания, то народ пропустит это мимо ушей, понимая: положение обязывает. Тем более, Россия — с великокняжеских времен — страна не ровного движения в истории, но бурных или дежурных кампаний. Вот и нынешнее положение страны обязывает власти на кампании по очищению языка от американщины, что и видим на экранах ТВ. Конечно, до очередного переименования СПб в Петроград, как то имело место быть в 1812 и 1914 годах, не дойдет, но — все же остановит повреждение русского языка.

Но вот где пессимизм полный и неизбежный — это массовое оскудение мышления, а отсюда и полное обеднение русского языка, даже без иностранных словечек, до уровня суконно-цинковой казенщины. Увы, это следствие глобализации, которую, как ход эволюции, кампаниями и пристрожением масс-медиа не отменишь.

Ваш же покорный слуга, завершив очерк злободневной, для России — вечной с петровских времен, темы (а мысль изреченная есть ложь!), примет с устатку рюмку грузинского «асканели» и для успокоения растревоженной души посмотрит по телеканалу «Культура» шедевр мирового кино: «Маленький Будда» Берталуччи...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Наш постоянный автор.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

22. ИСТОРИЯ ДАНЫ

— Мне нужно пройтись. Иногда словно камень давит... вот здесь,— Дана ткнула себя кулаком в грудь, схватила теплую накидку и вышла из мастерской.

Я пошел следом. Не хотел ей мешать, просто шел на расстоянии. Она была пьяна, и я не хотел оставлять ее одну. Дана вышла из арки и направилась на внешку. Я ускорил шаг и ступил на платформу одновременно с ней.

Солнце давно уже село. На ясном небе светили крупные звезды. Весь небосвод был усеян россыпью драгоценных камней. Однажды в детстве я слышал историю. Дедушка рассказывал, что давно-давно, еще до строительства Эвкаифа, люди могли летать на звезды, путешествовать к другим мирам. Я слушал его заворуженно и всякий раз просил еще и еще рассказать об этом. Я верил деду, но мама и папа говорили, что все это сказки и мне не стоит терять на них время, потому как важнее всего хорошо учиться и выбрать хорошую профессию, чтобы устроиться в жизни.

Мы сидели рядом. Дана полусонно прикрыла глаза, склонив голову мне на плечо.

— Куда мы едем? — тихо спросил я.

— Хочу вдохнуть воздуха. Мне его не хватает. Знаешь, что самое ужасное в Башне? Там слишком чистый, стерильный и мертвый воздух.

Мы быстро выехали за пределы каскада. Квартал художников находился в самом конце. Сейчас освещалась только платформа с куполом. Она тянулась дугой далеко вперед и плавно скрывалась за поворотом. Мы вышли. Какое-то время шли по ровному настилу. Но он закончился, и я едва не скатился куда-то вниз, в глухую темноту ночи. Дана крепко схватила меня за руку и не дала упасть. Позади остался свет цивилизации, впереди лишь тьма, наполненная особыми звуками. Что-то шуршало, по-свистывало, ухало эхом, журчало. Тьма казалась живой. Дана глубоко и шумно вздохнула.

— Вот она, настоящая жизнь, Адан. Однажды я плюну на все и уйду сюда жить. Слеплю из глины хижину, очаг, и больше мне ничего не надо.

Наши ноги утопали в высокой сырой траве. Я вспомнил Верхнее плато, где встретил Тайру, но даже там трава была ниже. Здесь же она просто буйствовала. Я чувствовал, как листья касаются щек и лба. Пару раз что-то больно кольнуло. Какие-то насекомые, жужжа, кружили над головой. Я впервые оказался в Диком месте.

Глаза наконец привыкли к темноте. Я начал различать силуэты деревьев. Их черные стволы густым частоколом прорисовывались на фоне ночного неба. Вышла луна и осветила небольшую поляну. Мы заметили поваленное дерево. Дана обрадовалась и начала ломать ветки и складывать их в кучу.

— Останемся здесь на всю ночь. Давай помогай!

Я совершенно не понимал, для чего нужны ветки, но наломал много. Дерево было сухим, и ломались они довольно легко. Дана достала из кармана коробочку с огнем и, чиркнув, извлекла пламя. Поднесла к куче веток. Появился дымок, потом пламя. Оно быстро занялось, охватив сложенные конусом ветки. Нас обдало жаром. Я невольно отошел подальше.

Мне впервые в жизни довелось видеть так много живого огня. Я слышал, как учащенно бьется сердце в груди. Мне было тревожно и весело одновременно.

Дана скинула накидку, подняла руки к небу и принялась танцевать вокруг огня. Ее волосы рассыпались по спине, по обнаженной груди. Огонь освещал ее, и она сама казалась огнем. В этот момент Дана была прекрасна.

— Адан, вот она, жизнь! Настоящая жизнь! — радостно кричала она, прыгая вокруг огня.

Вскоре пламя приутихло, стало меньше. Мы нашли два толстых бревна у края поляны и с трудом приволокли их к огню. Уложили параллельно друг другу.

— Теперь на всю ночь хватит тепла и света, — сказала Дана.

Бревна медленно тлели, и огонь не спешил сжигать их. Я укутал Дану в накидку, усадил рядом и обнял.

— Откуда ты знаешь про огонь? — спросил я.

Она улыбнулась, посмотрела на меня. Сейчас я не узнавал ее. Никогда прежде я не видел в ее взгляде столько тепла и неприкрытой нежности. Обычно Дана «держала в узде» свой взгляд. Он был разный — то страстный, то грозный. Ее взгляд всегда был ее защитой и оружием. Сейчас же передо мной сидела нежная, любящая женщина. Смуглые щеки жарко горели, губы хранили спокойную полуулыбку.

— Ты похожа на святую, — не удержавшись, произнес я.

Я вспомнил один из визонов. Там была изображена женщина с ребенком на руках. Женщина сидела на огромной прозрачной капле воды. Вода сияла, и ее сияние окутывало и фигуру женщины, и лицо ребенка. Изображение было таким потертым и старым, что детали различить было невозможно. Черты ребенка почти стерлись, но глаза женщины были хорошо видны. И взгляд их был похож на взгляд сегодняшней Даны.

Дана слегка коснулась моих губ пальцами, словно говоря мне — молчи, не продолжай. Я поцеловал ее пальцы, обнял покрепче и укутал плотнее.

— Это костер, — сказала она. — Я с детства привыкла сидеть у костра. Еще у мамы на руках сидела, а костер помню.

— Ты помнишь свою маму? — несколько удивившись, спросил я.

— Я помню все...

— Рами рассказал мне твою историю.

— Рами ничего обо мне не знает. Здесь никто ничего обо мне не знает.

Дана какое-то время молчала, глядя на пламя. В ее взгляде оживало прошлое.

— Я родилась на земле. На настоящей земле, у основания Эвкаифа. Моя мать из народа арданов, но наши предки — настоящие арды. Они были гиганты. И выстрои-

ли свой город на Первом ярусе в такие далекие времена, что и представить трудно. Однажды совсем малышкой я побывала в этом городе. И мне было и страшно, и радостно одновременно. Именно там я почувствовала гордость за наш род... А отец был вершником. Я прекрасно помню отца и мать, свой народ, родных, соседей. Мы жили в глиняной хижине. Наше селение располагалось в полудне пути от основания Конуса. Мы никогда не называли его Эвкаифом. Конус. Холодный и безжалостный, прячущий полнеба. Поэтому мы жгли костры по ночам и согревались.

Мой отец не жил с нами. Он приезжал в месяц раза два, не больше. Он любил маму. Она была красива. Впрочем, как и все женщины — предки ардов. Женщины высокие и сильные, полные телом, с чертами богов на лицах. Святых — как ты их называешь. Мужчины уступают и в красоте, и в силе. Видимо поэтому, когда мать, будучи девчонкой, встретила моего отца, она не смогла устоять. Он был высок и красив. Мое появление на свет для отца стало проблемой. Мать всякий раз просила его, чтобы он увез меня к себе наверх. На Конусе жизнь несравненно лучше. Что могло меня ожидать там, внизу? Холод зимой, безумная жара летом, бедность, множество голодных детей. Мать не хотела для меня такой участи. Всякий раз они ссорились из-за меня. Она просила слезно и упрямо. И однажды уломала его. Мне шел шестой год. Мать обняла меня на прощанье. Рыдала. Ей было больно расставаться со мной. Знала, что мы уже никогда не увидимся. Но мое будущее...

Сначала мы ехали с отцом на ламе. По нашей пустыне иначе не проедешь. А когда приблизились к Конусу, пересели во что-то, напугавшее меня. Неживое, твердое и самодвижущееся. Это не похоже на платформу. Я с тех пор не встречала подобного. Некая железная змея. Она скрипела, грохотала, гудела и быстро двигалась в темный туннель, ведущий в Конус. В туннеле сначала было темно, потом показался свет. Он ослепил меня. Когда я привыкла, то увидела, что свет исходит отовсюду. Светились стены, потолок, пол. Мы ехали в этой светящейся трубе очень долго. Отец все время молчал. Вообще я не помню, чтобы он когда-нибудь что-то сам рассказывал. Я, будучи ребенком, по-детски наивно задавала кучу вопросов. Он отвечал односложно и словно нехотя. Это сейчас я понимаю, что была для него одной большой и неудобной проблемой. Ему нужна была моя мать, ее тело, а я появилась неожиданной. Но тогда я этого ничего не знала. Я цеплялась за его руку и искала в нем защиты.

Проехав туннель, мы оказались в огромном помещении. Тут было много людей. Все они были одеты в светокостюмы. Они не шли, а словно парили над полом. Голова моя шла кругом. Я вцепилась в руку отца, прикрыла глаза и семеняла за ним. Наконец мы вошли во что-то узкое и круглое. Здесь не так слепило. И здесь мы оказались одни. Я немного успокоилась. Отец усадил меня в мягкое кресло, сел рядом. Проход в эту комнату затуманился и словно затянулся светящейся стеной. Замелькали какие-то огоньки. Один, два, три... десять. Они мелькали все быстрее и быстрее. Снизу вверх. Я завороченно глядела на эту игру, пока они не превратились в сплошную линию.

— Что это? — спросила я.

— Наша скорость, — ответил отец.

Я взглянула на него и увидела, как он напряжен. Я поняла, что он нервничал и был растерян. Только став взрослой, я начала понимать его поведение.

Мы долго сидели в этой вертикальной комнатке. Я утомилась.

— Я хочу выйти, — попросила я.

— Мы еще не приехали.

— А где мы?

— В лифте.

— Что такое лифт?

— Труба, которая поднимает нас вверх.

Потом я заснула. Сначала хотела прижаться к отцу и устроиться у него на коле-

нях, но он даже не расслабил рук. Я свернулась калачиком на кресле. Потом отец разбудил меня. Его лицо было бледным и потным, хотя было прохладно.

— Ты уже выросла, Дана,— произнес он,— и теперь ты сможешь жить сама. Без мамы и папы. Здесь все так живут. Ты можешь выбрать любое место, которое тебе понравится, и жить там.

Панель лифта растворилась, выпустив нас в огромный пустой зал. И тут мы снова пересели в длинную светящуюся змею. Но теперь она не издавала никаких звуков и ехала плавно. Змея везла нас куда-то, далеко и долго. Наконец отец взял меня на руки, вышел. Впереди была дверь. Коснувшись панели, он открыл ее. Внес меня в темное помещение, поставил на пол и вышел обратно. Пока панель опускалась за ним, он сказал:

— Досчитай до трех и дерни вон ту ручку.

Я осталась одна. Темно и холодно. Мне было страшно. Я нащупала грубую, большую ручку и, забыв досчитать до трех, стала дергать ее изо всех сил. Я плакала. Мне хотелось света. Наконец ручка поддалась, дверь заскрипела, и я вывалилась куда-то в песок. Жаркий. Его жар немного успокоил меня. Все мертвое, неживое, что окружало меня в последние часы, пугало. А песок был живой. Он обжигал мои мокрые щеки, а я жалась к нему. Дверь тяжело закрылась за мной. Наконец я подняла голову. И увидела зеленые листья, ветви, стволы. Много зелени, что росла прямо из песка. В мои легкие ворвался свежий воздух. Незнакомые запахи не пугали. Столько зелени мне еще не доводилось видеть. Наши селения обычно находились в оазисах с колодцами по центру, вокруг же была пустыня. А здесь оазис не кончался. Я поднялась на ноги. За спиной холодный зеркальный Конус, впереди деревья и трава по пояс. Обратный путь был отрезан для меня.

Потом я несколько дней блуждала в лесу. Какие-то ягоды собирала, пила из родников, спала в траве. А однажды вечером, увидев огонь, вышла к внешке. Я не знала, что это. Но я видела людей. На них не было светокостюмов, наверное, поэтому меня потянуло к ним. Я села на платформу, а вышла в квартале художников. Там было много детей. Я пошла к ним, и они не прогнали меня. Наоборот, привели в арку. Взрослые накормили, отмыли и оставили у себя. С тех пор я и стала жить здесь, на Третьем ярусе.

23. БЕГ В ТЕМНОТЕ

Теперь я знал точно — лифт существует. Судя по описанию Даны, это была серьезная система сообщения между ярусами. Теперь мне стало ясно, как я оказался на Третьем ярусе, почему очнулся на Верхнем плато. Входы спрятаны от обычных людей среди джунглей, в Диких местах и на Верхних плато.

Но все эти знания теперь мне были ни к чему. Я не собирался покидать Третий ярус. Только здесь я почувствовал, что живу по-настоящему. У меня не было благ цивилизованного мира. Но если подумать и все взвесить — нужны ли они? Что у меня было там, наверху? Личная молекула, жена с ее вечными запросами, работа, сделавшая меня невротиком, страх перед тем, что я не смогу выполнять свои обязанности, навязанные мне обществом.

А ведь на Четвертом многие, да почти все, держатся принятой системы. Гонят в ногу со временем, боясь оступиться и выпасть из обоймы, оказаться на обочине жизни. Для них потеря работы сродни самоубийству. Ну, а я, в общем-то, и совершил это самое самоубийство, причем добровольно. И оказался даже не на обочине. Я буквально был сброшен вниз той системой, которая отлажена до мелочей и работает безупречно, не задавая вопросов и не давая шансов несчастному.

И теперь я каждый день благодарил судьбу за это. Парадокс. Потеряв все, я обрел жизнь, и счастье, и любовь. Дана была со мной. И после той ночи у костра она больше не «расставляла» нас...

Она уехала на рынок еще утром, за кистями и лаком. Мы с Рами уже закончили работу, и я начал беспокоиться. Вот уже неделю мы были по-настоящему близки. Ни мне, ни ей теперь не надо было скрывать свои чувства. Мы просто любили друг друга, наслаждаясь каждым мгном. Теперь только повседневные дела «расставляли» нас, мы же все больше и больше тянулись друг к другу. Дана изменилась. Словно скинула с себя невидимые шипы. Вчера, прижавшись ко мне в постели, она прошептала, что счастлива. Меня прошила волна, заколотилось сердце. Теперь я знал, что любовь существует.

Я пытался связаться с ней, но она не отвечала. Позвонил Фадо. Тот же результат. Скоро сядет солнце. Мне стало тревожно. Наконец уфон, который все это время я не выпускал из рук, засветился. Звонок от Даны. Но я услышал незнакомый женский голос.

— Адан, приезжай на Верхнее плато!

— Кто это?

— Ивея,— голос ее дрожал, кажется, она всхлипывала.

— Что случилось? — крикнул я.— Дана?

— Приезжай скорее. Иди по центральной аллее. Первый поворот налево.

Я уже бежал на платформу. Сердце грохотало внутри. Редкие пассажиры шаркались от меня. Вскоре я был у лифта. Вскочил в него. Как медленно он поднимался! Только здесь, вынужденный стоять и ждать, я смог как следует подумать. Что могло произойти? Игроки? Судя по голосу Ивеи — да.

— «Береги ее, береги ее, береги...» — умолял я тихим, напряженным голосом кого-то неведомого.

Я не знал, к кому я обращаюсь, кого я сейчас просил беречь Дану. Но я повторял и повторял, пока двери лифта наконец не раскрылись. Вечерняя прохлада коснулась меня, солнце уже село, и черные силуэты деревьев проступили на фоне темно-синего неба. Я помчался по центральной аллее, свернул налево и увидел...

Они лежали вместе. Дана распростершись на земле, Фадо накрыл ее собой. Его руки охватили ее голову, словно пытались укрыть от невидимого удара. Рядом на коленях сидела Ивея. Она шаталась, как маятник. Вперед, назад, подняв голову к небу, глядя Фадо по спине. Подбежав, я увидел, как в свете взошедшей луны блестит черная лужа крови, растекающаяся под Даной. Ивея словно не видела меня. Ее взгляд блуждал где-то далеко. Я бросился на колени, схватил Фадо за плечи и с трудом перевернул, отодвинув от Даны. Его голова безвольно откинулась. Лица не было. На месте его глаз, носа, рта зияла огромная кровавая рана. У меня перехватило дыхание. Я кинулся к Дане, затряс за плечи, что-то прокричал. Ивея обняла меня, стала отталкивать. Она рыдала, я, кажется, кричал. Мы вели себя совершенно безумно. Мне казалось, что мой мозг вот-вот взорвется. Я различил слова Ивеи:

— Молчи! Молчи! Тише! Эта штука реагирует на звук.

Ивея просила, чтобы я вел себя тише, но при этом она кричала. Обоих накрыла волна шока. Я услышал какой-то писк. Пульсацию на высокой ноте. Звук приближался. Ивея схватила меня за руку и что было силы потянула за собой.

— Бежим! — безумным голосом прокричала она.

И мы побежали. Звук настигал нас. С дерева срезало толстую ветку, она грохнулась позади. Больно резануло плечо. Рядом с ухом что-то просвистело. Мы неслись в темноте сквозь кусты, не различая дороги, спотыкаясь и падая. Ивея не отпускала мою руку, она больно сжимала мои пальцы. Я слышал ее тяжелое, надрывное дыхание и всхлипы. Снова свист над самой головой. Раскаленная игла, задев голову, срезала клочок волос. Я почувствовал горячую струйку на лбу. Правый глаз заплаыл, заструилось по щеке.

— Быстрее! — истошно кричала Ивея.

Мы приближались к зеркальной стене Конуса. В ней мирно отражались деревья,

звезды и луна. Ивея отпустила мою руку, подбежала вплотную к стене, раздвинула кусты, на что-то нажала. Я увидел, как раздвигается какая-то панель, расширяя зияющий чернотой проход. Вбегая в него, я заметил в зеркальной стене, как за нами летит «стрела», мигая огоньками на гранях. Из нее вырвался свет. Вновь совсем рядом раздался резкий посвист, кусок зеркальной поверхности треснул, но не раскололся. Панель за нами медленно, но верно опускалась вниз. Наконец мы остались в крошечной темноте.

24. РАЗГОВОР В ТЕМНОТЕ

Мы сидели на голом полу, едва различая друг друга, слыша лишь наше дыхание. Ивея сидела близко, и я почувствовал, как она снова стала шататься из стороны в сторону маятником, обхватив поджатые к подбородку колени. Какое-то время в голове было пусто, ни одной мысли. Но постепенно осознание произошедшего ворвалось в меня. Дана и Фадо погибли. Они мертвы, их больше нет. Моя Дана! Почему меня не было рядом?! Как такое могло произойти? Я расслабился, я был весь поглощен своей любовью к ней и забыл об опасности. Ведь я должен был защищать ее! Зачем я отпустил ее одну? Все эти мысли нещадно взрывались в моей голове, причиняя невероятную боль. Я охватил голову руками, правый висок в чем-то липком и теплом. Кровь? Кажется, я застонал, меня замутило, повело куда-то в сторону...

Очнувшись, различил над собой низкий потолок, темно-серые голые стены. Какой-то источник света бил в глаза, стоило повернуть голову. Я невольно прикрыл лицо рукой, приподнялся на локте. Голова вновь закружилась, я переждал и сел, прислонившись спиной к стене. Рядом сидела Ивея. На полу у ее ног лежал светящийся шар. Тот самый, которым она освещала себе путь в подьезде. Я огляделся. Маленькое квадратное помещение, в котором не было даже намека на дверь. Я помнил, как мы вбежали в темный проход, как за нами медленно опустилась тяжелая панель, но с какой это было стороны, сказать не мог.

— Где мы? — спросил я.

— Внутри Конуса, — слабым, тихим голосом ответила Ивея.

— Отсюда можно выйти?

— Да.

— Я должен увидеть Дану.

— Она мертва. И Фадо... Мы ничем им уже не поможем, — медленно сказала Ивея.

— Я должен увидеть ее.

— Эта штука, что летела за нами, тут же сделает из тебя решето. Если хочешь, иди. Я открою.

Ивея не смотрела на меня. Она находилась в какой-то прострации. Мне стало ее жаль. Она сидела, положив голову на согнутые колени, обхватив себя руками. Такая маленькая, хрупкая. Я подвинулся в ней ближе, попытался обнять. Но напряжение ее не спадало. Ее трясло мелкой дрожью.

— Ивея, посмотри на меня.

Она не реагировала. Я взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Попытался поймать глазами взгляд. Наконец она взглянула.

— Фадо любил меня, — тихо произнесла она, — а я...

Она помолчала, задумавшись, и вдруг начала рассказывать.

— Мы сидели у Фадо в мастерской. Я часто заходила к нему. Его это радовало, и он стал называть меня сестренкой. И мы шутили, что отныне мы брат и сестра. И меня это успокоило. А вчера... или сегодня?... я потеряла счет времени. Я не помню...

Лицо Ивеи искажилось, из глаз потекли тяжелые, крупные слезы. Голос ее дрогнул.

— Я пошла ставить чашки в печь для обжига, — продолжила она, вытерев лицо ру-

кавом кофты,— и услышала, как пришла Дана. Я услышала их разговор. Они шептались. Видимо, не хотели, чтобы я знала. Дана сказала, что игроки ее вычислили и идут «по следу». Тогда Фадо сказал, что их надо заманить на Верхнее плато и там уже разбираться, иначе могут пострадать другие. Я вышла, и они тут же замолчали. Фадо попросил меня сбегать к Тайре: якобы та приготовила для него козий подшерсток для кистей. Я вышла из мастерской и тут же увидела игроков. Они никогда не прячутся. Шли как хозяева жизни. Люди сторонились, опускали головы, лишь бы не попасться им на глаза. Я едва успела спрятаться в соседнем магазинчике, как Фадо и Дана вышли и быстрым шагом пошли к лифту. Игроки последовали за ними. Мне пришлось ждать, пока лифт поднимет сначала Фадо и Дану, потом игроков. Поднявшись на плато, я стала искать их. Услышала смех, отвратительный, гадкий. Игроков было трое. Я увидела, как они обступили Дану и били ее светохлыстами. Все ее тело было в крови. Она стояла на коленях с распущенными волосами и зло смеялась им в лицо. И кричала:

— Пустые, никчемные бабы! Вы ни на что не способны! Даже изнасиловать по настоящему.

Я увидела Фадо. Он лежал без сознания. Я подбежала к нему. Все лицо в крови, но он был еще жив. Он очнулся. Увидел меня.

— Уходи! Пока они не заметили тебя, прошу, уходи!

Он поднялся, потянул меня за деревья. И тут прилетела эта «стрела». Игроки увидели ее и еще громче засмеялись.

— Смотрите, она сейчас начнет палить во все стороны. Нам конец! — закричал один из них. Он хохотал как безумный, словно ему было плевать на свою жизнь.

«Стрела» повернула в его сторону и пальнула. Он стоял еще несколько секунд без головы, потом рухнул. Двое продолжали смеяться и стали хлестать «стрелу». Она быстро расправилась и с ними. Дана продолжала стоять на коленях, она только тихо произнесла:

— Придурки!

И эта штука повернула к ней. Фадо вскочил, кинулся к Дана. Он едва успел накрыть ее собой, как «стрела» пальнула вновь.

Я не знаю, почему она не заметила меня. Что во мне не так?! Я вскочила, кричала на нее, хотела, чтобы она убила меня. Кидала в нее камни. Но она равнодушно висела, мигая огоньками. А потом и вовсе улетела. Потом я позвонила тебе...

Ивея спала, свернувшись клубочком подле меня. Сегодня утром я решил постирать свою рубашу. Пришлось переодеться в жак. Но сейчас я был рад этому. Настроив на «холод», скомкал и положил между нами. Вскоре стало тепло.

Мне снилась Дана. Живая. Я чувствовал ее объятие. Рука ее казалась такой тяжелой на моем плече. Хотелось убраться, но я не делал этого. Я вдруг понял, что мы висим над пропастью, неизвестно каким образом цепляясь за край яруса. Я видел, как ровная вертикальная стена скрывается далеко внизу, за облаками, и края не видно. Рука Даны стала слабеть, я попытался ухватить ее крепче, но моя рука вдруг сделалась безвольной и не слушалась меня. Я силился сжать ладонь и не мог. И Дана сорвалась и падала, падала... Я еще долго видел ее. Я закричал, проснулся. Проснулась и Ивея.

— Фадо сказал, ты отключен от системы. Вернее... говорил,— поправила она себя.

— Да.

— Но «стрела» продолжала «видеть» тебя. Значит, отключен не полностью. При желании тебя быстро вычислят.

— А почему она «не видела» тебя? — спросил я.

— Не знаю. Но начинаю подозревать.

Ивея встала, протянула мне руку.

— Пожалуйста, не спрашивай пока ни о чем. Когда-нибудь расскажу. Не сейчас. Идем.

Я поднялся, перенастроил жак на нормальную температуру и поспешил за Ивеей. Она уже стояла у выхода. Панель медленно, с легкой эфирной пульсацией сдвигалась в сторону. Меня это несколько озадачило. Я помнил, когда мы вбегали в Конус, она шла вверх. Но меня ждала еще одна неожиданность. Сначала ослепил свет, и я подумал, что это солнце. Но выйдя и привыкнув к свету, увидел огромный зал, стены и потолок которого, испуская свет, терялись вдали. Зал был пуст. Наши шаги дробились эхом. Впереди виднелась ярко освещенная большая труба, змеей исчезающая в туннеле. Мы подошли к ней. Ивея коснулась какой-то панели, часть трубы словно растворилась перед нами, как облако. Ивея потянула меня за собой внутрь. Войдя, мы оказались на движущейся платформе, только с сиденьями. Проход за нами затянуло светом, и я почувствовал, как мы набираем скорость.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гипополам Лупус Растущие горы

1. ПУТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Теперь я убедился окончательно в существовании лифта, связывавшего весь Эв-каиф. Грандиозность этого сооружения не умещалась в моем сознании. Кто мог создать подобное и когда? И почему об этом ходят лишь слухи? И откуда об этом лифте известно Ивее?

Я взглянул на нее украдкой. Бледная, уставшая, она сидела, откинув голову на высокую спинку кресла. Напряжение ее не оставило. Худыми пальцами она теребила подол вязаной кофты. Яркой синей, с яркими цветными узорами. Я вспомнил, как ее вязала Тайра сидя на ковре в гостиной. Мысленно увидел маленького Ами, радостно бегающего вокруг стола. Тепло и уют, ароматы кухни... Вспомнил свою рубаху с цветным поясом. Она осталась в мастерской Даны. Теперь там пусто. Лишь тепло наших тел на подушках, может, еще не остыло до конца. Аромат тахи, голоса детей, играющих на площади...

Как справиться с этой болью? Если бы я мог себе позволить, я бы кричал. Может, с криком вышла бы боль, которая терзала меня? Во мне, внутри меня затаился крик. И я сдерживал его. Мне надо переключиться на что-то другое, иначе я не выдержу. Та дверь, которая закрылась за нами, закрыла и тот мир. Его больше не будет. И меня там больше не будет.

— Ивея?

Она нехотя раскрыла глаза. Сухие и воспаленные. Я видел, что ей сейчас так же плохо, как и мне.

— Скажи хотя бы, куда мы едем?

— Я еще не решила, — слабым голосом ответила она.

— Кто ты? Откуда тебе известно про лифт?

Ивея вновь закрыла глаза и отвернулась. Она молчала какое-то время, потом тихо произнесла:

— Прости, Адан, пока я не знаю, должна ли тебе говорить.

Светящаяся труба куда-то везла нас. Что там впереди, я не знал. И не узнаю, пока не увижу. Оставалось только довериться движению. Дико болела голова, и я, прикрыв глаза, попытался заснуть.

2. ИСКУССТВЕННЫЕ ГОРЫ

Видимо, я действительно уснул. Почувствовал, как кто-то трясет меня за плечо. С трудом раскрыл глаза. Надо мной стояла Ивея.

— Идем. Я решила, куда нам надо.

Я поднялся с кресла и тут же рухнул обратно. Резкая боль и головокружение заставили вспомнить о ране на виске. Ивея помогла подняться. Я собрал все силы и вышел из трубы.

Снова огромный зал и снова ни одной души, кроме нас. В центре возвышался матово-синий цилиндр, диаметром приблизительно метров сто. Мы направились к нему. Мне не становилось лучше, мутило, и я едва сдерживал рвотные позывы. Хотелось остановиться, лечь прямо на пол и ни о чем не думать. Но Ивея, такая маленькая и хрупкая, не давала мне упасть и упрямо вела вперед.

Подойдя к цилиндру, мы вошли в какую-то активную зону. Матовые стены, словно почувствовав нас, ожили и наполнились светом. Ивея что-то набрала на панели. Я услышал уже знакомую пульсацию, и перед нами рассеялся свет, образуя арочный проход внутрь цилиндра. Мы вошли в узкую кабинку с сиденьями. Арка затянута, будто солнечное сияние, рассеивающееся в облаке. Я почувствовал легкую вибрацию. Увидел огоньки на стене. Они мелькали один за другим, потом превратились в сплошную светящуюся линию. Я вспомнил рассказ Даны. Тогда ее отец сказал ей: «Это наша скорость». И только сейчас я понял, как она велика. Я откинул голову и попытался справиться с тошнотой. Интересно, куда мы движемся — вверх или вниз? Это последнее, о чем я подумал. Сознание мое отключилось. Сколько времени прошло, я не знал. Очнулся только, когда Ивея уже била меня по щекам. Я увидел ее огромные испуганные темно-зеленые глаза.

— Адап, еще немного. Идем.

Я встал и послушно вышел за Ивеей. Вновь зал. Не меньше того, предыдущего. Змеевидная труба испускала такой же холодный свет. Мы вошли в трубу. Сели. Поехали. Ивея коснулась подлокотника кресла. Открылась ниша с небольшими отделениями. Она достала оттуда две маленькие светящиеся коробочки.

— Это поможет справиться с перепадом давления,— сказала она, извлекая из коробочек нечто едва различимое, прозрачное, мизерное, уместившееся на подушечке пальца. Ивея поднесла это к моим ноздрям и ушным раковинам. Нечто внедрилось в меня, заставив содрогнуться от чужеродного вмешательства. И тут я почувствовал, что не могу дышать и оглох. Я замотал головой.

— Вдохни сильнее,— едва расслышал я.

Ничего не оставалось делать. Пришлось вдохнуть. Нечто вошло в носоглотку, и я наконец смог вздохнуть. Судорожно, словно наглотался воды. Но слышал по-прежнему плохо.

— Подожди минутку. Сейчас все восстановится,— успокоила она.

И действительно, я вновь смог нормально слышать. И тут же почувствовал, как отступила тошнота, прекратилось головокружение. Мне стало не просто лучше, я почувствовал бодрость и прилив сил и энергии. Ивея улыбнулась мне. На ее бледных щеках наконец заиграл румянец.

Прошло совсем немного времени, и мы снова вышли. Вскоре мы стояли в маленьком помещении, похожем на то, где прятались от «стрель». Панель тихо опустилась. Здесь тускло светились стены. Что-то заскрипело, тяжело и медленно поднимался прямоугольный блок. Показался луч света. Он становился все ярче, шире. Сверху сыпались мелкие камни и, шурша, падали у ног. Раскрывался внешний проход Конуса. Наконец мы вышли наружу. В легкие ворвался свежий воздух. Луч света оказался светом луны. Его отражение на зеркальной поверхности Конуса светило нам в спины. Перед моим взором предстал странный, невиданный раньше ландшафт. Темные силуэты причудливых пиков вздымались повсюду, словно гигантские кривые иглы. Сначала мне показалось, что это какие-то необыкновенные деревья, но, присмотревшись, я понял — это камни. Странные арки, лабиринты и башни, отбрасывающая двойные тени, тянулись далеко за горизонт. Некоторые тонкие пики, похожие

на ветви деревьев, невероятным образом удерживали на себе огромные плоские валуны. Как они не падали, оставалось загадкой.

— Что это? — невольно спросил я.

— Гипополам Лупус. Страна искусственных гор, — ответила Ивея.

Мы прошагали около часа. Я послушно следовал за Ивеей, решив полностью довериться этой хрупкой девушке. Раз она знает название этой страны, значит, была здесь, решил я. Успокоился и просто шел по каменистым тропкам, между причудливыми скульптурами, созданными...

— Почему искусственных? — вспомнил я.

— Их выращивают. Вот уже много веков здесь живет народ, ведущий необычный для цивилизованного человека образ жизни. Они называют себя мана, что переводится как... — Ивея задумалась, — сложно сказать одним словом. Мана — это люди, которые наблюдают, обладают истинным знанием и не вмешиваются в ход судьбы.

— Мы идем в их город? Или у них каскады?

— Мана не живут в городах. Вернее, есть и город, но там уже давно живут лишь потомки настоящих мана. Настоящие мана... их можно встретить повсюду. Не удивлюсь, если мы уже прошли мимо каких-нибудь неприметных жилищ.

— Я не заметил ни одного дома.

— Они выращивают свои дома из камня. Так же, как и горы.

Мы все еще продолжали идти, то поднимаясь на скользкие валуны, то перепрыгивая узкие, но глубокие трещины. Ивея всякий раз вовремя замечала препятствия, и я ни разу не споткнулся.

Неожиданно подул сильный ветер, Луна и ее отражение скрылись за черными тучами. Сделалось так темно, что я невольно остановился. Ивея достала светящийся шар. Он тускло озарился на несколько минут и потух.

Ивея взяла меня за руку и потянула за собой. Мы продвигались осторожно. Другой рукой я то и дело наткнулся на выступающие отростки каменных ветвей.

— Пригни голову, — сказала она, и вовремя. Я едва не стукнулся лбом о шершавую глыбу.

— Переждем здесь до утра, — произнесла она.

Наклонившись, я вошел куда-то. В полный рост стоять было невозможно. Руки упирались в неровности камня. Я присел на корточки, Ивея примостилась рядом. Здесь было холодно, но, по крайней мере, ветер больше не донимал нас. Жак, настроенный на «холод», быстро обогрел и нас, и каменную нишу, приютившую уставших путников.

3. В ПОИСКАХ ТРОПЫ

Рано утром я проснулся от сильного чувства голода. В последний раз я подобное испытывал, когда встретил Тайру.

Интересно, сколько прошло времени? День, два? Я не мог определить. Путешествуя в лифте, я потерял чувство времени.

Ивея еще спала. Сидя, прислонившись к стене, охватив плечи руками и спрятав в них голову. Жак хорошо обогревал все кругом. Пригнувшись, я вышел наружу. Сумерки медленно, но верно таяли. Рассветное солнце вставало из-за далеких гор. Тех самых, которые так влекли меня. Вершины окрасились бледно-розовым, и вдруг произошло тихое чудо. Темные ломаные силуэты каменных ветвей, среди которых я стоял, в одно мгновение преобразились и наполнились цветом и светом. Заиграли двойные тени, засияли блики. Все это причудливое великолепие вместе с чистым, ясным небом отражалось в зеркальной поверхности Конуса, и это расширяло пространство, хоть и обманчиво, но делая его шире, глубже и величественнее. Я видел два солнца, и я стоял в каменной долине, словно попал в сказочную страну.

Мне вспомнились детские сказки. Моя бабушка была большой выдумщицей и всегда придумывала для меня сказки. Я часто просил рассказать о тех далеких бледно-голубых пиках. И она, чуть задумавшись, вводила меня в сказочную страну горных вершин. И теперь невероятным образом я вдруг оказался в сказках своего детства.

Вчера Ивея сказала, что это искусственные горы, что народ, живущий здесь, выращивает их сам. Хотелось бы мне увидеть, как это делается. За то время, пока я жил среди художников, я видел немало скульпторов. Наблюдал, как они работают с глиной или камнем. И сейчас мне казалось, что я имею некое представление о процессе. Судя по тому, что я уже увидел, здесь жили настоящие художники. Они знали, как передать красоту.

Я бродил среди арок, подвесных каменных садов, впереди виднелся невероятный, фантастический лес. Изящные тонкие стволы, плавно изогнувшись в едином ритме, стремились к небу, увенчанные ажурной кроной. Как все это могло держаться? Пройдя немного, я присел на корточки и вдруг понял, что сижу на тропе, а по бокам ее не просто заостренные камни. Приглядевшись, я различил целую поляну травы и цветов. И все это из камня! И утреннее солнце щедро дарило краски всему этому великолепию. На одном из цветков сидел жук. Его тончайшие усики заканчивались булавочными наконечниками, а бархатные крылышки были едва приподняты, словно он вот-вот взлетит. Два глаза переливались на солнце. Жук тоже был из камня.

Сзади подошла Ивея, присела рядом. Мы сидели какое-то время молча, разглядывая и заворуженно улыбаясь.

— Всякий раз вижу что-то новое, — сказала она, легко касаясь жука пальцем.

— Значит, ты была здесь и раньше? — спросил я удивленно.

— Именно здесь я впервые. Обычно я выходила через Южную дверь. Но туда долго добираться. Я хотела скорее вывести тебя на воздух.

Ивея встала и пошла вперед по тропе. Я вспомнил о жаке, быстро сбегал за ним в пещеру и догнал Ивею.

— А сейчас куда мы идем?

— Надо найти *тропу жизни*, тогда у нас будет еда.

— Ивея, — я взял ее за руку, остановил, — почему ты не расскажешь все? Пойми, с тех пор, как я оказался на Третьем ярусе, я постоянно сталкиваюсь с неизвестностью. Вечные вопросы! Я и там всем надоел. Но... мне сложно идти вслепую.

Ивея улыбнулась, вздохнула.

— Адап, я расскажу. Обязательно. Я уже поняла, что тебе могу рассказать все. Только давай сначала найдем тропу. Это важнее сейчас. Нам нужна еда и укрытие на ночь. Здесь холодные ночи.

— Ну, расскажи хотя бы про эту самую «тропу».

Мы вновь двинулись вперед. Каменная дорожка петляла среди игольчатых отростков. И сойти с нее в сторону было невозможно. Некоторые места казались дикими и пугали своим видом. Щетинистые пики норовили разорвать одежду или впиться в руку или, еще хуже, в лицо. Я успел оцарапаться и распороть рукав. И теперь старался идти осторожнее.

— Тропы жизни мана устраивают повсюду. Вот только найти их непросто. Вернее, каждый мана с легкостью определит тропу. И, оказавшись вдали от дома, быстро отыщет ее. А вот мне пока это дается с трудом. Дядя с детства учил чувствовать ее.

— Дядя?

— Да, здесь живет мой дядя, и я здесь часто бывала в детстве, — ответила Ивея.

— А как можно чувствовать тропу?

— Это сложно объяснить, — Ивея задумалась.

Я остановился, перевел дыхание. Боль в виске вновь напомнила о ране. Я коснулся ее рукой и почувствовал, какая она горячая. Догнал Ивею.

— Когда я попала на Третий ярус, устроилась на виноградники. Там всегда требуются работники. Был там один старичок. Такой древний, согбенный. А все про-

должал работать. Однажды он рассказал, как с помощью виноградной лозы искать воду. И я потом часто ходила с лозой в руках и радовалась, как ребенок, стоило лозе дрогнуть и согнуться. Это означало, что внизу, под землей, вода. Так вот, чтобы отыскать тропу, надо быть той самой лозой. Понимаешь? — Ивея улыбнулась.

— Пытаюсь.

— Адан, мне нужно какое-то время помолчать и отрешиться, — мягко попросила она, — а ты просто доверься мне, иди рядом и не теряйся.

К вечеру мы достигли необычного источника. За это время я успел понять, что не все места здесь создаются искусственно. Часто мы брели сквозь нагромождение валунов, потом проходили места, на которых невольно задерживался взгляд. Увиденное восхищало осмысленной красотой линий, композиции, соотношений. Я понимал, что здесь потрудился человек.

Сам источник сначала не был виден. Я заметил возвышающийся на несколько метров полукупол из причудливо сплетенной каменной сетки. Узор был столь сложен, что с трудом укладывалось в голове, как подобное возможно создать. Подойдя ближе, я увидел внутри купола колодец с ровно вытесанными стенами. В темной воде отражалось предзакатное небо с садящимся за горизонт солнцем. Ивея медленно обошла вокруг колодца. Просунула руку сквозь переплетенья и достала сосуд. Подойдя к ней, я понял, что это не сосуд, а огромный плод маны. Таких крупных мне не доводилось видеть. Его продолговатая форма оканчивалась фигурной каменной пробкой. Ивея вытащила ее. Опустила плод под воду. Оказалось, это действительно был сосуд, сделанный из плода маны.

— Теперь у нас есть хотя бы вода, — устало улыбаясь, произнесла она.

Мы сидели у колодца, прислонившись к куполу, смотрели на закат и пили свежую сладкую воду. Вода действительно имела необычный вкус. Словно это была и не вода вовсе, а какой-нибудь напиток. Я, сделав несколько глотков, удивленно посмотрел на Ивею.

— Мана весьма искусны. Они не только горы выращивают. На Южной стороне у них обширные плантации маны. С тех пор как они здесь поселились, они выращивают ману. И живут за счет этого в основном. Ты же знаешь, мана — самый дешевый и распространенный плод на всем Эвкайфе.

— И потому они называют себя так же?

— Скорее всего, это плод издревле стали называть как народ, выращивающий его. Просто потом все это забылось. Связь с ярусами оборвалась.

— А почему у воды такой вкус?

— Тоже один из секретов. На дне сосуда лежат особые кристаллы. В них содержатся питательные вещества. Эти кристаллы могут служить десятки лет. А нам они сейчас как никогда кстати. Придает силы.

Пока мы разговаривали, село солнце и тут же подул ветер.

— Здесь негде укрыться. Я уже все осмотрела, — сказала Ивея, пряча руки в рукава кофты.

Я скинул жак, настроил и, обняв Ивею покрепче, укрыл нас.

Уже засыпая, я спросил:

— Ивея, на каком мы ярусе?

— На Шестом, — сонным голосом произнесла она.

4. ЛОВУШКА

Теперь всякий раз, проваливаясь в сон, я видел Дану. Она больше не срывалась в пропасть, а просто сидела рядом. Иногда я чувствовал касание ее руки. И всегда в этих снах меня пронизывал ее молчаливый взгляд. Она смотрела на меня с болью, тоской и любовью. Просыпаясь, я долго еще не мог отойти от сна. Ее образ таял медленно, словно горный туман.

Я бросил мою Дану, я бросил Фадо. Бросил их там одних. Я ничего не смог сделать для них. Иногда мне казалось, что Дана словно укоряет меня в этом. Ее молчаливый упрек застыл в полузакрытых мертвых глазах.

Сейчас я проснулся от собственного то ли всхлипа, то ли крика. Мои глаза были мокры от слез. Я плакал во сне?

Все тело болело от неудобной позы, висок саднило. Я поднялся с трудом. Ивеи не было. Я обошел колодец, внимательно всматриваясь вдаль. Солнце было уже достаточно высоко. Утренний туман давно растаял, и четко просматривались даже самые отдаленные пики.

— Ивея! — позвал я.

Тишина. Лишь едва слышное шуршание где-то под ногами. Что-то мелькнуло. Живое, маленькое, серое, на четырех лапках.

Я вернулся к месту нашей стоянки. Поднял жак и флягу. Наполнил ее до верха водой и поспешил вперед по единственной тропке, хорошо видной среди каменного хаоса.

Тревога все нарастала. Я громко звал Ивею. Я надеялся, что она, если уж и пошла, то только вперед. А значит, я увижу ее. Около часа я бежал не останавливаясь. Свернуть она никуда не могла. Лес острых пик по бокам выстраивался плотной стеной. Я выдохся, дыхание сбилось, воздух с трудом пробивался в легкие. Я закашлял, присел.

Все это было похоже на страшный сон — один на Шестом ярусе, посреди каменной пустыни. И конца ей не видно.

Немного успокоившись и глотнув воды, я подавил в себе подступающую панику и принялся размышлять. Вряд ли Ивея смогла уйти так далеко вперед, я вспомнил, что она проснулась незадолго до меня. Прошло от силы полчаса, может, чуть больше. Даже если бы она сразу кинулась бежать, я все равно уже нагнал бы ее. Да и зачем ей бежать? Глупость! Звал я ее громко, а звук здесь распространяется далеко, с эхом. Она наверняка бы услышала. Оставалось два варианта — либо она пошла в обратную сторону, либо каким-то непонятным образом все же смогла отклониться от тропинки.

Я вновь пошел обратно. Теперь уже медленно. Внимательно вглядываясь в обе стороны. Пытаясь заметить хоть малейшую прогалину в камнях, куда можно ступить, не страшась пропороть ногу.

Так я вновь добрал до колодца. Оставалось только возвращаться к Конусу. Но что-то внутри противилось. Я присел у колодца. Долго бездумно глядел вдаль. Я уже начинал ненавидеть этот каменный мир с его странной красотой на грани безумия.

А ведь раньше я был уверен, что чем выше ярус, тем выше цивилизация. Да, нам внушали это с детства. На Пятом люди практически не работали. Наслаждались благами, живя среди высоких технологий. А уж на Шестом так и подавно должны жить полубоги. Я уже не говорю о Седьмом. И вдруг такое разочарование. Народ, который даже не имеет каскадов и молекул и живет в каменных пещерах.

Хоть бы листик зеленый увидеть. Как было хорошо на Третьем! Я скучал, меня тянуло обратно. К той жизни. Пусть полубедной, несуральной. Но все это казалось таким неважным среди друзей. Я вспомнил Тайру, ее морщинистое, худое лицо, теплый материнский взгляд. Она относилась ко мне как к сыну. Маду, Тамила, Рами... Что они думают о моем внезапном исчезновении?

Видимо, я долго просидел, погруженный в свои мысли. Солнце, поднявшееся к зениту, нещадно напекло неприкрытую голову. Я посмотрел на ярко-синее чистое небо. Солнечный диск ослепил меня. Я невольно прикрыл глаза. Мне послышался какой-то скрежет. И тут я услышал голос Ивеи. Совсем рядом.

— Адан! Скорее! Помоги!

Я вскочил и, как безумный, бросился на зов. Неподалеку от колодца возвышался еще один купол. Если присматриваться, можно принять его за обычный валун ростом с человека. Голос Ивеи шел оттуда.

Я обежал его кругом, потом понял, что голос идет сверху. Продолжался скрежет, словно камень терся о камень. Приглядевшись, заметил неровные уступы. Вскраб-

кался по ним наверх. Увидел, как огромный тяжелый диск, лежащий на верху купола, медленно сдвигается. Ивея была внутри. Но из-за маленького роста не доставала руками до верха, чтобы подтянуться и выбраться наружу.

— Давай руки, я вытащу тебя! — крикнул я.

— Нет, постой. Сначала возьми вот это, — сказала она.

Ивея с трудом подняла какой-то тяжелый короб. Я взял его, поставил с краю. Каменный диск перестал двигаться, раскрыв проход наполовину. Ивея нагнулась, что-то подставила под ноги и, поднявшись, смогла дотянуться до верха. Я вытащил ее. Крепко стиснул, боясь, как бы мы вместе не скатились с купола.

Вскоре мы сидели у колодца. Я укутал Ивею в жак. Она промерзла насквозь, просидев в каменном мешке несколько часов.

— Раскрой короб. Там еда, — едва шевеля губами, но стараясь улыбаться, произнесла она.

Внутри были спрессованные пласты сушеной маны. Какие-то черные палочки, перевязанные веревкой. И еще что-то твердое, плоское, похожее на лепешки, которые готовила Тайра. Мы набросились на ману, потом захрустели лепешками. Они были такие твердые, что с трудом ломались в руках.

— Что это за палочки? — спросил я.

— Чай. Но нужен кипяток. Обойдемся пока водой.

Ивея уже согрелась и постепенно приходила в себя.

— Никогда не привыкну к странностям мана. Хотя мой дядя тоже мана, но порою я понимаю его с трудом, — начала рассказывать Ивея. — Вчера, когда мы нашли колодец, я уже начала подозревать, что тропа может быть близко. Хотя это могло быть и не так. Приметы тропы распознать очень сложно. Но, проснувшись, я решила осмотреть окрестности. Этот купол привлек меня.

Сначала я думала, что вход сбоку. Обошла, заметила подобие ступеней. Вскрабавшись, увидела проход. Забралась внутрь. И люк надо мной тут же захлопнулся. Я даже вскрикнуть не успела. Потом я, конечно, кричала. Но какое там! Это как гробница. Конечно же, я нашла еду. Только теперь это меня не радовало. Я просидела несколько часов, даже не прикоснувшись к ней. Адан... Страшно признаться, я приготовилась умирать...

Ивея взглянула на меня. В ее глазах до сих пор был страх.

— Я убежал далеко вперед. Звал тебя. Потом вернулся. Ивея, почему камень закрылся?

— Если бы я знала! Дядя, когда учил отыскивать тропу, всегда твердил, чтобы я была осторожной и не кидалась на разные приманки. Раньше все это было игрой для меня. Мы могли уйти в горы на несколько дней. Дядя оставлял меня одну, и я должна была искать. Но всякий раз я чувствовала, что он где-то рядом, и была спокойна. Но, знаешь, Адан, я должна тебе признаться — я так и не научилась быть «лозой». Дядя постоянно хвалил, стоило взять верное направление. Но я-то знала, что это было случайное совпадение.

— Значит, и сейчас ты ее не почувствовала?

— Не знаю.

— А почему камень открылся?

— Это мог бы сказать только дядя, — грустно улыбнувшись, сказала Ивея.

Через час, взяв еды, сколько уместилось в карманах, запасшись водой из колодца, мы ступили на «тропу жизни». Она как раз отходила от того злосчастного купола, едва не погубившего Ивею.

— Теперь мы не заплутаем. Все тропы жизни ведут к поселениям. Как только выйдем к ним, свяжемся с дядей.

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН! Арктическая фантазмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Баренцбург тоже жил напряженной жизнью своих будней. Работал дом культуры с шикарным спортивным залом, бассейном с морской водой и библиотекой. Сворачивая на главную магистраль, улицу Старостина, советский консул Еремкин через распахнутую форточку услышал звуки рояля и грудной украинский голос директорши. Значит, шла репетиция, и местный коллектив художественной самодеятельности готовился к выездному концерту в Лонгйербюен. Слева ярко светились окна детского садика, находившегося под патронажем супруги Юнглинга и пастора Серенсена*. Из окон и дверей расположенной рядом школы доносились голоса ребятишек. То и дело хлопали дверью Дома быта, где к услугам полярников работали различные мастерские и ателье, парикмахерская, почтовое отделение и переговорный пункт. Из подъезда женского общежития, известного более под именем «Дома, где разбиваются сердца», высунулась мужская голова в «зэковке», но при виде консула тут же скрылась.

Жизнь была ключом и в здании рудоуправления. Консул не успевал отвечать на приветствия встретившихся ему шахтеров, бухгалтеров, мастеров, спасателей и других представителей инфраструктуры Баренцбурга. Все бразды правления, все рычаги воздействия, само благополучие полярников находилось здесь, в кабинете директора шахты Коршунова Александра Сергеевича.

Баренцбург оставался последним и наиболее стойким оплотом советской системы распределения, которая на материке уже начинала разваливаться и трещать по швам. Ни один гвоздь, ни одна банка консервов, ни один ботинок или чулок не выдавался и не продавался жителю поселка без особого на то разрешения директора шахты. Все склады, буфеты, магазины, кафе, столовая,— все находилось в его цепких молодых руках и контролировалось его неослабным оком. Если какой-то француз-король мог утверждать, что государство — это он, то это же самое с полным правом мог сказать и член партии коммунистов Коршунов. Он хорошо усвоил немудреное правило: кто распределяет, тот и имеет, и что социализм можно сохранить и в отдельно взятом заполярном поселке. Вечная мерзлота облегчает консервацию общественных формаций.

Во власти Коршунова находились не только шахтеры, но и работники «сторонних» учреждений: консульство, вертолетная и метеорологическая станции, гляциологическая экспедиция Зингера и прочая и прочая. Благосклонность Александра Сергеевича к «сторонним» находилась в прямой зависимости от того, насколько он мог

* Настоящая фамилия.

обходиться без их помощи. Меньше всего он мог обойтись без консульства — шахтеры были все-таки слабоваты по части дипломатии и иностранных языков, а общаться директору и его заместителям с норвежцами очень хотелось. Поэтому консул и вице-консул и вообще персонал консульства пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с другими смертными. Консульство могло приобретать на складах рудника практически любой товар — тут отказу не было. На втором месте стояли вертолетчики, потому что без них тоже ходу, вернее, лету, не было. А уж научно-изыскательские партии и экспедиции должны были, несмотря на всю их интеллигентность и стоящие перед ними важные государственные задачи, довольствоваться жалкими крохами расположения директора. Не понравился, скажем, Коршунову гляциолог Зингер, так он ни за что не выдаст ему вовремя спецодежду полярника. Ходи в старой!

Консул Еремкин, перезревший плод партнабора в дипломатию, был воспитан на тех же жизненных принципах, которыми руководствовался хозяйственник Коршунов: выгодней не вести людей за собой, а ехать на них верхом и как можно быстрее. (Какой же русский не любит русской езды!*) В свои сорок пять лет его дипломатический стаж исчислялся всего тремя-четырьмя месяцами работы в Баренцбурге, и он не успел еще оторваться от установок, которыми пользовался как бывший инструктор райкома по торговле. Поэтому он безоговорочно принял предложенные ему местным шахтерским лидером правила игры и не видел для себя в этом ничего зазорного.

Да и какое это было консульство, если оно располагалось не на иностранной территории, чтобы представлять на ней интересы государства и советских граждан, а в советском поселке! Противостояние с норвежцами по принципу «кто кого главнее», приняв уродливую форму, привело к абсурдному решению не размещать даже дипломатическое представительство на норвежской территории. На деле получилось, что консульство выполняло роль сельского совета. Впоследствии предпринимались попытки перевести консульство в Лонгйербюен, но все упиралось в деньги, которых на Руси почему-то никогда не хватает. Впрочем, на возведение здания нового консульства в Баренцбурге средств не пожалели. Отстроили четырехэтажный особняк под медной крышей! Знай наших! Помещения хватило бы для советского посольства в Париже или Лондоне. Немногочисленный персонал консульства затерялся в огромном замке, работники бродили по огромным помещениям, словно привидения в замке Шпессарт, никогда друг с другом не сталкиваясь. Злые языки дали ему название «Замок Иф».

...Когда консул толкнул дверь в кабинет к Коршунову, он увидел там, кроме хозяина, еще двух человек: генерального представителя треста Трегубенко и начальника геологической партии Назарова. У всех троих был вид заговорщиков, они встретили консула настороженными взглядами, словно двоечники-курильщики, застигнутые врасплох бдительным учителем.

— Общий привет! — Консул снял куртку с шапкой, бросил их на свободное кресло и по очереди пожал всем руки.

— Проходи, садись, Леонид Маркович, — пригласил Коршунов консула к столу.

Сам он сидел на вращающемся кресле, купленном в норвежском поселке, и на фоне огромного стола под зеленым сукном походил на подосиновик, не сумевший вовремя спрятаться под куст. Трегубенко и Назаров уставились в потолок, отыскивая там трещины и сравнивая их конфигурацию с береговой линией Шпицбергена. Консул тоже не начинал разговора с директором, не решаясь в их присутствии просить очередную партию водки, коньяка и шампанского для нужд консульства. Наступила неловкая пауза, которую решил нарушить Коршунов:

— Какие потрясающие новости на дипломатическом фронте, Леонид Маркович?

— Новости? Да вот только что беседовал с губернатором. Жаловался, что твои

* Это не любят те русские, на которых ездят, утверждал разведчик Л. Шебаршин.

«чейнджовщики» опять вылезли в Лонгйере и портили общий вид своими нахальными приставаниями к добропорядочным норвежским бюргерам.— Консул, как всякий испытывающий зависимость человек, в глубине души не чувствовал особого уважения к своему «благодетелю» и не всегда мог сдерживать свои эмоции. Вот и сейчас он не удержался от возможности невинно «лягнуть» директора в присутствии посторонних.

— Что значит — твои? — с подозрением в голосе спросил тот. В глубине своей души он испытывал к консулу еще меньше уважения: когда и где в русском царстве-государстве подмявший питал теплые чувства к подмятому? Александр Сергеевич сразу уловил подоплеку «тонкого» намека, но не подал вида.

— «Твои» — значит: твои подчиненные.

— Ну и что: я их посылал, что ли?

— Ты или не ты, но контролировать своих шахтеров надобно тебе,— миролюбиво ответил консул. Он-то знал, что Коршунов отпускает на промысел к норвежцам своих верных адъютантов под процент с выручки. На это и пытался намекнуть Леонид Маркович.

Назаров и Трегубенко с интересом наблюдали за тем, как пикируются между собой две баренцбургские «шишки».

— Хорошо, хорошо,— согласился Коршунов,— разберемся. Ты тоже лучше присматривай за Кондратием, который «толкает» шахтерам товары по грабительским ценам.

Это был удар ниже пояса. Кондратий Топорков, секретарь консульства, сын заместителя министра иностранных дел, занимался фарцовкой. Это был секрет полишинеля. Но до сих пор директор рудника не осмеливался выносить свои суждения о недостойном поведении работников консульства на суд посторонних людей. Дипломаты, как жена Цезаря, должны быть вне всяких подозрений. И без того об образе их жизни по поселку ходили самые невероятные слухи: и что они получают баснословно высокую зарплату, в том числе и в инвалюту, и что с утра до вечера они едят черную икру, и что работа у них не пыльная — чеши только языком.

— Я давно тебя просил: поймай его с поличным, вот тогда и поговорим. А так все пустой разговор,— резко отреагировал Еремкин и поджал губы.

— Это не так просто. Твой Кондратий молод, да не по годам хитер, бестия.

— Ну, с твоими-то «орлами» это легко устроить.

Пришла очередь поджимать губы Коршунову. Только избранному кругу лиц было известно, что он содержал при себе нечто вроде карманной тайной полиции, осуществлявшей негласное наблюдение за негодными лицами. Надежные люди подслушивали разговоры ненадежных по телефону, проводили негласные обыски, а в некоторых случаях даже могли и применять силу, чтобы отконвоировать на вертолете какого-нибудь проштрафившегося шахтера на попутный рейс на материк. Консул знал о существовании в Баренцбурге «тотон-макутов», но закрывал на это глаза.

Попикировавшись властью, оба руководителя умолкли. Назаров с Трегубенко, помявшись, стали прощаться, ссылаясь на занятость по работе.

— Так что там с «чейнджовщиками»? — осторожно поинтересовался директор, когда они ушли.

— Юнглинг возмутился тем, что один из них чуть за руку не хватал проходившего мимо почты какого-то чиновника из Осло. Чиновник сделал замечание губернатору, и тот пригрозил прикрыть «чейндж» вообще. Во всяком случае, он запретил «чейнджовщикам» появляться в Лонгйере.

— Ладно, я поговорю с ними. Какие еще проблемы?

— Мне нужен ящик водки и ящик шампанского с коньяком.

— Круто!

— На носу праздники, дни рождения, прием.

— За наличный расчет. Годится?

— Конечно-конечно.

Директор снял трубку с телефонного аппарата и набрал двузначный номер:

— Светлана, продай консульству ящик водки, ящик шампанского и ящик коньяка. Когда пойдешь в буфет?

— Да хоть сейчас.

— Светлана, консул зайдет к тебе через полчаса. Ясно? Ну, пока.

— Еще один вопрос: нельзя ли подослать трактор и расчистить, как следует, снег вокруг консульства? Нас совсем завалило и...

— Так мы посылали вам пару дней назад.

— После этого был снежный «заряд». Ты же знаешь. А на носу — прием. Государственный.

— У меня вы не одни, все просят.

— Я понимаю, но ведь консульство — не коровник...

— Тут ты ошибаешься, Леонид Маркович. Коровник тоже надо расчищать. Молочком-то балуетесь? То-то... Ну ладно, я дам указание.

— Спасибо.

— Что еще? Давай выкладывай, а то мне на собрание.

— Вышел срок на теплую одежду у некоторых наших сотрудников. Нельзя ли было...

— Нет, нельзя. Шахтерам не хватает рукавиц, валенок... У кого там подошел срок?

— У дежурного коменданта и бухгалтера.

— Ничего, ходят в старой.

— Так деньги же в Москве на счет треста уже перечислены.

— Это ваши проблемы. Спецодежды пока нет.

— Ну, хорошо, у меня все.— Консул обиженно встал, но директор сделал вид, что не заметил:

— Лады. Я тогда побежал. Будь здоров.

Директор юркнул в свой «газик» и поехал на мыс Хеер ругаться с вертолетчиками, а консул пошел пешком в свой замок с привидениями.

* * *

В «Замке Иф», доминирующем архитектурном создании Баренцбурга, начали беспорядочно зажигаться то там, то сям огни. К зданию, закапываясь по самые гусеницы в сугробы, подползал мощный трактор с грейдером. На высоком крыльце шурувал лопатой нанятый в руднике дворник-шахтер, подрабатывающий в свободные от вахты часы, специально подобранный Коршуновым «надежный» человек.

Баренцбург просыпался. От зданий общежитий в столовую потянулись люди в черных дубленых полшубках, серых валенках и шапках-ушанках, называемых «зэковками». По основной дороге со стороны вертолетной станции на мысе Хеер промчался одинокий «Буран» — вероятно, с метеопункта возвращался мурманский метеоролог, потомственный полярник Борис Иванович Старовойтов. Где-то заурчал директорский «газик», его фары на секунду выхватили из темноты засыпанный по пояс памятник Ленину и осветили подъезд, в котором жил Коршунов и прочее начальство рудника.

Отворилась дверь консульства, и на площадку собственной персоной вышел завхоз или, как он всем представлялся в поселке, заместитель консула по административно-хозяйственной части Дурасов Алексей Семенович. Зябко кутая свое худенькое тельце в выданный не по росту тулуп, Дурасов сразу затопал валенками, чтобы согреться, и кандибобером спустился по обледеневшей лестнице вниз.

— Здорово, Андреевич! Давай—давай, поторапливайся, скоро прилетят «викинги»,— скомандовал он начальственно дворнику-совместителю.

— Не волнуйся, Леш, успеется.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы называл меня по имени-отчеству?

— Извини-подвинься, начальник, я не нарочно — все забываю.
— Я вот напомню директору, тогда...
— Ну и жалуйся! Делать тебе нечего. За такие гроши пусть найдут другого дворника! А то, что из тебя такой же начальник, как из меня дипломат, то это всем известно.
— Ну-ну, ты потише, а то...
— А то — что? — Рослая фигура шахтера распрямилась и грозно нависла над Дурасовым.

Все в поселке быстро узнали, чего стоил этот скандальный никчемный человек, выкопанный кадровиками МИД из самых глубоких недр бюрократических подвалов какого-то министерства, где Дурасов был на побегушках у какого-то хозяйственника и так и не сумел выдать из себя раба, полагая, что раб может еще когда-нибудь и кому-нибудь понадобиться. Дурасов же, как только появился в консульстве, сразу попытался набить себе цену в глазах населения поселка и рассказывал полярникам всяческие небылицы о своей ответственной работе в Москве, хотя на самом деле не был в состоянии выполнить даже самое простое поручение консула, находился под каблуком у своей жены и заискивал перед дипломатами консульства как последняя собачонка.

— Попробуй тронь — сразу вылетишь отсюда, — пригрозил завхоз дворнику, на всякий случай отскакивая по воробьиному в сторону.

— Ха-ха-ха! Нашел чем пугать! Да я, может, мечтаю выбраться из этой дыры! Понял? Это ты тут примазался к теплому сортиру и думаешь, что никто про твои делишки не знает. Знаем, чья кошка сало съела!

— А ты видел? — Дурасов опять по воробьиному сделал наскок на дворника.

— Видел и знаю, как ты продуктами торгуешь «налево».

— Не пойманный — не вор, — оградился завхоз «железным» аргументом всех жуликов и хануриков. — И потом: сколько у государства не бери, своего обратно все равно не вернешь.

— Ишь ты, мудрец какой нашелся. Поймаем. Дай только мне заняться этим делом. Вали отсюда, не мешай работать

Дворник взялся за лопату, а Дурасов запрыгал по ступенькам обратно в консульство, где его в холле ждал консул Еремкин.

— Доброго здоровьяца, Леонид Маркович. Как спалось?

— Спасибо, хреново. У тебя все готово к приему?

— Ну, слава богу, а то вчера на головку жаловались.

— Алексей Семенович, я вас о деле спрашиваю, а вы несете всякую чепуху, — перешел консул на «вы».

— Что вы имеете в виду, Леонид Маркович?

— Я спросил, готовы ли вы к приему норвежцев.

— Ах, норги... Это... я тут...

— Алексей Семенович, я сколько раз предупреждал вас, чтобы не употребляли этого дурацкого слова!

— Да так все говорят, Леонид Маркович.

— Хорошо, так как с приемом?

— А что надобно? Жду от вас указаний.

— Как что надобно? — Консул стал уже терять терпение. — Я же распорядился вчера, и вы обещали все исполнить.

— Это... кофе там и... конфеты?

— Ладно, идите. Пришлите ко мне супругу.

Дурасов послушно зашмыгал по мраморному полу валенками, чтобы разбудить и поставить на ноги свою дражайшую Галочку.

— Ну, ничего нельзя поручить, — пожаловался Еремкин подошедшему вице-консулу Кирпичеву.

— Гнать его надо, Леонид Маркович, это единственный выход. Учудит он что-нибудь — вот тогда не расхлебаем. Полярка! — закончил он назидательно.

— Вы Кондратия не видели?

— Нет.

— Опять пропал. Это не консульство, а какой-то детский сад! Этого днем с огнем не сыскать, тот ничего не смыслит или притворяется дурачком... Просто дурдом какой-то!

В холле появилась вальяжная и степенная русская красавица — кровь с молоком, жена консульского хозяйственника Дурасова, полная ему противоположность.

— Вы меня искали, Леонид Маркович?

— Да-да, Галина Петровна, ваш повелитель опять меня подводит. Через полчаса должны прибыть норвежцы на переговоры. Просьба быстренько накрыть в каминном зале на шестерых. Ведь вы знаете, что нужно?

— Конечно-конечно, Леонид Маркович, не беспокойтесь. А мой-то что-то занемог. Акклиматизация проходит для него тяжело. Вы уж не обессудьте.— Дурасова улыбнулась уютной улыбкой и пошла в кладовую громыхать посудой.

Дверь консульства распахнулась, и Еремкин услышал в тамбуре топот ног, возню и крики:

— Ой, больно-о-о! Папа, ну перестань драться, ей-богу!

В холле появился вице-консул Кирпичев, волоча за собой какую-то копошащуюся массу.

— Идите-идите, разбойники! Вот я вас! — угрожающим голосом произнес вице-консул и с большим усилием выволок эту массу на свет. В тусклых лучах бокового света выступили три упакованные в коричневые меховые шубы, шарфы, валенки и «ззковки» с красноармейскими звездами фигурки. Это были сыновья Кирпичева, все мал-мала меньше — от десяти до шести — и известные под прозвищами Чука (старший), Гека (средний) и Суперпупса (младший).

— Вот, Леонид Маркович, привел своих бандитов на ваш суд,— сказал вице-консул, подталкивая всех трех поближе к начальству.

— Что-нибудь опять натворили? — с ожиданием подвоха спросил Еремкин.

— Еле вытащил их из-под здания. Представляете, спрятались там и не выходят.

— Мы играли в следопытов,— солидным басом пояснил Чук.

— Нам мама разрешила,— добавил Гек.

— А консульство сколо обвалится! — радостным голосом доложил Суперпупс.

— Как это обвалится? — переспросил консул.

— Да не слушайте вы их, Леонид Маркович! Опять что-то выдумали,— вмешался отец «следопытов», но его младший не сдавался:

— А вот и не выдумали! Там под домом такая глубокая дыла, ну плямо как у вулкана. И камни туда осыпаются.

— И сколько же метров глубины в этой дыре? — поинтересовался консул.

— А метра три-четыре,— уточнил Гек.

— Диаметром метров восемь,— добавил Чук.

Еремкин переглянулся с Кирпичевым.

— Это точно? Вы не выдумываете? — спросил строгим голосом консул.

— Нужно нам выдумывать,— ответил Суперпупс и пошел на второй этаж. За ним потянулись остальные братья.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил Еремкин.

— Очень мало,— честно ответил Кирпичев.— Нам этого в МГИМО не преподавали.

— А я немного знаком с принципами строительства в условиях вечной мерзлоты. Если то, что сказали дети, правда, то зданию угрожает катастрофа. Обвал. Дом покоится на огромных бетонных сваях, загнанных в вечную мерзлоту. Если под ним обра-

зовалось углубление, значит, грунт стал подтаивать, и тогда... Альберт! Альберт, брось дежурство, срочно иди сюда!

— Что такое, Леонид Маркович? — Шофер и дежурный комендант Мельков выскочил из «дежурки», протирая глаза.

— Одевайся и лезь под здание. Посмотри и доложи.

— Слушаюсь! — сказал Мельков, и через минуту выскочил на мороз.

Через пять минут он вернулся и доложил, что под консульством образовалась воронка с параметрами, уже сообщенными братьями Кирпичевыми.

В холле наступила тишина. Снаружи донесся настойчивый шум мотора. Он появился сразу из-за окаймлявших с севера поселок гор, некоторое время усиливался, а потом снова стал ослабевать и пропал на восточной окраине Баренцбурга. Это был вертолет норвежского губернатора Эйнара Юнглинга. Каждый четверг он или его заместитель прилетали в консульство, чтобы обсудить с советскими представителями назревшие проблемы: расследовать случаи браконьерства или незаконной торговли в шахтерской среде, обменяться концертами художественной самодеятельности, выяснить планы «Арктикугля» в отношении строительства телеантенны, договориться о приеме в советском поселке делегации министерства юстиции из Осло и тому подобное. В полутора километрах от Баренцбурга, на мысе Финнэсет, соссельман имел зимний домик со всеми припасами, джип на ходу и вертолетную площадку.

— Ладно, соберем совещание после норвежцев и все обсудим, — крикнул консул и побежал вверх переодеться. Он не заметил, как в последний момент в холле появился человек в замасляной фуфайке, «эзковке» и серых валенках. То был запропастившийся секретарь консульства Кондратий Топорков, которого консул напрасно искал с самого утра. Поглядывая на часы, Кондратий бегом метнулся на третий этаж. В это время Альберт Мельков по телефону проинформировал Еремкина:

— Леонид Маркович, «надежда советской дипломатии» появилась в консульстве. Где он шляется? Известно, где: небось, «фарцевал» в общежитии. Ага. Хорошо.

Через полчаса к консульству подрулил японский джип-вездеход, и из него вылезли трое здоровяков в красно-сине-черных комбинезонах: Эйнар Юнглинг собственной персоной, начальник полиции всего Шпицбергена Андерс Андерсен и переводчик Сверре Бустад. В тот момент, когда норвежцы, крякая с мороза и топя ногами, входили в холл, Еремкин в сопровождении Кирпичева и Топоркова, излучая радужные, спускался с лестницы.

— Господин Юнглинг, рад вас видеть. — Радовался консул однако больше тому, что Топорков все-таки материализовался из полярной мглы и может принять участие во встрече. Консул окончил дипломатическую академию «по классу сербского языка», и в своей первой в жизни командировке за границу естественно не мог ступить без Топоркова ни шагу.

Скинув комбинезоны, под которыми оказались цивильные костюмы с галстуками, норвежцы привычно поднялись наверх и в сопровождении Кондратия прошли в просторный каминный зал, где их дожидался консул и вице-консул.

— Прошу садиться, — широким жестом пригласил консул гостей за журнальный стол, накрытый конфетами, печеньями и неизменным кофе с минеральной водой. Кирпичев разливал в чашки кофе, в то время как губернатор со товарищи рассаживались в уютные кожаные кресла.

Дальнейшая беседа проходила в обстановке взаимопонимания и дружбы. Кондратий переводил консула, Бустад — губернатора, Кирпичев говорил на датском и тут же переводил себя на русский (для славянофила-консула), Андерсен аккуратно фиксировал беседу в толстом блокноте. И гости, и хозяева отчаянно и непрерывно курили, пили кофе, запивали минералкой, снова подливали и закуривали.

Губернатор сделал замечание в адрес «Арктикугля», нарушившего требования экологии, попросил расследовать случай браконьерства и договорился о приеме делегации стуртинга в Баренцбурге. Еремкин тоже рассказал о нуждах и требованиях советских

людей к норвежской администрации, высказал ряд претензий к норвежским траулерам, порвавшим во время стоянки в Грен-фиорде силовой кабель. Казалось, все вопросы были исчерпаны, и консул хотел было уже встать из-за стола, но тут услышал норвежскую речь Юнглинга и последовавший за ней перевод Сверре Бустада:

— Господин Юнглинг хотел бы воспользоваться сегодняшним приездом в поселок, чтобы выступить перед его жителями.

— По какому вопросу? — мгновенно насторожился Еремкин.

— Он хотел бы обратиться ко всем русским коллегам с просьбой соблюдать экологические условия проживания, заострить вопрос на случаях незаконного отстрела морских и сухопутных животных.

— Я поставлю в известность руководство рудника, — начал консул, — потому что надо проконсультироваться, сумеем ли мы собрать за такое короткое время народ.

— А зачем его собирать, если у вас сегодня в клубе кино. Господин Юнглинг мог бы минут на десять занять внимание зрителей перед сеансом.

— Ах, вот как! — воскликнул с наигранным недоумением Еремкин. — Я и не знал, что сегодня у нас фильм.

— «Влюблен по собственному желанию», — сказал Топорков.

— Кто влюблен? — не понял консул.

— Фильм так называется.

— А-а-а, фильм...

— Ну, так как, господин Ериомкин, вы готовы предоставить мне возможность выступить перед народом?

— Думаю, что это... гмм... можно будет устроить. Я сейчас позвоню на рудник и поставлю его руководство в известность.

В лучшие времена консул определенно послал бы норвежца с его предложением куда-нибудь еще дальше к северному полюсу, например, до Земли Франца Иосифа, но сейчас настали времена демократии, европейского домостроительства и народной дипломатии, так что дипломату было как-то не с руки заниматься старыми обструкциями.

— Вы не подготовили для нас список членов норвежской делегации, которые примут участие в нашем приеме? — напомнил гостям Кирпичев, пока Еремкин ходил звонить по телефону.

— Еще нет. Мы вам вышлем его по факсу, — ответил Бустад.

Сообщив норвежцам согласие Трегубенко и Коршунова на встречу народа с губернатором, консул стал их буквально выпроваживать, потому что торопился на рудник, чтобы обсудить там судьбу здания «Замка Иф». Кирпичев пошел составлять отчеты о встрече с норвежцами к очередной диппочте, а Кондратий удалился к себе в однокомнатную конуру дописывать «роман века». Секретарь консульства мечтал о литературной славе и втайне пробовал себя на криминальных детективах.

В каминном зале Дурасова убирала со стола посуду.

Через несколько минут консульство вновь погрузилось в полярную дремоту.

В МИРЕ ДЕМОКРАТИИ

*Aquila non captat muscas**

На следующий день Гаврила Филиппович летел на работу, как Буратино на кукольное представление — его буквально сжигало нетерпение выяснить, как там «наверху» восприняли его победную реляцию. Но подошло время обеда, а потом над городом стали сгущаться сумерки и наступил конец рабочего дня, а «вертушка» на столе упорно хранила молчание.

«Ничего, вся работа там сейчас только и начинается», — утешал себя Гнилозубов и приготовился «вечерять» в кабинете в ожидании вожаемого звонка началь-

* Орел мух не ловит (лат.)

ства. Но проторчав на работе до девяти часов, он был вынужден признать, что дальше ждать бесполезно, и пошел домой.

Следующий день тоже не принес ничего нового.

Да, конечно, Гавриле Филипповичу хорошо было известно, что бюрократическая машина не сразу начинает проворачивать свои шестерни, но в любом случае она раньше хоть зажигала лампочку-индикатор — мол, сигнал принят, начинаю изучать (анализировать, прорабатывать, прокручивать, пробивать, согласовывать, визировать и т. п. — в зависимости от ситуации). А тут докладная записка, поданная сразу в несколько инстанций, пропала бесследно.

На третий день он не выдержал и позвонил заместителю Минугольпрома, но тот совершенно логично переадресовал вопрос в Миннефтегаз:

— Гаврила Филиппович, мы все приняли к сведению. Очень рады за вас. Но за нефть мы не отвечаем, обращайтесь к Магомаеву, это его вотчина. Извини, у меня народ. Пока.

Он снимал трубку и звонил Магомаеву, заместителю министра по делам нефти, но того, как назло, не оказывалось на месте: то он находился в командировке в Тюмени, то в Баку, то в Каракасе или Кувейте, но только не в Москве. А если он и появлялся в Москве, то работал где угодно, но не в своем кабинете. И никто, кроме неуловимого нефтяника Магомаева, отвечать на вопрос Гнилозубова не решался. Звонить в ЦК или Совмин рука не поднималась.

А потом наступил февральский кризис, за ним «пошел» путч и его ликвидация, потом — ликвидация его последствий, эйфория победы демократии, демонстрации, манифестации, возвращение свергнутого президента из Крыма, выступления по радио и телевидению с сообщением о его уходе с поста. Работать было некогда — надо было спасать и укреплять демократию.

Демократия-то, возможно, укреплялась, но власть при этом вываливалась из рук государства. Она широким половодьем разливалась по городам и весям, самотеком уходила на площади и трибуны, ручейками пробивалась в тесные (пока!) помещения кооператоров и приватизаторов, будущих олигархов, и подпитывала энтузиазм масс к сбрасыванию с пьедесталов памятников. И чем дальше «шел процесс», тем меньше власти оставалось в Москве и центральных министерствах и тем больше она накапливалось на окраинах Союза.

Люди на глазах Гнилозубова тоже стали меняться. В глазах сотрудников треста зажегся какой-то бесовский огонек, в манерах появилась непозволительная развязность, речь их стала уснащаться блатными выражениями и заимствованиями из английского языка, в одежде и прическах возникли вызывающие детали. Причем женщины стали подражать мужчинам и гоготать хриплыми голосами, а мужчин стали отличать мягкие, вкрадчивые, как у педерастов, манеры, — одним словом, никого нельзя было узнать. Всех их, однако, объединяла одна, но пламенная страсть: встать по утру купающимися и в славе, и в богатстве. Главными героями и хозяевами жизни стали не космонавты, врачи, писатели или учителя, а сомнительные представители развлекательного жанра и «братва». Больше всего Гнилозубова корбило повсеместное увлечение американским междометием «вау!» Употребление его стало признаком высокого штиля и принадлежности к культурной прослойке общества. Можно ли себе представить уроженца Техаса или жителя Калифорнии, выражавшего свое удивление русским восклицанием «ого!» или «ну и ну!»? С трудом. Ведь создание междометия — глубоко подсознательный и почти бесконтрольный процесс, а наши эпигоны произносили свои «вау» вполне сознательно и лишали их всякой эмоциональной окраски.

Гаврила Филиппович был настолько растерян и ошеломлен всей этой переменной, что перестал есть на работе, похудел, съежился, весь посерел, забился в кабинет и никого к себе не пускал. Он с каким-то садистским наслаждением часами слушал радио и молчал. О делах шпицбергенских не вспоминал, перепоручив их своему за-

местителю. Так все длилось до тех пор, пока «Арктикуголь» не перестал быть составной частью союзного министерства, в то время как сам Союз приказал долго жить. Вместо слова «советский» стали употреблять слова «русский», «российский». Это не то чтобы не нравилось Гнилозубову, а было как-то непривычно, хотя и ничего в тресте в принципе не меняло.

В марте вдруг ни с того ни с сего зазвонил телефон, молчавший несколько месяцев. Гаврила Филиппович изменился в лице и еле нашарил рукой трубку. Говорил новый министр. Гнилозубов слышал о его назначении, немного знал о его «бэкграунде», проще говоря, номенклатурной подноготной, и особого восторга от этого назначения не испытывал. Министр «сидел» в свое время на выдаче профсоюзных путевок, был на подхвате у одного из замов, и было не понятно, чем он так здорово проявил себя, что сразу «вылез» на такой высокий уровень. Уголь он в лучшем случае видел у своей бабки в деревне, когда она топила им буржуйку, или в фильме «Шахтеры». Говорили, правда, что новый министр — человек с широким кругозором и массой новых идей, а главное — демократ до мозга костей. Последнего Гаврила Филиппович по своей старорежимной тупости уразуметь никак не мог: когда только «советский совок» успел вобрать в себя так глубоко то, чего и понюхать в свое время нельзя было, не то что пощупать?

Пришло, однако, время, когда министр захотел познакомиться с делами подведомственного треста, и Гнилозубов был вызван на «ковер». На бывшем здании союзного министерства висела новая табличка. Поменялось, конечно, и руководство, о чем победоносно возвещали таблички с новыми фамилиями на дверях «руководящего» этажа. Меди и бронзы демократы на эти цели не жалели. В остальном Гаврила Филиппович никаких изменений не обнаружил и не без злорадства отметил это про себя.

Он робко открыл дверь приемной и обнаружил там знакомое лицо секретарши. Это несказанно обрадовало его, и он, как потерпевший кораблекрушение моряк, поспешил обрести твердую сушу под ногами.

— Мария Кузьминична, как живете-можете?

— Спасибо, Гаврила Филиппыч, более-менее сносно. Вот пока оставили.

— Это очень приятно. Как сам?

— Не знаю, право, что и сказать... Поживем — увидим, — перешла секретарша на шепот. — Он вас ждет.

Гнилозубов откашлялся, поправил галстук, застегнул на все пуговицы пиджак и шагнул в дверь. В кабинете было пусто, и Гаврила Филиппович недоуменно огляделся, но тут из-за двери кто-то произнес:

— Проходите, господин Гнилозубов, не стесняйтесь.

Бывший товарищ, а ныне господин закрыл за собой дверь и в дальнем углу кабинета заметил толстого маленького человечка, одетого в серую «тройку» в полоску, стоявшего перед зеркалом и поправлявшего «бабочку». Гнилозубов, не двигаясь с места, смотрел на человечка, а тот невозмутимо продолжал возиться с «бабочкой», откровенно любуясь своим отражением в зеркале. Человечек перестал, наконец, вертеться перед зеркалом и, довольный своим внешним видом, семена ножками, колобком подкатил к огромному Гнилозубову и протянул пухлую ручку:

— Будем знакомы, Гаврила... гмм...

— ...Филиппович.

— Филиппович. Прошу вас, садитесь.

Он указал Гнилозубову место за приставным стулом, а сам обежал вокруг огромного стола и взгромоздился в кресло.

— Итак, не будем терять времени, приступим сразу к делу. Страна устала от разговоров и ждет от нас с вами конкретных решений. Не так ли?

«Может, кто-нибудь и разговаривал эти месяцы, только не я», — холодно подумал про себя Гнилозубов, но на всякий случай неопределенно хмыкнул:

— Да-да, конечно...

Деловое настроение, вероятно, настолько обуревало министра, что он даже не удосужился представиться, и Гнилозубову пришлось обращаться к нему как к «господину министру».

— Мы тут внимательно проанализировали состояние дел в отрасли, в том числе и у вас в «Поляругле»... — начал было министр.

— «Арктикугле», господин министр, — поправил его Гаврила Филиппович.

— Что вы говорите? Ах, да... конечно... «Антарктикугле».

— «Арктикуголь»!

— Именно, именно. Не кричите так громко, я хорошо слышу. Вот... О чем это я говорил? Видите, вы меня сбили. Да, так, значит, о положении у вас там в... тресте. Не по средствам живете, уважаемый Гаврила Филиппович, не по средствам.

В слове «средства» министр сделал ударение на последнем слоге.

— То есть как это не по средствам? — изумился Гнилозубов, подчеркивая свою приверженность ударению на первом слоге в трудном слове «средствам».

— А так: слишком дорого стоите стране.

— Не дороже, чем в других местах, — упрямо произнес Гнилозубов, уже понимая, куда клонит министр.

— Ну, это как сказать, уважаемый Гаврила Филиппович, как сказать.

— Да тут и говорить нечего, — загорячился Гнилозубов. — Тонна добытого в Баренцбурге угля обходится государству не дороже тонны угля, добытого в Донбассе.

— Донбасс, уважаемый Гаврила Филиппович, нам не указ. Он теперь за границей.

— И очень плохо, что за границей. — Гаврилу Филипповича явно куда-то несло не в ту сторону, но сидящий перед ним человек не понравился ему с самого начала, а раз ему попала шлея под хвост, то остановиться он уже не мог. — Разбазарили такую страну!

— Вы что же — подвергаете сомнению Беловежские соглашения?

— Да... То есть, никто не подвергает, только в себестоимость тонны угля на Шпицбергене заложены дополнительные издержки на поддержание инфраструктуры поселков, потому и...

— Вот именно, инфраструктуры. Надо с ней кончать.

— Как это? — подскочил Гнилозубов с места.

— А так: сворачивать наше присутствие на Шпицбергене до разумной достаточности.

— Сворачивать? — растерялся Гнилозубов. — Да вы понимаете, что это значит? Это... это... Да и как дозировать эту разумную достаточность?

Гнилозубов не находил слов. Шпицберген был для него священной коровой, забивать которую никому не было позволено. Даже министру.

— Уважаемый Гаврила Филиппович, мы стремимся войти в европейский дом. Так нам надо войти туда не обремененными старыми пережитками идеологического и военно-политического противостояния. А Шпицберген и был полигоном такого противостояния, не так ли? — менторским тоном объяснял министр.

— Не знаю, товарищ... господин министр, для кого-то, может быть, он и был полем, а для меня... для нас... Шпицберген снабжал углем весь север, Архангельск, Мурманск. Сворачивать! Годами строили, горбились, завозили, понимаешь, создавали базу, а теперь все это коту под хвост!

— В Мурманск и Архангельск мы завезем уголь из Воркуты или Кемерово, — не сдавался министр.

— Это еще вопрос, завезете или нет, — продолжал упорствовать Гнилозубов. — Кемеровский уголек тоже обойдется в копейку. Еще надо посчитать, что дешевле: гнать уголь по железной дороге через всю страну или возить его морем из Баренцбурга. А потом: сегодня шахтеры Воркуты работают, а завтра бастуют. На Шпицбер-

гене забастовок не бывает. Кроме того, наше присутствие на архипелаге обуславливается не только экономическими интересами.

— Вот-вот. В чем состоит наш интерес на Шпицбергене? Запад протягивает нам руку. Президент России заявил, что мы вступаем в эру сотрудничества с нашим бывшим противником, следовательно, мы вот-вот войдем в Европейский Дом.

— Запад протягивает нам руку, а мы протянем потом ноги. Неужели вы думаете, что Запад всерьез заинтересован в процветающей и сильной России? Плохо вы тогда знаете историю.

Министр выдержал паузу и пристально посмотрел в глаза Гавриле Филипповичу.

— Видите ли, уважаемый Гаврила Филиппович, вся ваша трагедия заключается в том, что вы находитесь в плену старых представлений и установок.— Голос министра приобретал постепенно металлический оттенок.— Нам будет трудно работать вместе, если вам не удастся от них избавиться. Сейчас пришли другие времена. Мы по горло сыты диктатом партии. Пора уже переходить на рельсы демократии. Надеюсь, вам это ясно?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— Полагаю, что с военными и дипломатами мы по этому вопросу договоримся.

— На архипелаге свои интересы имеют и другие ведомства — их тоже надо учитывать,— прервал министра Гнилозубов.

— Какие же?

— К примеру, КГБ, Гидрометеослужба...

— Ну, с КГБ мы вообще консультироваться не намерены. Мы их просто скоро разгоним. Остальные должны будут согласиться с тем, что у России есть иные приоритеты и более важные проблемы, нежели караулить белых медведей. Теперь о вашей докладной. Премьер в курсе. В настоящее время прорабатывается проект создания консорциума по разработке и эксплуатации шпицбергенского нефтяного месторождения с долевым участием иностранного капитала. Шахты в Баренцбурге и Пирамиде постепенно закроем, часть инфраструктуры сохраним — но не всю! Кое-что там понадобится для функционирования нового треста — «Арктикнефти», к примеру. Готовьтесь к консервации рудников, отправке шахтеров на материк и созданию предпосылок для освоения района нефтяниками. Я лично беру этот процесс под контроль.

— А куда же мы? Что будет с нами? — еле слышно пролепетал Гнилозубов.

— Часть людей сократим, часть ИТР и административного состава треста волеется в новый трест. Что касается лично вас, то этот вопрос решим позднее. Кстати, сколько вам лет?

— Семьдесят.— Гнилозубову было семьдесят два, но он решил на всякий случай приврать. Он всегда это делал, когда начальство спрашивало его о возрасте.

— Ну, дорогой мой Гаврила Филиппович, вы уже давно заслужили свой отдых. Недельки через две мы проведем у вас в тресте собрание и определимся с нашими планами более конкретно. А сейчас, извините, тороплюсь. Опаздываю на встречу с английскими банкирами. До свидания, господин Гнилозубов.

— До свидания, това... господин министр.

Директор «Арктикугля» неуклюже поднялся со стула и с тяжелым сердцем вышел из кабинета.

«Не-а, все-таки человек красит место!» — подумал он, закрывая за собой дверь.

В приемной он достал из кармана платок и вытер выступившие на лбу капли пота. Секретарша сочувственным взглядом окинула Гнилозубова:

— Что-нибудь случилось, Гаврила Филиппович?

Но он не расслышал ее вопроса. Слегка пошатываясь, он пошел к двери.

Вечером у него поднялось давление, и пришлось вызывать «скорую». Первый раз в жизни ему выписали бюллетень, и он не вышел на работу. Гаврила Филиппович оказался не первой и последней жертвой демократии, победоносно шествующей по территории бывшего развитого социализма.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЕЙ

И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями...

Евангелие от Марка, глава 1 стих 13

Заповедную тишину Баренцбурга пререзал протяжный звук — нечто среднее между гудком буксира и ревом соскучившейся коровы. Обалдевший от бессонницы начальник порта Роман Спиридонович Кравченя приподнял кудлатую голову с подушки и прислушался. Вместе с ним в эту минуту высунулись из-под одеяла десятки полярных голов, гадая, кто это мог вторгнуться в мезозойское безмолвие. Уж не пробился ли сквозь льды какой-нибудь отчаянный мурманский капитан?

Кравченя вытянул шею к полузамерзшему окну, пытаясь обнаружить знакомые огоньки на мачтах. Но нет, за окном была сплошная кофейная гуща, а затянутый льдом Грен-фьорд сохранял свою девственную неприкосновенность. В который раз Кравченя дал себя обмануть тщетной надежде на свидание с материком. Откуда в самый пик «полярки» взяться тут кораблю? Это тебе не Херсон, где Роман Спиридонович проработал всю свою жизнь, прежде чем был назначен на должность начальника баренцбургского порта. Он приступил к работе пару недель тому назад, жилье получил здесь же, в порту, но работы пока не предвиделось. Зимой тут, только как медведю, можно сосать лапу и спать.

Конечно же, это мычала корова на Скотланд-Ярде! Как это он сразу не догадался! Вот если бы он до Баренцбурга работал не в порту, а на полтавской ферме, то, несомненно, подумал бы сразу об этом жвачечном животном. Что человек хочет, то он и слышит.

Кравченя встал, зажег свет и поглядел на часы. Было четыре часа утра, а может полудни? Какое же сегодня число? А день недели? Сам черт не разберется в этих краях!

А корова продолжала мычать и жаловаться на свою горькую долю. Нет, она не страдала от голода — сена заботливые хозяйственники заблаговременно завезли из Архангельской области. И на отсутствие внимания к себе она не могла сетовать — стойло всегда было чистое, а доярка Галя из Сумской области холила ее, угощала сахаром, доила в срок. Допекла животину долгая полярная ночь и холода. Ей часто снились сочные зеленые лужайки, высокие белые березки и голубое небо над головой. Она видела себя молодой телкой, привольно пасущейся на опушке леса и щиплющей мягкую сочную и ароматную травку. Рядом щипала траву ее мать и то и дело бросала на нее заботливые ласковые взгляды. Самое странное в этих снах было то, что корова родилась в Баренцбурге и, кроме полярных мхов и унылого зимнего пейзажа, никаких зеленых кущ в своей грустной коровьей жизни не видела.

Корове некому было поведать о своей тоске, и как всякое существо женского пола, она находила облегчение в слезах. Ее товарки сочувственно внимали плачу, но помочь ей ничем не могли. Они сосредоточенно жевали сено и методично пропускали его через себя. Племенной бык по кличке Директор глядел на глупых баб укоризненным взглядом, прикидывая, которая из них и когда попадетя в его крепкие любовные объятия, но непосильное для его мозга умственное напряжение скоро парализовало работу немногочисленных мозговых извилин, и он впал в дремоту.

Животноводческая ферма за полярным кругом — символ то ли концентрированной заботы о советском человеке, то ли типичного русского прожектерства, направленного по линии создания рукотворных морей, перекрытия и поворота вспять рек и других подобных «подвигов» по «освоению» природы — была уникальным изобретением неумных хозяйственников треста «Арктикуголь», его гордостью и бесспорным доказательством правоты лозунга, выдвинутого в тридцатые годы известным

Преобразователем Природы. Она имела единственный аналог за пределами полярного круга, и этот аналог опять-таки находился на территории другого советского поселка с египетским названием Пирамида. Там тоже, как и в Баренцбурге, была молочная ферма, а рядом с ней стояли парник, свинарник и птицеферма.

Остроумные полярники окрестили весь этот комплекс Скотланд-Ярдом, включив в игру слов русские и английские понятия. Как бы то ни было, но Скотланд-Ярд и парники являлись гордостью начальства и бесспорным украшением советских поселений на Шпицбергене, беспронимчивой агитацией в пользу самого справедливого строя на земле, выгодным туристическим аттракционом. Да и польза была от него несомненная: дети, больные и начальство получали свежее коровье молоко, яйца, мясо и овощи, а женщины к 8 марта получали по букетику тюльпанов, срезанных в собственном парнике. А уж свиного сала было столько, что украинским шахтерам и не снилось. Ну разве это не чудо света — седьмое или восьмое по счету?

Всем — и русским и норвежцам, прибывающим в Баренцбург или Пирамиду, — непременно показывали подсобное хозяйство, и каждый раз это производило на них неизгладимое впечатление. Правда, содержание комплекса носило затратный характер и требовало постоянных дотаций, но могучая страна могла выдержать тогда десятки и сотни подобных Скотланд-Ярдов.

...Бессонницей в поселке страдали многие — не только начальник порта Кравченя. Ветеринар Аполлон Волколупов тоже не смог сомкнуть в эту ночь глаз. Последнее время его неотступно преследовала одна навязчивая идея. Она не давала ему покоя ни наяву, ни во сне, цепко держала в своих невидимых железных тисках, сверлила мозг, лишала аппетита. Вот и сегодня он, напрасно пометавшись в постели несколько часов, сел на край кровати, нашарил на тумбочке пачку «Явы» и закурил, соображая, который час. За полярным кругом вопрос определения временных координат носит далеко не практический, а скорее философский характер.

Аполлон еще в школе решил посвятить свою жизнь благородному служению высокой науке. Не той ее сухой, выросшей в кабинетах ветви, а чистой практике в смысле получения конкретных результатов, которые бы приносили людям немедленную практическую пользу. Например, он мечтал о том, чтобы вывести какой-нибудь новый экземпляр домашнего животного, который бы давал максимум продукции при минимальной, разумеется, затрате кормовых единиц. Экономика должна быть экономной! Очень заманчивой казалась идея скрещивания, например, овцы с коровой или, на худой случай, плотвы с лососем, страуса с индейкой. Подумать только, сколько шерсти можно было бы настричь с овцебыка, сколько красной рыбы лосося появилось бы на прилавках магазинов, какие питательные яйца могли бы снести странейки!

В то время как сверстники играли в «казаки-разбойники» или «чижика», Аполлонша, удалившись в старый сарай, тайком изучал устройство половых органов кур, гусей, собак и кошек, часами пропадал на скотном дворе и с открытым ртом наблюдал, как скотник дядя Миша помогал жеребцу покрыть кобылу. Родители юнната, узнав о нездоровом любопытстве своего чада, пытались и уговорами, и розгой отучить его от пагубных наклонностей и даже грозились отдать его в ремесленное училище, но ничто не помогало. Аполлон продолжал упорно резать лягушек, ловить мышей и хорьков, спаривать кошек с псами и записывать результаты своих необычных экспериментов в толстую клеенчатую тетрадь.

В конце концов родители плюнули на своего сына и по окончании восьмилетки определили его в ветеринарный техникум. Студент Волколупов выделялся на фоне сокурсников неиссякаемым энтузиазмом и безограничной преданностью своей будущей профессии. Жадность к знаниям снискала ему уважение всего преподавательского состава. По окончании училища он был направлен в один из лучших животноводческих совхозов Полтавщины. Там он почему-то не прижился — вероятно пото-

му, что наплевательски относился к обычным животным, а сосредоточился на совершенно бесперспективных для колхозного движения занятиях: он мечтал вывести бойцовую породу свиней. Кто мечтает, тот рискует прослыть чудачком, а чудачки и в аграрном секторе никогда не были популярны. Скоро его из совхоза прогнали, и он перешел в колхоз, но и там не прижился и стал кочевать из одного хозяйства в другое, как перекасти-поле, вызывая везде недовольство своими экстравагантными и нездоровыми увлечениями.

Неизвестно, сколько бы еще длилась неустроенная жизнь непризнанного ветеринара-селекционера, если бы одному районному зооагриару не пришла в голову мысль «сбагрить» Волколупова из своей епархии. Из Москвы как раз пришла разряда на ветеринара для треста «Арктикуголь», и Аполлон Митрофанович получил самые лестные характеристики. Через пару месяцев он уже приступил к своим обязанностям за полярным кругом. Другой на его месте поставил бы крест на своей мечте, но Аполлоша почувствовал, что именно здесь может пробить его звездный час. Эксперименты в Баренцбурге можно было проводить в чистом виде. Никто не вмешивался в его дела — даже сама природа была лишена ненужных информационно-генетических шумов.

Волколупов проработал на Скотланд-Ярде уже восемь месяцев, когда он, наконец-то, вышел на свое открытие. То, что это было открытием, сомнения все-таки были, но что так помогает разнообразить нашу жизнь, как не сомнения?

* * *

Десять дней магнитная «шапка» держала Баренцбург и Пирамиду в полной изоляции от Большой Земли. Слабенький радиопередатчик Баренцбурга не мог пробить невидимое глазу мощное магнитное забрало и сиротливо молчал в ожидании новых распоряжений небесной канцелярии. Стояли крепкие морозы; чистое небо, развесив рваные сполохи северного сияния, злорадно потрескивало над уснувшим Гренфиордом. Магнитный заряд достиг такой величины, что при крепких рукопожатиях и нежных поцелуях полярников и полярниц вспыхивали трескучие искры.

Наконец радиоволнам удалось прорваться сквозь блокаду и доставить на архипелаг долгожданные вести из Москвы. Но, в отличие от прошлых информблокад, новости с юга никого не порадовали.

Словно пережевывая надоевшую жвачку, приемное устройство нехотя выплюнуло простыню с закодированными текстами: один в адрес консула Еремкина, а другой — представителю треста Трегубенко. Расшифрованный текст суконным языком сообщал, что великая держава, занимавшая одну шестую часть света, которую долго и тщетно пытались уничтожить и развалить внешние вражьи силы, в одночасье прекратила свое существование. Три славянских вождя собрались в лесной пуще, носившей название популярной в народе водки (к этой водке, кстати, восходит и название вымирающего бычьего племени — так, во всяком случае, рассказывал недавно один мужик в поезде) и от имени своих народов объявили о роспуске Союза и создании на базе его угнетенных республик Содружества Независимых Государств.

Новость была настолько ошеломительной, что Еремкин попросил к себе шифровальщика Руслана Балакирева.

— Ну как, Леонид Маркович? — бодро поинтересовался шифровальщик. — Сообщеньице, подкупающее своей новизной. Не правда?

— Ты не ошибся при расшифровке?

Полное, круглое, как солнышко, лицо шифровальщика оскорбленно сморщилось в мятый соленый помидор:

— Обижаете, Леонид Маркович.

— Да нет, я не сомневаюсь в твоей профессиональной выучке, но мало ли что бывает...

— Исключается, Леонид Маркович.

— В голове не укладывается... Независимых государств... А разве бывают на свете зависимые государства?

— Голые факты, Леонид Маркович. Никакого мошенничества.

— Ну ладно, иди.

— Есть, Леонид Маркович.

За долгие годы работы Балакирев отупел от наборов арабских цифр и букв русского алфавита и начисто потерял всякий интерес к скрывавшемуся за ними смыслу. Основной вал входящей информации, состоящий из директив, инструкций и циркуляров, был настолько однообразен и скучен, что он, расшифровав только начало телеграммы, мог безошибочно, почти дословно, угадать и восстановить остальной текст, не прибегая к утомительной процедуре расшифровки. Так что драматическое сообщение о катаклизме на материке прошло почти по касательной его сознания. С таким же автоматическим безразличием он мог бы передать шефу «подкупающее своей новизной» сообщение о конце света. Зашифровка исходящих телеграмм была еще менее интересным занятием, потому что Балакирев всегда находился в курсе всех событий на руднике и в консульстве — тем более. Как он умудрялся узнавать обо всем первым, почти не выходя из «Замка Иф», как говорил консул, «уму не растяжимо».

Шифровальщик ушел, а консул все вертел в руках лист бумаги, вчитывался в отдельные формулировки, кряхтел, закуривал сигарету, чесал в затылке, но голая суть делеши от этого не менялась. Первым интуитивным движением партийной души было напиться и заглушить страх. Потом ему захотелось вызвать кого-нибудь из подчиненных и «врезать» ему по первое число. Но никого, как назло, под рукой не оказалось. Тогда он набрал номер телефона Коршунова и, прикрыв трубку ладонью, хриплым голосом заговорил:

— Саш, ты слышал? Ну и что: ты веришь во все это? Да нет, ошибки быть не может. Да? Я сегодня еще не включал. Так ты теперь гражданин иностранного государства. Как же ты будешь управлять чужой собственностью? Что? Ладно, созвонимся.

Консул включил стоявший на столе приемник, настроенный на волну «Маяка». Сквозь характерное потрескивание эфира маринованный голос диктора читал официальный текст, почти слово в слово совпадавший с текстом только что полученной телеграммы. В комнату постучали, и вошла бухгалтерша Надежда Сергеевна Шаталова. В самые трудные минуты консул обращался к Шаталовой, и еще ни разу не было случая, чтобы она не утешила своего шефа.

Надежда Сергеевна была женщиной незамужней и не совсем самостоятельной, а потому, кроме приобретенной склонности к цифрам, имела врожденную тягу к женатым и солидным мужчинам и была всегда готова занять угол в каком-нибудь любовном треугольнике. Бухгалтерша хорошо ориентировалась в том, что происходило в консульстве и за его пределами, и с учетом вышеперечисленных достоинств была самым подходящим собеседником в данную минуту.

Кивнув головой в знак приветствия, она присела на стул и тоже стала слушать радио. Леонид Маркович молча протянул ей телеграмму МИД. Бухгалтерша мельком взглянула на нее и вернула обратно.

— Ай-ай-ай! Что делается-то! — запрочитала она без всякого намека на переживание.

— Может, собрать народ и провести разъяснительную работу? — спросил консул.

— Предлагаю немного подождать, Леонид Маркович. Думаю, скоро поступят подробности и дополнительные инструкции.

— А что же делать?

— Надо готовиться, Леонид Маркович, к самому неизбежному.

Самое неизбежное для дипломата — отъезд на родину. Ничто так не излечивает заграникомандированного от тоски по родине, как мысль о скором туда возвраще-

нии. Еремкин ностальгией не страдал — он еще не успел насытиться заграничной жизнью.

— Я пойду, Леонид Маркович, на всякий случай подготовлю документацию, проверю кассу... А вы тоже наведите порядок в отчетности.

— Вечерком заходи на чаек,— пригласил, как бы вскользь, вдогонку консул.

— Ой, спасибо, Леонид Маркович. Я пирожков напеку, тесто уже замесила. А супруга когда приходит с работы? — Шальные глаза бухгалтерши игриво стрельнули в начальника.

— Она вернется поздно,— успокоил Веревкин.— У нее в доме культуры спевка, драмкружок...

— Ну, хорошо, я пойду?

Поступившие на следующий день подробности тоже были малоутешительные. Поселок возбужденно гудел, люди прекратили работу, сбивались в кучки, что-то горячо объясняли друг другу, спорили, доказывали. Вид у всех был растерянный. Со стороны Скотланд-Ярда доносился рев голодных коров — люди в постигшем их горе забыли вовремя накормить животных. Все эти звуковые колебания поднимались над взбудораженным поселком и уносились в безмолвное холодное темно-синее небо, словно в черную дыру, не вызывая никакого отклика.

* * *

Кондратий Топорков был вполне самостоятельной личностью и взял себе за правило всего добиваться в жизни самому. Это правило до сих пор легко претворялось в жизнь, особенно после того как отец Кондратия занял важный пост в Министерстве иностранных дел.

Он еще в детском садике удивил своих воспитателей практической жилкой, продавая своим товарищам-малолеткам бутерброды по твердой, то есть выше буфетной, цене. В школе он в одиночку собирал металлом и сдавал его в заготпункт за деньги. Когда подрос, воспользовался заграничными купками папы и развернул выгодную торговлю «забугорными» марками, монетами и джинсами, так что по окончании десятого класса на его личном счету в сберкассе № 2546/7519 находилось более двух тысяч рублей. Современный Чичиков справедливо полагал, что привилегированное положение папы — это хорошо, но оно не вечно, и нужно заранее создавать позиции в жизни, в которой этой страховочной сетки не будет. А вернее денег ничего в этом мире нет.

После окончания МГИМО перед ним открывалась широкая дипломатическая дорога — нужно было только ткнуть пальцем в любую точку земного шара, и его мечта немедленно бы исполнилась. Но Кондратий остался верен себе и ткнул пальцем рядом с северным полюсом. На недоуменные вопросы своих товарищей по институту он с загадочной улыбкой отвечал, что его всегда влекло на Север, и что жизнь надо начинать трудную, но праведную.

Желающих поехать на край света не было, так что у Топоркова конкурентов не оказалось. Через два месяца после защиты диплома он оказался на пересечении 78-го градуса северной широты и 16-го градуса восточной долготы. Он просчитал, что его патриотический порыв будет должным образом оценен в кадрах МИД и что дальнейшую свою карьеру он сделает без труда. Краеугольным ее камнем станет Баренцбург.

На Шпицбергене просматривались две возможности дополнительного приработка: перепродавать шахтерам по завышенной цене товары, приобретаемые с дипломатической скидкой, и... написать бестселлер. Последняя возможность, правда, была не такой уж реальной, но это казалось только на первый взгляд. Кондратий не любил терять даром времени и со второго дня пребывания в Баренцбурге приступил к написанию детективного романа. Большого писательского таланта он не обнаружил, но

это его нисколько не обескуражило. Мама ведь тоже сидела в нужном месте — в редакции крупного издательства — и уж как-нибудь сумеет пристроить его литературные перлы.

Обложившись книгами признанных русских и советских классиков, секретарь консульства Топорков без зазрения совести переписывал из них для своего романа целые пассажи с описаниями природы и характеров героев. Наступали такие времена, когда никто никого нигде не контролирует, а плагиат считался добропорядочным занятием. Что касалось сюжетов, то по этой части воображение опытного фарцовщика работало безукоризненно.

С коллегами по консульству Топорков общаться избегал, все свободное время посвящая подбору на руднике клиентуры для будущих коммерческих сделок. Вращаясь в рабочей среде, он совершенно опростился и ходил в ватнике и шапке-зэковке, комнату свою на третьем этаже жилого отсека консульства не убирал, никого в нее не впускал, питался неизвестно где и как и круглосуточно находился в розыске консулом Еремкиным.

В поселке Кондратий слыл «своим в доску» парнем, готовым прийти на помощь, одолжить денег, достать нужную видеокассету и вообще выручить из беды. Тайком от всех он завел переписку с заграничными агентствами по торговле недвижимостью, которую хранил в специально оборудованном тайнике в своей комнате. Вечерами, когда все отходили ко сну, он закрывался в своей келье, доставал из тайника заветную папку с шикарными конвертами, фирменными бланками и красочными проспектами и благоговейно перебирал их, вчитываясь и всматриваясь в соблазнительные предложения о приобретении недвижимости на берегу Женевского озера, на средиземноморском побережье Франции или Испании. Это были лучшие минуты его жизни, не выставлять свои чувства напоказ стало привычкой, но он знал, что скоро наступит и для него звездный час, когда он сможет зайти в одно из таких агентств и заключить в нем давно лелеемую сделку.

Пока же надо соблюдать конспирацию, работать и копить деньги.

* * *

Роман Спиридонович под разными углами повертел на вытянутых руках только что вырезанную им деревянную тарелку, чтобы убедиться при тусклом освещении в симметричности нанесенного узора, и одобрительно крякнул. Тарелка получилась не хуже, чем у признанных в поселке «чейнджовщиков», полярных коробейников. Теперь надо только зачистить поверхность наждачной шкуркой и покрыть лаком. По просохшему лаку нужно будет пройти масляными красками и нарисовать какой-нибудь незатейливый шпильбергенский мотивчик: вершину горы, белый пароход, голову оленя или, на худой случай, чью-нибудь физию, например, портового грузчика Коляна. И вот предмет художественного промысла готов. Останется только найти на него покупателя — естественно среди «норгов».

Он порылся в самодельной тумбочке, служившей одновременно подставкой для самодельной лампы, и достал оттуда блокнотик наждачной бумаги. Напевая под нос: «Самое синее в мире Черное море мое», он увлеченно зачиркал наждаком по будущему шедевру. Интересно, насколько потянет эта тарелочка? Крон триста за нее должны дать.

В Херсоне мастерить ему приходилось мало, а тут вот увлекся. Посмотрел, как другие делают, и решил, что может заработать не хуже их. Эка невидаль — наковырять узор на круглой заготовке, которую бесплатно вырежут работяги из столярки.

Тарелки, конечно, само собой, но надо написать письмо супругице. Пусть пришлет самоварчик, матрешек, значков всяких, мундирчик или погоны офицерские, а еще лучше — медали. «Норги» все хватают, чудачки, все-то им нравится, и за все пла-

тят валютой! Глядишь, к концу командировки прикупит «видик» японский или кассетничек, а может, и то и другое. Да и Нинке с детишками барахлишко бы не помешало. А что делать зимой? Ремонт буксира и самоходной баржи образца одна тысяча девятьсот шестидесятого года займет не больше недели. Куда девать остальные четыре месяца «полярки»? Знамо дело, на «чейндж»! Вот солнышко взойдет, и «норги» появятся на своих скутерах в поселке. Тогда только успевай сбывать заготовленный загодя товар!

— Тот кто рожде-о-о-н был у моря-а-а, тот полюбил навсегда-а-а...

Кравченя не был одинок в своем новом увлечении.

Слухи о том, что все доживут до светлого будущего, были сильно преувеличены, а потому полярники, проживавшие в советских поселках, дело этого самого светлого будущего приближали, как могли. Каждый второй занимался каким-нибудь ремеслом, чтобы подработать на «кусочек масла на ломоть хлеба». Все вдруг обнаружили в себе скрытые доселе и пропадавшие втуне задатки резчиков по дереву, специалистов по маркетингу, рекламе и сбыту. Трудно было отыскать хоть одну комнату в общежитии шахтеров, где в укромном углу не были бы сложены заготовки для «чейнджа».

Вначале это был действительно чейндж — «обмен» в переводе на русский язык. Он возник на потоке встречных желаний советских и норвежских граждан и постепенно принял уродливые конспиративные формы, поскольку не поощрялся ни русской, ни норвежской администрацией. Норвежцу, не представляющему свой устроенный быт без русского самовара, а его советскому партнеру, имеющему этот самовар, но умирающему от желания стать обладателем японского портативного магнитофона, нужно было, с трудом обретя общий язык (сначала в буквальном, а потом и в переносном смысле), встретиться где-нибудь в тундре и по условиям настоящей явки произвести натуральный обмен интересующими их предметами. Такая торговля, естественно, могла удовлетворить только избранных счастливых, но не растущий широкий спрос на самовары или магнитофоны.

Когда развивающийся социализм плавно перешел в перестроечную фазу, то на Шпицбергене, как и на Большой Земле, стала расшатываться дисциплина, и «чейндж» стал явочным порядком пробивать себе дорогу из тундры на главную площадь Баренцбурга. «Чейнджовщики» раскладывали свой товар прямо у памятника Ленину, перед окнами квартиры директора рудника Коршунова, и на глазах сотрудников консульства и всей честной публики стали зазывать к себе норвежских гостей.

Наглый вызов местных «спекулянтов» моральному кодексу советских граждан и цивилизованным норвежским нормам торговли был, между тем, принят советским консульством и конторой сюзсельмана. Сначала против посланцев Меркурия на Шпицбергене были предприняты карательно-административные меры, но неудовлетворенная потребность в самоваро-магнитофонах от этого не уменьшалась, а наоборот росла. «Чейндж» — плод большого заполярного воображения — оказался на редкость живуч. Он успешно выдержал объединенную советско-норвежскую административную атаку и буйным чертополохом продолжал разрастаться на девственной почве архипелага.

Сюзсельман Юнглинг первым понял, что бороться с «чейнджем» бесполезно и отдал распоряжение об его легализации. Классический ход. Как обуздать растущую преступность? Очень просто: исключить данный вид преступности из списка преследуемых по закону. Советская администрация после долгих сомнений поддержала Юнглинга в этом смелом начинании.

Легализация «чейнджа» привела к тому, что им в русских поселках стали теперь заниматься все, и тогда предложение самоварно-матрешечной товарной массы стало превышать спрос. Это привело к падению на них цены и к резкому повышению цен на японские магнитофоны. Норвежцы нагло просили теперь за свой кассетник два, а

то и три тульских изделия. Самоварами скоро закидали весь Лонгйербюен, а потом и северные губернии Норвегии, наиболее тесно связанные со Свальбардом, по-нашему Шпицбергену. Потом спрос совсем упал, и «чейндж» стал чахнуть на корню. Перед тем как отдать концы, он прямо по Марксу и Энгельсу стал мутировать в сторону обычных товарно-денежных отношений. Сохранив за собой название «чейнджовщиков» — фиговый листок для прикрытия неумного предпринимательского зуда, — шахтеры Баренцбурга и Пирамиды стали торговать своими изделиями, требуя за них норвежские кроны или любую СКВ. Тарелки и самовары уже приелись норвежским туристам, тогда с материка к шахтерам тонкой струйкой потекли посылки от родственников с сувенирами. Эта товарная масса стала пополняться предметами экипировки: овчинными тулупами, валенками и шапками-ушанками типа «ззковки». Последние приобрели такую популярность, что за ними стали приезжать туристы из Швеции.

Сюссельман тогда еще не знал, что экономические законы, которые прекрасно действовали на Западе, перестают работать там, где к ним прикоснутся жители одной шестой суши. Безналоговая безлицензионная торговля — это новый вызов норвежскому суверенитету на архипелаге, но Юнглинг сделал вид, что ничего не происходит, хотя и здорово задумался. В конце концов, когда ушлые «чейнджовщики» со своим товаром стали мозолить глаза под окнами его конторы, терпение губернатора лопнуло, и он категорически запретил им появляться в норвежской столице. Черт с вами, торгуйте в Баренцбурге, раз вас так приперло!

...Кравчене не удалось самолично пройти все упомянутые фазы развития «чейнджа», но это ничуть не помешало ему сходу приобщиться к делу и стать в нестройные, но дружные ряды «чейнджовщиков». В первую очередь он освоил производство наиболее ходового товара — настенных тарелок — и сумел уже «толкнуть» непритязательным в искусстве «норгам» два подобных изделия. Одновременно в потаенном месте под матрацем у него появились аж целых пятьсот двадцать норвежских крон! Лиха беда начало!

— Че-о-о-рное море мое!

Роман Спиридонович последнее время взял в свой репертуар песню о Черном море, потому что считал ее национальным гимном и всей душой приветствовал недавнее закрепление Крыма с его акваторией за любимой Украиной. На эту тему он вел ожесточенные споры с «москалями», кусающими теперь локти по пропитой Ельцыным в Беловежских Пущах Таврии. Он, однако, так увлекся делом, что не заметил, как в комнате возник Кондратий Топорков. Тот вообще имел обыкновение подкрадываться сзади или незаметно материализовываться из темноты.

— Бог в помощь, — вместо приветствия произнес секретарь консульства. Странно было слышать эту фразу из уст двадцатидвухлетнего комсомольца в том месте, которое, казалось, богом было забыто.

— Привет, — нехотя буркнул Роман Спиридонович. Опять этот хмырь болотный за чем-то приперся!

— Как дела? Как «чейндж»? — Раскосые татарские глаза-черносливы Кондратия еще больше разъехались сразу и на Кавказ, и на Воронеж, на губах заиграла слащавенькая улыбочка полураскасявшегося Раскольниковца, только что «пришившего» старушку-процентщицу.

— А тебе-то что? Хочешь наябедничать консулу или директору?

— Ну, это ты зря, — ничуть не обиделся Топорков. — Мне это ни к чему.

— Кто вас тут, москалей, знает, — неуверенно сказал Кравченя и отложил тарелку на подоконник.

— Принес тебе кое-что показать.

— Так показывай, коли принес.

Кондратий достал из кармана маленькую коробочку с часами:

— Вот, гляди, часики что надо. С календарем, будильником, электронным дисплеем.

Кравченя осторожно взял коробочку и поднес ее поближе к свету:

— Сколько?

— Двести. Вообще-то они стоят сто девяносто восемь. Не веришь? Вот каталог, смотри. Две кроны я потратил на почтовые расходы.

Топорков вытащил из-за пазухи фуфайки небольшую брошюрку — каталог какой-то неизвестной норвежской фирмы в Тромсе, торгующей по почте разным хламом. Под часами стояла названная сумма — сто девяносто восемь крон. Часы обошлись Кондратию в сорок девять крон, потому что имел от фирмы подарочный талон.

— Ну, как — берешь? А то один покупатель у меня уже есть, только он попросил подождать с деньгами.

— А ты ждать не можешь?

— Мне нужны деньги сейчас.

Кравченя задумался. Часы ему понравились, но не хотелось тратить деньги, отложенные на магнитофон.

— А за сто пятьдесят не уступишь?

— Ты что: какой же мне смысл продавать их дешевле того, что я уплатил. Ну, ты даешь, Роман! — возмутился секретарь.

— Ладно, давай уж. Уговорил.

Кравченя полез под матрац и извлек оттуда на ощупь нужную сумму.

— На, блин, держи.

Топорков тщательно пересчитал десятки и пятерки и спрятал их в бумажник.

— Еще ничего не надо?

— Как ничего? Мне нужен двухкассетный магнитофон. Подберешь по своим каталогам?

— А чего подбирать? Я уж заказал один по «Квелле». «Филиппс» годится?

— Я не понимаю... Это японский?

— Нет, голландский, лучше японского.

— Потом покажешь?

— Спрашивай. Ну, я пошел.

Топорков, получив триста процентов прибыли, так же бесшумно исчез из комнаты, как появился. Было время обхода клиентуры.

Кравченя повертел часы в руках и стал манипулировать кнопками, чтобы поставить время. Потом застегнул браслет на левой руке, отставил руку в сторону и полюбовался покупкой. Таких в херсонском порту, пожалуй, ни у кого нет!

Налюбовавшись досыта, он вернулся к тарелке и принялся мазать ее самодельной кисточкой. В комнате распространился едкий запах лака. У него закружилась голова, но он превозмог себя. Ведь искусство требовало жертв, особенно искусство, помогающее зарабатывать валюту.

— Тот, кто рожден был у мо-о-ря...

Яков Шафран
(г. Тула)

РУСОФОБИЯ — ЭТО РАСИЗМ И НАЦИЗМ*

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Чтобы грабить не задумываясь,
необходимо убедить себя и других,
что те, кого грабят, не люди.*

(Общезвестный закон
международных грабителей)

*«Никто не спросит: "Чье богатство?
Где взято и какой ценой?"
Война, торговля и пиратство —
Три вида сущности одной».*

(Слова Мефистофеля, обращенные
к Фаусту, из трагедии «Фауст»
И. В. фон Гете)

«Я не такая, я жду трамвая».

(Устное народное творчество)

Что же питает Западную цивилизацию и ее специальный действенный ударный механизм — нацизм в их антагонистичном, постоянном и активном противостоянии Русской цивилизации? Что это за «пища», некая «амброзия», предшествующие века поддерживающая заданное господствующее направление, поддерживающая его увядающую молодость и даже, можно сказать, практически бессмертие? Проанализировав прошлые и настоящие неблагоприятные деяния объединенного Запада, нетрудно транспарентно увидеть и понять лежащее в их корневой основе, питающее их. Подлинное имя сей «амброзии» немудреное — это *русофобия*. Говоря о ней, мы имеем в виду фобию по отношению не только к русскому, но и ко всем народам и народностям России, не мыслящим себя вне русского народа, вне тесного и гармоничного взаимодействия с ним во всевозможных сферах повседневной жизнедеятельности России, несмотря на все религиозные и иные различия.

ЯВЛЕНИЕ, ЗАКОНОМЕРНО ПРИСУЩЕЕ ЗАПАДУ

Является ли русофобия уникальным проявлением Западной цивилизации? Как было показано во второй статье цикла (см. сноску), нацизм, плоть от плоти и кровь от

* Предыдущие статьи цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации»: 1. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» <https://proza.ru/2022/12/10/1769> и 2. «Ударный механизм западной цивилизации. Черный интернационал» <https://proza.ru/2023/03/17/1558>

крови ее, есть апогей, активное проявление расизма, следовательно, последний, в той или иной степени, свойственен Западу. И действительно, если мы посмотрим на всю его многовековую историю, то легко найдем компетентные источники расизма — еще в классической греко-римской античности. В V веке до н. э. Гиппократ писал: «Мысль о том, что черные люди трусы, а белые люди мужественные борцы...». Можно привести в пример и расовые воззрения греческого философа-стоика Посидония (135—51 до н. э.).

Все сие передавалось по «родовому» наследству и *развивалось*.

Вольтер (1694—1778), известный мыслитель так называемой поры Просвещения, писал: «Как хороши берега Южного моря, и как мерзостны его обитатели! Это просто звери. ... Когда глядишь на них, так и напрашивается вопрос — кто от кого произошел: они от обезьяны или обезьяны от них?» К. Майнерс, немецкий историк и философ (1747—1810), понимал иные расы безнравственными, с низкими и даже низменными индивидуальными качествами, полностью или достаточно лишенными человеческих добродетелей и, наоборот, обладателями ужасных, низменных качеств и считал негров вообще животными. Он причислял и славян к особой и неполноценной расе. Да и недвусмысленные взгляды известного диалектика Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831) обеляли колониализм.

Однако расистское *размежевание* стало происходить и в среде европейских народов. Приведем в наглядный пример Францию, там, в XVII веке, культивировалось жесткое деление на две расы: благородную, произошедшую от германских франков, и туземную, галло-римскую.

Самым же главным и очевидным проявлением расизма является пресловутая маниакальная идея — *ad absurdum* (до абсурда, лат.) — врожденного англосаксонского превосходства, буквально *обуявшая* к XX веку население соответствующих стран. Она была прямым выражением дарвинистской теории в любых интернациональных построениях — менее развитые и непрактичные народы неминуемо будут подчинены более развитым и успешным, то есть англо-американской общности. В убедительное подтверждение можно привести следующие откровенные высказывания известных англосаксонских деятелей, убежденных в этом и в том, что расы, по сути, предстают в качестве политических и должны занять свое, отведенное природой каждой особое место в строгой мировой расовой иерархии. Американский геополитик контр-адмирал А. Т. Мэхэн (начало 90-х гг. XIX века): США и Великобритания «пора начинать работать вместе на общее дело и, если потребуется, *против остального мира*. Это является нашей высшей государственной задачей, причем как для упрочения политических традиций, так и во имя объединяющей нас *общей крови*». Американский историк Джордж Бартон Адамс: «Перед нами единственный путь: мы должны отстаивать наши общие идеи и институты во имя *общей расы*».

Для вящей справедливости следует сказать вновь, что расизм по отношению к России не досадное исключение, а типичное явление, закономерно присущее Западу. Несомненное доказательство этому — фактическое наличие современных расистских стран в мире, где и ранее, и в настоящее время культивируются сумасбродные идеи национального и расового господства, на идеологической основе которых базировались текущие порочные стратегический курс и социальная практика, да и само повседневное существование государства. Сюда относится и беспрестанное систематическое и ожесточенное преследование русских и русскоязычных в Прибалтике. И в не таком уж далеком прошлом аналогичное преследование и ущемление в общечеловеческих и гражданских правах в США, Канаде и Австралии еще в 60-х годах XX века туземных народов и меньшинств. А ведь во Христе «нет ни Элина, ни Иудея...» («К Колоссянам». Послание ап. Павла, глава 3, стих 11). Не нужно забывать: расизм — это и уничтожение собственной расы и национальности их искусственным возвеличиванием над остальными.

ЯД И ПРОТИВОЯДИЕ

Строго говоря, люди, независимо от этнического происхождения, делятся *ad oculos* (воочию, лат.) только на два народа: на людей и нелюдей. Однако верно и то — пассивное большинство всегда непростительным равнодушием потворствует целенаправленным злым действиям организованного агрессивного меньшинства, стоящего у власти в тех или иных государствах. Что и дало возможность создать Западную цивилизацию как *антибожественную*, сатанинскую, низшей точкой закономерного «развития» которой есть принципиальное и категорическое неприятие всех традиционных вероисповеданий и всечеловеческих нравственных ценностей.

Русская цивилизация никогда не кичилась собой, никогда не исповедовала своего превосходства над другими странами и нациями, по авторитетному мнению видного русского мыслителя А. С. Хомякова не древние германцы и их потомки — современные западные нации, а древние славяне и их потомки, среди которых более всего русские, имеют геном (геном Русской цивилизации), наряду с индийским, особенно близкий к *светлomu, индо-славянскому началу*, прочную и глубинную генетическую память о давнем изначальном единстве. И происходящее в наше время, а также четкая целевая евразийская направленность России и ее концепция внешней политики доказывают, что это действительно так.

Непреложная Божественная Истина говорит нам об индивидуальной неповторимости того или иного народа, о духовной неповторимости его традиционной культуры, о неповторимости его языка как главного, незаменимого и действенного инструмента жизненного проявления и сбережения духовно-нравственной самобытности, его полной самоидентификации, его корневых цивилизационных норм, смыслов и архетипов; о драгоценной части наследия всего человечества. Когда серьезная потеря любой части есть громадный и невозместимый ущерб, есть духовное обнищание *земного мира людей*. Потому и противопоставляется расизму культура, пусть и малой народности, тем не менее имеющая право на защиту своей самобытности, определенного своеобразия.

Но существует расизм и скрытый — при нарастающем повсеместном распространении *коммерческой антикультуры и религии денег* возникает угроза вышеприведенному неотъемлемому праву, индивидуальному совершенствованию человека и духовной эволюции человечества. Ибо осуществление творческих, созидательных возможностей как отдельного человека, так и общества в целом, да и сама эволюция лежат в *развитии культуры*. Поэтому без нее будущее теряет всякий здравый смысл.

В связи с этим целенаправленное и безжалостное уничтожение значимых явлений культуры других народов является закономерным проявлением расизма. А отсутствие почтительного и благожелательного отношения людей к ней, отечественной, к прошлому своей страны, к вековым народным традициям и ценностям можно со всем законным основанием расценивать в качестве внутреннего расизма, то есть *саморасизма*.

РЕАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕНАВИСТИ К РОССИИ

Однако стойкая, упорная ненависть Запада к России имеет гораздо более прочный фундамент, чем просто расизм. Почему?

Психология говорит нам, что ненавидят, как правило, явно противоположное, или совершенно непонятное. Конечно, все зависит от интеллектуального и духовного уровня человека или суммарного духовного уровня определенной нации, конкретной страны и, соответственно, цивилизации.

Атрибуция в этом плане показывает нам, что главный побудительный мотив постоянной враждебности к России — в возможности спасения ею, будучи государство

в действенной силе, остального мира от абсолютного физического и духовного порабощения, ибо важнейшие, фундаментальные аспекты Русской цивилизации, в которую по неотъемлемому законному праву входят все народы и народности нашей большой державы,— духовное становление человека, общее дело, общая польза и «за други своя», в серьезный противовес Западной цивилизации, с извечным жестким соперничеством, стоящим во главе угла технократизмом и потребительством, с гипертрофией материальных потребностей, культом их, преувеличением их роли в жизни.

Россию ненавидят еще и за то, что, несмотря даже на все ее теперешние нерешенные насущные проблемы, она — принципиальная оппозиция Западу в его настойчивом, неуклонном стремлении установить антихристианский глобальный порядок, оппозиция неизбежной глобальной — экологической, демографической и т. д., — мировой катастрофе. Потому-то Запад всеми объединенными силами сопротивляется возрастанию совокупной мощи России. И какой бы общественно-политический строй, и какая бы форма власти не существовали в ней, возжеленная цель Запада, кто бы у них ни находился у власти — левые, центристы или правые, вплоть до крайне правых,— действовать постоянно против России и делать решительно мыслимое и немислимое, в силу собственной цивилизационной антирусскости, чтобы любым способом, но уничтожить ее. А лучше — уничтожить русских вообще, или, на худой конец, насколько можно больше, ведь они так просто землю свою, богатейшую, не отдадут. Вероятно, поэтому делается все для затягивания конфликта на Украине на бесконечно длительный срок, для максимально большего количества убитых русских с обеих противостоящих сторон...

Но есть еще одна веская причина постоянного неодолимого страха перед Россией и неизбывной ненависти к ней — причина геополитическая. Дело в том, что на Западе считают: успешное глобальное управление миром невозможно без обладания территорией, лежащей между Тихим океаном и Польшей с Румынией, называемой там «Хартлендом», «Мировым островом», «Осевым регионом», «Сердцевиной» и «великой природной крепостью» людей земной суши. И не только из-за ее колоссальных природных ресурсов, но и вследствие фактической неприступности для военно-морского флота агрессивных морских держав. Здесь, по мнению Западной цивилизации, должно располагаться западное «осевое государство».

Известно, каждый судит о других по себе, и у страха глаза велики. Вот и управленческая элита англосаксов, вскормленная расовым дарвинизмом, в начале XX века начала активно рассматривать нашу страну как ключевого, опасного соперника. Причем очень сильного соперника, способного разрушить их глобальную «империю». И они стали прилагать многолетние целенаправленные усилия, с одной стороны, чтобы «сдерживать» русских, а с иной — «доказать» их неполноценность.

В конечном итоге англосаксы, кого именно Россия более всего беспокоила, объявили русских политической расой. Так и говорили: «опасные русские». Стюарт Анерсон писал: «Трудно выразить словами ужасающее впечатление, которое производил на британцев и американцев Русский колосс. Они рассматривали экспансию Российской державы как почти космическое явление, несущее в себе гигантскую стихийную, непреодолимую силу, которая затрагивает всех и каждого, кто становится на ее пути. Будь то государственные деятели или философы, все они сравнивали русскую экспансию с движением ледника, выползшего с Севера и ежегодно увеличивающегося в объеме и набирающего все больший вес». Поэтому, наверное, вдоль всех своих пограничных рубежей Россия во все времена постоянно входила в потенциальное или прямое и напряженное противостояние с англосаксами, в каком-либо их виде.

Вся непростая история XX века отличалась в том числе безуспешной попыткой установить контроль над Хартлендом, который всегда ассоциировался с Россией (и с СССР, соответственно) как с основным, а по сути единственным стратегическим ан-

тагонистом Запада. Сюда следует отнести и Первую мировую, и Гражданскую с интервенцией, и Вторую мировую войны. Прямым следствием стало учреждение агрессивных военных блоков: НАТО, СЕНТО, СЕАТО, окружавших Советский Союз. Восточная Европа по их стратегической наступательной доктрине должна была сделаться чем-то вроде «въездных ворот». Затянувшаяся война в Афганистане и стремительный распад СССР — продуманные операции все того же глобального противостояния. После распада нашей страны Хартленд оказался разбитым на некоторые разрозненные части по разным соседним частным «квартирам». Однако главная его часть все-таки осталась в России, и перед Западом встала первоочередная задача — любым, тем или иным путем, так или иначе, захватить ее.

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ ПРОКСИ-ВОЙНЫ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Но вернемся в немного более ранний период истории. На взгляд англосаксов, якобы проигранная Россией Крымская война (1853—1856) и похищенная у нее несомненная победа в войне с Турцией (1877—1878) вроде дали желанный результат. При всем том на Западе опасались нового усиления России и изменения непростой геополитической ситуации в свою реальную пользу. И в конце XIX века, ввиду растущей военной мощи Российской державы и огромных, бескрайних пространств, труднодоступности с какого бы то ни было моря и практически самодостаточной экономики, а также феноменальной способности осваивать обитаемые и необитаемые земли, не входя в противоречия с местным населением, что неизбежно приведет к нешуточной угрозе господствующему на то время положению британцев в Средиземноморье, Персидском заливе и далее в Индии, Бирме, Малайзии и Китае и сделает фактически неопределенным само реальное существование Британской империи, непосредственные руководители англосаксов решили — им необходимы подходящие союзники.

Кроме активной деятельности в этом направлении, как уже было сказано, англосаксы продолжали всемерно клеветать на Россию и ее народ, не желая расценивать русских расово полноценными и считая их «полудивилизованными» варварами, «последней волной варваров из Азии», ссылаясь на небезызвестный афоризм Наполеона: «Поскреби русского как следует и обнаружишь татарина». «Русские — это азиаты, которые вообще не являются частью западной цивилизации» (президент США Герберт Гувер). Что, в свою очередь, следует рассматривать неотъемлемой составной частью тотальной гибридной войны той поры.

Англосаксы, боясь России, всегда противостояли ей, так сказать, чужими «жилитыми» руками. И в 1898—1899 гг. Британия прошупывала реальную местную почву в Германии и Японии насчет весьма желательного образования наступательного союза против России в составе с Великобританией и США. Настоящее, собственно, и произошло. Русско-японская война в 1904 году стала действительным результатом хитроумных действий Лондона, а затем и Вашингтона. Вместе обе англосаксонские страны с непосредственной помощью прокси-войны руками японцев произвели направленный, как далее и оказалось, таранный удар по «вечному расовому противнику». Это же произошло, опять скрытно, и в отношении Германии во время Первой и Второй мировых войн, в результате чего осуществилось прямое сраживание России и Германии — фактически естественных *геополитических* союзников.

В характерной неприкрытой, паталогической ненависти к России и ко всему русскому, а более широко к славянству в целом, Запад создал и постоянно, при необходимости, воссоздает эффективный ударный механизм своего разрушительного влияния — фашизм и нацизм. Как уже говорилось в предыдущих статьях данного цикла, корни такого механизма растут из глубокого европейского прошлого, и даже из еще дальней, седой древности. Но энергично проявился он в современной истории в 20-м веке: наибольший страх и где-то откровенная, где-то затаенная ненависть обуяли

англосаксов из-за того, что Россия должна была погибнуть после Первой мировой и Гражданской войн и интервенции, однако этого не произошло. Напротив, в результате уверенного выбора неуклонного поступательного движения на развернутое строительство советского социализма страна буквально *возродилась из пепла* и до Второй мировой войны фактически стала сверхдержавой и вышла на самый высокий уровень эволюционного развития Русской цивилизации, сделавшись великим Советским Союзом. Тогда российский народ значительно возрос в совокупной мощи, вооруженный социалистическим мировоззрением. В то время возникло и невиданное ранее, уникальное явление, поразительный феномен — советский человек, и в этом явлении свой феномен — советские евреи. В результате англосаксы начали искать более действенные легальные и нелегальные методы ожесточенной борьбы. Ненависть к Советской России возросла еще и за активную и открытую проповедь всеобщей *социальной справедливости*, не ограничивающейся нацией или арийцами, а именно *всеобщей*. И такая ненависть могла воплотиться в виде беспощадной бактериологической войны, если бы не была вовремя предотвращена. И все же затем она реализовалась в виде гитлеровского нацизма.

Говоря о нацизме, следует отметить, что «настоящим апофеозом нацизма стало его *воскресение* и бурное развитие на современной “хунтовской” Украине — преступном гособразовании, где “украинство” есть производное тоталитарной идеологии Западной цивилизации*», и это не случайно, ибо «нацизм “глобалистского рейха” всех нынешних и минувших времен, как таковой, организовывался и нацеливался Западом, разумеется, против Русской цивилизации, и есть закономерный продукт Западной цивилизации, продукт давних *планировщиков*, которые планировали, планируют и, видимо, станут планировать в ближайшем будущем согласованные враждебные действия против России**». Ведь коллективный Запад считает русских, и славян вообще, «белыми неграми», лишними людьми на Земле. Не поэтому ли наша страна окружена не только военными базами, но и биологическими лабораториями, где создаются вирусы, направленного на определенный генотип механизма — т. е. на нас с вами. Например, прилетит к россиянину комарик, укусит, и у него уже не будет детей — «чисто», «красиво» и никто не убит...

Но именно наши люди осуществили великую и славную Победу СССР в Великой Отечественной войне 1945 года, Победу над фашизмом, над человеконенавистническим, антидуховным мировоззрением, каким пропитан несправедливый капиталистический строй, вечно рядящийся в одежды несущего всевозможные земные блага людям великого миротворца, толерантности и вселюбия, однако по меткой характеристике С. Н. Булгакова являющийся глобальным мизантропом. Настоящее определение капитализма и ныне оказалось верным, обретя множество веских и принципиальных доказательств. Просто фашизм — специфическая линза, выпячивавшая все «прелести» данного строя. И напротив, советская «линза» — простой и в то же время зримый символ Русской цивилизации — обычная русская женщина, лишившаяся всех детей, погибших на войне с оккупантами, *жалеющая* военнопленных и тайком кормящая их. Плененными немецкими фашистами, которые вместе со своими сослуживцами весело фотографировались, с закатанными рукавами, на фоне повешенных деревенских женщин, это было осознано и унесено затем на родину, в Германию. Вот потому мы и победили в той войне, и будем побеждать всегда.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУСОФОБИИ

Возвращаясь к главной теме нашей статьи, скажем — русофобия не просто алармизм, не просто фобия как собирательный медицинский термин, вобравший в себя

* Яков Шафран. «Ударный механизм западной цивилизации» <https://proza.ru/2023/03/17/1558>.

** Там же.

череду иррациональных, стихийных страхов и постоянных, стабильных тревог в определенных жизненных обстоятельствах или по отношению к определенному объекту либо непосредственному субъекту. Нет, русофобия — *идеология!* И силы, руководствующиеся ею, не просто верят, а убеждены, что после полного краха России, и даже просто существенного ослабления, они получают всяческую непосредственную выгоду, в том числе экономическую.

Русофобия по устойчивой общности некоторых прямых и косвенных признаков оказывается сходной с антисемитизмом, и аналогично антисемитизму систематически повторяется из века в век. Да, русофобия — это стойкие и явные антипатия и страх, ненависть и агрессивность, а также другие отрицательные, деструктивные и разрушительные эмоции и чувства относительно России по всему широкому спектру: к народу, языку, истории и культуре. Но было бы крупным упрощением считать, что все только в этом. И действительно, русофобия — цельная, системная *идеология* с особой поучительной историей управляемого происхождения и постепенной эволюции.

Федор Тютчев наиболее полно для своей поры определил русофобию, разделив ее на *внешнюю*, осуществляемую иностранцами, и *внутреннюю*, с тыльной стороны, со стороны определенных представителей собственного народа.

Какова же история возникновения русофобии?

Есть справедливое мнение: она проявилась уже сразу по Крещению Руси 988 года в лоне *Православия* и значительно усилилась вслед за схизмой 1054 года, когда специальные посланники Римского Папы Льва IX объявили о низложении Константинопольского патриарха Михаила Кирулария и его отлучении от Церкви, когда состоявшийся серьезный религиозный раскол окончательно разобщил христианскую Церковь на католическую и православную. В польско-литовском изложении русофобия как тоталитарная идеология возникла в XVI веке. И, несомненно, это не далеко от истины. Главные, непосредственные организаторы ее — «волки в овечьей шкуре»: иезуиты и крупные польские магнаты, что фактически стало идейным обоснованием польской активной военной экспансии на исконные русские земли в XIV—XVI веках. Тут-то и был использован лживый, пропагандистский миф: русские — невежественные, дикие варвары, не европейцы, а «злые татары».

Следует сказать, Польша, близко соседствующая с Россией католическая страна, всегда основной и ценный «информатор» Западной Европы о русских. Поляки сотворили целую наступательную политическую доктрину, по которой Русь испокон веку и на веки вечные есть безраздельная собственность Польши. Однако для пущей ясности следует еще раз подчеркнуть: глубинные корни негативного, враждебного отношения Запада, и Польши в том числе, к России в знаменательных событиях, происходивших после рокового падения Западной Римской империи (см. первую статью данного цикла*) и в событиях, связанных с сокрушительным разгромом Хазарии и обоснованным выбором князем Владимиром религии (о чем будет говорить далее).

Снова вернемся к нашим давним недрузьям, к Польше. По тогдашним польским неслезным характеристикам Руси: она — это другой, но неправильный — чуть ли не потусторонний — мир, который плох по определению. (Тут хорошо вспомнить русскую поговорку: «Как сама, такая и цена»...) И как хорошо ложились на западное идеологическое, враждебное отношение к Православию и его непосредственным носителям — государству и народу — пусть и лживые, и все же очень выгодные описания, что русские — неопрятные, дикие, некультурные, склонные к беззаконию люди, «счастливые» обладатели всех мыслимых и немыслимых человеческих пороков и потому представляют собой чудовищную и страшную анти-Европу, явную угрозу

* Яков Шафран. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» <https://proza.ru/2022/12/10/1769>

для «высококультурных» западных стран. В связи с этим было написано много специальной и популярной литературы, *таким образом* характеризующей русских, русскую державу и ее руководителей. В данном плане значим чистой воды вымысел об Иване Грозном, когда он представлялся кровожадным и сверхжестоким деспотом.

Кроме того, к началу XVII в. Польша создала развернутую захватническую программу относительно Московского царства. Оправдательная основа — отношение к русским как к индейцам в Америке, и аналогично испанским конкистадорам, порабоощающих их, так и поляки должны поработить русских, этих «диких индейцев» Востока для польских «фрыцарей».

Параллельно с информационной войной, в течение XVI в. Запад предпринимал и непосредственно активные действия, одной из первоочередных целей которых было принудить московские власти к принятию церковной унии, к соответствующему учреждению униатского патриарха в Москве и дальнейшего государственного табу на любое вероисповедание Православия, иначе говоря, подчинить Русь Польше через католичество. Сие активно направлялось Ватиканом. Римский Папа Урбан VIII направил Сигизмунду III послание, в котором говорилось: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что нет ей пощады».

И польская «элита» взяла это на вооружение. Русофобия ее эволюционировала и «совершенствовалась» из века в век, из десятилетия в десятилетие, из года в год. Так, более садистских, зверских условий в польских концлагерях для советских военнопленных в 20-е годы XX-го же века не было нигде в мире, даже в нацистской Германии. А ныне польские музеи изобразительного искусства полны батальных картин с изображениями благородных и красиво одетых польских воинов, попирающих ногами и саблями мерзкие существа, изображающие русских...

...Однако, несмотря на попадание в те давние времена всего запада Руси под полное польское владычество, несмотря на энергичное и всемерное развитие колонизации на этих землях и несмотря на то, что в начале XVII века польские захватчики, приглашенные тогдашними высшими боярами и митрополитом на царствование, оказались в московском Кремле, все отчаянные потуги колониального закабаления России потерпели бесповоротный крах. Данное чувствительное поражение окончательно утвердило Запад в упорном стремлении — чтобы защитить себя — в будущем полностью подчинить сию глубоко чужую, неприятельскую страну путем либо ее внутреннего категорического отказа от своих «неверных» и «вредоносных» установок и традиций, либо все же тем или иным образом внешнего силового захвата и безвозвратного исправления извне.

И далее русофобия, сформировавшаяся в базовых, основополагающих принципах века тому назад и почти в постоянном виде до сего времени активно присутствующая во всех многообразных аспектах Западной цивилизации, развилась в качестве целостной и всеобъемлющей *системы* в конце XVIII — начале XIX века, когда для этого сложились подходящие условия: становление наций, колониальная пора и так далее. Именно тогда создавались такие, например, ложные теории, как норманнская теория немецких историков об образовании варягами русской государственности и как концепция России — «тюрьмы народов». Внешняя идеологическая основа русофобии, вслед за ранее сделанным поляками, была сформирована во Франции Наполеона, которому (и Западу вообще!) Россия мешала достичь безраздельного мирового господства. И польские с российскими эмигранты хорошо поработали над формированием ее главных тезисов. А после окончательной гибели наполеоновской Франции методологические русофобские разработки переехали, вернее, *вернулись* в Англию. Почему «вернулись»? Потому что многообразные внешние проявления направлены на то, дабы закамуфлировать непосредственное и искусное англосаксонское руководство всей долгосрочной русофобской стратегией.

Выбранный курс постоянно поддерживался Западом, в силу изначальной приро-

ды, в силу определенной в начале его организации конкретной цели, на протяжении и последующих десятилетий. Ведь чтобы уничтожить светлое, духовное начало, тьма производит итерацию — *вновь и вновь* создает достаточно приемлемое оправдание этому маниакальному стремлению (и Чикатило, серийный и изощренный насильник и убийца, возводил искусственные внутренние умственные построения, объясняющие собственные страшные деяния с «моральной» точки зрения). И вот мы читаем: «Русский является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело», — писал Редьярд Киплинг. «Русские — это не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии», — говорил Йозеф Геббельс в 1942 г. «Неправда, что все люди суть люди. Русские — не люди, это чуждые существа», — заявлял Роберт Конквист, историк в США. Следуя данной «железной» логике, если на Западе живут люди, то в России — нелюди. И «бесчеловечная земля» («*ziemia nieludzka*») — укоренившееся недвусмысленное польское название России, сплошь и рядом применяется или подразумевается в нынешней западной публицистике.

Таким образом, мы убеждаемся в очередной раз — враждебное, в лучшем случае предвзятое и неуважительное, отношение к народу России как к злему, низменному, недостойному, во всем дурному, экзистенциально чуждому и враждебному, не изобретение поляков, а, наоборот, демонстрация их вассального *выслуживания*, и изначально предстает всецело западной идеологией, транслируемой оттуда, ставящей приоритетной задачей планомерное, вплоть до абсолютного, уничтожение России и всего, составляющего русскость.

Чтобы читателем была полностью осознана сущность русофобии, перво-наперво надлежит, пусть и в сжатой форме, насколько это позволяют размеры настоящей статьи, весьма сокращенно изложить одну давнюю историю. Еще до того, как Россия стала достойной преемницей Византии, еще до Монгольской Орды (что является особым предметом для разговора), еще до крещения Руси на ее рубежах существовало и активно действовало образование по имени *Хазария*. Молодое государство — Киевская Русь отстаивала свое суверенное существование в многолетнем противостоянии и даже борьбе с хазарским каганатом. А осознанный выбор Русью Православия сделался подлинным *духовным* триумфом над Хазарией. Рассматривая актуальные вопросы, связанные с русофобией, мы ни в коем случае не должны сбрасывать со счетов данное явление. Тем более, когда мы слышим: «Кто владеет Хартлендом, тот владеет миром».

Страна Средних веков — Хазария (650—969), устроенная кочевниками — хазарами, родом из Западно-Тюркского каганата, так или иначе властвовала над Северным Кавказом, Нижним и Средним Поволжьем, Северо-Западом нынешнего Казахстана, Азовским побережьем, Восточным Крымом, а также близлежащей обширной территорией вплоть до Днепра. Существенным обстоятельством для Хазарского каганата и всей последующей истории было проживание в нем, в том числе на родине хазар — в Дагестане, крупных еврейских общин. И вот около 740 года один из видных хазарских военачальников — Булан принял иудаизм. Сие значительно усилило его материальное и служебное положение и положение рода. А когда в начале IX века Обадия — законный отпрыск уже знатного семейства Булана стал вторым в след за каганом в государстве, с максимальной концентрацией у себя фактического управления страной, статус правящей языческой династии изменился к худшему. И тогда крупная часть руководящей элиты перешла в иудейскую религию. Впоследствии каганы древнего царского дома лишь формально возглавляли Хазарию, но фактически руководили их именовали беки — цари из рода Буланидов. И Хазария продолжала, с еще большей интенсивностью, традиционную завоевательную и грабительскую, посредством набегов на соседние, славянские земли и наложения тяжелой дани, агрес-

сивную политику. Это происходило до тех пор, пока князь Святослав в 969-м году не положил сему конец, разгромив данное *государство-паразит*.

Пришло время, и мудрый князь Владимир задумался о принятии религии. Хазарские иудеи, наряду с именитыми представителями других религиозных вероисповеданий, рекомендовали принять иудаизм. Он же, памятуя о нанесении сокрушительного поражения Хазарии своим отцом, спросил об их родной земле. Те признались об отсутствии собственной земли, так как Бог расселил их по различным землям (после окончательного падения Хазарского каганата во второй половине X века языческие хазары растворились в среде других народов, вошедших затем в Золотую Орду. А часть этнических хазар, исповедовавших иудейскую религию, и сами хазарские евреи влились в состав центрально-европейских еврейских общин и далее, большая часть их, смешалась с ашкеназами* Европы и сефардами**, изгнанными из разгромленной мавританской Испании). Князь Владимир сказал: «Так как же других учите, когда сами отвержены Богом и расточены? Если бы Бог любил вас и веру вашу, то вы не были бы расточены по разным землям: или вы хотите, чтобы и с нами случилось то же?», и ответил категорическим отказом принять иудаизм (см. Википедия. Материал из Википедии — свободной энциклопедии: «Крещение Руси» — «Сказание о выборе веры князем Владимиром»).

Мы надеемся, вдумчивый читатель понимает, что, говоря о хазарах и евреях — впрочем, и о населении стран объединенного Запада, — всегда следует отделять простых людей, связанных теми или иными социальными узами и зависимостями с племенными и народными вождями, а сейчас, как принято говорить, с государственной и общественной элитой, и вынужденных идти за ними, за этой самой «элитой», от нее. Здесь полезно вспомнить метод, применяемый на мясокомбинатах для избавления стада пригнанных на убой баранов, сбивавшихся в плотную кучу, упиравшихся, не желавших идти, от ужаса смерти, возбуждаемого эманациями проливавшейся крови. К ним выводили «штатного» дрессированного барана, который спокойно вел доверившееся ему стадо в соответствующее место...

ЦЕНТРЫ СИЛЫ, И ВЫСШАЯ СТАДИЯ РУСОФОБИИ

Для достоверной истории собственно последующего паталогического развития русофобии величайшее функциональное значение имело и имеет создание и целенаправленная кипучая (правда, преимущественно в скрытом виде) деятельность *Лондонского Сити*, который был основан — заметьте, почти в то же время! — около тысячи лет назад, и далее — его «небольшого» американского филиала, *Вашингтонского Округа Колумбия*. Не менее важную и весьма не второстепенную, а, наоборот, активную роль в этом плане играл и играет *Ватикан*.

Известно, самые главные русофобы — англосаксы. Они — целая могущественная империя (*agens*, движущая сила, лат.), держащая в своих ловких и цепких руках Западную цивилизацию и управляющая ею. (Слышал такое название их — «наглосаксы», что вполне соответствует положению дел...) И у сей «империи» есть указанные выше управляющие центры, так называемые *центры силы* — мировые финансовые *штабы* (известно, «плут плутом губится»), лишь формально являющиеся составными частями тех городов и стран, на земле которых они находятся. Данные территориальные образования абсолютно независимы.

И в Британии во всю ее историю Сити стоял и поныне стоит над королевским двором и над всем централизованным государственным управлением. И британский монарх имеет право въехать во владения Сити с официальным посещением лишь с

* Ашкеназы — это евреи Центральной и Восточной Европы и их потомки.

** Сефарды — это евреи Испании, Португалии, Северной Африки и Ближнего Востока и их потомки.

особого позволения его лорд-мэра. В США, созданных в определенное время из-за достаточной геополитической уязвимости Британских островов,— наиболее деятельной части современной на ту пору англо-саксонской цивилизации, есть, как указано ранее, свой «Сити».

Следует заметить, Лондонский Сити является ныне спасительным прибежищем всех «грязных» денег, а Лондон — беглых российских олигархов, что еще раз доказывает безусловную правоту сказанного выше.

В неутомимых хлопотах этих управляющих центров и Ватикана явно видна прямая преемственность древнейшей политики: война — чем большая, тем лучше, и непременно чужими «мозолистыми» руками,— для баснословного обогащения; торговля любыми средствами ради максимальной прибыли; а также откровенный, беззастенчивый грабёж и натуральное пиратство. Свершилась давняя мечта *иерофантов зла* Древнего Египта.

Но вот народы России неожиданно совершили стремительный и успешный прорыв к *социализму* и впервые сильно поколебали, казалось бы, незыблемый фундамент Запада — капитализм. И русофобия тогда видоизменяется в увлеченный антикоммунизм и антибольшевизм, переходит в свою самую высокую стадию — *антисоветизм*, выступая необходимым идеологическим инструментарием ЦРУ. И действительно, перефразируя известное выражение, можно сказать — поскреби любого ярого антисталиниста и антисоветчика и ты найдешь не менее ярого русофоба и русофобию.

А очередной резкий скачок русофобии последовал в XXI веке, когда стало очевидным категорическое несогласие России на амплуа страны третьего мира, сырьевого дополнения, назначенного ей Западом, когда после трагического — для нас! — развала Советского Союза ему показалось, что он победил Русскую цивилизацию. Сырьевого дополнения к чему? — К всемирному кровожадному вампиру и профессиональному грабителю, к капитализму, основным испытанным и эффективным методом усиленного «питания» которого является систематическое ограбление и эксплуатация других государств. А если бывший до недавнего времени более или менее стабильным приток «питательных веществ» иссякает, то — затяжная и желателно мировая война. Нет? — Тогда жестокая глобальная пандемия или финансово-экономический кризис, при котором происходит беззастенчивый грабёж населения своих стран — «новая нефть» (сие мы и видим сейчас — в марте и далее 2023-го года).

ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ «РУССКАЯ» РУСОФОБИЯ

До сих пор, уважаемый читатель, мы говорили о русофобии внешней. А есть, мы ранее писали, русофобия внутренняя, скажем, явление *«пятой колонны»* или *«соотечественники с фигой в кармане»*.

«Речь идет о русофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых... Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается». (Из письма Федора Тютчева Анне Аксаковой, супруге славянофила Сергея Аксакова, 1867 год).

Внутренняя русофобия — неотъемлемая составная часть единого целого — не слабее, чем внешняя, если не сильнее. Так, ярчайшим конкретным проявлением ее стало Временное правительство 1917-го года, когда страна была доведена практически до полного развала и фактической гибели и когда именно большевики спасли Россию из сложившейся экстремальной ситуации, почти целиком сохранив российскую территорию, а Сталин затем возродил империю на более высоком, более качественном уровне.

И сегодня закоренелые внутренние враги наши ошутимо усилились. Они крайне вызывающе осуждают все, созданное предшествующими советскими поколениями, и преимущественно выдающиеся завоевания легендарной сталинской эпохи; с абсолютным упорством дискредитируют и многовековые исторические, и недавние советские традиции; искусственно раздувают ожесточенную межнациональную вражду, и главным образом против русских, в автономных субъектах федерации,— фактически ведя дело к неминуемому необратимому распаду изнутри государственной организации страны. И то, что как раз на *кризисном этапе* нашей державы у них проявляются деструктивные тенденции и установки, не соответствующие устойчивым и разумным убеждениям всего народа, доказывает их истинную предательскую сущность. Потому-то они и относятся к населению лишь как к подручному материалу для успешного достижения собственных корыстных целей, не взирая ни на какие основополагающие нравственные принципы и нормы.

К явлениям внутренней русофобии следует отнести и деградировавших чиновников, партийных функционеров и священников, декларирующих одни взгляды и идеи, а живущих по совершенно иным, что послужило причиной гибели и Российской империи, и Советского Союза. Явления данной природы, служащие задачам, противным Русской цивилизации, имеют место и сейчас.

Интересна также история возникновения внутренней русофобии. Благодаря крупным и радикальным реформам Петра I в XVIII веке, которые, известно, обладали и своей негативной составляющей, началась интенсивная *европеизация* России, в нее широким и неиссякаемым потоком хлынули «новомодные» и «многообещающие» европейские идеи, овладевшие государевым двором и знатью. И далее, в царствование Петра III и Екатерины II, наступил «золотой век» дворянских вольностей. Все это привело к кардинальному *разделению* между дворянами и простым народом, постоянно усиливающемуся вплоть до Отечественной войны 1812 года, после которой эскалировалось еще, и так и не было преоборено до самой февральской революции 1917 года. В данном плане представляет интерес объявление у входа одного заведения в царской России накануне февраля — «Собакам и нижним чинам вход запрещен!»

Тютчев длительный период жизненного времени, служа русским дипломатом в Европе, мог вблизи изучать русофобию, в том числе и со стороны отдельных российских родовитых аристократов и либеральных интеллигентов. Он ожидал, что явная агрессивность к России образумит соотечественников, необъективно и отрицательно относящихся к Родине, побудит их обернуться к подлинным духовным, народным и историческим истокам и встать на активную защиту ее. Но, изучая интенцию общественного сознания в этом плане, в одном из обстоятельных писем Тютчев пишет: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающий все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых». Он также говорит: у критиковавших государство поры Николая I «за бесправие и отсутствие свободы печати» при либеральных вроде реформах Александра II, при значительном возрастании и бесспорном утверждении воли, “нелюбовь” этих господ только усиливается». Вместе с тем несоблюдение Западом положенных норм правосудия и основополагающих законов нравственности «нисколько не уменьшили их пристрастия» к нему.

«Русская» русофобия есть проявление западников, то бишь людей, ориентирующихся на Запад, и представляет собой неотъемлемую и немаловажную часть западной русофобии. Притом она характеризуется самоненавистничеством — неперменной и органичной чертой так называемого русского интеллигента, «могучие» корни которой растут из энергичного проникновения польской культуры в привилегированные слои общества в XVII в. и из традиций времен Петра I обучать дворянских детей за границей. Из-за «русской» русофобии происходит *внутренняя колонизация*

ция» или *самоокупация* страны и населения. И интересно, на словах утверждая подлинную демократию и соответствующие общечеловеческие ценности, российские либералы в силу своей русофобии никак не могут желать, чтобы «*такой народ*» обрел хотя бы местное самоуправление. Оно у либералов сводится к управлению самих либералов. «Я всегда думал, что демократия — это власть народа, но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил, что демократия — это власть американского народа», — говорил И. В. Сталин.

Ф. М. Достоевский выразительным языком описал вид русского либерала-западника в собирательном образе Павла Смердякова из романа «Братья Карамазовы». «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна. ...В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Отсюда хорошо видно — беззаветная и всепоглощающая любовь к Западу у «*смердяковых*» есть результат ненависти к своему, к русскому и России. И действительно, российские либералы ненавидят Россию за все, в том числе и более всего за хорошее, испытывают к ней «настороженную брезгливую антипатию», согласны с идеей, что народ должен вечно «платить и каяться», и если и неосознанно, то подсознательно фактически желают полного уничтожения страны, а русских свести до уровня малой народности.

Так темные, деструктивные силы попытались через огульный террор и неоправданную жестокость *ежовщины* в 1937-й году вызвать массовое недовольство, всеобщий открытый протест, восстание снизу и тем привести к ответной, еще большей жестокости, — и накануне войны! — чтобы в итоге погубить страну. Не вышло... Не вышло и путем самой страшной — за всю тысячелетнюю историю России — агрессии 1941-го года. Тогда Запад и его ставленники в СССР поняли, что Россию снаружи победить невозможно, только изнутри. А кто все держал внутри страны в своих умелых руках? — КГБ. Значит, через КГБ... И комитет уже в 80-е годы был подобен тому сыру, в котором дырок больше, чем самого продукта.

Русофобия является *conditio sine qua non* (непременным условием, лат.) и составляет реальное основание многих современных — политических, экономических и социальных практических методик. Сюда следует отнести и категорический отказ русским в территориальной — в местах компактного проживания — и даже культурной автономии в других странах, где они имеют значительную долю населения, и отказ им в праве на представительство, в обучении на родном языке; а часто и просто откровенную и систематическую травлю; и преобладающее направление на ликвидацию российской экономики, на максимальное общее ослабление России вплоть до ее ликвидации. Поэтому смело можно повторить правильные слова историка А. И. Фурсова, назвавшего русофобию «психоисторическим оружием».

Данное наступательное оружие используется Западом и для планомерного и методичного уничтожения русскости в области российской культуры и просвещения, для полного выкорчевывания русского мышления, национальной самобытности, глубинной органической основы Русской цивилизации, для замены социоцентричности на личностоцентричность. И все это с одной единственной и конечной целью — самоколонизацией под Запад.

СПАСЕНИЕ В ДЕЙСТВИИ!

Известно, что блаженное и приятное ничегонеделание, надеясь на лучшее, перед лицом воплощенного мирового зла, и надеясь на благое понимание со стороны адептов зла, — только чистейшее потворство злу. И русофобия побуждает ответственного и сознательного гражданина России активно сопротивляться и обороняться или, на-

оборот, идти в решительное и развернутое наступление на нее. То же относится и к самой России, она должна разработать продуманную и долгосрочную стратегию и эффективную тактику упорной и непримиримой борьбы с русофобией как внутри страны, так и вовне. После Великой Отечественной войны не осудили ни русофобию, ни массовый геноцид советского народа, в результате которого было истреблено свыше тринадцати миллионов мирных жителей Советского Союза. Важно, чтобы мировое сообщество осудило их, подобно антисемитизму и Холокосту.

Но в настоящем наиболее важным является настойчивая и упорная борьба с русофобией внутри России: в идеологической, в правовой, в информационной, в культурной — во всех жизненно важных сферах. Не обойтись старой идеологией, мол, все само собой рассосется, или «рука рынка» все исправит. Однако, не рассосется и не исправит, тем более та самая пресловутая «рука». Необходимо принять соответствующие, может быть, где-то и жесткие законы и законодательные акты, дабы обеспечить максимально надежную, непробиваемую защиту российской нации от проявлений русофобии. Это важно для всех народов и народностей страны, ибо русские — системообразующий народ нашей Родины (можно с полным основанием говорить о *многонациональном русском народе!*). Это важно для всей многострадальной планеты, для всего современного и будущего человечества, так как Россия — сердце Земли, а русские — ее душа. Будет Россия и русские — будет Земля и человечество, не будет русских — не будет России и человечество сойдет с ума; а в итоге не станет и самой Земли!

Алексей Яшин

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Повесть

◆ Когда на второй неделе пребывания Николки в Полярном все вокруг заговорили о скором приезде маршала и министра Булганина, то он задумался в непонятке: раз все взрослые так засуетились, то значит этот самый Булганин заместо Сталина главным начальником страны стал теперь? Хотя бы и был маршалом, а не генералиссимусом. Когда переезд с Палагубского на Седловатый совпал с обретением им, пятилетним, осознанной памяти, то портрет Сталина на обложке журнала «Огонек», который отец использовал как подкладку под заварной чайник, крепко запечатлелся в голове. Специально никого не расспрашивая, даже авторитета Тольку, он из разговоров маячников, из передач имевшегося в доме радиоприемника составил свое представление о Генералиссимусе: хозяин большой страны и военный победитель всех врагов, особенно фрицев и гансов, как их в кино называют. Сталин, грузин, похожий на политотдельского старлея Мухелишвили, которого он запомнил еще по приездам того на Палагубский, по мыслям Николки руководил советской страной со времен давнишней революции и далее будет ею управлять — даже когда сам он вырастет и отрасли окладистую бороду как у отца.

К сожалению Николки, уверовавшего было в вечность Вождя — ведь и в песнях по радио часто пели хором про «бессмертие нашего дела», — через несколько месяцев по переезду на Седловатый по радио сообщили о болезни Сталина, непонятной хвори, от названия которой на всю жизнь в его памяти остались странные слова: дыхание Чейна — Стокса. Затем Генералиссимус умер. Опять же этот день запомнился ему маячными поминками. Он знал, что на маяках строжайший закон не пить спиртное. Поэтому маячные мужики собрались в их избе — подальше от маяка и общего маячного дома с востроглазыми бабами и детьми. Каждый принес по флакону тройного одеколона, который разлили по стаканам. Вроде как необходимо посмеиваясь, но вполне серьезно, не чокаясь, выпили, запив принесенным матерью компотом.

А вот сейчас в городе ждали маршала Булганина. Может Николка и пропустил мимо ушей разговоры и пересуды об этом приезде, но оказалось, что он побывает в их интернате. Отсюда и суматоха: директорша Нина Григорьевна с подручными по два раза на дню обходит интернатские спальные и учебные комнаты, после чего школьные электрик и столяр всякими починками занимаются, педагогически негромко матерясь. Накануне приезда в Полярный маршала-министра воспитательницы с помощью девочек-старшекласниц выгладили воспитанникам, особенно младшим, рубашки и школьные формы*, велели им до зеркального блеска начистить ботинки. В день же прибытия, на завтрак, вместо обычного рисового пудинга с кисельной подливой, манной каши и на порошковом молоке какао, интернатским на покрытые

* В описываемое время школьники носили обязательную форму: девочки коричневые платья с белыми пелеринами, а ребята серые мундиры, как у царских времен гимназистов. — Прим. авт.

крахмальными скатертями столы расставили тарелки яичницы с колбасой, творожной запеканки с хрусткой корочкой, а к стаканам настоящего кофе на сгущенном молоке прилагались пышущие жаром, прямо из печи, булочки с изюмом, обмазанные поверху шоколадной глазурью.

К окончанию обильно-вкусного завтрака вошедшая в столовую Нина Григорьевна объявила: старшие ребята, что учатся в первую смену, отправляются в школу, а младшеклассники и вся вторая смена сегодня от занятий освобождены, расходятся по своим палатам и, не снимая школьной формы, по учебникам и тетрадям повторяют вчерашние домашние задания.

Поскольку Николка только осваивал чистописание отдельных букв и чтение слогов из них, то осторожно присел на заправленную особым фасоном кровать, открыл букварь и, прищепывая, составлял из слогов простенькие слова с подсказкой цветных рисунков. Вот изображен арбуз, похожий на принесенный Толькой со стадионной продажи. А Николка читает: а-эр, ар; бэ-у-зэ, буз; ар-буз, арбуз! Лоб припотел от умственной натуги.

Часов в одиннадцать в их младшеклассную палату влетела воспитательница Антонина Прокофьевна, велела с кроватей встать, поправить на них измятости, упрятать учебники в личные тумбочки и встать около них в вольных позах, но повернувшись лицами в сторону входной двери. «Не подведите нас, ребята, Булганин с командующим флотом и другими адмиралами уже поднимаются на второй этаж, а затем прямо по коридору на ребячью половину и в вашу палату!» — и только выговорила, как через полуотворенную двустворчатую дверь послышались громкие, уверенные, командные голоса.

◆ Николка, складывая из букв и слогов сладкое даже в мысленном представлении слово, не столько от умственно упражнения лбом вспотел, сколько от напряженного ожидания появления в комнате того, чье имя последние дни, казалось, даже интернатские стены, потолки и нехитрая мебель без конца повторяли навязчиво, вбивая в голову: Булганин, Бул-ганин, Бул-га-нинн... И когда по команде Антонины Прокофьевны встал он около своей прикроватной тумбочки, лицо его запылало жаром, сравнимым разве что с маячной баней и именно в тот момент, когда отец только что поддал пару, открыв верхнюю чугунную дверцу печи с «камнем» и с отмашкой выполоснув туда ковшик воды с добавленным стаканом кваса, захваченного в бутылке из дома в сумке со сменным чистым бельем, полотенцами и парой березовых веников.

Время замедлилось, секунды растянулись в минуты, а со стороны уже полностью растворенной Антониной Прокофьевной, миг обретшей порхающую девичью легкость в движениях, двустворчатой двери неумолимо и грозно надвигалось что-то многоликое в перемеживающихся черных флотских и светло-коричневых, но галифе синие! сухопутных мундирах, расцвеченных многорядными орденскими планками... на некоторых кителях даже геройские звезды отсвечивают. И мужественные голоса одновременно и в то же время поодиночке все громче и громче врываются в кубатуру младшеклассной палаты. И все они обращены к одному человеку, вокруг которого остальные сгруппировались: «Вот сюда, товарищ министр!» — «Осторожно, Николай Александрович, здесь порожек!» (это голос Нины Григорьевны). — «А здесь, как понимаю, самые младшие располагаются?» — «Так точно, товарищ маршал!»

Маршал! Министр!.. Даже тезковое имя обладателя этих званий не сняло вал накатившейся на голову бедного первоклассника паники безысходности, отдававшейся слабостью и дрожью в коленках и тянущей пустотой (это после роскошного завтрака-то!) миг похолодевшего живота, желудка то есть. И в тот миг, когда тесно сбита группа контрастных по цвету мундиров, обступившая на почтительном шаговом расстоянии центральную невысокую фигуру в светло-коричневом кителе и синих галифе, втекла в широкий проем двустворчатой двери, в которую упирался коридор па-

цанского крыла второго, жилого этажа интерната, и как-то мгновенно, в этот единый миг, почти в шахматном порядке — флотские и пехотные фигуры — заполонила все пространство между стеной с дверью и с двумя одежными шкафами обочь и двумя же рядами кроватей, Николка не выдержал охватившего его панического страха и неожиданно ловко, как их белка на Палагубском маяке, перегнулся, поджал ноги и юркнул под свою кровать. Да так ловко и бесшумно, что никто и не заметил: спальное место Николки в левом ряду, впритык к противоположной, торцовой оконной стены, все ребята выкатили глаза на вошедших, а у тех, только что вошедших из узковатого коридора в просторную светлую комнату, взгляды еще не сориентировались. Хотя бы и военные люди, у которых глаз-ватерпас. Это из отцовых присказок.

Кровати сегодня заправлены фасонисто, «конвертами», поэтому края одеяла не опущены, не маскируют. Это-то Николка сообразил, потому и подался, свернувшись клубком, к стене, в которую упиралась изголовная стойка кровати, а обе тумбочки, своя и соседская, и вовсе затенили этот подкроватный отсек, говоря по-флотски. Полутень отъединила Николку от внешнего мира комнаты и... он почувствовал, как тепло прилило к животу, коленки согнутых ног перестали дрожать, жар отлил от щек, лба и ушей, а гнетущий панический страх сменился хотя и отстраненным, но почти ясным соображением. Даже шаловливый речитатив из читанной матерью на Седловатом сказки промелькнул: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, серый волк, и подавно уйду».

Успокоившись, Николка уже с любопытством прислушивался ко многим голосам, несколько глуховато доносившимся до «чулана» затаившегося «колобка». Понятно дело, примерно переведя на привычный ему общепонятный язык. Нина Григорьевна и кратко порой вступающая Антонина Прокофьевна, обе тетки добрые, здесь и вовсе распелись ласково-почтительными голосами, что-де, уважаемый Николай Александрович, командование Северного флота, его политотдел, гидроотдел и другие службы, а организационно в лице горно Полярного, всячески заботятся о детях маячников, военных «точек» и небольших рыбопромысловых поселков на побережье Кольского залива и Баренцева моря, где нет своих школ, создав вот этот интернат при школе, в котором даже начальные школьники, в палате которых мы сейчас находимся, чувствуют себя как дома...

Николка было затосковал — больно его кольнули слова добрейшей директорши о доме, но здесь вступили четко поставленные военные голоса, в основном рассуждавшие о военных заслугах «созданного великим Сталиным могучего Северного флота, которому сейчас партия и правительство во главе с верным продолжателем дела Ленина и Сталина Никитой Сергеевичем Хрущевым в лице министерства обороны, возглавляемого нашим сегодняшним почетным гостем, маршалом Николаем Александровичем Булганиным...». И другие кратко, но четко адресовались к товарищу министру-маршалу, благодаря того за неустанную заботу о Северном флоте, в том числе не оставляя без внимания образование и воспитание детей военных и гражданских, примером чего является превосходное устройство интерната в Полярном.

♦ Судя по всему, сопровождавшие маршала воинские начальники невнимательно слушали друг друга, позволяя себе междусобойные разговоры негромкими голосами. Потому Николка в своем подкроватном, междутумбочном чуланчике и озадачился, когда резко наступила пауза, а в возникшей, словно по команде, тишине прозвучало негромкое, неболезненное покашливание. Затем послышался негромкий голос, никем не перебиваемый, не сопровождаемый ничьими разговорами, обладатель которого скоро станет председателем Совета министров...

Как истинное маячное дитя природы, поначалу Николка не вслушивался в слова говорившего в одиночку, но что-то знакомое почудилось ему в самой интонации. Именно так, с небольшой расстановкой отдельно произносимых слов, выговариваемых вроде как нарочито четко, произносимых то медленно, как бы в задумчивости,

но вдруг ускорявшихся вдогонку друг за дружкой, часто разговаривал его отец Андреян во время летнего отпускного гостевания в родной его калужской деревне Дворцы на берегу реки Упы. Прибыв туда из владений Северного флота, объявленного Хрущевым зоной полного сухого закона, отец вволю расслаблялся с деревенскими родственниками в избе своей сестры Настасьи, у которой они и проживали, либо в чайной ближней деревни Новосакаково все с теми же мужиками. Николку же баловал лимонадом и шоколадкой «Сказки Пушкина». ...И уже после второго «бум здоровы» отец и переходил на такую вот речь с расстановкой тщательно выговариваемых слов. Конечно, отличие обычной речи отца, на том же маяке Седловатом, где и без запрета Хрущева из спиртного только одеколон мужиками после бритья использовался, от разговора в чайной Новосакакова Николка объяснял не разными умными словами, но интуитивно понимал такую разницу.

Может просто показалось запуганному Николке такое сходство? А между тем в наступившей общей тишине невидимый им из своего чулана человек добродушным голосом, вовсе без военной конкретности, словно в домашнем кругу, рассказывал:

— ...О вашем славном городе много наслышан. Совсем недавно довелось беседовать с Арсением Григорьевичем* в Ленинграде в одной... гм-гм, после одного совещания. Много чего рассказал он о своем шестилетнем пребывании в Полярном, когда командовал героическим Северным флотом, о своих встречах в Кремле с Иосифом Виссарионовичем. И Алексей Николаевич Косыгин ваш город упоминал, рассказывая как весной сорок пятого из Мурманска на катере ездил (*ходил* — мысленно поправил Николка, уже знавший, что на кораблях не плавают или ездят, но только *ходят*) в только что освобожденную нами Печенгу инспектировать никелевые рудники...

Вот здесь-то Николка аж вздрогнул восхищенно. Как же, не раз и не два слышал он в новосакаковской чайной и в избе тетки Насти, когда собирались на дармовщину погулять с тороватым родственником-северянином деревенские мужики, знаменитую историю, как он, Андреян, обстрелял из тяжелого пулемета «кольт» адмиральский катер с Косыгиным чуть ли не в первую неделю после капитуляции Германии.

— ...Хотя войне и конец, но дисциплину военного положения у нас на флоте никто не отменял. И что прикажете мне, старшине поста СНИС'а, то есть службы наблюдения и связи, на острове Торосе, что на выходе из Кольского залива в Баренцево море, когда мчится на выход белый адмиральский катер, но без вымпела, то есть вместо адмирала какого-то чина везет, не отвечает положенно на мой запрос о цели выхода из залива. И из Полярного по телефону заранее ничего не сообщили. А катер прет полным ходом, в бинокль вижу: сукин сын, катерный старшина, ухмыляется в мою сторону. Как положено, трижды в раструб запросил безответно, а потом по инструкции из ленд-лизинговского «кольта» на треноге, что на мостике стоит, дал длинную очередь поверх рубки катера. Тамошний старшина мигом поумнел, застопорил катер и даже без матерков отрапортовал что положено. А вскоре политотделец нагрязнул на Торос и уже полным матом на меня, мол, катер с членом правительства обстрелял, будут тебе близкие морковкины заговени, хорошо если разжалованием в рядовые матросы отделаешься!

— Неужто разжаловали? — интересуются мужики.

— Хрен им! Через пару дней из Полярного позвонили, похвалили за бдительность и правильное несение службы. Потом и вовсе по всему флоту байка ходила, а может и правда? что Головки, когда ему доложили о конфузе, рассмеялся и назвал историю *битвой при Торосе*. А меня он знал еще со случая с английским крейсером

* Арсений Григорьевич Головки, родом из казачьей станицы Прохладная (гребенские казаки на Северном Кавказе), всю Великую Отечественную войну командовал Северным флотом. К окончанию ее ему еще не исполнилось и сорока лет... В описываемое время вице-адмирал Головки командовал Балтийским флотом. Далее, уже в звании адмирала флота (три звезды на погонах), являлся первым заместителем главнокомандующего ВМФ СССР адмирала флота СССР С. Г. Горшкова. — Прим. авт.

«Эдинбург», когда звонил на Торос и объяснял мне как в полном тумане контур корабля можно различить, спустившись к воде: в отрыве тумана от нее всегда зона видимости остается в полметра-метр. Опытный мореман, иначе и не скажешь. Тем се дело и завершилось. Тот же политотделец, в следующий раз побывавший на Торосе, сам со смехом вспомнил об обстреле катера с Косыгиным. В войну на флоте все просто и разумно было — главное, по уставу действуй и компот на тельняшку не проливай! А за «Эдинбург», про который вам уже рассказывал, сам Головно, когда я крейсер с золотом за ленд-лиз обнаружил, представил меня к медали «За боевые заслуги»... хотя немцы и потопили англичанина.

◆ Николка развеселился, вспомнив занимательные рассказы отца на летнем отдыхе. В обычной же маячной жизни, то есть в полной трезвости, Андреян молчал, ограничиваясь обычными домашними словами. «Старообрядец чертов, молчун, слова от него не добьешься,— ворчала порой мать, оставаясь наедине с детьми,— зато выпьет во Дворцах, так соловьем заливаается!» От бывшего страха мало что осталось. А без страха и бдительность ослабла, тем более, что ноги заныли, чуть ли не к подбородку коленями подтянутые. Вот осторожно и вытянул их, думая, что за рядом кроватей никто из высоких военных гостей, столпившихся у дверной стены комнаты, подкроватного Николку не заметит.

Тем временем маршал Булганин — отошедши от страха, Николка сообразил, что только тот имеет право говорить при молчании остальных,— закончил вспоминать о военачальниках и министрах, так или иначе связанных с Полярным.

— А теперь, ребята, подсластим, так сказать, свою жизнь хотя и в превосходного устроенном интернете, но все же не дома.

Как потом рассказывали Николке ребята, воочию все наблюдавшие, маршал кивнул своему адъютанту в подполковничьем звании, хотя бы и молодому для таких погон. Тот метнулся в сторону растворенной двери, взял из чьих-то протянутых рук большую конфетную коробку, каких никто из ребят не видел в бакалейном отделе Циркульного магазина, лихо снял с нее крышку, подложив ее под донце коробки, которую взял обеими вытянутыми руками и по стойке смирно встал обочь и на полшага позади Булганина. Тот же, жестом руки указав ребятам оставаться около своих кроватей и тумбочек, начал обход с Николкиного ряда кроватей. Подойдя к первой, спросил Витьку-второклассника, откуда он прибыл в интернат. Услышав, что тот из Кувшинки*, из семьи пограничного офицера, похвалил, велел хорошо учиться и идти в дальнейшем по военной линии. После чего взял из коробки большую конфету в золотистой обертке и вручил ее Витьке.

Точно также он оделил в порядке своего следования Ваську из Щитовой, что в Оленьей губе, Петруху с маяка мыса Лодейного, маячного же Андрюшку с Большого Оленьего. Не обнаружив никого около последней кровати в левом ряду, маршал-министр несколько озадаченно взглянул на смутившуюся Нину Григорьевну, снова перевел взгляд на Николкину кровать, присмотрелся, усмехнулся, нагнулся и потрепал ладонью икру ноги, неосторожно выставленной потерявшим бдительность пацаном.

— Эй, на вахте! Проверяющий пришел, вылезай-ка из бункера,— весело произнес Булганин.

Николка же, услышав добрый, безо всякой командной строгости голос, вмиг сменив страх на жгучий стыд, заерзал, выбираясь из-под кровати. Как только он высвободил плечи и голову, маршал взял Николку за предплечья обеих рук и с неожиданной для явно немолодого человека силой потянул парнишку вверх и поставил того на ноги.

* Правильно Кувшинская Салма, на левом берегу Кольского залива, напротив острова Торос, где в описываемое время располагалась пограничная часть и базировались сторожевые корабли.— Прим. авт.

— Что это ты прячешься от меня? — смеющимся теплым голосом спросил Булганин, — или натворил чего, ха-ха-ха!

Сжигаемый стыдом, Николка поднял голову с пылающим красным лицом и ушами и только сейчас рассмотрел маршала: невысокого роста, в сухопутной форме, на погонах по одной здоровенной звезде, а на добром, смеющемся лице негустые усы, под нижней губой крохотная борода, как будто приклеенный треугольник, не достигающий до окончания подбородка.

— Ис-с-пу-пугался, — натужно прошептал Николка, ибо обычный голос застрял где-то в горле.

— Ха-ха-ха! Да чего ж меня бояться-то? Тем более невоенным, гражданским, еще и в мальчишеском возрасте. Ты же мне вроде как внук, а ты — испугался! Э-эх, мальцы, мальцы; нам бы, взрослым, ваши обиды и заботы. Так откуда будешь и как звать-величать?

— Николка... Коля с Седловатого маяка, — уже не шепотом, хотя и тихим голосом ответил провинившийся.

— Во! Молодец. Маячник значит. Ты, Коля-Николка, только что от дома, от семьи оторвался, но пусть тебя это не огорчает, не страшит. На каникулах, летом будешь возвращаться на свой Седловатый, а жизнь в интернате закалит тебя, самостоятельности научит. Эт-то хорошо! А будешь жить взрослыми на Большой земле, в городах, так поверь мне, много повидавшему: во многом станешь с благодарностью вспоминать сложное свое детство и отрочество, жизнь на маленьком островке в суровом, по-своему красивом месте, среди моряков и их кораблей; даже интернатское пребывание девять месяцев в году добрым словом поминать. А чтобы конфуз твой сегодняшней загладился, возьми-ка конфеток.

И, заговорщицки подмигнув Николке, маршал, под одобрительный шумок своей свиты с большими звездами на погонах, захватил сколько влезло в ладони конфет из коробки и вручил их пацану, мигом догадавшемуся сделать ковшиком обе свои ладони. Маршал же совсем расчувствовался, увидев радость обретения целой горсти конфет в завлекательных золотистых обертках на лице только что донельзя смущавшегося мальчугана, наклонился и ласково потрепал его по затылку стриженной «нулевой» головы, сопроводив словами про казака, который атаманом станет.

Николка, выгоня остаток страха и стыда, судорожно взглотнул ртом и носом воздух и... явственно ощутил исходящий от главного маршала страны легкий коньячный запах. Его Николка прекрасно знал по посещению с отцом новоссаковской чайной, соседствовавшей в одном бревенчатом доме с сельмагом. Когда Андреян своими рассказами о жизни на Севере приводил деревенских мужиков в полный восторг — кто козыряет длинным рублем, тому и песни поют! — то посылал самого младшего из них в магазинный отсек, где из имевшихся трех винных полок две верхние заполнены запывившимися бутылками албанского коньяка «Скандербег». Начальник дружественной Албании Энвер Ходжа заставил этой замечательной выпивкой полки магазинов всей советской страны, но трудовой народ в городе и на селе полагал щегольством пить дорогой коньяк. Только в детстве, в новоссаковской чайной и обонял Николка пряный запах этого коньяка с изображением национального героя далекой страны верхом на стремительном коне. Но вскоре бутылки с такой этикеткой напрочь и навсегда исчезли: неугомонный Никита побил горшки с Энвером Ходжей... Правда, от маршала попахивало (не они одни в интернате сегодня завтракали...) другим коньяком, более терпким.

Так Николка получил устойчивое интернатское прозвище: внук маршала Булганина, а еще короче — Внук.

◆ Николай Андреянович заулыбался, что называется, самому себе: господи! до чего же сладостны воспоминания о своих детских годах! Тотчас в голове всплыли запомнившиеся ему, читанные некогда слова Льва Толстого о том, что именно па-

мать о детстве всегда греет и очищает душу. Он встал со своего креслица и подошел к балконному окну, растворил дверь и переступил порожек: наискосок, налево, через двор, в проеме между торцами своего и соседнего домов, выходящими на сквер, менее чем в ста метрах изваянный, двухэтажной высоты Лев Николаевич, засунув ладони обеих рук за поясok просторной рубахи его имени — толстовки, со строгой задумчивостью лица шел по полированным плитам постамента прямо курсом на близкий главный проспект города, на противоположной стороне которого стоял фасонистый корпус бывшего ликерно-водочного завода, Основанный в самом начале прошлого века, он смотрелся настоящим дворцом растреллиевского архитектурного стиля. Сто лет завод баловал местный и окрестных областей народ очень качественными водкой, настойками, даже ликерами «Шартрез», «Южный Кюрасо» и «Бенедиктин», но все хорошее в отечестве нашем завершилось в девяностые — начальные двухтысячные года. И на старуху пришла проруха: ближняя подмосковная палено-водочная мафия избавилась от конкурента, разорив завод, воспользовавшись денежной жадностью его директора, хаповатого и глуповатого, из хохлов. Теперь же патриарх отечественной литературы, явно сменив на бронзе лица задумчивость на суровость ленинского зеркала русской революции, хмуро смотрел на бывший завод-дворец, фигурно выложенный фасад которого крикливо-грязно запаковали десятки вывесок всевозможных сомнительных арендаторов: от студии флористики до магазинчика кальянов и курительных смесей...

Лицемерие памятника-соседа вызвало у расчувствовавшегося доцента-ракетчика сразу две мысли. Ведь и Лев Толстой тоже военный человек, участник обороны Севастополя? — куда ни кинь, но всё и все в России, в любые времена так или иначе связаны с войной. Оттого и военное устройство государства, как бы оно не именовалось в том или ином историческом времени... истинно военная цивилизация!

Вторая же, но более игривая мыслишка, объединила лицемерие памятника гению русской словесности и направление его хода — к бывшей «ликерке». Во-первых, хорошо бы чайку попить, а во-вторых, по каникулярному времени сам бог велел (ее же и монаси приемлют) и стопочку коньячку пригубить... до донца. Тем более, что в кухонном навесном шкафчике початая бутылка превосходного пятизвездочного молдавского, вернее приднестровского — от Тираспольского коньячного завода, что со дня основания в 1897 году традиционно марку держит — «Квинта» соскучилась по хозяину-потребителю.

...Это только западные идиоты, ныне мысленно или физиологически опидорасенные, талдычат, что с утра или с полудня пить вредно. Оно и понятно; их, сукиных детей, только деньги интересуют: выпил с утра, счет им потерял и в накладе остался... Под сладостные воспоминания о североморском своем детстве стопка настоящего коньяка самое то! И вообще немчура европейская ничему хорошему русского человека не научит. На том и порешив, сделав паузу в воспоминаниях, Николай Андреевич прошествовал на кухню, в считанные секунды решив вопрос с последовательностью действий: что вперед — коньяк или чай? Ибо в Сибири, на Крайнем Севере и в среде старообрядцев сначала пьют чай, а потом уже щи хлебают, предварив их стаканчиком горькой... или подслащенной. И в эти три целеуказания Николай Андреевич попадал сразу дуплетом: с Севера и потомок старообрядцев. Все тот же рассудительный бог-вседержатель велел.

◆ Начав крепко заваренным чаем, добравшись до стопки верного традициям тираспольского приднестровского — с усугублением, Николай Андреевич вернулся в креслице рядом с балконной дверью, снова налив стакан чая — в любимом подстаканнике. Уселся с удобством. И опять великий мастер русского литературного слова к чему-то подводил мысли ублаженного коньячком бывшего «внука маршала Булганина»... Николая Андреевича, тезки по имени. И опять же к связанному с войной.

Ба! — хлопнул он себя по лбу: да это же история с четырехтомником «Войны и мира» из отцовской библиотечки, что он, Николка, школьником в два присеста читал. Первый том в седьмом классе, остальные три в десятом, предпоследнем: он застал окончание хрущевской одиннадцатилетки, что Никита привез из Америки... как и нынешнюю оттуда же доставили. По словам отца, эти четыре толстенькие, удобные для ношения в кармане, книжки в светло-коричневых картонных обложках издания «Дешевой библиотеки» тридцатых годов он купил тогда же в Ленинграде, приехав на выходной с Волховстроя, где трудился молотобойцем в кузнице. И на долгой войне, в перерывах между вахтами на мостике СНИС'а на Торосе, когда пост не бомбили люфтваффовцы, пролетая из Норвегии на Мурманск, он не раз и не два перечитывал в своей каюте эти томики.

Читая семиклассником — семья только что прошедшим летом завершила маячную жизнь, перебравшись в Полярный — первый том «Войны и мира», Николка не обращал внимания на частые карандашные отметки в книге — подчеркивания, знаки вопроса, надписи неразборчивые на полях, но уже солидным десятиклассником при чтении последующих толстеньких томиков в обложках из тонкого картона заинтересовался такими надписями. Последние делились, скорее чередовались на похвальные и неодобрительные, впрочем все они относились к характерам персонажей романа Толстого и не очень-то расходились с теми разборами великого произведения, что проводила на уроке литературы Валентина Николаевна, умнейшая из школьных учителей: по общему мнению и редкостному в те годы званию заслуженного учителя. И это всего-то в сорокалетнем возрасте, да еще на самом северном краю страны в школе городка, название которого не на всех картах значится!

Еще взглядом старшего школьника, уже приобывшего в мелочах видеть отражение нечто более важного, отметил: некоторая неразборчивость почерка скорее всего от торопливости с интересом читающего роман и определенного неудобства положения такого читателя, например, если он все это делает лежа или сидя на стуле, держа книжку малого формата на коленях. Но само начертание букв, их связки и различные наклоны, вправо и влево, свидетельствовали: портил страницы томиков гениальной толстовской эпопеи скорее всего очень молодой, возможно юный читатель, причем учившийся грамоте «на медные гроши», как иногда к месту говорил Андреян, то есть в данном случае только-только успевший перешагнуть средние классы школы.

Даже в мыслях не держал он отнестись надписи и подчеркивания руке отца. Истинный книголюб и «дважды» склонный к абсолютному порядку во всем, как потомок чистоплюйных (слова матери) старообрядцев и насквозь пронизанный строжайшей флотской дисциплиной, Андреян сызмальства увещеваниями, рассудительными убеждениями, не исключая поощряющих затрещин, учил своих детей бережному отношению к книге. Главные эти каноны усвоил еще не умевший читать Николка: не перегибать вонне даже брошюры в мягких переплетах, не загибать углы страниц читаемой книги, а закладывать их бумажным лоскутом и — упаси боже! — что-либо писать или подчеркивать даже мягким карандашом в печатном тексте.

Но кто же с карандашом в руке и в явно неудобных позах, да еще в юношеском возрасте, так тщательно прочел все четыре томика великой книги? Тем более, что не из чьих-то рук они к отцу попали, а были куплены свежотпечатанными в ленинградском книжном магазине — самом известном из них, расположенным на середине Невского проспекта, рядом с Аничковым мостом? Опять же с малых своих лет Николка усвоил: совершенно не жадный, а в редком для тех «сухих» мест хмелю и вовсе готовый что угодно отдать собеседнику, даже почти незнакомому, только для книг Андреян делал непрекаемое исключение, то есть в чужие руки старался их не давать. «Книга, Николка, это маленький друг человека, — как-то пояснил он в легком подпитии сыну, — ну-у, как, например, верный пес. Его нельзя никому перепоручать — он затоскует и умрет. Так и отданная хотя бы на время книга может и не вернуться к тебе».

...Уже взрослый Николай Андреевич вспомнил эти слова, где-то прочитав схожее: книги — это наши маленькие друзья; если мы их кому-то отдаем, то они на нас обижаются и уже не возвращаются более.

◆ Поскольку Андреев в домашнем обиходе ограничивался самыми необходимыми в быту словами, а на отвлеченные темы разговаривал, преимущественно с Николой, лишь в те редкие дни, когда судьба, не всегда подчиняющаяся сухому закону мест базирования Северного флота, одаривала его бутылкой «злодейки с зеленой наклейкой», то тот и полагал неуместным интересоваться автором паметок на толстовских томиках. Но когда уже дочитывал «Войну и мир», перемеживая это подготовкой к экзаменам за десятый класс, приехал навестить родителей и братьев Георгий, старший из них. Отслужив в Севастополе срочную, он совсем недавно обосновался в Оленегорске, что в самом центре Кольского полуострова, женился на доармейской еще подруге, работал на горно-обогатительном комбинате и заочно учился в ленинградском институте.

...В другие места страны гости везут разные по фактуре и назначению подарки, но в северные безалкогольные города и веси только в одной упаковке — стеклянной *0,5 литра*. Георгий расстарался на славу, так что только на второй день гостевания старшего брата Николка, улучив момент, задал отцу вопрос о книжном хулигане. Андреев, взявший в честь приезда сына день-другой отгулов в дэкафе, где работал старшим электриком, поморщился. Выпил внеочередную стопку, подобрел — кто старое помянет!.. — и словоохотливо все разъяснил, сняв с Николки томление любопытства и налета тайны. Из рассказа отца следовало, что ближе к окончанию войны, когда все действия с встречей на дальних рубежах очередных союзнических лендлизовских караванов, следующих в Мурманск, были отработаны до флотской четкости, случилось следующее.

Из числа кораблей, неторопливо следовавших с растянутыми интервалами из Полярного навстречу каравану, чтобы перенять его от британского охранения на траверсе острова Медвежьего и Шпицбергена, напротив Тороса один из них, то ли эс-минеец, а может и минный тральщик — здесь Андреев признался, что запомнил, — взял от курса несколько кабельтов влево, уменьшил ход почти до нуля, а в сторону поста СНИС'а передал флажковый сигнал: «Принять шлюпку». Вскорости и таковая с тральщика подтабанила к островному естественному пирсу — скальному выступу с деревянными мостками наверх, к посту.

Андреев, на правах старшины поста, сбежал по ним на пирс, а назад вернулся уже в компании пацана лет пятнадцати во флотской форме, значит, юнга с корабля. Парень сопел и заходил в кашле. Андреев же пояснил сослуживцам: в Полярном не доглядели, что юнга сильно «сифонит». Вроде как гриппозный. Чтобы весь экипаж не заразил, решили оставить на Торосе — последнем обитаемом, без сухопутных военных действий, месте на выходе в Баренцево море. А заберут на обратном пути, встретив лендлизовские транспорты, то есть не более чем через неделю.

Гриппа на посту острова опасались, поскольку не имелось основного лекарства-противоядия, то есть спирта, поэтому хворого юнгу определили в единственную одноместную каюту, то есть жилище Андреева, старшины поста. Сам же он определился к команде в общую, где недавно освободилась койка: старшего матроса Степана Федосьева отправили в госпиталь Полярного: черкнуло по плечу осколком бомбы, что немецкий бомбардировщик по установившейся у них традиции сбросил на Торос по «дороге» на Мурманск... Юнге же велели лежать в койке, из каюты выходить только по естественной надобности, а едово будут, как барину какому, приносить. Кок Жора Асатурьян, по совместительству условный фельдшер, с утра выдавал страждущему имевшиеся на посту таблетки, но более налегал на горячее питье: чай, компот из сухофруктов. Еще он заваривал в кипятке американскую сгущенку с какао. А из каюты команды союзных матросиков, несших параллельную вахту при проходе

караванов, болящему приносили бруски шоколада с вафельными простенками и банки с апельсиновым и диковинным манговым соками. Раз в сутки заглядывал на минуточку-другую проведать своего нового подопечного и Андреян. Вопросов не задавал, уходил довольный: больной шел на поправку и особо не скучал, найдя себе занятие: читал книги хозяина каюты, которые брал с надкроватной полочки. Отметил про себя: Толстого читает.

В последние два дня пребывания на посту Тороса совершенно излечившийся — юность не дружит долго с хворями! — юнга большую часть времени проводил на камбузе, сдружившись с Жорой Асатурьяном и помогая тому готовить на обе команды: свою и союзническую.

◆ Но вот в горло Кольского залива начали заворачивать с норд-вестового курса лендлизские транспорты. Долго шли, с большими интервалами, как то предписывает установленный порядок. Со стороны моря их полукругом прикрывают наши корабли охранения, потому и показались на траверсе Тороса последними. Давешний эсминец, или минный тральщик, тем же маневром, когда высаживал юнгу, забрал его восвояси. За заботу и излечение командир корабля передал Андреяну через шлюпочного матроса ценный подарок: бутылку виски — явно из числа презентованных от благодарного за охранение капитана американского судна, серийного сухогруза типа «либерти», что во время войны серийно спускали со стапелей Филадельфии.

...И только пару лет спустя, уже после окончания войны, служа на снисовском посту Белокаменки, что на полпути от Тороса до Мурманска, Андреян пришел в ярость, взяв в руки томик «Войны и мира», а затем пролистав остальные три и обнаружив многочисленные карандашные отметки. Поскольку со времен истории с пребыванием на посту Тороса гриппозного юнга с минного тральщика никто эти книги не читал, то виновник определен однозначно.

Сейчас же, вспоминая в душевном расслаблении дела давних лет, Андреян даже похвалил любознательного юнгу: «Ведь смотри, Николка, казалось бы война, да еще на северном краю земли, про который даже присказка бытует, что от Колы до ада три версты, парнишка еще; на маленькой посудине, что сопровождает караваны, фрицы бессечно сыпят бомбы, ихние же подлодки стаей кружат вокруг... а у него выпала свободная неделя, так он «Войну и мир» не то что прочитал целиком, так и вдумчивое мнение свое высказал... хотя чужие книги, впрочем и собственные, марать вовсе не след!»

Давно живет бывший Николка, уже инженер Николай, успевший отметить середину четвертого десятка лет своей жизни, в среднерусском областном городе, не так далеко от столицы. Только было по прошествии лет забыл Андреян, ныне пенсионер в своем доме на косолученской окраине города, страдную пору заполярного сухого закона, что ввел Никита Кукурузник во владения Северного флота, как словно обухом по голове: новый генсек с иудиной отметиной на лбу уже по всей стране объявил борьбу с пьянством, что народ метко перекрестил в борьбу с трезвостью, — вынужденным повальным самогоноварением. А кто не умеет — тому «от партии и правительства» талон в руки: две бутылки в месяц с километровыми очередями на морозе к заветному входу в «специализированный продуктовый магазин». От подлеца подлость расползается...

И как некогда в «сухом» Полярном Андреян радостно встречал приехавшего в гости старшего сына Георгия со стеклянно побрякивающими в сумке гостинцами, так и сейчас, в середине восьмидесятых годов, он приветствует сына Николая, давно живущего своей семьей в другой части города, что раз в пару-тройку недель по выходным или праздничным дням навещает родителей. Как истинный любящий сын, обязательно захватит с собой большой медовый пряник, коими славится их город — для матери, и бутылочку «талонной», которую они с отцом и разопьют, неторопливо вечеряя.

В один из таких приездов привез он Андреяну прошлогодний номер роман-

газеты с «Реквиемом каравану PQ-17». Надо сказать, что доселе Николай ничего из книг вошедшего в популярность Пикуля не читал. Не потому что не любил исторических романов, манкировал ими, но просто в руки не попадались: в стране книжный ажиотаж, в магазинах на прилавках только тома и брошюры «Политиздата», а в библиотеках запись в очередь на знаковых авторов. И этот выпуск роман-газеты каким-то чудом оказался на выкладке часто посещаемом букинистическом магазине, словно дожидаясь Николая... Да еще новая приемщица, не успевшая пока затвердить в головке с кудряшками «спросовые фамилии», уценила номер на двадцать копеек. Так что Николай, усмехнувшись, легко расстался с рублевиком — юбилейной монетой с профилем Владимира Ильича.

◆ За пару вечеров прочитал и восхитился как добротным слогом автора, но особенно тем, что действие романа — «документальной трагедии» в подзаголовке к названию — происходило в родных его северных местах. А то, что автор, как следовало из биографических данных, воевал юнгой, служил рулевым на эсминце «Грозный», который базировался в Екатерининской гавани Полярного (о нем упоминает в своей книге «Вместе с флотом» адмирал Головкин, командовавший Северным флотом в войну, а ее Николай недавно прочел, купив в том же букмаге), и вовсе заставило тотчас вспомнить давний рассказ отца о юном читателе, исчеркавшем томики «Войны и мира». Поэтому в ближайшую поездку к родителям в Косолучье и захватил с собой номер роман-газеты.

...С детективными повадками не сразу показал его отцу, но дождавшись, пока после второй стопки тот в охотку разговорился, ан — и выложил журнал перед ним на кухонный стол, сославшись якобы на забывчивость: вот, мол, тебе занятую книжку захватил, да запамятовал сразу из сумки вынуть... вместе с пряником для матери и бутылкой «Столичной», которой намерен порадовать иссохший от вождения трудовой народ «стопятидесятый специализированный» на Лентяевке. О завозе туда целиковой фуры с редкостной маркой водки разведчики из окрестных домов позвонили друзьям и родственникам на все четыре предприятия ближней окраины города. Так что отоваривал свои талоны Николай в полутысячной очереди с преобладанием своих коллег по «Меткости».

— А как звали того юнгу, что у *тебя* на Торосе побывал? — поинтересовался Николай, пока Андреян просматривал журнал.

— Да никак. Юнга — так и звали юнгой. Правда, принимал я его на пост, а затем сдавал шлюпочному матросу с росписью в документе, что-то навряд ли активировочной ведомости, фамилия там обязательна, но я и внимания оба раза на нее не обратил. На войне без того дел достаточно. А-а, вот вспомнил: Жора Асатурьян, с которым юнга тот закорешковал на камбузе, как-то посмеялся, мол, парень этот напомнил* ему те замечательные предвоенные времена, когда он обучался кулинарному мастерству в ленинградской «Астории» — это вам не фунт изюму! — у знаменитого тамошнего шеф-повара Трофима Лонгинова. Но чем именно напомнил и в какой части, про то Жора не успел досказать — вахтенный на мостике поста врубил сирену: немцы по расписанию летели на Мурманск.

— А фото на обложке журнала не напоминает?

— Гм-м, да здесь мужик под шестьдесят лет, хотя бы и тельняшка в вороте рубахи. Тот же лет пятнадцати был; опять же за сорок лет разве в памяти удержишь?

— В биографии значится эсминец «Грозный», а ты говорил: то ли эсминец, а может и тральщик минный?

* Если Жора Асатурьян имел в виду фамилию Пикуль (?), то, как знаток французской кухни, скорее всего проассоциировал ее с блюдом пикули (только во мн. числе употребляется): салат из овощей и ягод, залитый уксусным отваром с пряностями. Но в этой славной кухне сотни названий блюд — и множество отдаленно созвучных фамилий? Наконец, Жора мог сравнить юнгу на камбузе с собой, поваренком в «Астории»? Кстати, пикулем называют торговый вес (~60 кг) в Восточной Азии... — Прим. авт.

— Эх, Никол, поживи с мое да две войны пройди, пару раз в госпитале побывай... чего, конечно, никому не пожелаю — это про войну и госпиталь; словом, на память не жалуюсь, но слишком много чего в нее напихано, многое повиданное, но всего в мелочах не упомнишь. Рааз-ли-вай!

...После того разговора с отцом Николай выпросил у знакомого, ныне работавшего инженером в ЦКБ* агрегатостроения Валерки Овцовского, библиофила, то есть старавшегося не давать никому книг для прочтения, пяток романов Пикуля — конечно, поочередно, каждый на неделю. Два мотива им двигало: интерес к творчеству исторического писателя и внимательное прочтение биографии автора, что наличествовали в каждой книге различных издательств: а вдруг найдется хоть строка, хоть пара слов о Торосе? Увы, не нашлось. Зато обнаружил в этих биографиях, написанных различными литературоведами, или как там они именуются? разночтения о месте службы юнга Валентина Пикуля: в одних предисловиях назывался эсминец, в других как раз минный тральщик!

Вершиной его расследования стало письмо в издательство «Художественная литература» с просьбой сообщить рижский адрес Валентина Саввича, поскольку он родом с мест, где воевал писатель, и хочет нечто уточнить. Ответ он получил, такие вежливо-обязательные времена были, но без адреса: дескать, это не в нашей компетенции, рекомендуем обратиться в правление Союза писателей СССР. Но Николай адреса этой организации не знал. Когда рассказал об этом Валерке Овцовскому, тот рассмеялся: ишь, мол, чего захотел! Да у Пикуля врагов немеренно из числа писателей, историков, литературоведов, поэтому издательства, печатающие его книги, оберегают своего автора, адреса его не дают...

Отец же на все попытки сына доискаться до истинности отвечал философски (после второй стопки), что-де все может быть: мир — он только кажется необозримым, а на деле-то часто случается тесным, особенно на *нашем* с тобой, Никола, Севере, тем более в войну, когда лишнего народа там не было, а через одного-второго-третьего все вроде бы знаемы. Может и юнга тот писателем стал, так что из того? Ведь все известные люди не рождались такими, но до поры до времени и голоштанниками по двору бегали, и в школе не одни лишь пятерки получали, за девок дрались, во флоте служили... некоторые и в пехоте, само собой. Поди-ка разгляди в нем будущую знаменитость? А *наш* Север, Никол, помни. Не у всякого такое детство и в таких местах. Где много моря и скал, но мало людей, там по неписанным законам самых разных людей можно встретить.

...Николай Андреевич, вспомнив давнюю беседу с отцом за бутылочкой хотя и талонной, но высококачественной советской водки, чуть взгрустнул памяти о былом, так и не разрешившим вопроса об авторстве надписей на страницах «Войны и мира». А затем и усмехнулся продолжению этой истории с непоняткой. Когда несколько лет назад по какому-то поводу он поведал о ней профессору Скородумову в компании их нового приятеля Бурцева, писателя и издателя, в смысле главного редактора местного литературного журнала «Срединная Россия», то обычно невозмутимый Андрей Матвеевич аж на стуле подскочил: «А если это действительно, что очень похоже на правду, наш выдающийся исторический писатель юнгой у отца твоего от гриппа отлеживался на посту? Так эти томики «Войны и мира» с пометами карандашными — подлинный литературный раритет с большой литературоведческой ценностью! Разреши взять их на недельку: в руках такой раритет подержать, в надписи вчитаться, а?»

Николай Андреевич — вспомнил и повод к тогдашнему рассказу о юнге — прекрасно понял горячность собеседника, которую сам и спровоцировал незлобиво: Андрей Матвеевич на той встрече в излюбленном заведении «Наливай-ка!» (с пода-

* ЦКБ — Центральное конструкторское бюро; таковое в своем министерстве или главке полагалось ведущим в конкретной отрасли.— Прим. авт.

чей и закуской) похвалился, что намерен за свой исторический роман о малоизвестных событиях русско-японской войны, в которой унтер-офицером участвовал его дед по материнской линии, он стал лауреатом премии имени Пикуля. Премия хотя и имеет статус международной, но, увы, безденежная. Потому и дали ее провинциальному литератору. Денежные же премии не выходят за пределы *МКАД'а* и являются «звонково-рекомендательными». Распахнув полы плаща — дело было дождливой осенью, — продемонстрировал премиальную медаль с профилем Валентина Саввича на правом* лацкане пиджака.

Но Николай Андреянович несказанно огорчил взалкавшего своими глазами посмотреть на автографы своего знаменитого коллеги по писательскому цеху Андрея Матвеевича. Увы, некогда большая и дружная семья по мере взросления братьев, ухода из жизни их родителей распалась, разъехалась по разным частям города. И сам родительский дом в Косолучье интригами и деревенским алчным хамством бывшей жены среднего из трех братьев перешел совсем к посторонним людям... Где уж тут сохраниться четверем потрепанным временем томикам в непритязательных картонных обложках? Прав был советский классик, что книги нетленны. Но прав ровно наполовину: экземпляры их просто теряются во времени и в жизненном пространстве... Снова воспоминания из ареала военной цивилизации.

♦ Как человек с инженерным образованием, Николай Андреянович был уверен, что более двух совпадений — это истина. Так и в авторстве карандашных пометок и подчеркиваний на страницах «Войны и мира» довоенного издания в серии «Дешевая библиотека» он не сомневался. Но если прославленного исторического писателя он лицо-в-лицо не видел ни юнгой, как его отец, ни во взрослом возрасте литературной славы (а вот Андрей Матвеевич Бурцев с Пикулем даже ручкался на некой писательской конференции, что проходила в толстовской Ясной Поляне), то со знаменитым поэтом, настолько известным, что на пару с Евгением Евтушенко в шестидесятые-семидесятые годы занимали сам-двое поэтический Олимп страны, Николай — тогда еще не Андреянович — познакомился в самых интересных обстоятельствах. Опять-таки, как все во владениях Северного флота в те годы, обстоятельства сводились к сухому закону. Наделал же Никита делов, оставшись в народной памяти таким вредительным самодуром — волонтаристом и пробобелистом, как пропечатали в передаче «Правды», посвященной отстранению Хрущева от власти.

Ну да господь всепрощающий с ним. Даже доброе дело за ним числится: «кузькиной матерью» в тридцать пять мегатонн, взорванной на Новой Земле, опять же в зоне ответственности Северного флота, очень серьезно напугал америкосов: от этого взрыва растут и ноги всех последующих наших с ними умиротворяющих договоров и соглашений.

...Отпив пару-тройку глотков чая, Николай Андреянович закурил и настроил механизм своих воспоминаний на начало учебного года в предпоследнем, десятом классе.

Как и на старте сегодняшнего «часа воспоминаний», Николай Андреянович скрупулезно, по инженерной привычке, отметил: все было уникальным в первые восемнадцать лет его жизни — под сенью славного Северного флота, в ареале военно-морской цивилизации, в том числе и последние два года жизни в Полярном; соответственно, завершающие школьную учебу. Он уже и не стал оговариваться про себя, что всему виной Никита Сергеевич. Истинно по пословице: хорошо бьет ружье — с полки упало, семи горшком побило.

А уникальность биографии Николая Андреяновича, в соотнесении со школьной учебной и генсеком Хрущевым, состояла в том, что он последние школьные годы, то

* Из всех медалей только премиальные носят справа — вспомните, кто постарше, портрет Леонида Ильича в последние годы его жизни: слева пять геройских звезд в два ряда, а справа три (или четыре?) лауреатские медали, в том числе одна по литературе. — Прим. авт.

есть учась в десятом и одиннадцатом классах, причем в обычном дневном обучении, ни в каком-то вечернем или заочном! одновременно имел трудовую книжку и занятость по полной рабочей ставке. В воспоминаниях зрелых лет, особенно в веселой компании приятелей и сослуживцев, Николай Андреевич похвалялся этим; дескать, если я не единственный в советской стране тех золотых годов такое совмещение имел, то во всяком случае — из числа совсем немногих уникалов. И действительно, будучи человеком общительным, сколько он не интересовался у многочисленных собеседников, как не пытался, будучи с детских лет отменным книголюбом, что-либо подобное в печатных текстах хоть намеками обнаружить, но ничего подобного не слышал и не прочитывал. Один так один! — с тихой гордостью за такую избранность судьбы отмечал Николай Андреевич утвердительно сам для себя.

И Никита Сергеевич здесь при всем при том. Уже в окончании девятого класса все ученики, готовящиеся перейти в разряд десятиклассников, впервые в безмятежной жизни задумались: через два года свертывается хрущевский эксперимент с одиннадцатилетним обучением, который он вместе с кукурузой, сосисками-пальчиками и многочисленными автоматами — от газированной воды на улицах до одеклонных брызгалок в промтоварных магазинах — привез из поездки в Америку. А для свертывания и перехода к прежней десятилетке, как тут не крутись, требовался болезненный удвоенный выпуск прежних одиннадцатых классов и «подтянутых» по программе десятых. Именно в такой разряд и попадал по расчетам Николка, сын Андреевых, причем именно в статусе выпускника-одиннадцатиклассника.

Но если сами кандидаты на сдвоенный выпуск по юношескому оптимизму особото не огорчились, то как болезненно восприняли их родители! Конечно, не денежно-меркантильные хлопоты, как было бы сейчас*, их одолевали, но ведь это и двойные конкурсы — а тогда поступали не по липовой «егешке», а по знаниям! — в вузы? Значит надо всерьез взяться за своих отпрысков, наставлять их к успешной учебе и экзаменам: где убеждениями и уговорами, а то и легким отцовским подзатыльником (тогда ювенальной юстиции от америкосов и опидорасенной Европы еще не переняли, забыл ее Никита оттуда привезти...). Конечно, и власть родная советская озаботилась: на год двойного выпуска экстренно увеличили число приемных мест в институтах, университетах и техникумах. Медучилищах, музучилищах и педучилищах тож. Даже впервые с послевоенных лет, когда не хватало абитуриентов со средним образованием для заполнения вакансий военных академий и в них, наряду с майорами и капитанами, брали вчерашних школьников**, на год двойного выпуска такое исключение повторили...

◆ Николка потому попал в разряд одиннадцатиклассников, что с девятого класса учился по прежней программе, то есть с производственным обучением: четыре дня в неделю школьные уроки, а два — занятия радиоделом с получением рабочей специальности радиотелеграфиста-морзиста второго или третьего разряда. По школьным предметам шел он устойчивым хорошистом, а по физике, математике и химии и вовсе твердым отличником. Особо не огорчался предстоящему двойному конкурсу в институты. Но отец его Андреев, по-флотски приученный все в жизни делать с запасом, как-то безотносительно сообщил в домашнем кругу, но пристально посмотрев в сторону Николки, что остался он в дэкафе единственным электриком: его подручный, молодой парень Трефилов, уводился на днях, уехал в Петрозаводск, откуда был родом.

А дело было в конце июня-месяца, только что Николка паспорт получил и сдал экзамены за девятый класс.

* История движется по спирали диалектики Гегеля: вне всякого сомнения (автор не провидец, но научен жизнью...) и нынешнюю одиннадцатилетку, тож вытребованную из Америки, свернут до традиционной десятилетки. Опять родителям огорчаться? — Прим. авт.

** Мой научный наставник (земля ему пухом!) академик Евгений Иванович Нефедов был из таких: в послевоенные годы, закончив школу в Таганроге, поступил в Военную инженерную академию связи имени С. М. Буденного (ВКИАС).— Прим. авт.

— А что, Колька,— уже напрямую, без обиняков обратился к нему Андреян,— занимаешься ты хорошо, главное, с прилежанием. И цель четкая: на радиоинженера учиться. Опять же у вас будет одновременный выпуск десятых и одиннадцатых классов, а имеющие двухлетний трудовой стаж идут вне конкурса. Паспорт у тебя уже имеется, а если сейчас к нам в дэкаф электриком под мое начало поступишь, так к сдаче выпускных экзаменов как раз два года — вынь да положь! Опять же зарплата не лишней будет для тебя и семейства нашего. Давай?

...И мать, чувствуя ответственность момента, для убедительной разговорчивости Андреяна вроде как случайно в кладовой — что-то ей там понадобилось? — за следялым разным хламом наткнулась на бутылку «Московской». Ой, мол, когда-то положила, упрятала, да забыла.

Уже после первой, самой сладостной стопки Андреян все строго, по-флотски расставил по диспозиционному ранжиру.

— ...Потому в дэкафе двух электриков держат, что начинаем мы работу с утра, а только в одиннадцать вечера двери закрываются. На ночь остаются только дежурный и кочегары-стройбатовцы в осенне-зимнее время, но у них в кочегарку свой вход. Электрики же в две смены по графику, а мы с тобой график этот постоянным сделаем: я с полдевятого утра до четырех пополудни, а ты мне на смену и до конца дня; где-то в десять вечера, ну-у, в половине одиннадцатого в крайнем случае. Не переутомишься! Вся работа по починке чего надо, утренние и дневные *мероприятия* в большом зале, где обслуживание по свету требуется, и прочие докуки на мне. Ты же после школы — у вас ведь, которые с производственным обучением, только первая смена? — придешь домой, пообедаешь, пару часов отдохнешь. Ты ведь пару раз заходил ко мне, потому знаешь, условия тебе царские: целое крыло полуподвального этажа, где и днем ни одного черта не встретишь, разве что пару раз в неделю, но опять днем, в своей комнате оркестр четвертой эскадры подплава на репетицию собирается, почему-то особо на «Танец с саблями» напирают. А в твоём владении электробудка под сценой, с выходом на нее через люк и по боковой лестнице, налево от нее вход в оркестровую яму, а напрямки *наша* мастерская и склад электропричанда-лов. Так что придешь мне на смену, скоренько, пока к вечеру публика не подвалила, обойдешь все коридоры и незапертые комнаты, захватив с собой пяток лампочек различной мощности и маленькую стремянку. Если заметишь перегоревшую в потолочных плафонах или в настенных бра — заменишь. И все — возвращайся в электробудку, заваривай чай и — сам себе пан! — делай уроки, читай книжки, кстати, в дэкафе богатейшая библиотека, *своим* Наталья Зосимовна и книги дореволюционного издания выдает, чего ни в каких городских библиотеках нет и в помине. А своими поделками радиолюбительскими в мастерской занимайся, там все имеется: станок настольный сверлильный, тиски, верстак, точило; дюрала и проводов всяких — завались! И целый ящик реле, конденсаторов и прочих радиодеталей. Видно, мой предшественник тоже, как ты, радистом был, вот ему и натаскали всего из военных частей...

— Но ведь вечером в дэкафе самое оживление?

— Верно, кружки всякие, буфет работает, офицеры шары в биллиардной катают... да много чего! Но тебя касается только большой зрительный зал. Как уже сказал, все официальные сборища там днем проходят, моя забота. Вечером, если только фильмы крутят, то тебя это не касается, свет в зале тушат и включают из кинобудки, у них это запараллелено с *нами*. Но вот если приезжают с гастролями артисты давать концерт или спектакль театральный, особенно столичные или из Ленинграда, то перед началом подсуетиться придется: софиты над сценой и на кромке оркестровой ямы проверить, прожектора-пистолеты тож, еще что попросят старшие над артистами. И свет гасить-включать тоже из электробудки — реостатом, чтобы медленно освещение зала спадало-нарастал. Словом, начеку следует быть. Зато концерты или спектакли, иные выступления, как кум королю будешь в одиночку из оркестровой

ямы — сверхпервый ряд! — смотреть. Если только оркестр туда не посадят. Но все одно место найдется.

♦ Учебу в десятом классе Николка начал пролетарием. Это третье по счету школьное прозвище — после внука маршала Булганина, а затем Николки-паровоза, что из книги Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» по программе внеклассного чтения — присвоил своему другу одноклассник Сашка Белозеров. С уважением присвоил. Тем более, что, оставив за собой почетный пост заведующего школьной радиорубкой, он назначил Сашку своим замом по обслуживанию субботних вечерних танцев — по понятной причине. Усталости от совмещения школы с ее радиорубкой и радиоклубом коротковолнников-морзистов, что организовал их преподаватель производственного обучения, матерый мичман Алексей Васильевич Калинин, с работой в дэкафе, то есть каждодневно «быть на ногах» с утра и почти до полуночи, Николка не ощущал — как потомок отца из староверов и матери-поморки, то есть потомственно двужильных.

...И действительно, отец в точку попал: вместо тоскливо ожидаемой Николкой тяготы вечерней работы в дэкафе, вреда учебе и просто каждодневной усталости, зажил он как тот самый кум королю или сам себе пан! Даже наоборот: если к вечеру, особенно в осенне-зимнюю непогоду, в их маленьком домишке собирались все семейственно, включали телевизор, младшие братья Серезка и Славка на зло всем нарочито громко делали домашние задания, прерывая их потасовками... словом, бедлам, то в дэкафе, пройдясь по этажам с лестницей-стремянкой, возвращался в свои тихие и безлюдные владения, заваривал чай в литровом фарфоровом чайнике, к домашним бутербродам добавлял купленные в буфете удивительно вкусные, с пылу с жару, пирожки с картошкой и мясом, включал для умиротворяющего звукового (ни один шорох из переполненного народом дэкафа в электробудку не проникал!) фона на малую громкость динамик городской радиотрансляции и неторопливо приступал к заданным на дом урокам. Со стороны посмотреть — ни дать ни взять академик Павлов в своем уединенном кабинете в загородных Колтушах! — это из иллюстрации в школьном учебнике.

Закончив с уроками, устраивался на пружинной кушетке с подушкой — с книгой, очередным томом Стендаля, любимого Лескова, Достоевского, Романа Роллана... Заведующая дэкафской библиотекой, почтенная Наталья Зосимовна, профессионально вычислив в лице молодого электрика серьезного читателя, баловала его дореволюционными и двадцатых годов изданиями писателей и поэтов, имена которых в школьных учебниках литературы если и упоминались, но только в неодобрительном наклонении... В семь часов начинался фильм. Если новый, то Николка вставал с кушетки и шел его смотреть из оркестровой ямы. Если же показывали что-то повторное, то отправлялся в мастерскую, где до конца трудодня паял, сверлил, стучал молотком, изготавливая с нуля очередную радиоподделку: электронный ключ для тренировки по азбуке Морзе, карманный радиоприемник на транзисторах и тому подобное. Выполнял и заказы отца для хозяйства дэкафа: многоярусный переключатель елочных гирлянд к новогодним балам, зарядное устройство для аккумуляторного фонаря, преобразователь для питания трехфазного движка точила и шлифовального круга от двухфазной сети и многое другое. Вплоть до громоздких световых табло, что навешивали на фасад дэкафа к Новому году, Седьмому ноябрю и Первому маю. Все в охотку, с интересом, не по подсказке, а по своему разумению.

Что касается концертов и спектаклей, то из той же оркестровой ямы Николка за два года ознакомился с большей частью филармонических и театральных репертуаров страны: дэкафы Полярного, старейшего на Северном флоте, и Североморска являлись обязательными для выездных гастролей не только провинциальных, но и столичных артистов.

Время от времени «на огонек», а заодно задарма посмотреть новый фильм, кон-

церт знаменитости, перекинуться картишками в покер или кинга, просто под хозяйский кофеек — и для него посуда в электробудке имелась,— подымить настоящей гаваной, что во всех магазинах и киосках продавались от друга Фиделя по тридцать пять копеек штука (американские миллионеры тогда платили за контрабандные по столько же доллárов...), душевно поговорить о школьных делах и кто чем собирается заниматься, получив аттестат, заглядывали друзьяки: Сашка Белозеров, Юрка Черняков, Женька Карпущенко, Илья Самсонов. Иногда, когда на концерт заезжей знаменитости в кассе заканчивались билеты, то парочкой появлялись и одноклассницы, которых Николка впускал в оркестровую яму.

Не жизнь, а малина! — это уже ностальгические, со вздохом, мысли погрузившегося в воспоминания доцента-ракетчика Николая Андреяновича.

◆ Дэкаф открыл старшекласснику Николке, уже почти Николаю! еще одну, доселе как-то мимо его сознания проходившую, сторону военной цивилизации его родных скалистых, морских мест: моряки на отдыхе, вне кораблей и четких команд, в сторонке от выверенной субординации, в смешении мундиров, ненавязчиво отличающихся погонами, числом и размером звезд на них. Действительно, выходя по делам, в том числе и в буфет за пирожками, где-то ближе к семи часам, а в выходные и праздничные дни и вовсе по приходу в дэкаф, уже ко второму-третьему месяцу работы Николка перестал останавливаться взглядом на многочисленных встречных-поперечных, если, конечно, кто знакомый не попадался. Привык, глаза замылились, как мать по-архангельски говорит. Капитаны всех трех рангов, в праздничные дни с кортиками, многочисленные младшие офицеры, старшины и матросы в увольнительной. И адмирала не такая уж редкость встретить. Из штатских преимущественно офицерские жены, в том числе школьные учительницы, что дружелюбно кивали Николке в черном рабочем халате, всякое гражданское начальство, старшеклассники единственной в Полярном школы. Разношерстной зрители фильмов, концертов и спектаклей. Весь город со временем прошел мимо Николки за пару лет работы в дэкафе. Но довелось повидать и весь офицерский состав подплава.

Имея скользкий выходной, в воскресенье Николка всегда выходил на работу с утра, менялся с отцом сменами. Так получилось, что как-то в октябре-месяце, по первому году работы, только он собрался прогуляться по коридорам с лесенкой-стремянкой, как в электробудку вошел начальник дэкафа, почтеннейший и дружелюбный черномундирный полковник Зинченко:

— Отставка, Николай, обход. Через час экстренное собрание всего офицерского состава четвертой эскадры и надводных кораблей — из тех, что сейчас в гавани стоят. Будь на месте, освещение в зале контролируй. Да-а, это что-то навряд открытого партсобрания, начальник политуправления флота будет выступать, так что оркестровую яму на замке держи... сам из электробудки не выходи — ты при исполнении и торжественное клятвенное обещание* под расписку давал, а это как присяга. Окончится собрание, разойдутся, тогда шуруй по своим делам.

Не выходить так не выходить, но кто запрещает чуть-чуть, на пару пальцев приоткрыть лючок на задник сцены и подложить по его край маленький чурбачок — все прекрасно слышно, а из зала, с передка сцены, где ставят заседательский стол, незаметно. Он и раньше так делал, когда было желание концерт малоизвестных артистов послушать и от учебных своих занятий не отвлекаться. Но перед самым началом собрания вроде как по делу и для бдительности зашел в оркестровую яму, осторожно, как солдат из окопа, бросил взгляд в сторону зала. Да-а, несколько сотен офицеров, почти полностью заполнивших зал, производили солидное впечатление.

Сам долгий доклад большого политначальника из Североморска относился к не-

* Для вольнонаемных в воинских частях было обязательным при поступлении на работу; соответствующая запись вносилась в трудовую книжку.— Прим. авт.

давнему снятию Хрущева «по состоянию здоровья». Народ, разумеется, посмеивался над таким диагнозом, много чего предполагал, в основном, как сообразил Николка, слушая начальника политупра флота, близкое к истине: зарвался Никитушка, многих важных людей обидел, отсюда и расплата — переход в разряд пенсионеров союзного значения, то есть сто сорок «рэ» пенсионера. Особых кремлевских тайн Николка не узнал, собрание имело военно-воспитательный характер. Тем более, что вскоре все газеты запестрели передовицами, из которых народу более всего понравились прозвища Хрущева: волонтерист и *пробебелист**. Непонятное последнее слово тотчас переделали в житейски ясное: *пробабелист*, произнося его ернически, понимающе подмигивая.

...Именно заполненный морскими офицерами большой зал дэкафа с люстрой, чем-то внешне напоминавшей таковую в Большом театре, виденную Николкой в кинохронике, что крутят перед фильмами, оттеснил в юной голове скучноватый, схожий с оправданием, доклад главного партийца флота. Даже не заполненные подлодками и надводными кораблями пирсы материкового берега Екатерининской гавани, причем пришвартованными в несколько номеров, а именно сотни офицеров в черных мундирах с блестящими погонами, сплошь занявшими все двадцать четыре ряда большого киноконцертного зала дэкафа, да еще в «адмиральской ложе» самые высокие чины подплава и бригад катерников и «охотников», — горделиво восхитили парня: вот это мощь! вот силища! — не напрасно страна держит на этих голых, продуваемых свирепыми норд-остами, по полгода занавешенными плотными туманами скалах, военные города и удаленные от них «точки», обслуживающие сотни кораблей Северного флота. Нет, не напрасно: только сила силу ломит, а советской стране противостоит такая злобная и неумолимая сила — натовцы во главе с Америкой. Истинно — наша военная цивилизация... где-то прочитанные слова. На этом высоком штиле размышления Николки в один из последующих дней, с еще не раскрытой книгой, томом Лескова с антинигилистическим романом «Некуда», на кушетке, прервали осторожным, вежливым стуком в дверь электробудки. Именно вежливым, поскольку дверь была, как всегда, демократично-доверительно приоткрыта на ширину ладони: своим понятно, чужим приятно.

♦ Свои не стучат, а чужие политеса требуют. Николка рывком поднялся с кушетки, махнул рукой по слегка растрепавшимся волосам. «Входите», — негромко произнес, кладя том Лескова на стол. Дверь приоткрылась, Николка увидел за порогом двух офицеров-подводников, сразу отличимых по знаку на правом борту кителя: кавторанга** и кап-три. Войдя в комнатку электробудки, вежливо кивнули головами и осведомились об Андреяне. Николка пояснил, что он его сын, а Андреян теперь постоянно в первую смену работает, но, углядев, что меньший по званию что-то бережно придерживает под полый кителя левой рукой в оттопыренном брючном кармане, тотчас вспомнил наставления отца: «Да, вот еще что, электрик в дэкафе самое доверенное лицо, а электробудка — самое надежное место для желающих распить бутылку, если кому повезет выклянчить, с наценкой конечно, у Зинки-буфетчицы. У нее в кладовке всегда имеется «энзе» на случай, если в кабинете у Зинченки соберутся для внеслужебных доверительных дел чины с большими звездами на погонах. Так что если кто из офицеров придет к тебе расслабиться, то прими вежливо. Они тебе особо не помешают».

Опять же сегодня среда, а Николка уже знал, что по всей стране среда — партийный день, а четверг — рыбный, чтобы народ умнел, в рыбе много фосфора, который

* Почему-то пресса и радиотелевидение тогда не растолковывало массам смысл этого загадочного слова. Очевидно, имелось в виду, что Никита Сергеевич дал некую левизну (или правизну), созвучную с мнениями Августа Бебеля, у которого были политтерки с Карлом Марксом... — Прим. авт.

** Сокр. от капитана второго ранга; также каперанг и кап-три для капитанов первого и третьего рангов. — Прим. авт.

для человека есть элемент разума, как объясняла им школьная биологичка. По четвергам буфетная повариха вместо картошки с мясом снаряжала свои замечательные пирожки рисом с мелко порубленными тресковыми тешами.

Вот и встретились на дивизионном общем партсобрании в дэкафе два однокашника по ленинградскому военно-морскому училищу подводного плавания. Как не отметить!

— Прошу,— Николка, на задавая излишних вопросов, указал на свой и боковой гостевой стулья у стола, на который поставил два чистых граненых стакана, взятые из шкафчика, принайтованного к стене над столом, и оттуда же на тарелке пару буфетных пирожков, еще не остывших.

— Спасибо, уважаемый! А себе стакан?

— Извиняюсь, на службе,— и вообще Николка еще ни единой капли в жизни не выпил, отец держал детей в строгости, а в малом хмелю педагогически назидательно наставлял: «Древним грекам не разрешалось пить до тридцати пяти лет, вот и следуйте им!»

После чего, сославшись на дела, Николка ушел в мастерскую, попросив флотоводцев, уходя, притворить дверь.

В дальнейшем, когда случались подобные визиты, Николка действовал по уже отработанной методе.

...Где-то в начале весны первого года работы Николка, войдя в дэкаф, обратил внимание на многочисленность в коридорах первого этажа гражданского народа, преимущественно молодых женщин и старших школьниц, а перед внутренней кассой, что была на пути в его владения, выстроилась солидная очередь, в которой он отметил несколько учительниц и двух одноклассниц. Сменяя отца, уходящего домой, поинтересовался таким наплывом штатского народа в несколько странном сочетании. Чем-то раздосадованный Андреян буркнул про какого-то артиста, что в одиночку будет: «В семь часов свет в зале включишь, а по окончании вырубись. На сцене только обычный верхний, безо всяких подсветок». С тем и вышел из электробудки.

Ну и хорошо, решил Николка. Чем меньше народа на сцене, тем ему спокойнее. Тем более, что на сегодня, наскоро сделав домашнее задание, надо успеть срочное поручение Алексея Васильевича выполнить: для радиостанции школьного клуба коротковолновиков-морзистов доделать позавчера начатый антенный пульт с переключателем. Из всех ребят только у него «под рукой» имелась мастерская с инструментом.

Закончив к половине седьмого с урочными делами, включив свет в зале и на сцене, Николка направился на выход из электробудки — идти в мастерскую, но с противоположной стороны в дверь осторожно, вежливо постучали.

♦ Офицеры с бутылкой от щедрот Зинки-буфетчицы? Тем более, что на днях, сменяя отца, в это время разговаривавшего с завхозом Пал Никитичем, непосредственным начальником электриков дэкафа, Николка услышал окончание фразы последнего: «...Седни матросы опять пару ящиков, прикрытых брезентом, в Зинкину кладовку внесли. Видно на катере попуткой из Мурманска Зинченко заказал». И оба, Андреян и завхоз, завистливо облизнулись.

Но ведь сегодня не среда, а в коридорах и в очереди к кассе видел он нескольких офицеров, но молодых, не выше старлея по званию, а таким еще не по чину у Зинки отовариваться. Но уже заученно сделал шаг в сторону навесного шкафчика с гранеными стаканами, ответив на стук: «Входите»... и обомлел: в проем растворившейся двери, неуверенно перешагивая порожек, входил не кто иной как известнейший поэт! Еще бы не знать его в лицо? — по постоянно мелькающим фотографиям в самых читаемых журналах: от «Огонька» до литературной «Юности», что Николка регулярно просматривал в читальном зале районной библиотеки. Статус райцентра давненько уже «переехал» из Полярного в новопостроенный Североморск, но вот биб-

лиотека и еще некоторые гражданские учреждения Полярного продолжали носить названия районных.

В самом расцвете своей всесоюзной славы и в начале четвертого десятка лет многообещающей жизни, стихи которого, печатные и в авторской декламации, не сходили со страниц и с эстрады! Знаменитость и дорастающий до него (по популярности) Евтушенко — почти живые классики, как их называла их учительница литературы Валентина Николаевна, особо выделяя первого из них.

И вот — Николка даже непроизвольно провел тыльной стороной ладони по бровям и ресницам глаз: не мерещится ли? — узнаваемый по фотографиям в журналах и газетах, но особенно по неизменному тонкому шарфику на шее под рубашкой с расстегнутым воротом, главный поэт страны, во всяком случае, молодежи, нерешительно остановился, перешагнув порожек двери электробудки. А когда он заговорил с обычным своим легким заиканием, точнее, почти что незаметными остатками заикания, все сомнения Николки вмиг рассеялись.

— Э-э, молодой человек, извините за вторжение. От работы вас не отвлекаю?

— Да нет, проходите, пожалуйста... (здесь Николка с ужасом осознал неловкость своего положения: отчества знаменитого поэта он не знал).

— Да вы не смущайтесь: нашего брата печатно и изустно только по имени и называют; сам порой паузу делаю, отчество называя. Да не прогневайтесь на меня мой папа за «забывчивость». Я собственно почему зашел? — пару лет назад уже бывал у вас в Полярном, здесь же и выступал с другими московскими поэтами по линии шефства над Северным флотом... вроде как Андреян здесь электриком был?

— Он в первую смену, а я его сын Николай, младший электрик.

— А-а, понятно. Разрешите присесть. Очень приятно с вами, Николай, познакомиться. И просьба несколько некомильфо: можно стаканчик какой-нибудь попросить?

Николка уже привычно раскрыл дверцу шкафчика, радуясь, что там наряду с гранеными стаканами стояла пузатенькая, «под хрусталь», рюмка. Как она поселилась в электробудке? — даже отец не мог объяснить. Поставил ее на стол перед гостем, извинился за отсутствие закуски.

— Да у меня пара конфеток имеется — привычка. А себе? — поднял он глаза на стоящего Николку, одновременно доставая из внутреннего кармана серого, твидового, как называют этот материал, пиджака, плоскую бутылочку с чайного цвета содержимым. Такие Николка только в зарубежных фильмах видел.

— Извините, не пью. Вы, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимание.— И Николка отошел к кушетке, присел на краешек.

Одобрительно кивнув на слова молодого электрика и поправил слегка сбившийся шейный шарфик, поэт наполнил коньяком стограммовую рюмку на две трети (по этикету — отметил Николка, уже много чего знающий из обыденной жизни), приветственно поднял ее на уровень плеча в сторону гостеприимного хозяина, после чего неторопливо выпил. Достал из бокового кармана пару конфеток «Кара-Кум», одну протянул Николке, оберткой другой сам зашелестел. Уложив плоскую бутылочку обратно в карман, для приличия пяток минут посидел, объясняя Николке, что по совету знакомого врача-логопеда перед концертными выступлениями «принимает терапевтическую дозу» — снимает некоторую напряженность в гортани для плавности поэтической декламации.

Сказав вроде как дежурный комплимент «людям семидесятой широты, уверенно живущим в суровой и первозданной природе», пожелал Николаю успехов и удач в начинающейся взрослой жизни, пожал руку. Проводив знаменитого гостя до лестницы, ведущей вверх на задник сцены, вернувшись к себе, Николка с досадой хлопнул себя по лбу: что ж не догадался автограф попросить? Тем более, что сегодня в школьном портфеле, взятом в дэкаф, имелся учебник литературы. Вот бы он смотрелся с

парой-тройкой слов знаменитости и его подписью?! А как бы зауважала его Валентина Николаевна! — И поспешил в оркестровую яму: из зала уже доносился первый звонок к началу выступления ведущего поэта страны.

♦ С автографами ему положительно не везло. Впрочем, он сам себя успокаивал: какие-такие автографы? Девчачье баловство! Но все же? — ладно давешний его гость; хотя и выдающийся поэт, но как человек гражданский, он все же случаен в этом военно-морском краю. Здесь главенствует носитель мундира, особенно, если звезды на погонах которого не за выслугу лет скопились, но за такие заслуги, о которых весь флот, вся страна знает... но чаще не ведает вовсе: дела военные, особенно флотские, для пользы обороноспособности огласке не подлежат. Но всегда есть разряд личных подвигов, которые именно своей всемирной известностью прославляют советскую страну. У такой выдающейся личности сам бог велел бы автограф получить. Это уже не девчачье баловство, а хотя бы чисто условное, но все же прикосновение к подвигу.

И совсем близок, буквально на расстоянии шага был Николка от такого прикосновения, но... как и в случае с выдающимся поэтом, подвела его неожиданность встречи с прославленным героем. И не только его, но в паре с ним Сережку Иевлева, одноклассника и такого же активного участника школьной радиоклуба с коротковолновой радиостанцией под позывным *UAIKUZ*.

Именно поэтому матерый мичман Алексей Васильевич Калинин, их наставник по телеграфной азбуке Морзе, он же руководитель радиоклуба, как-то в перерыве занятий в день производственной практики подозвал Иевлева:

— Слушай, Сергей, надо завтра или послезавтра, в крайнем случае, в Североморск смотаться. В мурманской типографии отпечатали для нас кюэсэльки * тиражом аж в тысячу штук, но почему-то передали их оказией в райком комсомольский. Обычный бардак у *этих штатских!* Словом, оттуда позвонили и просили забрать. Так что возьми для компании, чтобы скучно не было, кого-нибудь из *наших* и отправляйся. Я уже директорше говорил — Мария Ивановна добро дала освободить от уроков.

Совершенно случайно первым, кого встретил Сережка, выйдя в коридор на перемену, оказался Николка:

— Чего тебя Алексей Васильич попридержал?

Приятель кратко объяснил, насчет попутчика сказал.

— Так давай вместе и отправимся?

— А как же твой дэкаф?

— С отцом договорюсь насчет выходного на завтра.

Словом, на следующий день, ранним утром, отправились они в недалний Североморск: наискосок через Кольский залив, всего-то полчаса. Сначала все шло как по маслу: сэкономили по полтиннику, ибо вместо рейсового пассажирского катера, что отчаливал от пристани в Кислой губе, отец Сережки, каперанг и зам командира четвертой эскадры подплава, «устроил» их на катер военный, случившийся до Североморска. Так что на борт его ребята поднимались с пирса Екатерининской гавани, на который часовой пропустил их по волшебным словам Сережки: «Капитан первого ранга Иевлев распорядился!»

Опять же майская погода, штиль на море и близкие летние каникулы — окончание десятого класса — располагали к благодушию. Катер шел солидно и неторопко, словно переняв характер несуетливого военного моряка. Теплеющий с ночи воздух, пронизанный йодистым запахом, приятно освежал лица приятелей, усевшихся на

* От QSL — этими буквами в международном радиолобительском коде (Q — коде) обозначаются карточки, которыми по специальной почте (даже со своими марками!) обмениваются радиолобители, установившие радиосвязь друг с другом. По форме открытки, специально отпечатанной, содержащей основные сведения о радиостанции с графами, заполняемыми от руки.— Прим. авт.

банке* перед рубкой катера, отказавшись от любезного приглашения старшины катера спуститься в носовую каюту, где уже был пассажир — офицер подплава, посланный с катером забрать из Североморска нескольких курсантов-старшекурсников ЛВВУПП**, прибывших для прохождения корабельной практики на подлодках четвертой эскадры.

И в Североморске они без хлопот и расспросов нашли здание, в котором располагались оба райкома: партийный и комсомольский, впридачу и райисполком. По раннему времени в коридорах пусто, но по табличкам на дверях разыскали завхоза, у которого под расписку взяли пачку кюэсэлек, упакованных в оберточную бумагу. Далее Николка с Сережкой полагали доехать на рейсовом автобусе до Мурманска, зайти в радиомагазин поинтересоваться насчет дефицитных деталей: транзисторов, антенных ферритовых стержней и малогабаритных низковольтных электролитических конденсаторов... и вообще пошататься по центру северной столицы, пообедать в приличном заведении, а к вечеру вернуться в Полярный на рейсовом катере.

Спустившись по боковой лестнице на безлюдный первый этаж и направившись к выходу, на повороте в основной коридор, они лицом к лицу столкнулись... с Гагариным, который, держа на согнутой руке перекинутую шинель, шел навстречу, рассматривая таблички на дверях.

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

— Здорово, ребята. Вот из Сафонова подкинули на машине, на встречу пригласили. Мой провожатый в одну сторону, я в другую — ищем начальство здешнее. Оно понятно, люди гражданские, поздно на службу являются...

Но здесь несколько набежавших райкомовцев в пиджаках и галстуках загомонили, оттеснив ребят от космонавта.

Уже садясь на мурманский автобус, Сережка огорченно чертыхнулся: ведь можно было попросить автограф на свежееотпечатанных кюэсэляках! И хотя оба имели раритетные карточки с автографами из числа самых знаменитых радиолюбителей-коротковолнников: Сережка — иорданского короля Хуссейна, а Николка аж самого Барри Голдуотера, американского сенатора по прозвищу Бешеный Барри, самого ярого антисоветчика, карикатуры на которого не сходили со страниц «Крокодила» и центральных газет,— но кюэсэльки с росписью Гагарина всех их вместе взятых затмили бы! Опять же начинал службу под Мурманском — почти земляк.

♦ А сколько таких известных земляков заезжих — в Заполярье потомственные, постоянные жители редки — побывало в Полярном? (Нить воспоминаний Николая Андреевича развертывалась, не удаляясь от дэкафа). На втором году работы Николая — с этого момента Николай Андреевич повысил свой юношеский образ в звании: от Николки до Николая! — ближе к Новому году сменился начальник этого центра культуры Полярного. Событие взбудоражило если не весь город, то во всяком случае командный офицерский состав... и офицерских жен, для которых дэкаф являлся клубом: где еще встретиться и повспоминать о прежней их ленинградской жизни — до тех пор, пока они не вышли замуж за новоиспеченных лейтенантов, окончивших свое училище подводников. Словом, вышел в отставку с полным пенсионом и отбыл со своим семейством в родную Полтаву полковник Зинченко. Был он малой легендой Полярного и всего Северного флота, поскольку в последнем предвоенном году двадцатипятилетний политотделец Зинченко получил досрочное повышение в звании и приказом по Северному флоту за подписью командующего Головкин был назначен начальником Дома командиров флота в Полярном — главной базе флота. За четверть века, прошедшие с тех пор, Зинченко и дэкаф — человек и учреждение — в

* Банка — палубная скамейка на корабле или поперечные скамейки на шлюпке для гребцов и пассажиров (флотск.).— Прим. авт.

** Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница кадров советских подводников.— Прим. авт.

понимании обитателей Полярного и его окрестностей, во флотской части многократно сменившихся за это время, стали синонимами. Поговаривали, что по всей стране, от Калининграда до Владивостока, собираясь по табельным дням за накрытыми столами, ветераны Северного флота — от героев военного времени до жертв очередной пакости Никиты, сокращенных до выслуги пенсии,— первый тост поднимали за свой славный флот; второй, без перерыва, за Генералиссимуса и «полного» сейчас адмирала Арсения Григорьевича Головки; третий, уже из разряда неофициальных, провозглашался за родные берега, к которым причаливают корабли, вернувшись из похода, то есть за Полярный, его дэкаф — место всех дружеских встреч — и бессменного на своем посту Зинченку.

Назначение на освободившуюся должность подполковника, естественно из политотдельцев, Венкова вызвало на лицах работников дэкафа иронические ухмылки, дескать, из грязи в князи, то есть из небольшого военного клуба гарнизона Четвертой точки, где базировалась бригада атомных подлодок, с едва десятком подчиненных, только что получивший на погоны вторую звезду новый начальник возглавил старейший и самый большой на флоте дэкаф, в котором одних штатных работников под пятьдесят!

Еще пожилые женщины из младшего персонала — от уборщиц до вахтерш — злоязычили, что Венков явно не по чину получил квартиру в Циркулярном доме. Но даже младший электрик Николай, мало вникавший во внеслужебную сторону дэкафской жизни, знал: квартиры в самом представительном доме города закреплены за должностями: убыл Зинченко, а на его место в дэкафе заступил подполковник Венков, он же и вселился в опустевшую квартиру. Делов-то? — все по-флотски, по ранжиру. Но и для баб удовольствие посплетничать, когда языки чешутся. Впрочем, постоянно чешутся...

Но лишний раз Николай убедился в правоте народных пословиц и присказок, что часто слетали с языка матери. Баба бредит, да кто ж ей верит? — верит не верит, но пересуды уборщиц про квартиру Венкова эхом отозвались на нем самом, подпортив репутацию в глазах начальника.

...В середине января проходили двухсуточные, самые престижные международные соревнования радиолюбителей-коротковолновиков, связывающихся по азбуке Морзе,— *WWDX*, то есть *World Wide* — всемирные. Составляя график вахт на сорок восемь часов непрерывных соревнований, Алексей Васильевич выжидательно посмотрел на Николая, зная о его работе в дэкафе. Но поскольку второй день соревнований приходился на «производственный», без школьных уроков, и он мог поменяться с отцом сменами, то и попросил поставить его на вахту второго дня с четырех часов до полуночи — самое оживленное время в эфире. Поэтому-то в тот день он и появился в дэкафе с утра.

♦ Походив со стремянкой по дэкафу, Николай вернулся в электробудку, выпил пару стаканов свежесваренного чая и отправился в мастерскую: Алексей Васильевич по своим широченным и разветвленным каналам раздобыл пяток дефицитных поляризованных реле *PKII-5*, которые и раздал тем из своих подопечных, у которых руки из нужного места растут, Николаю в том числе. Сейчас у него эти самые руки горели: доделать звуковой тренировочный двухсторонний ключ азбуки Морзе, схема которого из журнала «Радио» как раз «вертелась» вокруг дефицитного реле. Но только он разметил на уже вырезанном прямоугольнике дюраля места под отверстия и сгибы под коробчатое шасси, как услышал за спиной (входную дверь он не закрывал — если кому понадобится, то сразу найдут) требующее внимания покашливание.

— Ты, Николай, прямо как радист-разведчик в подпольном бункере,— услышал он вслед за покашливанием голос нового начальника, судя по интонации, что-то намеревающегося попросить.

Николай положил на верстак разметчик по металлу, обернулся к черномундир-

ному подполковнику с политотдельской красной окантовкой погон, как штатский, поздоровался по имени-отчеству.

Венков для проформы и разговора безлично поинтересовался занятием младшего электрика, но, не дослушав ответа, перешел к делу:

— Думал, Андреян здесь, а вот ты в первую смену вышел. Ну-у, ладно, тоже справишься. Видишь, у меня *на квартире* звонок входной дверь барахлит, то есть звонить звонит, когда на наружную кнопку нажмешь, но и при отпущенной кнопке полностью не умолкает: тихонько, занудливо так пищит. Уже который день. Хорошо супруга убыла в Мурманск к дочери — та в пединституте учится. А мать моя в меру глуховата. Все равно приходится все внутренние двери закрывать: неудобно как-то. Словом, товарищ электрик, ключ твой с азбукой Морзе подождет, а ты маршируй-ка ко мне на квартиру — это в Циркульном доме, третий подъезд со двора, первый этаж, сразу налево. Матери — ее звать Антонина Кирилловна — позвонил, она в курсе.

Через четверть часа с небольшим он уже нажимал кнопку злосчастного звонка. Почтенная старушка Антонина Кирилловна, с пепельно-седыми, гладко зачесанными на затылок волосами, впустила парня, словоохотливо, как истинно слегка глуховатая, начала жаловаться на электрический прибор. Действительно, тот нудно тянул на комариной громкости свою монотонную ноту — вернее *си*, как бы сказала их учительница пения Роза Викентьевна в младше-средних классах.

Вежливо отказавшись от чая с бутербродами — спасибо, недавно позавтракал, а в дэкафе и чай вдругорядь попил,— начал исследовать звонок неизвестной ему конструкции. Разобрался-таки: в отличие от обычных дверных звонков, с которыми приходилось сталкиваться и ремонтировать на раз-два, этот имел двухконтурную схему: двести двадцать вольт постоянно поступали на одну обмотку якоря, а кнопка за дверью замыкала обмотку без напряжения, что включало электромагнитную цепь — звонок срабатывал.

Николай так и этак постукивал по сердечнику, пробовал даже чуть сдвигать силовую и холостую обмотки... а еще глуховатая Антонина Кирилловна, явно соскучившаяся за недельное отсутствие невестки и гостившей на Новый год внучки отсутствием собеседника, все время вертелась у входной двери, часто повторяя уместную — по ее понятию — притказку: дело мастера боится, не умеешь — не берись!

Так он и не смог разгадать тайну саботировавшего звонка, хотя бы старушка перешла от укоряющей притказки к житью-бытью по разным местам службы сына. Сдвиганием катушек на сердечнике и прокладкой под молоточек квадратика изоленты, что было чистой халтурой, все же заставил перейти звонок с явственно слышного комариного злопения на чуть слышное, более приятное по тону — нота *фа!* — жужжание отдаленно пролетающей пчелы.

Как на другой день разъяснил ему отец, повторно посланный Венковым на свою квартиру, ибо ночью квадратик изоленты был сбит молоточком, а звонок запищал еще громче, что механизм этот немецкого довоенного изготовления, а у них, чертей, осторожничают, чтобы напряжение сети к кнопке не подводилось. Так сказать, техника безопасности на случай, если какой идиот начнет в этой кнопке ковыряться. Алексей же Васильевич сказал бы: защита от дурака!

На вопрос же Николая о починке Андреян ответил просто: как у всех квартир сделал — напрямую двести двадцать вольт пустил через кнопку. Нечего мудрить и выделываться! У нас дураков не водится... только вредители.

◆ Но не наставления отца — в следующий раз при починке чего угодно просто все лишнее убирать, не укоризненные взгляды подполковника Венкова при встречах в коридорах дэкафа, запали в голову Николая, а отложились в ней невнимательно выслушанные слова разговорившейся Антонины Кирилловны в той части ее рассказа, что относилась к истории квартиры, ныне занимаемой по должности начальником дэкафа.

В то самое время, когда присланный сыном для починки звонка молодой, сомнительный по умелости электрик бессмысленно — по ее наблюдениям — ковырялся с отверткой в механизме со снятой крышкой, Антонина Кирилловна, со ссылкой на давно проживающих в Циркульном доме и много знающих пожилых соседок, рассказывала о предыдущих жильцах этой служебной квартиры. Выходило так, что во время войны, почти все четыре ее года, здесь проживал автор знаменитых «Двух капитанов». Здесь даже раздосадованный хитромудростью немецкого конструктора звонка Николай на десяток секунд отвлекся, повернул голову и как бы заново оглядел просторную прихожую квартиры с высокими потолками — из тех, про которые завистливо говорят: в «сталинском доме». И хотя старушка, давно живущая в семье сына-политотдельца, потому привыкшая осторожничать в словах, оговорила «так соседки рассказывают», Николай все одно почувствовал легкий озноб сопричастности к истории создания одной из любимых своих книг. А уж сколько раз он смотрел фильм? — в *своем* дэкафе из оркестровой ямы, в кинотеатре «Север», современном, недавно построенном, в «райсараяе», что в клубе стройбатовцев-«партизан» в Старом Полярном. И мурманское телевидение часто баловало фильмом по книге *своего* писателя. В отдаленных от Большой земли местах уважительно относятся к каждому слову и кинокадру о них.

Надо сказать, что в первый раз, еще не прочитав книги ввиду малолетства, посмотрел он кино про двух капитанов, учась во втором классе. Фильм только появился на экранах, Анфиса Алексеевна повела свой класс культпоходом в дэкаф (кинотеатра «Север» тогда еще не построили) на утренний сеанс в воскресенье. Она же после кино обратила внимание своих подопечных, что Саня Григорьев в фильме упоминает о своей службе в *их* Полярном. Более всего запомнилась Николке сцена, в которой самолет Григорьева сбрасывает торпеду и подбивает фашистский рейдер, то есть легкий крейсер, на чистой воде с кромкой льдов на горизонте. А самолеты-торпедоносцы, взлетающие с недалекого от Полярного аэродрома Сафоново, Николка частенько видел в ясную погоду, летящими курсом норд-вест в сторону Баренцева моря.

До неудачной починки звонка в квартире подполковника Венкова и услышанного от его разговорчивой матери Николай как-то не задумывался о связи Вениамина Каверина, автора «Двух капитанов», собственно с Полярным. Ведь писатель волен помещать своих персонажей в любом городе и месте страны, даже в других странах и ничейных морях-океанах. И если Саня Григорьев по действию книги находился какое-то время в *их* городе, то разве это означает, что автор тоже в Полярном бывал, тем более проживал?

Вот в отцовской калужской деревне Дворцы, на Угре, где почти шестьсот лет назад происходило знаменитое в русской истории противостояние русских и татарских войск, действительно по обеим сторонам Угры находились и московский великий князь Иван Третий, и золотоордынский хан Ахмет. Так в учебнике истории пропечатано. И вроде как — это уже не из учебника, а по рассказам отца (после третьей стопки в новосаковской чайной) — само название деревни от того пошло с давности, что прибывший с войском на долгое стояние князь Иван велел срубить себе и своим воеводам-боярам крепкие и просторные избы, благо вокруг сплошной бор. Для крестьян же такие избы смотрелись настоящими дворцами. Отсюда и оставшееся после несостоявшегося сражения и ухода войск, каждого восояси, название деревни: Дворцы.

Правда, когда пятиклассник Николка, прибыв на зимние каникулы на маяк Большого Оленьего, захватил с собой книжку «Два капитана», взятую в школьной библиотеке, отец, увидев ее, сказал: книга хорошая, он ее полностью в послевоенные годы читал, еще во флотской службе состоя. А первую часть за год до войны — отдельной была издана. Автора же ее, писателя Каверина, тогда военного газетного корреспондента, видел в сорок втором году, когда в первый раз попал в полярнинский

флагманский, то есть главный, госпиталь Северного флота. В одной палате с ним лежал, вернее уже ходил, готовясь на выписку, командир торпедного катера, старший лейтенант, которого заходившие проведать командиры-катерники и старшины из подчиненных поздравляли с наградой, орденом Красного Знамени. А на второй день пребывания Андреяна в госпитале орденосца навестил незнакомый ему командир лет сорока, представившийся военкором газеты «Известия». По знаку, поданному сопровождающим корреспондента врачом, ходячие, в их числе и Андреян, вышли из палаты на перекур. Не то что газетчик собирался тайны выведывать у героического катерника — флотский этикет того требовал.

После ухода военкора все вернулись в палату, а развеселившийся герой дня в лицах и с интонациями рассказал, как он заливал корреспонденту: красиво не приврешь, всю правду не расскажешь! Еще корреспондент обещал опубликовать статью о подвиге его катера во флотской газете. А имя командира упомянуть в «Известиях» — в материале о Северном флоте.

Зашедший ближе к вечеру к тяжело раненому краснофлотцу давешний военврач подмигнул торпедисту, мол, не к каждому старлею присылают военкора центральной газеты, тем паче известного писателя Каверина. Андреян еще до госпиталя знал — на флоте новости быстрее газетных сообщений расходятся — о лихом наскоке торпедного катера под командованием соседа по палате близ входа в Варангер-фиорд на здоровенный немецкий транспорт, шедший из Петсамо с грузом никелевой руды*. «Потопил с первой торпеды, а вторую в маячивший поблизости эсминец пустил... правда, промазал,— пересказывал старлей свою беседу с газетчиком,— у нас, катерников, присказка такая: держись за авось, пока не сорвалось. Он торпед избавился — оборот кру-у-гом! — движок на предел мощи и уноси ноги. Не зазря нас, катерников, смертниками зовут. Американские лендлизовские торпедники и вовсе фанерные, экономичные — как гробы, на один боевой выход. Однако оторвались от эсминца и за северный мыс Рыбачьего завернули. Все же парой снарядов вдоль бортов фрицы угостили, потому и здесь очутился. А книжки Вениамина Александровича почитаю как выйду, наверное, в дэкафовской библиотеке имеются. Все одно катер мой в Палой губе на судоремонтном штопают. Уважительный мужик, говорит, в царской гимназии еще учился».

♦ Вспомнив давний рассказ отца, Николай не торопился зачислять Каверина в жители Полярного военных лет: ведь военкор, корреспондент московский, центральной газеты — значит, человек подвижной жизни: сегодня здесь, завтра там... куда газетное начальство пошлет. Вроде как не принято у этого народа на одном месте торчком торчать?

Как и все неразрешимые с виду задачи, эта получила решение по принципу случайности. Вводя Николая, после его определения в электрики дэкафа, в круг обязанностей и неписанных правил общения с персоналом — от уборщиц и стройбатовцев-«партизан» из кочегарки до офицерского командного состава,— Андреян наставлял сына:

— ...Даже самый скупердяй и жмот по натуре или воспитанию, к тому же сквалыга и хам, невольно добрее на миг, когда ему не отказывают в какой-нибудь мелочи. Именно в мелочи, поскольку что-либо существенное вызовет только подозрение. Я это, Колька, к тому, что к тебе будут обращаться по всяким мелочам, обычно лампочку для дома попросят. Реже выключатель, розетку, метр-другой электропроводки. Словом, что можно у электрика раздобыть. И это не из мелочной жадности вовсе. Подумаешь, зайти по пути в хозяйственный отдел магазина и за двугривенный купить ту же лампочку? Просто русский человек так устроен, что полагает круг своего об-

* Единственным источником никелевой руды (никель — металл войны!) для Третьего рейха были разработки ее в Петсамо (ныне города Печенга, Никель и Заполярный) — на узком выходе тогдашней территории Финляндии в Баренцево море.— Прим. авт.

щения, рабочий уж обязательно, чем-то навряде продолжения своей домашности. Умные головы из философов объясняют это крестьянской общинностью. Потому и советская власть нашему народу по душе сразу пришлась. А в нашем флотском городе и того пуще. Получается, что попросив у тебя лампочку на сто или сто пятьдесят ватт, проситель не то что утруждает тебя, но тебе же и приятное делает. Ведь правильно Лев Толстой сказал в том смысле, что помочь ближнему — это не благодеяние, а скрепление душ людских... что-то в этом роде сказал, в смысле написал. Опять же и попы в чем-то правильно народ наставляют: да не отсохнет рука дающего.

Николай правильно понял инструкцию, приняв ее к исполнению. И ведь все верно! — к началу второго года службы (он скоро переучился: в военной части, каковой является дэкаф, все служат, в том числе вольнонаемные) многие у него отоварились по мелочи, включая полковника Зинченко и сменившего его подполковника Венкова. Скоро он осознал и смысл слов Льва Толстого о скреплении душ людских: выдавая лампочку копеечной стоимости или вовсе пустяковый отрезок двужильного электропровода «лапша», он много чего узнавал о своих коллегах по службе: это просто интересно и поучительно в части общения. Дело в том, что просящие сущие электрические пустяки полагали неприличным, получив ту же лампочку, сухо поблагодарить и уйти восвояси. Нет, каждый такой присаживался на стул в электробудке или в мастерской, заводил недолгий разговор, к месту рассказывал о своих заботах, объясняя свой приход к младшему электрику. Зинченко, например, возникшую потребность в двух предохранителях для квартирного электрощитка объяснил без обиняков: «Мы, хохлы, люди запасливые. А моя Вера Григорьевна никак не поймет, что одновременно включать телевизор, электроплитку на кухне и уютю чревато перегрузкой сети. Вот и беру про запас». Подполковник же Венков попросил тоже парочку двухсотваттных лампочек с обоснованием: «Дочь-студентка приехала из Мурманска на каникулы, хотят они с матерью кое-что пошить, вот и свет поярче не лишним будет».

Николай из вежливости поддерживал необязательную беседу, но иногда узнавал нечто полезное для себя. Главное, это помогало ему изживать остатки детской маячной отчужденности и боязни общения с незнакомыми, в смысле не домашними, не школьными, людьми. Так и вопрос о полярнинском проживании писателя Каверина решился сам собой, когда в электробудку зашла за патроном для торшера («старый трещину дал, лампочка в нем болтается») Варвара Пантелеевна — живая история дэкафа и всего Полярного.

◆ Недавно отметившая свое шестидесятипятилетие Варвара Пантелеевна, сухощавая, не по почтенному возрасту, редкому для Полярного с его условным понятием коренного населения, подвижная и энергичная, с умело закрашиваемой сединой в завитых волосах, непрерывно дымящая «беломором», уже несколько лет занимала, как сама говорила, поздпенсионную должность: что-то вроде справочного бюро по дэкафу и вахтера на входе. Сидела она слева от этой самой входной двери в маленькой комнатке с двумя остекленными в рост человека стенами: в сторону прохода от двери и в вестибюль. Стол с телефоном, пара стульев, старинный кожаный диван и шкафчик — все убранство, почти как в электробудке. На диване с отполированной до лакового блеска древней кожей уже не черного, но неопределенного коричневого цвета в любое время кто-то из персонала составлял общество хозяйки.

Со слов отца — и он не раз и не два посиживал на том диване — Николай знал, что судьба занесла легенду дэкафа и Полярного в эти места уже взрослой тридцатилетней женщиной: сначала в Мурманск по оргнабору, а затем в спешно обустроенный поселок Полярное, что на ее глазах становился городом Полярным, главной базой вновь создаваемого Северного флота. Имела она техникумовское политехническое образование и десятилетнюю дочь. Муж ее, призванный на срочную, погиб на КВЖД в стычке с белокитайцами. Поскольку школу в Полярном только обозначили

фундаментом, дочь отправила к матери в архангельский Котлас. Замуж вновь не выходила из женского суеверия: здесь только военные женихи, а муж погиб на войне... опять же возраст не невестинский. Вроде как был у нее кто-то, но это уже из бабских сплетен.

Работала по планово-строительной части, а перед самой войной перевели ее заведовать хозяйством дэкафа, включая бухгалтерию. Так в дэкафе и осталась. Как вольнонаемную, оставили в Полярном, когда в начале войны приказом Головки всех женщин и детей отправили в Архангельск или кто куда пожелает. К окончанию войны, уже выслужив по заполярным льготам пенсию, как-то не решилась уехать на родину, осталась в дэкафе, привыкнув к здешней жизни, в которой весь город, не столь уж малый, состоит из знакомцев. И далее с прибытком годов спускалась, впрочем, по своему желанию, по должностной лестнице: в сторону снижения хлопот. И бессменный начальник Зинченко одобрял: меньше забот — дольше живешь. Все звала к себе дочь, к настоящему времени уже почтенная и уважаемая в Котласе директорша школы, с мужем, главным инженером небольшого заводика, главное — с тремя детьми. Жить бы да радоваться в семейном гнезде, но... начиная от «полтинника», каждый раз отсчитывая «вот еще два-три года и уеду к своим», так и не исполняла загаданного. Самое сложное для человека в годах от *своих* к *своим* перебираться. Но долгие заполярные летние отпуска неизменно проводила в родном Котласе.

— Дозволь, Коля-Николай, потревожить,— услышал тот в приоткрытую дверь электробудки знакомый, глуховатый от курения голос.

— Входите, входите, Варвара Пантелеевна,— оторвался Николай от замысловатой тригонометрической задачи, за решение которой математичка, любившая по молодости педагогические опыты, обещала «автоматом» поставить в классном журнале пятерку.

Зашла, села на гостевой стул, не отказалась от стакана только что заваренного чая, объяснила цель прихода — про замену треснувшего торшерного патрона. Николай сбегал в мастерскую, вернулся с новенькой рубашкой патрона, а в качестве приза — стоваттной лампочкой. Приятно услужить хорошему человеку.

Вопрос о Каверина тем сподручнее было задать, что где-то с месяц назад, заменяя в остекленной комнатке Варвары Пантелеевны перегоревшую лампочку в потолочном плафоне, он, услышавший на уроке истории о пребывании в Полярном Сталина, осматривавшего Екатерининскую гавань на предмет пригодности ее для базирования создаваемого Северного флота, поинтересовался у хозяйки: видела ли она Вождя? «Видела,— подтвердила она,— но только из окна, правда, растворенного, лето тридцать третьего на редкость жарким выдалось, хотя конец июля был. Я тогда плановиком только что назначена была, в Москве уже решено было о Северном флоте и Полярном. Выделили нам, строительному управлению, старый домишко; его сейчас нет, территория подплава. Вот в окошко и смотрели мы: Иосиф Виссарионович с Климентом Ефремовичем и Кировым в окружении флотских командиров в сторону высокой сопки, что у переймы на Екатерининский остров, то есть горы Энгельгардта — сейчас это название забыто — шли. С нее и осматривали Екатерининскую гавань».

♦ Название это немецкое ему было незнакомо, но то, что Сталин бывал на вершине самой высокой сопки из числа окаймлявших город, построенный на пологом спуске от их полукружья к Екатерининской гавани, Николай знал с начала школьной жизни. Вернее с третьего класса, когда, изучив в пеших прогулках по хорошей погоде все улицы и чем-то знаменитые места города, начал осваивать его окрестности. Так с двумя интернатскими друзьями забрался на эту сопку, замыкавшую Полярный справа. Прямо под ней располагалось хозяйство подплава, куда даже ребятам входа не было. Городской стороной сопка обрывисто уходила в воду, на уровне которой находился вход в специально устроенную пещеру, в которой, как ему объяснил

Только, на случай войны и вражеской бомбежки, в том числе атомной, должны были укрываться подлодки.*

Чуть пониже вершины сопки, на небольшой естественной площадке-уступе установлена огромная бетонная плита высотой с двухэтажный дом, окруженная у основания якорными цепями на вбитых в гранит стальных столбиках. Плита эта хорошо видна с той части Полярного, что ближе к гавани, но надпись смотрится мелковатой для чтения. Здесь же Николка читал высеченные полуметровыми, позолоченными буквами: «Здесь был 22 июля 1933 г. основатель и создатель Северного флота Великий Сталин».

...И вовремя успел прочесть: совсем скоро плиту эту взорвали, остались только перепутанные, проржавевшие со временем якорные цепи. Взорвали ночью, как ночью же сняли и куда-то увезли огромный памятник Вождю, что стоял перед Циркульным домом, возвышаясь над пирсами с пришвартованными в несколько рядов подлодками. Бронзовый Сталин смотрел со своей высоты на Екатерининскую гавань. Смотрел отечески и как-то по-хозяйски озабоченно. А выложенные позолоченными бронзовыми же буквами слова Генералиссимуса о важности Северного флота, что были размещены на полукруглом гранитном основании площадки с памятником, забиты досчатым изогнутым щитом. Так и посейчас досками позорится память основателя флота в Заполярье... Таким образом, из четырех памятников Полярного, считая доску на горе Энгельгардта, к Николкиному окончанию младших классов в городе осталось только два: позвонок кашалота и монумент в память погибшим в войну подводников, точнее — подлодок с их экипажами.

Но позвонок кашалота размером почти с легковую машину (которых в Полярном отродясь не было — за ненадобностью и отсутствием внешних от города дорог), что красуется на гранитном узком западном мысе, разделяющем пирсы торпедных и сторожевых катеров, за официальный памятник не считался. Монумент же памяти подводников располагался на территории подплава, куда вход гражданским и даже морякам-надводникам строго запрещен. И ни с какой точки города, даже с Екатерининского острова, не виден.

Уже учась в десятом классе, Николай узнал на уроке от литераторши Валентины Николаевны, что подплавовский памятник не ахти какой себе, но изваян знаменитой Верой Мухиной. Ее «Рабочего и колхозницу» на ВДНХ он видел воочию пять лет назад, когда отец возил Николку на экскурсионном автобусе: ехали в отпуск через Москву, получилось, что прибыли на Ленинградский вокзал Мурманским поездом утром, а на Калугу с Киевского поезд отправлялся вечером. Андреян и использовал время с пользой для воспитания сына — младшие с матерью на вокзале остались.

На том же уроке литературы Николаю пришла в голову мысль: а может и упраздненный памятник Сталину тоже работы Мухиной? Заодно с монументом в подплаве... Опасаясь насмешек, промолчал. Так и осталось ничем не обоснованной догадкой. — Наверде ложной памяти, как в одиннадцатом классе объясняла биологичка на уроках вновь введенного в школьную программу предмета «Анатомия и физиология человека».

♦ Мигом вспомнив недавний разговор с Варварой Пантелеевной о пребывании Сталина в Полярном, также зная, что она постоянно читает в своем стеклянном закутке, когда в дэкафе затишье, Николай без колебаний спросил о Каверина.

— Ну как же, не раз во время войны видела Вениамина Александровича, даже разговаривала с ним, сама какие-то бумаги ему подписывала — я тогда правой рукой у Зинченки, молодого еще политрука, была: хозяйственные, бухгалтерские дела все

* Схожая пещера-укрытие была сооружена на базе подводного флота близ Севастополя; сейчас телевизионщики радостно (известно кто фантику радуется...) сообщают, что в севастопольской пещере открыт музей... — Прим авт.

на мне лежали. У меня дома первое издание, довоенное «Двух капитанов», подаренное Кавериным, с надписью, имеется.

— Вроде только первая часть? — припомнил Николай слова отца.

— Да-да, конечно. Молодец, что не просто читаешь, а авторами интересуешься. Тем самым литературный вкус в себе вырабатываешь, то есть не абы что читать, но направленноходишь в мир художественного слова...

— Вы, Варвара Пантелеевна, прямо как наша учительница Валентина Николаевна на уроках нам говорит!

— Знаю вашу Валу, знаю, в одном доме проживаем. Замечательный педагог, часто с ней разговариваем. А что так говорю, то ведь и у меня такая же хорошая, вдумчивая учительница словесности была. Я ведь из колокольного племени, дяконова дочь. Начальное обучение, тогда это называли воспитанием, у себя в Котласе прошла, а потом в Архангельске, в епархиальном женском училище до семнадцатого года состоялась. Так, вернемся к Каверину. В Полярный его командировали с начала войны корреспондентом от «Известий». Приписан был к политотделу Северного флота, поэтому всю войну и жил в Полярном. Действительно, вроде в Циркульном доме. Там несколько квартир от политотдела имелись. На память не обижаюсь, но года-то идут... поэтому и говорю — вроде. Опять же вроде и сам Вениамин Александрович что-то говорил мне о Циркульном доме по бытовой части. Там и писал вторую часть «Двух капитанов». Это доподлинно знаю — сама его спрашивала о продолжении книги.

— Да-а, Варвара Пантелеевна, кого только по жизни вы не встречали в Полярном! Того же Каверина. Беседовали с ним, бумаги ему служебные подписывали...

— Было дело. А вот поступи ты к нам на службу три-четыре года назад — это в порядке вольнолюбивой фантазии говорю, жизнь человеческая, как и история, обратного хода не имеет! — так и сам мог бы встретить Вениамина Александровича в коридоре дэкафа. Поздоровался бы, в школе похвастался встречей со знаменитым писателем...

— Это как? Снова в Полярный приезжал? Так возраст его сейчас не корреспондентский.

— Конечно, давно уже не газетчик. Не по чину и знатности писательской. И хотя теперь очки носит, меня сразу узнал: я уже в привратничкой своей стеклянной службу несла. Не загородился, сопровождающего офицера притормозил, ко мне в комнатку зашел, поручкался. Обменялись парой-тройкой слов, пожелали шутейно друг друга набираться мудрости быстро, но года чтобы шли помедленнее. Сказал, что зашел Зинченку проведать, вспомнить былое. А когда спустя пару часов уходил, то не преминул снова ко мне зайти и попрощаться. Сказал, что заканчивает новую повесть и уже имеет заказ на сценарий фильма по ней*. «Так что, дорогая Варвара Пантелеевна, может через пару лет здесь же в дэкафе и посмотришь его, вспомнишь наше военное житье-бытье». Что-то в таком смысле сказал. Потом бабенки наши косточки перемывали: Зинченко затребовал к себе в кабинет от буфетной Зинки бутылку коньяка и другую — зубровки. Уважал начальник ее. От кого-то из политотдельцев слышала, что на другой день ходил Каверин на катере на выход из залива, Рыбачий огибал. Наверное антураж для повести в памяти освежал. Писателям, как и художникам, всегда натура в памяти и перед глазами потребна. Опять же вдохновенье!

◆ Кого только не перевидала в годы войны Варвара Пантелеевна? Писателей Каверина, Илью Файнберга, Юрия Германа; композиторов и театрального режиссера Плучека. Конечно, всех героев-подводников и катерников, героев Советского Союза,

* Имеется в виду повесть «Семь пар нечистых». Действительно, «Мосфильмом» был заказан сценарий по ней, начались съемки фильма, но они были отменены по политическим соображениям. Имеется в виду, конечно, не «диссидентство», но нечто из «высокой политики». — Прим. авт.

именами которых названы улицы Полярного: Фисановича, Лунина, Колышкина... — их имена Николай знал только по книжкам, отчасти по рассказам отца. Из этих героев войны Варвара Пантелеевна особо запомнила Израиля Ильича Фисановича — может потому, как сама говорила, что был он не только геройским подводником, но и поэтом-песенником. Называла она и другие имена, еще не знакомые школьнику Николаю: военкора газеты «Правда» Михайловского, писателей Панова, Зингера, Штока, бывавших в Полярном в войну, многих других. Неудивительно, что все они бывали в дэкафе — единственном в то время в Полярном месте, где люди могли, собравшись, хоть на малое время забыть о войне...

Все это и многое другое о их городе тридцатых и сороковых годов узнал Николай от Варвары Пантелеевны после той беседы в электробудке, когда он поинтересовался о проживании в Полярном Каверина. Старейшина дэкафа, она чередовала свое дежурство на входе с другой женщиной, помоложе — Ниной Тимофеевной. Поскольку у той всегда имелись домашние семейные хлопоты, она договаривалась с Варварой Пантелеевной об утренне-дневной смене. А та охотно соглашалась: торопиться ей некуда («Вот уеду-таки в Котлас, займусь младшими внуками и буду дожидаться правнуков...»); опять же вечернее время — самое оживленное в дэкафе: кино и концерты гастролеров, музыкальные и театральные детские кружки и вообще много чего занимательного. И ей не скучно: все время на людях, тем более, что знакомые лица — весь город, а знакомые лично — половина «оседлого» Полярного.

«Мы с тобой, Коля-Николай, родственные души: оба волею обстоятельств, у каждого свои, сумерничаем здесь. Оно и хорошо: начальство всех мастей уже по домам своим щи хлебает, грустя об отсутствии в «сухом» городе стопки-другой перед ужином, а здесь сутолока неслужебная. Значит, народ расслабленный, веселый. И нам оттого на душе приятно... особенно мне».

У него же вошло в привычку пару-тройку раз в месяц, а иногда и почаще, когда в зале «крутят кино», нет концертной суеты, уроки домашние сделаны, в мастерской особых забот нет, часов в восемь-девять заходить в стеклянную комнатку Варвары Пантелеевны, когда у нее не было других собеседников. Она откладывала читаемую книгу, предлагала юному гостю стакан чая с домашним печеньем, заводила обычный уже разговор:

— Вчера заходила в книжный Циркульного; среди новинок увидела сборник северных повестей Юрия Германа. Не читал его книг? Нет? Советую. Но фильмы-то смотрел: «Семеро смелых», еще довоенный, «Дело Румянцева»... что еще? а-а, «Верьте мне, люди»? Конечно, смотрел. Так они как раз по его произведениям сняты. А северные повести, как и Каверин, он писал в Полярном. Или по впечатлениям военных лет в наших местах. В дэкаф обычно с Кавериним, иногда и втроем — с Михайловским, заходили. Вроде от ТАСС — или Совинформбюро? — военкором при политуправлении флота состоял. Он без семьи приехал, поэтому в общежитии офицерском жил, семью же, насколько знаю, в Архангельске оставил. Сейчас это забылось, но тогда общежитие иначе как «Золотой вошью» не называли...

— Не слышал. А где оно располагалось?

— В хозяйстве подплава. Но сейчас там все перестроено, насколько с сопки за Циркульным видно. Вообще Полярный на моих глазах... нет, правильнее сказать, на моей жизни совершенно изменился: от поселка в две с половиной улицы до города, что на картах кружочком с точкой обозначают*. Что интересно, Коля, для людей моего возраста — я это уже без кокетства могу говорить! — время в воспоминаниях как-то само собой, автоматически в голове что ли, делится пополам: до войны и после нее. Сама же она, при всей длительности, пестроте событийной, вроде как в без-

* Принятое условное обозначение города (вообще населенного пункта) с числом жителей от 10 до 50 тыс. человек. — Прим. авт.

временность замыкается. Так в романах пишут. И такое впечатление, что все в половинках этих повторяется, но... как бы правильнее сказать? как твое лицо в зеркале отражается: все вроде одинаково, но наоборот, не слева направо, а в обратном направлении. Вот увидела человека до войны, а затем и после. Он на столько-то десятков лет постарел, и ты на столько тоже. Думается: это как бы если десятки лет безотрывно в зеркало смотрела, перемен не замечая. Ан нет, закрыла глаза, вспомнила себя в первой половине жизни, снова открыла — а в зеркале-то совсем другое лицо! Это фигурально — лицо. Все другое в зазеркальном человеке становится. Что-то я наумудрила...

— Нет, нет, Варвара Пантелеевна, понятно все, представимо.

— Ну и хорошо. Приятно с понимающим собеседником говорить. Вот, к примеру, на прошлой неделе — помнишь конечно — Нина Дорда приезжала с сольным выступлением: вроде от ленинградской филармонии гастролирует. Сейчас ее почти и не помнят, но в тридцатые года звездой театра и кино была. И тогда к нам приезжала. Смотрю на нее и не могу в толк взять...

Николай как-то отключился от слов собеседницы, почувствовав жар красноты на щеках: мигом вспомнил давешний конфуз. К выступлению неведомой ему Нины Дорды, приехавший с ней организатор концерта, мужик дотошный, проверяя верхнее и нижнее освещения сцены, обнаружил две сгоревшие лампочки в софите прямо по центру вверху. Въедливо сделав замечание а адрес «этой северной дыры», велел Николаю заменить перегоревшие лампочки. Тот расставил большую сценическую лестницу, попросив артистку, что-то прикидывающую, глядя в пустой зал, немного отойти в сторону, а сам полез наверх, засунув в карманы рабочего халата пару трехсотваттных лампочек. Заменяв первую сгоревшую, сделал неловкое движение и опустил лампу мимо кармана, а та, согласно закону всемирного тяготения, упала прямо на голову Нины Дорды, не послушавшейся молодого электрика и не отошедшей в сторону.

Лампочка весит мало, объемна, а в женской моде пружинящие шиньоны. Коротко ойкнув, многоопытная артистка подняла вверх лицо, рассмеялась:

— Вот и сбылось-таки предсказание Маяковского: «Нина! Когда-нибудь ты засияешь электричеством!» Увы, уже перегоревшим...

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Валерий Неудахин
(г. Бийск)

УХОД

Наш постоянный автор.

Повествование о жизненном пути простого алтайского жителя, подростком потерявшего семью. Прошедшего ад Нарымского поселения, бежавшего из болот и оказавшегося в одиночестве на родной земле. Сохранившего веру в свой род, свою землю и свое предназначение в цепочке от предков к потомкам.

*«Ничто так не ослабляет силы человека,
как надежда в чем-либо, кроме своего усилия,
найти спасение и благо».*

Лев Николаевич Толстой

БЕЗВИННО ОСУЖДЕННЫЕ

Волшебство природы опустилось на мир. Пришел момент откровения, в котором человек ищет внутри себя пути, чтобы слиться с окружающим миром.

Он сидел, уютно поджав под себя ноги. Казалось в таком положении теплее ограниченного пространство, в столь сильный мороз. И до холода ли сейчас, ведь близятся последние минуты полного понимания очарования перехода из этого мира в другой. Освобождение от суеты для созерцания и озарения неземного блаженства и забвения. Горячее дыхание слегка прорывалось через бороду, усы и тут же превращалось в снежинки, претендующие на роль звезд в этом межпланетном портале галактического перехода в иное измерение. Даже куржак, покрывший бороду, являл собою плен для вдыхаемого воздуха, так несмело и все с большим трудом проникающего к легким, чтобы наполнить жизнь существа из этого мира.

Давно уже проглядывался сквозь изморозь длинный тоннель, с ледяными стенами от сумрака ближайших камней родовой вершины. Перетекал завихрениями по земки к светлому входу, где-то впереди. Куда Амыр стремился, и так боялся двигаться. Да ведь и сил на движение совсем не осталось. Выгорело болезненным нутро от низкой температуры. Как холод отношений с людьми, окружающими в повседневности, сложившийся в последние дни, создавший напряжение и толкнувший на решительный шаг. Ум еще понимал требования окружающих, а тело давно распрощалось с двигательной активностью и звало к покою вечных вершин.

Всегда искал в общении с близкими примирения и покаяния, стремился помочь им в любые день и минуту, не требуя взамен ничего. Считал, что так и должно быть в этом жестком мире. Испытания, выпавшие за жизнь на его долю, перенес достойно. Человеческий век был продолжительным и насыщенным событиями. Как бы они не происходили, терпеливо переносил трудности, доставшиеся на жизненной дороге. Наконец, пришло понимание ухода из мира живых, достойного перемещения души в нижний мир Эрлика. Эта мысль привела к подножью родовой горы. Последние силы потратил на подъем и оказался в месте, давно присмотренном для нужного перехода. Всю свою жизнь: когда считался беглым из Нарымских лагерей; мысленно, на фронте в окопах Новгородских болот. Все позади, и он готов отдать себя в руки судьбы и верховного бога. Познавшим еще вчера Вселенную и мир внутри себя. Выполнено требуемое действие в житейском пространстве. Пора вместить в собственное «я» мир: горы и деревья, ледники и реки, водопады, зверей и птиц, самую маленькую букашку и громадного яка. Пусть все это станет мудростью и опытом, знаниями, переданными потомкам для процветания рода.

Холодные иглы принялись колоть пальцы рук и ног. Но это не вызвало паники и реакции к движению. Ему не нужно жить дальше и проникающий под одежду мороз лишь обрадовал его. Процесс перехода начался и Амыр не просил, чтобы это свершилось быстро. Сколько отведено Верховным богом Кудаем, столько будет подниматься его грудь, разворачиваться легкие, сердце бешено молотить, проталкивая кровь в сосуды. Давно усвоил — время в нашем мире бежит не только вперед, но и назад. В такие моменты образуется воронка событий, засасывающая в свой поток людей, предметы и явления. В этот момент берегись, попадешь не в ту нишу, ступишь не на ту тропу и сломаешь ход судьбы. Не только своей, но и связанных с тобой кровью. В круговерти событий трудно определить, что правильно делаешь. А порой восприятие мира не зависит от твоих усилий, просто навязывает свой путь в жизни. Сквозь туман, неведь откуда образовавшийся в голове, поплыли воспоминания...

Небольшое село располагалось высоко в горах и далеко от дорог цивилизации. Жизнь складывалась по старинным обычаям давно ушедших в историю и в ущелье духов верхнего и нижнего мира, жителей долин и склонов. Уходили государства, новые народы сменяли друг друга. Некогда славные правители оставили после себя лишь легенды, пастухи и воины — рисунки на камнях, курганы в сакральных долинах. Но дух гор остался. Так же поднимаются белые снежные шапки вершин высоко в голубое небо, священный можжевельник окутывает каменные склоны. Бежит вода с ледников, пробуждая водопадными криками сурка, орла, благословенную пищу и таинственного барса. А со всем этим остались на земле обычаи и традиции, передаваемые из уст в уста народными сказителями — кайчи. Порой на закате солнца думалось: что же тогда изменилось, если вера и дух, знания передаются из поколения в поколение?

Основой служил образ жизни. Мастеровыми люди оказались: аил сложат, ловушки смастерят для ловли зверя, рыбалки — любо посмотреть. Лошадей в альпийские луга отведут, за всякой пригляд наладят, ничего мимо глаз не упустят. Вовремя полечат, помогут потомство на свет произвести и уберечь от отравы диким зверем. Работали неторопливо, вдумчиво. На семь рядов все обмозгуют да обсчитают. Женщины хозяйство вели по правилам, сложным веками. А к чему их нарушать, коли предки так существовали. Не глупые же были. Природой кормились. Лишнего не брали! Так и жили в содружестве: человек бережет всякое дерево, травинку. Земля себя отдает на благо людей: орехом, плодами и животными, водой чистой.

Этому образу жизни учили камы — шаманы алтайские. Пребывали в священных родовых местах, помогали всякому страждущему. Пришлому народу тоже помощь наладили, облегчали труды в познании природы, помогали понять суть взаимодейст-

вия человека и окружающего мира. Народ своих богов привел, призывал старых забыть. К покаянию призывал. Да сам оказался не устойчив к ветрам перемен. Подули новые вихри, а может просто — сквозняки — и вот уже совсем от богов отказались. От того и война случилась, начали друг друга изводить. А от такой жизни лучше не становится, урон один. Местные не приучены к такому отношению. Ко всякому приходящему шли с добром, бесхитростно принимали. Оттого и бед впоследствии натерпелись. Тут уж обычаи древние ничем противостоять не могли нахлынувшим переменам, только смягчить помогали.

Бабушка и мать Амыра основным занятием считали травничество. Любую тропинку в горах знали, деревья, травы целебные где растут. Всякое растение в горах полезное свойство в себе носит и отдает знающему человеку без жалости. В сложное время по тайным тропам водила старая, из жалости и красных, и колчаковцев, когда те просили или требовали от нее. Чаше распоряжались. Отец занимался охотой и кедровничал, табуны летом в луга водил. Знал повадки зверя и птицы лучше их самих, без добычи не возвращался домой. В горах ориентировался на много верст в округе и всегда готов открытой душой оказать помощь.

Эта черта сыграла отрицательную роль и круто изменила жизнь семьи. Поводился один начальник из города на охоту приезжать зимой и осенью, весной и летом. Отец проводником служил. Человек местный, авторитетный и живность знает. Опять же — безотказный. Оттого вскоре и друзья большого человека поваялись. Скоро компаниями принялись наведываться, дичь добывать. Проводили по несколько дней, большими любителями и ценителями охоты оказались. Вместе с мужиками и жены поехали, бабка к тому времени знатной лекашкой утвердилась, слава впереди имени бежала. Мужья на охоту на лошадях уходят, а женщины лечатся, да время проводят у теплых источников. Амыр помощником отцу: костер развести, ловушки наладить, услугу всякую приезжим оказать.

Что тогда произошло? Никто не расскажет. В одном из приезжих бабушка признала колчаковского офицера. Молоденького в той давней поре, броского видом своим. Щеголь, перчаток не снимал, с тростью даже в горах ходил. Знающие поговаривали, что дворянского рода. В ту пору прижали белых и бросились они отступать в Монголию, бежали, чтобы жизнь свою спасти. Чуйская тропа разрушена многими местами, переправы сожжены, да и засады на всем пути организованы. Вечером появились в селении конные, уходя от погони, спешили. Но знали, к какому дому подъехать. Долго не разговаривали, забрали обеих женщин, велели дорогу указать. Отца с сыном в то время не оказалось дома, шишковали далеко. Когда вернулись и обнаружили пропажу, пошли на розыски. Родитель в то время скрывался, поскольку подлежал по возрасту призыву в армию Колчака. Забрали-таки, но две недели спустя сбежал папа и домой вернулся. Вот и прятался. Хорошо, что на месте не оказалось. Сразу расстреляли бы, разговор с дезертирами короткий и у красных, и у белых.

Нашли женщин в десятке верст от села, возвращались чуть живые. Конные те на лошадях уходили, а женщин пешком гнали. Торопились, потому и доставалось сердобольным плетками да прикладами. Бежали и думали: не судьба домой вернуться, убьют, как свидетелей. Но обошлось, только избили напоследок. Особенно старался этот офицерик-щеголь, норовил плетью кожу порвать одним ударом. Помогло одно — времени мало, погони боялись. Бросили на перевале, среди снежных ледников, обессиленных. Все одно лишатся жизни, не стали грех на душу брать. На последнем издыхании спустились бабка с матерью в долину. Опыт подсказал, какие травы сорвать и привязать к ранам, чтобы продолжить движение да быстрее до дома добраться.

А вот теперь щеголь — в начальниках у новой власти. Как извернулся? Повзрослел, потолстел, но от сослуживцев высокомерием отличался. Признал, конечно, женщин, отворачивался и прятал лицо, пока на охоту не ушли. По возвращении обе-

дали во дворе, ссора завязалась. Что-то не сложилось в разговоре начальника с двумя товарищами. Добычи много, делить нечего. Да хмельное в голову ударило, без спиртного не обходилось уже в те времена. В сутолоке сгладилась ссора, попросились и уехали. Кто поблагодарил, кто отвернулся, так видимо и суждено.

Бабушка о встрече и о том, что узнала гостя, рассказала через пять дней. Отец встревожился, ругаться принялся — зачем смолчала. Теперь поздно. Но все же указал матери: вещи приготовить, самое необходимое, и под рукой держать, пока в горы не уехали. Все рассказанное вызвало у него опаску. Так оно и случилось, ночью нагрянули с ружьями, на подводах. В форме, все строгие и недоступные. Долго не разговаривали. Перевернули аил и двор, ничего не нашли, только переломали. От внимательного и цепкого взгляда бойцов не ускользнуло ни одной мелочи. Даже золу в очаге провезали, камни вдоль ограды с места сдвигали, словно клад искали. Приказали грузиться. Перед этим действием старший конвоя зачитал какую-то бумагу, где указывались прегрешения. Оказывается, большой начальник признан пособником врагов. А их арестовали за активную деятельность в контрреволюционном заговоре, как пособников и укрывателей, готовящих побег.

Кого они укрывали, непонятно. Но власть есть власть, и перечить ей негоже. Погрузились, и заскрипели подводы колесами. Проститься ни с кем не дали. Да и люди боялись подходить, из-за деревьев и оград выглядывали. Родные — те и вовсе спрятались, опасаясь, что гнев на них перекинется. Быстро дела вершатся у новой власти, добираться только три дня по тракту. Когда же решение принималось? Под этот скрип и везли, а под него и мысли у пленников бежали, опережая время.

С гор стекали холодные туманы, ручьями уходил снег. Это зима прощалась и передавала права теплу, разбросавшись первоцветами на склонах, прилегающих к тракту гор. Радостная картина не могла изменить настроения путников, им даже пройтись за телегой не позволяли, боясь побега. А как же? Предупреждены, везут особо опасных преступников. С остановками на ночь выставляли охрану, старались в селах на постой встать и только в каком-нибудь аиле разместиться, пристроенном под арестантскую. Здесь и удавалось пожевать всухомятку хлеб, предусмотрительно упрятаный за пазуху. Мальчишка жевал хлеб и чувствовал запах бабкиного тела. Хорошо хоть воду давали. Не входило в планы провожатых до смерти извести арестантов за дорогу. Другие планы держал в уме организатор этой устрашающей акции, и семья понимала — самое страшное впереди.

Разместили первоначально в общей камере для семейных. Только здесь поняли, в какую сложную ситуацию попали. Отца, не дожидаясь следующего дня, увели на допрос. Опытные сидельцы предрекли — до утра бить будут. Правды добиваться. Амыр принялся разглядывать соседей, так как бабка, с матерью устроившись в углу, тихо причитали, не смея громче заявить о своих переживаниях. Поняли, что добром не кончится этот арест. Люди размещались к ночи. Если можно применить к этому слово: размещались. Камера настолько забита арестованными — сесть места не найдешь, не то что лечь. В углу на корточках сидела алтайка с грудным ребенком. Маленький уже потерял все силы и не плакал, а тоненько поскуливал. Мать от переживаний совсем потеряла разум, а с ним и молоко. Бабка приготовила «жевушку» — оторвала лоскут чистой тряпицы, пожевала последний сухарь, завернула в материю и дала ребеночку. Тот благодарно зачмокал, и вскоре насытившись, притих на руках.

Народ самый разношерстный: люди в годах, повидавшие лишения войны и восстановление хозяйства; молодые люди, не успевшие понять и почувствовать вкуса новой жизни; дети тех, кто не по своей воле оказались в этой камере. Люди, привыкшие к свежему ветру гор, плохо переносили скученность и спертый воздух. Сидельцы камеры во сне стонали и вскрикивали, будили этим соседей, ворочившихся с боку на бок. Посылая проклятия тем, кто их сюда упрятал. Арестанты давно поняли, что ожидает их — коль оказались в этом месте. Выходов представлялось три: расстрел

врага народа, здесь, на заднем дворе, либо отправка в суд в областной город, да ссылка на один из объектов народного хозяйства. Присутствующие еще не знали, что из этого неширокого выбора лучше. Да, собственно, выбора никто не предлагал. Как решат карательные органы.

Странная вещь, но уже в своем возрасте пятнадцати лет, Амыр понимал. А вернее сказать, научен с малых лет — у всех людей где-то наверху в царстве Кудая единая душа, и каждый в отдельности — лишь частица ее большого «Я». Все ищут спасения и способов выжить для себя лично и тогда забывают об общем. А это приносит боль единому, а следом — всем частям по отдельности. Поступил один человек плохо, и другие испытывают угрызения совести, за слабость одного. Рассчитываются впоследствии все, каждый несет долю вины. Что они натворили в этом мире? Может, разберутся и отпустят. Хотя, судя по окружавшим их людям, — те уже поняли, что ничего изменить нельзя и приготовились принять уготованную участь.

Амыр положил голову на колени матери, но уснуть не мог. Вместе с зарождающимся солнцем ощущал пробуждение организма от нереальной действительности. Еще вчера казавшейся невыносимой. А теперь — четыре стены камеры, грязные, заплесневевшие от влаги и от дыхания людей, собранных в тесное пространство. Совершенно не хотелось открывать глаза, мальчишка оттягивал время, чтобы как можно дольше не приходил этот момент. Увидеть и почувствовать тяжелый смрад проснувшимся мозгом страшно. И тайная невесомая надежда: вот ошибутся и выпустят из мрачного подземелья к солнцу. Туда, где свежий воздух и щебетание птиц несут жизнь, а не страшную картину избиения и смерти. Единственно, что спасало от бесилия, — руки матери, заботливо положенные ему на голову и бережно укрывающие сына, создавая иллюзорную видимость безопасности.

Отца привели под утро. Не привели, а притащили безвольное избитое тело. Открыли дверь камеры и бросили на бетонный пол. Охранник пинком подтолкнул ногу, застрявшую на пороге, и лязгнул железный затвор. Бабка с матерью метнулись из угла, помогая подняться и перейти в укромное место. Там смачивали и прикладывали к ранам тряпицы, облегчая участь. Это все, чем могли помочь в такой ситуации. Прижавшись губами к очередной ране, старая что-то шептала, молила о помощи и исцелении. Придя в себя, отец нашел силы улыбнуться на это тщетное занятие. Рассказал о допросе, как били и чего добивались. На обещание не подвергать пыткам семью согласился подписать документ с признание вины.

— Так в чем нас обвиняют? Что мы такого страшного сделали, — спросила мать.

— Помнишь того офицера, который над вами издевался, там на перевале: вы провожатыми у белых послужили? Что недавно к нам пострелять приезжал. Он и допрашивал, в начальниках теперь ходит. Большого человека, гостя нашего обвинили во вредительстве, а так как он имел ход к нам — ездил постоянно на охоту, представили, что готовит пути отхода за границу. Вспомнили две недели службы у колчаковцев, не важно, что убежал. В списках числился. Вот мы и превратились в главных провожатых, и пособников. Не выйдем мы отсюда.

Отец говорил сбивчиво, в неистовом порыве, боясь, не успеет до конца рассказать. И правда, дали отдохнуть час всего и снова — на допрос. Семья готовилась к самому страшному. Со второго допроса «главного виновного» не привели. Лишь мордатый охранник с усами как у Буденного проговорился, что не выдержал отец пытки. Перестарались, после очередного удара не поднялся с пола: муж, сын и отец в одном лице. Ждали, что еще судьба уготовила. Не сдержал слова следователь — увели мать, которая тоже не вернулась в камеру. Увезли дальше разбираться или так же забили до смерти? Неизвестно. После этого пять дней не трогали. Затем вывезли в суд, где зачитали приговор — ссылка в Нарымское поселение. Видимо, решили, что бабка особой угрозы не представляет, и подросток опасности не создаст. Ну и что, видела она белого офицера и признала его в ответственном товарище. Наговор и на-

вет, кто старой поверит? Да и причина выдумана под стать приговору. Мол, кулаками жили, несколько лошадей, в колхозе не состояли, отец работал кустарно. Готовы бабка с внуком ехать дальше, хорошо хоть живы остались...

С неба посыпал пушистый снег, укрывая худенькую фигуру старика. Набросало на неподвижное тело сугроб и под буруном тепло расплзлось по организму. Ноги и руки его не чувствовали, а вот грудь, голова ощутили прилив крови. Мысли приобрели четкость и рассуждения покатались осмысленно. Не отпускает его жизнь. Не дает преодолеть переход из одного мира в другой, задержался в узком месте, соединяя воспоминаниями миры прошлого и будущего. Тонка нить момента настоящего. Песок солнечных часов пересыпается из верхней части в нижнюю. Будущее становится маленьким, а груз прошлого прибывает. Чтобы изменить ситуацию, нужно перевернуть часы. Раньше ему удавалось продлить течение времени. Ныне сам этого не желает, видно, кто-то другой старается за него...

Амыр с бабушкой стояли и ждали своей очереди к погрузке. Глядеть на такое большое скопление народа, им, не видевшим никогда такого в своем горном поселении, казалось ужасным. Как можно так много людей согнать в столь маленькое пространство баржи? К плавучей тюрьме причален маленький пароходик. Подумалось, сможет ли он управиться с такой машиной. Это как мараленок против горы. Но персонал видимо знал свое дело и не первый раз занимался такой перевозкой. Арестованные все прибывали на пристань, затем дожидались, совсем обессилившие, сидели на стальных досках причала. Как только поступала команда на погрузку очередной партии, охрана, так же измотанная долгим ожиданием, принималась подгонять людей. Выражалось это в вялом понукании при помощи мата, в случае если кто зазевался и притормозил движение, в ход шли серьезные и довольно убедительные меры. Кому-то доставался пинок тяжелого ботинка, кому еще хуже — прикладом в спину. Ну не желала так долго охрана торчать на погрузке при ветре и холоде от воды.

Мальчик помог бабушке спуститься в трюм, та вовсе ослабела и двигалась с большим трудом. Словно боялась преодолевать последний путь в своей жизни, это чувствовалось по ее поведению. В сумраке помещения свет проникал через люки и прикрытые створки боковых щелей, которые носили громкое название иллюминаторов. Понимая, что излишний шум может разозлить конвоиров на пристани, говорили вполголоса и шепотом. Но все же вспыхивали в разных концах помещения ссоры с криками. При дележке удобного места без взаимных претензий не обходилось.

Произошедшее вконец утомило старую женщину, не поднимало настроения и Амыру. На берегу он с любопытством осматривал местность, пока не получил затрещину от стрелка: не осматривайся, не готовь побег, знай теперь свое место. Река несла большие и спокойные воды. Половодье в самом разгаре. Такого у себя в горах не видел. От того и интересно наблюдать за громадами-пароходами, так называли эти огромные лодки. Чуть ниже по течению виднелись железные гусаки, грациозно изогнувшие шеи — портовые краны, как разъяснили знающие люди. Баржа для ссыльных находилась на самом конце пристани, поэтому празднично шатающийся народ не мог видеть картины, удручающей своей жизненной откровенностью. Большинство прибывших в колоннах не имели с собой вещей, в чем взяли при аресте, в том и шли. На сто рядов обысканные ранее, они не имели элементарного для обеспечения жизни. Нет ножа, ложки и кружки, минимум одежды, разбитая обувь. Человек, наблюдавший со стороны, мог подумать, что собрали всех нищих по городам Сибири и решились освободить от них населенные пункты.

Наконец в тесноту помещения вихнули сверху последних сидельцев, и люк загремел, умело и сноровисто закрываемый командой. Забегали матросы по палубе, закричали, выполняя команды. Натужно заурчал буксир, и баржа отвалила от причала. По дну зашуршала вода, люди разом угомонились и, преодолевая первые минуты неудобства, вповалку заснули, кто где нашел место. Амыр осматривался. Видимо ему

придется ухаживать за бабушкой, остались вдвоем в этом большом мире и надо же случиться — совсем не в лучшем положении. Старая во сне пыталась что-то говорить, голова ее горела огнем. Как долго это продлится, мальчик не знал, и происходящее тревожило его непривычностью и жестковатостью.

ВЕЛИКАЯ РЕКА

Народ попался в трюм самый разный. Направлялись в ссылку для единого дела в основном семьи: хозяин и все домочадцы — жена, дети от подростков и до грудничков. Не довелось уйти от правосудия Советской власти и возрастному населению. Старые мужчины и женщины встали на одну плаху с молодыми, чтобы до дна испить чашу поселенца. А там как придется: кто в первые месяцы душу отдаст, а кто потянет несколько лет, поднимая народное хозяйство. У многих предки пришли в Сибирь переселенцами и обустроили жизнь на новом месте. Может, повезет и сегодня.

В дальнем углу, в самом неудобном месте, сидел дед-старообрядец. Крепкий мужчина, широк в плечах, крепок здоровьем, нелюдим. Вся семья старалась держаться подле него и слушала с одного слова. Орава большая: сыновья да снохи, ворох детишек, — привычные к трудностям и невзгодам, словно в крови заложено стойко переносить все лишения. По крайней мере, не выносить слабость «на люди». Хороший кряж выдернула власть из старообрядческого поселения. Рядом с ними расположились еще несколько таких же родов, они, не сговариваясь, разместились около, давая окружающим понять, что испытания переносить должны всем миром. Вместе-то вместе, только вот какие планы на них власть имеет? А власть сейчас для них — тот молоденький лейтенант в форме, обосновавшийся в палубной надстройке. Не покажись ему что — даст команду высадить на любом берегу.

Рядом со старообрядцами заняли места крестьяне, далеко незажиточные. А может, не успели во время ареста собрать какой-никакой скарб, чтобы налаживать жизнь с каким-то багажом. Один вертлявый мужичок пытался угодить всем. Даже разговаривал заискивающе. В обыденной жизни ему это не помогло, оставалась надежда, что здесь сложится иначе. Сотоварищи воспринимались окружающими как люди прижимистые — у таких водицы попросить не захочешь. Только время всех обломает, много событий впереди ожидалось!

Во всей этой массе не наблюдалось людей интеллигентного вида. Не попали в этот трюм лекари и учителя, машинистки и служащие. Все больше люди от земли, ну да проще, когда одного сословия. Повезло с отсутствием уголовников, те, по рассказам очевидцев, сразу устанавливают свои правила и измываются над слабыми духом, пользуясь молчанием остальных сидельцев, не сумевших сориентироваться и приспособиться к условиям жизни.

Скученность давала себя знать, и даже при низкой температуре за бортом, местами на островах поблескивали залысины снега, в помещении душно. Люки охрана приоткрывала днем, а на ночь, во избежание побега, закрывала вовсе. Сколько придется терпеть такое положение, не мог сказать никто. Судя по работе буксира, он еле справлялся с баржей по своей малосильности и работал только при совершении поворотов на фарватере. Баржа, проще сказать, сплавлялась по реке, и сколько будет продолжаться свободное плавание — не знали, по всей видимости, ни капитан, ни команда.

Скоро в трюме образовался смрад от пота, мочи, немых тел. Четыре двухсотлитровых бочки, поставленные за перегородкой, играли роль туалета, отгородить их от расположения людей не представлялось возможности из-за отсутствия любого материала. Сидельцы, расположившиеся рядом, вскоре почувствовали все «прелести» такого соприкосновения. Глаза слезились, дышать нечем и после первых трех дней шуток и усмешек любое хождение по нужде вызывало неодобрительные возгласы.

Просьба к команде опорожнить емкости ни к чему не приводила. Ответ на все один у старшего охраны:

— Ходите реже. Чего расповадились нырять по поводу и без оного?

— Так, гражданин начальник, дети же. Да и желудку не прикажешь, как припекает, так и бежим.

— Много говорить будете, поставлю дежурного, перемешивать будете. А часто бегаете, так что ж, жрать меньше будем давать.

Кормили не утруждая себя. Горячего не готовили, подадут через люк кипятка, хлеба черного, соли, — на том и будь доволен. От такого пропитания и житья-бытья вскоре люд мереть начал. Первой с жизнью распрощалась в трюме старуха, которой, говорят, за девяносто лет перевалило. Следом ночью отдал душу младенец грудной у маленькой худенькой молодой. Молоко пропало, и кормить нечем, как не крутились с жевушками, а только не уберегли. Покойников велено складывать у люка, до поры и времени. А когда настанет черед придать земле — не ведомо никому. Вскоре утром приходилось проводить перекличку по покойникам.

Умерла бабушка Амыра. Вечером долго не могла найти место и устроиться на ночь, все ворочалась с боку на бок, пока не отвернулась к металлической стенке борта и не принялась шептать тихо в бреду слова разные: путая алтайские и русские. Получалось, что молится, непонятно только какому Богу. Мальчик сел рядом, она взяла его за руку, закрыла глаза и уснула. Так и пролежала до утра. Лишь с рассветом, что угадывался в щели люка несмелыми лучами солнца, почувствовал. Холодная рука. Он не плакал, не подал никому виду, ведь он — мужчина и должен переносить события жизни как линию судьбы, написанную свыше.

Лишь через два дня баржу причалили к берегу. Оказалось, остров посреди большой реки. Назначили команду, вытащившую на веревках и опорожнившую бочки. Набрали и похоронщиков, заставили вынести покойников наверх, спустили на берег. Приказали рыть ямы, чтобы придать земле умерших. Амыра не хотели выпускать, пока начальник не дал добро на прощание с покойной:

— Пусть похоронит бабку. У него никого не осталось. Убежать не убежит, а коль появится такое желание, останется на острове — через неделю с голодухи помрет.

На могилу Амыр закатил камень, положил несколько поменьше, чтобы приметнее было. А на куст, стоящий рядом, повязал ленту «дьялома», исполняя обычай. Будет у бабушки вода в том мире, жаль горы далеко, но их заменит камень. Совсем один на этом свете остался мальчишка, как ему выживать в сложном мире? Непонятно.

Появилась мысль шальная, спрятаться на острове, как начальник говорил. Лучше умереть, чем одному в жизни остаться. Двинулся на несколько шагов и оказался вне пределов видимости, за кустами укрылся с верой — его точно искать не станут. Еле слышно заперебирал ногами сквозь кустарник, обходя большой валун, и совсем уж невидим стал. Голову повернул в сторону от берега и обомлел: за небольшими деревьями увидел огромное и черное тело зверя-исполина. Лосиха смотрела в его сторону, понимая, что ее движение может обнаружить команда с судна. Как она оказалась на острове? Разбираться некогда. Самка смотрела на мальчика большими выпуклыми глазами. В них отражался весь окружающий мир, земля. Вода и небо. Облака, проплывавшие в голубизне белыми лоскутами. И страх. Не в состоянии показать свою силу, боясь обнаружить себя, животное стояло и молчало. И тут мальчик заметил: своим телом прикрывает маленького лосенка. Дитя несмышленное. Мать, готовая в один момент сорваться и ломиться через кустарник, но куда уйдешь с острова. Потому и стояла в надежде не быть обнаруженной.

Амыр сделал шаг назад, другой и выбрался к людям. Надо выживать в любых условиях, пусть мучительны и несносны они. Наперекор. И по команде с группой похоронщиков уныло побрел к барже. В душе остался, однако, порыв к жизни. Стремление терпеть и искать способ побега. Что бы ни случилось, мир вокруг него жив, и

он постарается оправдать надежды отца и матери, видевших в нем большого человека. Рано уходит в безмолвие, шагнул на первую ступеньку трапа, и вскоре оказался в опостылевшем трюме.

Забившись в самый дальний угол кормы, обняв голову руками, мальчишка думал о своей участи. По стечению обстоятельств, менее чем за месяц остался один, потеряв родных и близких людей. Пальцы нервно перебирали кожаный мешочек, от которого исходил запах дома: можжевельник, травки, кусочек гранита и земля. Вот все, что связывало теперь с родиной. И, конечно же, воспоминания. Рука отца твердо придерживающая карабин, помогала прицеливаться на охоте; ласковые, теплые, пахнущие кобыльим молоком руки матери; и все больше угасающий запах бабушки, терпкий травами. Так, согнувшись, чтобы быть неприметным, незаметно задремал. Проснулся от прикосновения к плечу твердой руки. Перед ним стоял молодой мужчина, и внимательно смотревший из-под нависших бровей старик. Трудно даже назвать возраст, так изрезано лицо морщинами. Парень держал кусок хлеба и кружку с кипятком. Амыр отрицательно покачал головой, не до пищи сейчас. Старик тихо и спокойно не сказал, а попросил:

— Нужно покушать, силы понадобятся. За всех теперь жить должен, парнишка, а без сил не получится. Силы они с хлебушком приходят, кипяточек — он душу согреет. Поешь.

Не ощущая вкуса, пришлось давиться скудной пайкой, чтобы не обидеть внимательных товарищей. Ближе к вечеру уложили спать рядом с собой. Не спалось, но вскоре тишина трюма и равномерный шелест волны по днищу усыпили.

...Амыр пошевелился, осыпалась с шапки новая порция снега. Потеплело, значит, будет продолжать свой ход по жизни. Не закатит Эрлик для него солнце, не погаснут в небе звезды. Священный для всех алтайских сеоков можжевельник не раз разотрется пусть не твердыми уже пальцами, и совершится ритуал окуривания жилища, изгоняя злых шулмусов и привлекая светлых духов в его аил. Он посидит немного, повспоминает, проживет еще раз жизнь. Потревожат его мозг памятными событиями давно ушедшие времена. Это так приятно на родовой горе. Сюда давно никто не ходит. Он один тревожит ее своим присутствием, рассказывает родовым духам о происходящем в их селении...

Сколько прошло времени — сказать сложно, он терял ощущения реальности, проваливаясь в беспмятство и вновь выныривая из него. Как частица самой природы, он ощущал нужность до поры до времени в этом мире, словно жизнь не отпускала его для какой-то надобности. Ведь она создала Амыра, наполнила содержимым как сосуд. Создала душу добрыми силами и шулмусами, ведущими в нем постоянную борьбу: кто — кого. Не раз приходило отчаяние и желание расстаться с белым светом, но выживал наперекор всем трудностям.

Организм сопротивлялся предложенному сегодня исходу, пытался выжить и найти выход из затруднительного положения. Независимо от хозяина! Борьба за выживание — особая история всего человечества, рода и его самого. Потому и обелились дневным светом закрытые веки. Просвечивают через ресницы, кожу яркие лучи солнца. Амыр привык решать все сам. Решать и принимать намерения. Сегодня что-то не получалось, в его жизненной практике произошел сбой...

Осознание обстановки трудно приходило в голову мальчишки. Как теперь жить, коли не с кем и не для кого. Ночь, глаза смотрят в открытый люк, охрана перестала закрывать, не опасается побега. Видимо уплыли довольно далеко от обжитых мест и все поселенцы поняли окончательно, что шутки плохи с большой рекой и с болотами, лежащими по ее берегам. Захотелось выйти на палубу, разбудить своими шагами охрану, изобразить побег, чтобы пуля бдительного часового на вылет прошила тело. И... в воду, до самой глубины!

Звезды смотрели на его мучения и моргали в черноте бездонного мира. Не спит и

думает обо всем. Кругом в дреме такие же измученные люди. Тяжелое дыхание, стоны. Режет глаза едкий запах хлорки. В последнее время случаи смертей увеличились, болезнь принялась бродить в этой толпе человеческих отбросов, каковыми их считали сопровождавшие люди. Собирала дань с группы отверженных людей. После очередной остановки на безлюдной пристани, все в трюме, особенно туалет, засыпали толстым слоем этого едкого порошка. От влаги он выделял газ отвратительного запаха и вредной едкости. Люди уходили из жизни, тяжело дыша, и оставались с просветленными лицами, как освобожденные от последующих испытаний. С остановками на островах пришла еще одна напасть: таежный гнус. Мошка приходила в трюм с похоронщиками, затаивалась в щелях и, быстро размножаясь, поедом ела людей. От кровососущих насекомых спасения совсем не находилось. Укрывались с головой на сон, но от духоты сбрасывали во сне тряпки и под утро чесали лица, руки и ноги. В кровь! Вскоре с опухшими лицами напоминали сильно пьющих людей. Спасала вода, которой умывались, но и она была в строго ограниченном количестве.

Амыр попробовал подняться и сразу почувствовал тяжелую руку старшего товарища, прижимающего к постели и тихий шепот: «Уйукта уулчак, спи мальчик». Стало спокойно под защитой этой руки и тихого разговора на родном языке. Нехорошие мысли улетучились, звезды продолжали расцвечивать небо. Где-то там наверху невидимая из трюма — Полярная звезда. След от кола, вбитого в небо Кудаем, когда он мирил поссорившихся братьев-богатырей. Он обязательно станет сильным и выживет. И принесет умиротворение в эту жизнь.

Чувствовалось окончание пути. Остались позади острова с ушедшими людьми, смерть забрала свою тяжелую дань. Оставшимся перед неизвестностью делалось мутно в душе и страшно от грядущих событий. Трюм принимался давно состоявшейся действительностью, к которой привыкли и переносили довольно спокойно. В один из дней троица засиделась за разговором. Принялись делиться воспоминаниями, какими путями оказались в числе переселенцев. Иван, крепкий молодой мужчина тридцати лет, в сердцах постукивал по колену кулаком и с обидой выговаривал.

Село кержачье приняло его, с соседней деревни, в работники. Иван рос с матерью без отца, присмотрел невесту, но поскольку требовалось сразу становиться на ноги — нужны деньги. И он по совету знакомых отправился в поселение староверов. Новая власть присматривалась к этой категории людей, но жестких мер не принимала. Село богатое. Трудно приживаться в новом селении, да еще со странностями в жизненном обустройстве. Многие законы и обычаи непонятны окружающим. С ними трудно смириться, но приходилось принимать. Хозяин относился к нему благосклонно, платил исправно, чувствовалось — деньги есть.

Одной ночью нагрянули вдруг люди с оружием, устроили обыск в доме, семью выгнали во двор. Так и стояли с тем, что успели схватить со сна. Кто-то в одном исподнем, другие успели накинуть на себя какие-то тряпки. Все бы обошлось для Ивана, да понятным обозначили, стоял он и наблюдал, как обыск проходит в хозяйстве. Больше не обыскивали, а пакостили. Один из приезжих ножом принялся вспарывать кули с прошлогодним урожаем кедрового ореха, обосновывая тем, что в мешках оружие спрятано. Бросился хозяйский мальчонка защищать свое, жалко труда затраченного, — сам по кедром лазил, шишку бил. А караульщик, вроде и без злобы, ударил прикладом в спину. Малец упал в грязь, закрутился от боли.

Не сдержался Иван, на защиту встал. Что же такое творится, малого за что? Невольно показалось, ударил в лоб охранника, тот упал рядом с пацаном и встать не в силах, ползает в луже. Крик, гам поднялись, Иван стоит и в руках ружье держит, подхватил ненароком. А вся свора на него оружие направила, кричит в голос. Сзади какой-то подлюка подкрался и ударил в затылок. Очнулся связанный на телеге.

Так и превратился в пособника кулакам. Да какие кулаки? Работающие люди, от зари до заката трудились рук не покладая всей семьей. Дальше все по накатанному —

побили несколько раз на допросах, Иван в толк не мог взять за что, и определили на поселение.

Вертлявый мужичонка, лысый с оципанной бороденкой. Вечно сующий свой сизый картошкой нос во все разговоры, хохотнул:

— Почто за ружье-то схватился? Тебе какая разница, что твоего хозяина за шиворот взяли? Смотрел бы, а там и поживился. Давно на печке с молодухой лежал бы.

— Так и сам не почуял, как ружье подхватил. Обидно за семью, за детей. Орех вообще не при чем. Опять же мальчишку ударил здоровый бугай.

Аржан — старик алтаец, взявший негласное шефство над Амыром, долго подыскивал слова, чтобы рассказать свою историю. Он задумался, глядел куда-то вдаль сквозь слушающих, и речь его полилась, как напев. Не дать кайчи рассказы ведет. Отрывистыми словами, вытalkingая из горла и подбирая трудно даваемые ему русские слова. Сбиваясь на горловое пение. Глаза слезились, старый, давно не помнит, сколько лет живет. Дед окунулся в атмосферу своих воспоминаний, представляя перед собой охотничий костер и разглядывая вдалеке белоснежные шапки вершин. Вершин, которые остались далеко позади вместе с родными горами, реками и водопадами, лугами, полными табунов полудиких необъезженных скакунов.

От любви к лошадям и пострадал старый алтаец. Что лошадь для человека из кочевого народа? Это товарищ, спаситель и друг. Пища и одежда. Ритуальное животное. Сама жизнь. Позапрошлый год голодный выдался. Солнце сожгло траву, кони в зиму вынужденно перешли на кустарники и деревья. Объели ветки на высоту роста, соревнуясь с лосями. Выжить любая скотина стремится. Травы под снегом совсем не осталось. Истощал к весне представитель табунов, дошел до худобы страшной. Заканчивалась весна, и люди радовались, скоро с летним теплом поднимут коней на альпийские луга, там, на свежей траве, бока нагуляют. Да только загорелось начальству передать лошадей в другую область, там падеж скота случился, а весенние работы не ждут. Порешили отправлять, да толком не довели решение свое к исполнению.

Приехали в селение и принялись решать вопросы, не советуясь с людьми. Аржан долго слушал препирательства руководства, отошел незаметно в сторону и — на конюшню, жалея лошадей. Привычно сел в седло, уповая на то, что скотину кормить нужно и ей не до споров, повел табун в горы. Приезжие начальники от удивления и слова вымолвить не смогли, сказать ничего, не решились. Только через два дня на альпийские луга поднялись люди вооруженные карабинами, арестовали табунщика. Хорошо подпаска не тронули. А деда увезли в город. Представили дело так, что враг выискался, решение местных властей не выполнил. Похитил табуны, увел. Долго держали в тюрьме, не могли придумать, что со старым делать. Так год прошел в разбирательствах. Да и кто особо разбирался? Вроде и вины нет — хотел как лучше.

Дали поселение, чтобы с глаз долой. Вот и оказался старый Аржан в непривычной для себя обстановке. Хоть и говорили — малые народности не трогать, не отправлять на поселение в другие места. Да где там. Исключения во всяком деле надумают...

Замолчал дед, словно песня кончилась. Не верилось в такое происшествие. Да как не верить? Коли он перед тобой сидит и, щурясь, приглядывается к собеседникам. Говорят, духи в горах поют — судьбу предсказывают, только слышать их дано кому. Остальные не понимают и не видят. А здесь все слышат, только в толк взять не в состоянии.

Заурчал буксир иначе, чем при сплаве. Видно, к берегу потянул баржу, вскоре, как доказательство, днище по песку зашуршало, запело. Еще неизвестно какая песня приготовлена, а радостнее на душе. Хоть какие-то изменения предвидятся. Вскоре и команду подали: «С вещами на выход. Поживей!». И привычно полетели зуботычины направо и налево — как еще народ русский в неизвестное место подгонять и направлять! Вся разгрузка заняла минут двадцать, по истечении этого времени посе-

ленцы стояли на заболоченном берегу, перед ними на узкой полоске песка свалено в кучу несколько мешков муки, инструмент: пила, пара топоров и несколько лопат. Скарб какой-никакой: котлы, пару мотков проволоки, инструмент для огорода. На палубу вышел уполномоченный, гордо подперев бочину у арбузного вида живота, и прочитал короткую речь о возможности исправить свое поведение трудом и успехами во имя Советской власти

— Старшего сами выберете, не маленькие. Время не тяните, лето здесь в Сибири короткое, скоро зима придет и спросит за все.

Говорил еще что-то длинно и заучено, а народ, особливо мужики, все мрачнее становились, понимая, на что их обрекла власть. Вновь заработал пароходик, отводя баржу от берега. Как по команде завьли бабы, словно по покойнику, понимали, к чему приведет такая организация поселения на новых местах. Попытались мужики объяснить, мол, инструмента мало. Да что объяснять, коли все решено и баржа отвалила от берега да пошла на середину реки. В панике забегал плюгавый мужичок, вертлявый и острый на язык, затем бросился в воду и поплыл за транспортом. Только с баржи охрана дали пару выстрелов, отогнали. И пока народ ошарашенный стоял, не зная, что предпринять, дымок скрылся за поворотом реки.

Евгений Асташкин
(г. Омск)

КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова.

1

В горах смеркается рано. Окруженный подковой горных кряжей, альпинистский лагерь готовился ко сну. Владислав Иванович Томилин, крепкий еще старикан, руководитель секции, сидел в бытовке, окруженный своими питомцами, в основном студентами политехнического института. На него напала разговорчивость, что редко с ним бывало. Молодые любители гор, рады неожиданному подарку, во все уши слушали байки «снежного барса», втайне завидуя судьбе человека, побывавшего на пиках всех четырех семитысячников страны.

Не догадывались молодые альпинисты, что неспроста разговорился наставник. Ну, хочется ему подбодрить дух перед завтрашним восхождением, что тут удивительного! Он ведь не перебарщивает и не прибегает к гротеску. Это сразу бы все почувствовали. Альпинизм не терпит сантиментов. Просто свербило ветерана одно сомненьице.

В завтрашнем учебном восхождении будет участвовать четверка. Трех из них Владислав Иванович хорошо знал: волевые, схоженные парни. А вот четвертый новичок — Эдик еще ни разу не ходил в связке. Как он себя покажет? Пик Маншук Маметовой для начинающего не игрушка — категория сложности 3А.

А пока мастодонт выдергивал из своего прошлого наиболее зажигательное — пусть ребята зарядятся, чужой пример бывает заразительным.

...Горами он заболел еще в то далекое время, когда его звали Владиком. У отца было альпинистское снаряжение, и сам он нередко уходил в горы на недельку-другую. Владик просил отца взять его с собой, но тот хмуро отнекивался: мал еще!

Самовольный Владик нашел выход из положения. Когда отец уезжал в командировку, паренек бежал к соседу Сеньке, своему единомышленнику. Хватали рюкзаки, набивали их крючьями, веревками и прочим верхолазным снаряжением.

Горы глядели на них монолитными глыбами, опасными осыпями, расщелинами. Дети, следуя интуиции, преодолевали шаг за шагом отвесные уступы, мало думая о том, что могут сорваться вниз с опасной высоты.

Однажды Владик с Сенькой решили тайком пойти вслед за восходителями, среди которых был и отец Владика. Несподручно было красться за взрослыми. Как ни старались прятаться, вскоре обнаружили себя. Отец, щадя мальчишеского самолюбия, при всех надрал уши Владиду и тоном, не терпящим возражений, приказал:

— Домой!

Дети поплелись вниз, но через некоторое время им пришла в голову совсем уж сумасбродная мысль: а что если раньше взрослых забрать на облюбованный ими пик?..

Чтобы вновь не «засветиться», сделали добрый крюк и теперь шли своим маршру-

том. Карабкались вверх почти без передышек. Дерзкая идея удесятерила силы. Наконец, безо всякого снаряжения они достигли вершины — гора была не очень высокой.

Под пустой консервной банкой нашли записку, оставленную прежними восходителями. Глянули на число: последний раз здесь были месяц назад. Значит, они опередили-таки взрослых! Хорошо, что в кармане Владика оказался блокнотик, теперь они оставят свою записку.

Давясь от смеха, Владик с Сенькой нацарапали на блокнотном листке: «Плететься, как жареная вобла!» И подписались. Вот потом удивились взрослые, что детвора умудрилась их обойти!..

Обо всем этом вспоминал Владислав Иванович. Поведал он и о том, как с друзьями прошел траверсом несколько вершин, чем немало удивил альпинистов со стажем.

К десяти часам ночи Владислав Иванович порывисто встал.

— На сегодня хватит!..

В своей комнатке он долго еще не гасил ночника. Размышлял о каждом из четверки. Руслан Богораз. В горах пропадает постоянно, даже часто пропускает занятия из-за этого. Ахмет Искаков. Этот вырос в горах, отец его всю жизнь пасет отары в высокогорье. Анатолий Мендиханов. Резок, грубоват, но товарищей не подведет, отдаст последнее. И вот этот новичок, который называет себя Эдиком... Любит покрасоваться, такое ощущение, что он постоянно играет на публику. Или это только кажется?..

Когда Эдик впервые пришел в альпинистский лагерь, кто-то из «старичков» показал ему снимок, вырезанный из газеты: пятеро альпинистов в контражуре закатного солнца идут по фирну. У Эдика испытующе спросили: сколько альпинистов, запечатленных на снимке, участвовало в восхождении? Эдик беззаботно пересчитал фигуры — пятеро. «Старички» усмехнулись: а кто же тогда фотографировал? Не корреспондент же — на такую высоту заберется не каждый. Эдик смущенно пожал плечами...

2

Четверо в пуховиках и с рюкзаками шли по ослепительно снежной долине к подножью горы. Альпинистский лагерь остался далеко позади, словно изображение в перевернутом бинокле. Утренний морозец щипался, но к обеду должно было распогодиться.

У подножья пика Маншук Маметовой альпинисты разбились на две связки. Мендиханову предстояло дальше идти в паре с Эдиком. Он пристегнул веревку к поясу и посмотрел на своего напарника. Тот не то чтобы витал в облаках, но думал о чем-то постороннем. Пришлось поторопить его: «Эдик, пристегни, пожалуйста, замок!» Постороннего человека, наверное, несколько удивило бы, что в горах восходители ни с того, ни с сего начинают обращаться друг к другу предельно вежливо, чуть что — сразу: «Спасибо», «Пожалуйста»... Есть в этом свой резон, аккумулировавшийся в неписанный закон: когда карабкаешься по кручам, нервы на пределе, а словесами можно создать нужный психологический настрой. Хоть и эфемерная, но все равно компенсация альпинистских тягот.

Анатолий стал карабкаться по обглаженному ветрами гранитному уступу. Забрался как можно выше и забил в трещину первый крюк. Кивнул вниз Эдику, и тот, хватаясь за натянутую веревку, без особого труда поравнялся с напарником. Мендиханов вопросительно посмотрел на особенно не запыхавшегося Эдика, сбивавшего крошки снега с рукавов куртки-аляски. Думал, догадается, что дальше его очередь. Но Эдик не торопился продвигаться вперед. Тогда напарник снова полез вверх и метрах в восьми над напарником забил второй крюк. Эдик снова по веревке поравнялся с первопроходцем и, примостившись на уступе, стал восторгаться: «Какая красота!..» А внизу начала подъем вторая связка, в которой были Руслан и Ахмет.

Спустя полчаса восходители преодолели первый «жандарм» — выступ в виде крохотной вершины на пути к главной. Своё название такие выступы заработали, должно

быть, за то, что словно охраняют пики. За «жандармом» простирался снежный гребень. Правила безопасности требовали, чтобы каждый в паре намотал на руку несколько колец веревки. Если снег вдруг поедет под ногой или невзначай покатишься с гребня, напарник должен немедленно прыгать в противоположную сторону. Потом уж можно будет подтянуться друг к другу по веревке. Эти правила для альпиниста, что таблица умножения, но Мендиханову после бесплодных ожиданий снова пришлось напоминать очевидное: «Эдик, возьми, пожалуйста, несколько колец». Тот неохотно намотал на руку три кольца и носком в несколько нажимов опробовал снег под ногой: «Вообще-то твердый...» Анатолий чуть не выругался. Вот гаврик! Если не думает о собственной безопасности, то хотя бы о товарище позаботился, ведь связаны одной веревкой...

Возле второго «жандарма» Мендиханов снова взглянул на Эдика, ожидая, когда в нем проснется инициатива. А тот беззаботно осматривался, празднуя кратковременную передышку. Внезапно поднялся ветер, в полный рост невозможно было стоять. Анатолий сплюнул и принялся опять забивать крючья. Ему как-то сразу не пришлось по душе напарник. Называет себя Эдиком, а не Эдуардом, словно пижон. Тут нечего красоваться, не на танцульках...

Уже на втором крюке рукавицы у Мендиханова заледенели. Работать в них стало трудно и опасно. Непрочно забудешь крюк — не миновать беды. Горы не прощают такого, здесь все должно быть основательно. Он опять обратился к напарнику: «Эдик, дай, пожалуйста, свои рукавицы». Тот растерянно расширил глаза: «А как же я?..»

Тьфу ты!.. Анатолий отвернулся от непробиваемого напарника и стал забивать крюк голыми руками, железо прикипало к пальцам, они отдирались от крюка с неприятным скрипом, на ладонях покраснели морозные ожоги. Ахмет с Русланом стояли внизу у края выступа, они все видели и все понимали. С невероятным усилием их одноклассник преодолел «жандарм». Дальше вперед пошла вторая связка. Переводили дух уже на вершине.

Спускаться решили другим маршрутом: по снежно-ледовому кулуару — длинной ложбине между горных пород. Кулуар довольно пологий и безопасный, спускаться можно безбоязненно. По инструкции все четверо обвязались общей веревкой. Эдик в связке оказался последним. И тут случилось то, чего непосвященным не понять. Мендиханов перехватил красноречивые взгляды Руслана и Ахмета. Он прекрасно понял, о чем молчали они. Не сговариваясь, все решили проучить неженку Эдика. Ахмет понесся вниз первым, остальные следом. На таком спуске уже не остановишься — по инерции тянет вниз. Тут смотри в оба и лавируй, чтобы устоять на ногах и соблюсти нужную дистанцию в связке.

На одном из ледяных бугров Эдик споткнулся. Веревка не даст отдышаться — дергает при заминках. Несколько раз Эдик падал, потом запрыгал, как заяц, все его существо превратилось в сплошное алкание равновесия. Бегущие впереди прекрасно чувствовали его состояние, но никто не сбавил скорости. Эдика мотало и дергало, сбивало с ног и он невольно греб снег руками, пытаясь подняться. Когда кончился кулуар, он выглядел помято и хватал ртом воздух, как окунь в только что пробитой лунке. Ни у кого это не вызывало сочувствия...

3

К лагерю Эдик приближался с понурой головой. Владислав Иванович наметанным глазом все прекрасно разглядел и не стал задавать лишних вопросов. Ясно, что парень сплеховал, может быть, в мелочи. Но в альпинизме никаких мелочей не бывает. Самое страшное, что Эдика никто ни в чем не упрекнет. Он будет вместе со всеми отогреваться у самовара и не услышит в свой адрес даже малейшего намека. Все останется прежним, «старички» будут шутить, балаболить. Но в горы с Эдиком уже никто не пойдет...

Людмила Брагина
(г. Белгород)

ГДЕ ЖИВУТ ШИНШИЛЛЫ?

Людмила Петровна Брагина родилась в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и руководитель молодежной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Автор четырех поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Публиковалась во многих журналах.

Где живут шиншиллы? Если вы полистаете энциклопедии о животных или погуглите интернет, везде о них написано примерно одно и то же: в горах Боливии, Перу, Аргентины и Чили. Идеально умеют прятаться в скалах, сжимаясь при этом во всех направлениях, и ночью выходят размять затекшие косточки, поскакать по камням в лунном свете, пощипать чахлую горную растительность — мхи, лишайники, кактусы, поискать маленькие семечки, годные к употреблению.

Когда я читала, что они любят жить небольшими колониями, в основном состоящими из родственников, я никогда не примеряла эту инфу на себя. Ну, живут и пусть себе живут. Приятные социальные зверьки. Нигде не было написано, что они будут жить именно у меня. И, тем не менее, это случилось.

Но сначала я должна рассказать про нашу лавочку. Не о той, в которой торгуют, а про самую обыкновенную скамейку, что имеется почти возле каждого подъезда. С виду в ней нет ничего примечательного. Разве что, на ней почти не сидят старушки. Так-то она удобная и красят ее иногда. Но, хотя в нашем доме десять этажей и народу живет немало, а вот старушек раз и обчелся. Почему, даже не знаю. Может быть, они по квартирам сидят, а может, еще не состарились и бегают на работу, за детьми в садики, по магазинам. А потом занимаются обратной стороной шопинга — расхламлением жилища. И проходит оно у всех по-разному.

Я, например, испытываю бурную радость от этого процесса, и если за день не выброшу 27 ненужных вещей, считаю, что план не выполнила. Иногда попадаете такой прилипчивый хлам, который выбрасывать жалко, но и жить с ним не хочется. И вот тогда я вместе с ним спускаюсь в лифте вниз и кладу на эту самую лавочку возле подъезда. Вдруг кому-то он понадобится. Вроде и выбросила, и не только себе приятное сделала. Пару раз я даже видела кому. Были у меня чудесные кожаные золотые босоножки. Но как ни надену, мало того, что принца не встречу, так еще и ноги натру, хромаю. Принцы шифруются, не подходят. А сердобольные люди, глядя со спины, еще и через дорогу предлагают перевести. Не выдержала, отнесла их на лавочку. Забирайте, кто хочет, а мне этого добра в коронах и мантиях и с конями не надо! И пошла в магазин за продуктами. Возвращаюсь, а навстречу мне парень с де-

вушкой идут. Девушка такая счастливая, прямо сияет вся и к груди мои босоножки прижимает, и лучики от них во все стороны расходятся. Я от всей души порадовалась за нее и пожелала, чтобы они ей не терли и парня она поскорей поменяла, если не на принца, так хоть на мало-мальски нежлобского.

И не одна я так делаю. Часто на этой лавочке что-то да появится: то детские сапожки, из которых ножки выросли, то надоевшие сумки, даже покрупнее вещи бывают, типа винтажных ковров и паласов. А как-то иду и вижу собственную шубу! Ничего себе, думаю, это у кого из моих домашних рука поднялась вот так, без спросу? Шуба хоть и старенькая, но еще приличная, и не собиралась я пока с ней расставаться. Я, может, из нее еще собиралась жилетку сшить, а потом рукавички. Схватила я ее и помчалась дознание проводить.

Все запираются, отнекиваются, и смотрят прямо-таки честными наивными глазами, взгляд не отводят, а наоборот, смотрят пристально и с интересом. Ругалась я художественно, драматически, убедительно жестикулируя, в лучших итальянских традициях, и вдруг чувствую, что проголодалась. Ладно, думаю, все равно выясню, но позже, а пока повешу ее на место. Открываю шкаф, а там еще одна такая же шуба — на этот раз моя. Вот такой стихийный товарообмен у нас возле подъезда случается. Но иногда шутки бывают не такие веселые.

В одно октябрьское воскресенье, когда день уже клонился к закату, на кухне вдруг обнаружился довольно увесистый мусорный мешок, с которым нужно было срочно что-то делать. Согласно темным мистическим верованиям и приметам наших предков, выносить из дома его категорически не следовало. Потому что людям, которые затемно выбрасывают мусор, всегда есть что скрывать. И к ним всегда относились настороженно. Полагали, что под покровом ночи человек может избавляться от последствий преступных и неблагоприятных поступков. Не случайно, с наступлением темноты связывалось время разгула нечистой силы. Ведьмы, упыри, бомжи, крысы, ежи и прочие еноты — все они выбирались из своих укрытий и выискивали повод кому-нибудь навредить. И я в это тоже верю.

Совсем недавно за нашим домом полицейский патруль встретил двух девушек на исходе ночи после помпезного празднования дня города. Горожане, утомленные зрелищами и возлияниями, еще или уже, неважно, крепко и беспробудно спали. Улицы, отдыхавшие от пробок и народных гуляний, набирались сил перед новым днем. В последний час патрулирования, перед третьим криком петуха и восходом солнца, взорам уставших сержантов открылась идиллическая картина: две юных румяных нимфы совещались под кудрявой березкой, а перед ними на земле стояла большая эмалированная кастрюля. Налюбовавшись и договорившись между собой, кому с какой из них интересней познакомиться, стражи порядка вспомнили, что за ночь проголодались и игриво поинтересовались кулинарными способностями девушек: покажите, дескать, хозяйшечки, что наварили, угощайте...

Юные создания начали самопиариться, дескать, готовят они хорошо, так много, что даже остается, но холодец все же пропал, и сейчас они отнесут и выбросят его в ближайшую рошу. И сварят новый. Тогда самый любознательный или проголодавшийся сержант поднял крышку и увидел... женщину. Но не всю, а ее части, или, как принято говорить в их профессиональной среде, — фрагменты. И вареную.

— Кто это?! — закричал он, теряя аппетит, голос и рацию...

Степень родства оказалась очень близкой — несчастную убили, расчленили, сварили и несли в рошу две ее дочери.

Это обстоятельство вопиюще свидетельствовало против моих прогулок с мусорным мешком после заката солнца.

Еще моя бабушка говорила мне: все домашние дела делай до вечера. Если ночью соседи тебя с мешком увидят, а они непременно увидят, ибо нет на свете соседа, который бы в это время лег спать и равнодушно к стене отвернулся, то пойдут сплетни

да пересуды. И самое доброе, что они скажут, что у тебя дома часов нет, а есть такой бардак, свалка, помойка, что мусор и на пяти Камазах не вывезти. А уж если кто обиду под сердцем затаил, так и вовсе побожится, что видел, как ты черной кошкой оборачиваешься, и покажет, где ты на детской площадке ямки выкопала. Короче, вынесешь ты с мусором свое счастье, благополучие и положение в обществе.

Но не все в нашей жизни поддается логике, потому как в пакете прели и томилась обрезки овощей, из которых я днем сварила румяный и духмяный борщ, и дынные корки, оставшиеся от гурманского ужина. Если взглянуть на ситуацию с научной точки зрения, которая основывается на уважении к народным поверьям, в дом, очищенный от мусора до заката, входили добрые духи, чтобы защищать хозяев от злых. И поэтому превращать свое жилище в поле битвы — так себе колыбельная.

Итак, нарушая все мудрые советы и вопреки здравому смыслу, я собралась и вышла на встречу с неизбежным. Лифт, открывшийся передо мной, был обшарпанным и тускло освещенным. Когда его двери лязгнули и плотно закрылись, на них начали проступать роковые письма, сделанные грубой рукой жизни. Лифт у нас ни разу не менянный, поэтому первые петроглифы, скорее всего, относятся к верхнему палеолиту, а последние нанесены предыдущим пассажиром. Время и пространство здесь спрессованы до предела, стены и потолок испещрены, измазаны, исколоты чем-то черным, алым и острым, отчего лифт больше напоминает место, где «режут-убивают».

Если бы любители почитать перед сном модные новинки позакончестее в этот час стояли рядом со мной, они оценили бы сполна эту «народную библиотеку».

В самом верху был выцарапан телефон для общения на случай внезапно нахлынувшей тоски с подписью: «Машка». Видимо, спустя сотню лет одиночества, рядом добавилось «Цигель-цигель, ай-лю-лю!», а замалеванный телефон превратился в две даты через черточку. Машка или кто другой продолжил общение кроткой просьбой — «ДУМАЙ ОБО МНЕ ЛУЧШЕ, МРАСЬ».

На панели вызова кнопок больше, чем этажей. Сбоку надпись: «Для полета в космос ракета не нужна» и стрелка к верхней кнопке, обведенной черным кружком: «космос». Но мне нужно вниз, поэтому я нажала ключом на обугленную чьей-то адской зажигалкой бывшую кнопку первого этажа.

Некстати вспомнилось, как однажды тихим летним утром в нем застряли десять малышей и взрослая собака колли. Из лифта доносились плач, крики, вой и визжание, и соседи со всего подъезда сбежались тогда их вызволять, стыдить и жалеть. А вот если я застряну с мусорным мешком, то будут только стыдить.

Лифт тоскливо и натужно заскрипел. Нет-нет-нет, только не сейчас и вообще не надо. Рядом с кнопкой вызова диспетчера кем-то оставлено запоздалое предупреждение — «Беги, все сломалось». Правдивое. И знаю, что за спиной на стене чернеет такое же безнадежное — «Выхода нет».

А вот сбоку, на черных разводах прошлых откровений, размашисто наискосок появилось более развернутое:

*«Моей бы ангельской державушке;
Два чистых ангельских крыла
Но если был бы ... у бабушки,
Она бы дедушкой была»*

Для наглядности автор вставил пиктограмму вместо пропущенного слова, но с этим и так все ясно. Пол резко толкнул в ноги и лифт остановился. Теперь мне осталось только выскочить из подъезда, завернуть за угол, метнуть мешок в контейнер и назад — всего делов, не успеет и дверь закрыться.

Лампочка у входа не горела, и двор зиял, как черная дыра. Лишь редкие освещенные окна посылали слабые сигналы — «мы не одни во Вселенной». А вот хорошо это или нет, вопрос спорный. Поэтому, затаив дыхание, крадучись яко тать в ночи, я двинулась к мусорному контейнеру. Как только я размахнулась, совсем близко послышался шорох и тихие шаги. Я вцепилась в мешок и замерла. Затаив дыхание, я

стояла во тьме и ждала, зная, что встреча в таком месте и в этот час предвещала что-то ужасное. Встреча надвигалась, но я не могла никуда ни спрятаться, ни убежать. Вонючий закуток превратился в ловушку. В голове роились картины одна страшнее другой.

Синий, дрожащий, как холодец, алкаш, вытянув вперед руки и шаря по стенам завернул сюда справить нужду. Вряд ли он, конечно, меня увидит, но присутствовать при этом и находиться рядом, выше моих сил. Можно, конечно, завопить и огреть его мешком, но, если бы у меня была хотя бы лыжная палка — было бы не так страшно.

Хотя, может быть, это не алкаш, а наркоман, которому не спится... Пялясь в темноту стеклянными глазами, как зомби, он жадно ощупывает каждый сантиметр пространства в поисках закладки. И вот здесь уже для восстановления моего душевного равновесия пригодились бы и пневматика, и травмат, и лыжная палка.

А если это чокнутый психопат, прообраз какого-то неведомого Ганнибала Лектера? На какое-то мгновение меня охватило отчаяние и острое сожаление о том, что я могла бы сделать в своей жизни и не сделала. И сегодняшний день я прожила совсем не так, как хотела, но ничего уже не вернешь. Почему я не отложила на завтра этот дурацкий мешок? Пусть бы вонял! Но завтра у меня была бы совсем другая судьба.

Тем временем шаги смолкли. Кто-то остановился совсем близко и долго я не слышала ничего. Потом раздалось сморкание или рычание, а вслед за ним шелканье зубов. У меня затекла рука до самого плеча и, швырнув мешок в черный прогал, я крикнула голосом Катерины Кабановой: «Будь, что будет, а Бориса я увижу!» А потом развернулась лицом ко всем кровожадным чудовищам мира.

И тут прямо над моей головой, на первом этаже, зажегся свет. Маленькое, уютное кухонное окошко. Исполать моим добрым соседям! До конца жизни или пока кто-нибудь из нас не переедет, буду с ними здороваться! В квадрате света кроме меня никого не было. Я выдохнула, вытерла холодный пот со лба и на ватных ногах двинулась к подъезду. Пискнул замок домофона, я взялась за дверную ручку и тут сбоку что-то заскреблось и послышался придушенный вскрик.

На нашей товарообменной лавочке темнела и шевелилась неясная тень. Подготовиться к встрече с иным разумом я не успела. Но мое обостренное чутье на этот раз никакой угрозы и урона не транслировало. Напротив, я чувствовала, что могу предотвратить какую-то беду или злодеяние. Вблизи тень приобрела очертания птичьей клетки, в которой тесно прижавшись друг другу сидели два небольших зверька с круглыми черными печальными глазами и прекрасными пушистыми хвостами. Крошечными лапками они держались за железные прутья, как узники, приговоренные к пожизненному заключению. Увидев меня, они приподнялись и издали тихий жалобный звук, похожий и на зов, и на плач.

Первая пролетная мысль — крысы. Но разве у крыс бывают такой роскошный пушистый хвост, кругленькие щекастые мордочки, темные серебристые спинки и белые грудки?

Сердце у меня защемило — этими прекрасными созданиями когда-то любовалась я в арбатском зоомагазине, не имея возможности их купить. Нечаянно-негадано, шиншиллы сами нашли меня здесь.

Милые существа, которые несколько веков назад за драгоценный плотный и тончайший мех назывались «пушистым золотом» и алчно истреблялись дикими испанскими наемниками. Единицы перенесли страшное путешествие в Старый и Новый Свет, а тысячи простились с белым светом навсегда. И какой невообразимый путь в пространстве и времени они выстрадали от перуанской провинции Чинча, вокруг земного шара, чтобы попасть на эту лавочку, как надоевшие туфли или старый, когда-то модный ковер, и хорошо еще, что не в виде шубы...

Будем считать, что это их ангелы сберегли. И теперь на вопрос, где живут-обитают шиншиллы, я уверенно и компетентно отвечаю: «На седьмом этаже».

Николай Макаров
(г. Тула)

АФГАНИСТАН
Из цикла «Воспоминания батальонного врача»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ДЕКАБРЬ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОГО

...Декабрь семьдесят девятого. Прошлый век. Тревога! Боевая тревога. Летим в Афганистан. Вернее, выдвигаемся на близлежащий аэродром.

Но Афганистана на этот раз для нашей дивизии не было (это потом, приблизительно через два года, начнется первая замена). Мы дублировали, страховали Витебскую дивизию (вон откуда пришлось лететь, а Ферганская-то, которая рядом, была совсем недавно расформирована). Наш Тульский полк с приданным усилением располагался в военном городке Липецкого аэродрома. Где в еще давние-предавние времена проходили подготовку немецкие летчики из нацистской Германии.

Не об этом. О прозе будней. Об одном эпизоде. Отнюдь нелицеприятном.

Первую неделю провели в тревожном ожидании. В неизвестности за свою дальнейшую судьбу. Встретили Новый год. Год Московской Олимпиады. Год шестисотлетия Куликовской битвы. Встретили Рождество Христово. И народ стал «разлагаться», маяться от безделья.

Как-то утром ко мне подходит командир третьей роты Саня Терновский и сообщает о «ЧП» ротного масштаба.

— В роте — вши!

Докладываю комбату, подполковнику Бую Анатолию Филипповичу и сразу вношу предложения о ликвидации этого постыдного наследия царского режима дореволюционной России (надо отметить: платяные вши встречались в воинских частях довольно часто, пока не построили свои банно-прачечные комплексы. Раньше стирали-то в гражданских прачечных, куда везли белье со всех организаций и учреждений, везли завшивленное белье).

Мероприятия по ликвидации этого незавидного и, прямо сказать, не делающего цивилизованному человеку чести, были элементарно простыми.

Во-первых, личный состав роты освободили от всех занятий и работ.

Во-вторых, правдами и неправдами срочно достали десяток утюгов. Электрических. И, как следствие, по несколько раз прогладили все обмундирование: от кальсон до десантных курток.

В-третьих, перед обедом рассадник заразы был с корнем ликвидирован, как враждебный десантному духу класс.

Об этом инциденте никто из вышестоящего командования, ни даже медицинская служба полка так и не узнали. Мы и не докладывали. Скромность-то не перестала украшать человека.

«Сарафанное радио» в это время передавало из Тулы по телефону, что после Старого Нового года (на Центральном рынке, дескать, об этом судачат во всю!) нас ждут в Туле. И готовятся к торжественно-праздничной встрече.

Так и произошло...

МЕСЯЦ В АФГАНИСТАНЕ

Ноябрь 1982 года. Месячная командировка в Афганистан. Нас — восемь врачей. Из разных дивизий ВДВ. Исключение: Тульская дивизия — я и Вася Халюк, хирург из медицинского батальона. Кстати: все — хирурги, кроме меня, эпидемиолога. У каждого с собой, кроме личных вещей, посылки сослуживцам, которые находятся там. За Речкой. Особенно много посылок у меня. Основная масса замены офицерского состава Витебской дивизии идет из Тулы. Нашей родной 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

Посылки, в основном, состоят из писем и из спиртного (как будто там пить нечего?!). Спиртного много — около двадцати бутылок различного калибра и различного содержимого. Хотя через таможенню разрешалось провозить не более двух бутылок. Но любой емкости.

Как всякий настоящий русский человек, к тому же детство и юношество проживавший в сельской русской глубинке, понадеялся — (или, это была наглая самоуверенность?) на русское «авось».

До нас (во время нашего пребывания на таможене в течение целого дня) никому этот самый «авось» так ни разу и не помог. У кого было больше двух бутылок спиртного, тут же, за углом здания таможенни, излишек и приканчивали (не пропадать же добру!), угощая всех желающих.

Так что, дожидаясь своей очереди предстать перед бдительным оком таможенни, я был очень и очень, даже чересчур, изрядно «угостившись». На вопрос старшей таможенницы о провозе количества спиртного, честно признался:

— Везу много!

Она тут же отреагировала по-своему:

— Из многого две бутылки — мне!

Лезу в одну из двух огромных сумок («мечта оккупанта») и достаю две бутылки пятизвездочного армянского коньяка (всю передачу начальнику медицинского снабжения дивизии майору Селиванову, моему сослуживцу по медицинскому батальону). Т. е. «две бутылки» — две, сказано. Достаю и подаю ей (и она, со смехом, забирает) две стограммовые бутылочки с коньяком. Пятизвездочный, армянский.

Забираю свои документы и с остальным грузом, в том числе и с оставшимся спиртным, спокойно прохожу (точнее, передвигаюсь) к самолету. Что еще всех нас удивило: таможенники, основательно перетряхивая поклажу остальных пересекающих границу, в мои сумки даже не заглянули. Таможення мне «дала добро»... «Авось» сработал?..

...Через месяц наша группа возвращается обратно. В Союз. Опять эта же таможення. В Ташкенте. Только работает на этот раз в обратном направлении. Не на выпуск, а на впуск. У меня теперь не две, а три сверхнабитых «мечты оккупанта». Подарки и презенты сослуживцев. Оказалось, что я ввожу в страну «барахла» больше, чем все остальные семь человек. Только одно кожаное пальто, купленное мне в подарок «благодарными» больными, в мои сумки не полезло. Попросил Васю Халюка положить его в свой чемодан. Сверх своих вещей, купленных на 380 внешпосылторговых чеков (такие были командировочные, выданные нам в предпоследний день пребывания в Кабуле).

Кроме всего прочего, у меня с собой было более десяти тысяч этих самых чеков в

боковом кармане кителя. Плюс — жмень каких-то то ли драгоценных, то ли полудрагоценных камней: посылка офицеров своим женам.

Опять надежда на русский «авось». На вопрос таможенника, ввожу ли я в страну чеки, отвечаю ему с подкупающей простотой и правдивостью:

— Конечно! Десять тысяч!!!

Представляете? Ни один мой карман (!), ни одна моя сумка (!) не были проверены. Даже на мои документы взглянули мельком. Прошел таможду как раскаленный нож кусок масла.

За мной проходил таможенный осмотр (досмотр!) Халюк. К нему-то придрался тот самый таможенник, что пропустил меня.

Пересчитал, перебрал, переложил каждую вещь. Личные вещи. Купленные вещи. Купленные ровно на 380 чеков. На какие такие шиши куплено пальто? (Мое кожаное пальто!) Откладываем, значит, это пальто в сторонку. Начинаем разбираться с этой контрабандой (!!!).

Василий стоял, не зная, как объяснить наличие у него этого злополучного пальто. Сейчас начнут писать протокол об этом изъятии, другие обличающие документы с вытекающими из этого нелицеприятными последствиями. Сейчас...

А где же — «авось»? Что-то он задержался?

Да, не было бы счастья, да несчастье помогло. Один из нашей восьмерки был мусульманином (не помню, из какой дивизии, фамилии также не помню). Из Афганистана прихватил какую-то книжку на арабском языке (может и Коран).

И все! Вся таможня с вдруг материализовавшимися людьми из Конторы Глубокого Бурения взяли за надлежащее место нашего иноверца и куда-то увели. Целый день мы сидели у таможни, поджидая нашего товарища. Только затемно все (слава Богу!) попали в Ташкентский аэропорт.

Мне таможня опять «дала добро»... Или, русский... «авось»?

ХИРУРГИЯ

(Рассказ-быль почти по Чехову)

В начале двадцатого века Эмиль Кроткий изрек сакраментальную фразу: «Зубная боль — ерунда, если зуб болит у другого».

Ясен пень, Лешке Альховику — до лампочки этот самый Кроткий с его долбаным афоризмом. У Лешки Альховика зуб, вернее то, что находилось под коронкой вонзилось в мозг раскаленным, безжалостным броском гюрзы ровно через десять часов после выхода на караван. Хотя, как боль с левой нижней «семерки» шарахает по мозгам — не поймешь этих медиков с их анатомией.

И, ясен пень, ни ожидание каравана, ни адская боль под адски жгучем афганским полуденным солнцем никак не настраивали на лирический лад. Понятно — духовский караван от разведчиков никуда не уйдет, но когда уйдет...

Короче, об этих четырех кошмарно-мучительных днях — лучше не вспоминать.

...Бросив автомат брату-близнецу Сашке, Лешка, что твой рысак, помчался в ПМП — полковой медицинский пункт, предвкушая сладострастные мгновенья по случаю избавления и от мук, и от боли, и от этого злосчастного пылесоса... тьфу, ты — зуба под коронкой.

Рванув дверь медпункта, конечно же, он увидел картину из того, далекого мирного советского прошлого, увидел лениво дремавшего «на тумбочке» дневального.

— Где зубодер, тудыть твою растудыть?

Подскочив от страха, дневальный, запинаясь, проблеял:

— Никого нет!

— ?

— Ни одного врача нет. Все в медсанбате, помогают там. — Продолжал блеять испуганный дневальный. — Я — один здесь.

Зная не понаслышке круто-драчливую репутацию разведчиков братьев-близнецов Альховиков, державших в страхе весь личный состав полка, дневальный растекся по стене, пытаясь прикинуться то ли ветошью, то ли портянкой, на худой конец — мешком с картошкой.

— Сколько служишь? — Рыкнул Лешка, поднося грязный кулак к носу дневального.

— Пол... полгода. — Вновь проблеял, еще толком не понимая, что от него хочет поиметь этот близнец, то ли — Лешка, то ли — Сашка.

Схватив полуобезумевшего дневального за шиворот, Лешка (конечно же, Лешка), поволок бедолагу к кабинету «зубодера».

— Ты будешь удалять мой зуб!?!

— Я... я... я не умею!?!

— Или ты мне удалишь больной зуб, — Лешка опять поднес грязно-грозный кулак к носу дневального, — или я тебе выбью все зубы. В конце концов, ты — десантник или где?

Удобно устроившись в кресле, Альховик напомнил дневальному:

— Руки, руки, сучий потрах, мой лучше.

— Я не знаю как...

Лешка не дал ему договорить:

— Вон, на стене висит плакат.

Да, на стене висел плакат со сверкающе-здоровыми зубами, демонстрируя все прелести какой-то там зубной пасты.

— Видишь — лежат щипцы, — болезный наставлял вновь испеченного зубодера. — И, как клещами гвоздь, вырывай зуб. Не бойсь. Пока бить не буду.

Дневальный еще дрожа от только начинающегося кошмара взял злосчастные «клещи», зажал ими больной зуб и что есть силы рванул на себя. Посмотрел вместе с Лешкой на результат «зубодерства» — в «клещах» сверкала кроваво-красная коронка. Дневальный вытер салфеткой окровавленные губы пациента.

Боль, вроде, немного приутихла. Лешка осторожно провел языком по ранке. В ней нагло, чуть не оцарапав язык, торчали три не вырванных корня.

— Рви их тоже!

— Не знаю — как!

Лешка тоже не знал — как. В это время на их счастье — есть все же десантный Бог на свете — забрел и заглянул в зубокабинет какой-то солдат за таблетками от поноса.

— Ты... — рыкнул на него Альховик, — посмотри в шкафу, может какой букварь по-зубодерству найдешь?

Второй раз фортуна повернулась к ним лицом — в шкафу пылился учебник по стоматологии.

— Ищи картинку, как вырывать зубные корни.

Совместными усилиями картинку отыскали. Вновь пришедший помощник, у которого моментально прекратился понос, зажал Лешкины ноги, а вошедший во вкус и уже совсем не дрожащий дневальный принялся за стертые «афганцем» корни левой нижней «семерки».

Без обезболивающих, без асептики и антисептики, без элементарного медицинского образования (по-русски говоря, с ломом и какой-то матерью) два солдата, взрезав десну с обеих сторон (учебник-то — на что?) удалили все корни у Лешки Альховика.

...Через три дня, как ни в чем не бывало, братья-близнецы: и Лешка, и Сашка в полном здравии со своей разведротой отправились на очередной караван.

В ПОЛЕ ВЬЮГА-ЗАВИРУХА...

*Мартынов Виктор Алексеевич,
родился 01.11.1946
в Кировской области.*

В поле вьюга-завируха...

А в школу — при любой погоде. К восьми часам. В сплошной темноте. В соседнее село. Три километра по проселочной дороге. Рядом с дремучей тайгой, откуда часто раздается волчий вой. На этот случай — зажженные факелы, припасенные со вчерашнего вечера.

Зато обратный путь — короче не короче, но ноги сами несут в теплоту родного дома. Только севший в поле самолет заставляет ватагу мальчишек изменить маршрут и по первозданному снегу броситься к крылатой машине. Забросать летчика вопросами. Посидеть в кресле пилота, дотронуться до рычага управления. Почувствовать себя хотя бы на мгновение покорителем заоблачных высот.

Да, да, вот с этого самого момента и случился первый шаг в небо пятиклассника Витьки Мартынова.

— Прочитал все книги в школьной библиотеке про летчиков, про авиацию: Водопьянов, Каманин, Чкалов... — Вспоминает полковник в отставке Виктор Мартынов, — после семилетки поступил в Кировский механико-технологический техникум.

Естественно, в областном центре Виктор сразу же записывается в аэроклуб и начинает изучать азы планеризма. Вскоре поднимается в небо на планере «Приморец» и к окончанию аэроклуба успевает налетать 50 часов. Много это или мало — не знаю, но вполне достаточно, чтобы подать документы в летное училище.

Три училища гражданской авиации отказывают в приемке документов. Нет, «не мордой лица не вышел», а техникум не по тому профилю окончил.

— Подавай документы в вертолетное училище. — Напутствует его инструктор-планерист Старикова Любовь Александровна. — За вертолетами — будущее.

В вертолетное — так в вертолетное. В Сызранское военное вертолетное. Три года учебы пролетели как одно мгновение. Тем более, что курсантов в небо стали выводить с первого курса, не то что сейчас — только третьекурсникам позволено летать на винтокрылых.

На распределении молодой лейтенант отказывается от предложения остаться в училище летчиком-инструктором.

— Под панфары загоню, в самую-пересамую дыру, — обещает начальник курса, — в Озинки загремишь. Куда Макар не только телят, но и ишаков не гонял.

За пять-шесть дней до вручения приказа о назначении неожиданно подсуетились китайцы, буром попершие на Даманский. И Виктор оказывается в Приморском крае — правак (правый летчик) на Ми-6.

В поле вьюга-завируха...

А за бортом — минус тридцать и ветер пятнадцать метров в секунду. Всю неделю. Экипаж Ми-6 откручивает (им бы — шуруповеры?!) всякие-разные болты-шурупы, чтобы добраться до истины. То есть, добраться до хвостового винта и разобраться, почему накануне во время очередного полета перестал слушаться этот «чертов пылесос». Этот рулевой винт.

Не выполнив задания, они в вечерних сумерках на высоте восьмисот метров возвращаются на базу. Только два года назад окончивший училище, правак Мартынов подсказывает командиру — учился-то он на «отлично» — как поступать в далеко не простой ситуации. Приземляются по-самолетному. На взлетке вертолет, едва успев коснуться бетонки, разворачивает на девяносто градусов. Все живы-здоровы. Вертолет цел.

— Мы — вторые в мире, — комментирует Виктор за чашкой кофе, — до нас толь-

ко заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза Марк Галлай в такой же нештатной ситуации сажал вертолет... Да и после нас — не припомню случая.

Припоминай не припоминай, но кто первый доложит о ситуации, кто поработает на славу «дятлом», тот и пожинает лавры.

— Виноваты летчики! — Безапелляционно стучит «на верх» инженер дивизии.

Полгода на всех совещаниях и разборах поднимают летчиков, строго грозя начальственным пальчиком. Хотя подвела-то именно техника. А не летчики. Оборвались и запутались тросы управления хвостовым винтом.

— Или — еще, — наливая по второй чашки кофе, продолжает Виктор, — присылают в наш полк для испытания только что сошедшие с конвейера Ми-24А. Сырые, не доведенные до ума машины. С ресурсом двигателя всего пятьдесят часов. При каждом полете обязательно что-то выходит из строя. Забраковали всю партию с соответствующей рекламацией и стали перегонять все вертолеты обратно на завод-изготовитель.

В поле вьюга-завируха...

Снится Виктору заснеженная кировская тайга. А за окном — афганские плюс тридцать и выше в тени (а кто вас заставляет находиться в этой самой тени?). И — двое подсоветных афганских замполитов вертолетных полков. Которых вместе с личным составом необходимо научить летать не только днем, но и ночью. Научить так, что замполит полка полковник Барат — единственный летчик Афганистана — получает звание Героя своей страны.

Кроме того, передать опыт — без этого и солнце не так встанет — партийно-политической работы.

Шутка — шуткой, но замполит тоже — боевой летчик: 200 боевых вылетов у советника Мартынова и плюс — 200 вывозных.

— Возвращаюсь после обеда на службу, — приступаем к третьей чашке кофе (по чашке на каждый час), — на улице толпы народа. Все смотрят вверх. В небе — два парашюта. Один быстро опускается, второй — высоко в небе. Рассчитываю траекторию приземления нижнего парашютиста и мчусь ему навстречу через толпу афганских зевак. Подбегаю к дувалу, и в этот момент летчик — летчик, летчик из подбитого вертолета — касается ногами дувала и падает в мои объятия. Всего навсего — растяжение голеностопа. А командир погиб. Выпрыгнув вторым из подбитого вертолета (первое применение духами «Стингера»), лопасти продолжавшего работать винта, как острым лезвием, перерезают стропы парашюта. Летчик падает камнем, а парашют еще долго продолжает опускаться.

И — небольшое лирическое отступление. Живя в одном доме с будущим президентом Афганистана Наджибуллой, его дочь и дочь Мартыновых часто играют на детской площадке советской миссии.

В поле вьюга-завируха...

В Цхинвали тоже снится замполиту вертолетного полка кировская заснеженная тайга.

Какие обязанности у замполита полка? Считай — не пересчитаешь. Но... Но чем настоящий замполит-комиссар отличается от замполита-политрабочего?

Всего два эпизода.

Первый: «раскопал» депутат горсовета Мартынов спрятанное под семью замками «Постановление» о предоставлении квартир военнослужащим» и «выбил» у местных чиновников-бюрократов тридцать (тридцать !!!) этих самых квартир для своих подчиненных. Через день после получения ордера и ключей от квартиры в кабинете замполита материализуется прапорщик с соответствующим конвертом солидных размеров. Благодарность, понимаешь. Традиция здесь такая, понимаешь. Выгнал его чуть ли не в пинки. Через день — второй «благодетель». Выгнал и его.

На третий день — звонок помощника прокурора города. А прокурор, он и в Осе-

тии — прокурор, не только в Африке. Мало ли что у прокурора спрятано за пазухой или в сейфе? В сомнениях и гаданиях Мартынов входит в кабинет одного товарища. Тот, как ни в чем не бывало, достает из сейфа... достает из сейфа... достает из сейфа — правильно — конверт в три раза толще, чем у прапорщика.

— За подругу. Которая тоже получила квартиру. Согласно нашим, советским законам.

Естественно, помощника прокурора города пинками не выгонишь. Тем более — из своего кабинета. Но в гости прокурор к супругам Мартыновым навещается, конечно же, с широким кавказским размахом (не будем уточнять — с чем именно; барашка, отметим попутно, прокурор перед собой не гнал).

Второй эпизод. Перед развалом Союза замполит решает увековечить память погибшим летчикам полка. Не мудрствую лукаво, ставит на постамент вертолет Ми-24 с номером «02». Со своим номером, свой вертолет.

— Недавно видел в Интернете, — подводит черту нашей беседе мой визави, — этот вертолет. Стоит. Лишь створки грузовой кабины нараспашку.

В поле вью...

Нет, на этот раз за окном офиса афганцев — июньское солнце, чирикают воробьи, голуби купаются в луже от недавно прошедшего дождя. И далее — только «шершавый язык плаката». Или скупые строки хроники жизни Витьки Мартынова тире Мартынова Виктора Алексеевича:

— 1961 год — окончание сельской семилетки;

— 1961—1965 годы — учеба в Кировском механико-технологическом техникуме;

— 1965—1968 годы — курсант Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков;

— 1968—1970 годы — летчик-правый вертолета Ми-6, село Черниговка Приморского края;

— 1970—1971 годы — штурман звена — летчик вертолета Ми-6; село Черниговка;

— 1971—1977 годы — заместитель командира эскадрильи по политической части, село Черниговка;

— 1977—1981 годы — учеба в Курганском высшем военно-политическом училище (заочно);

— 1977—1982 годы — заместитель командира эскадрильи по политической части, Группа Советский войск в Германии;

— 1982—1986 годы — заместитель командира полка по политической части, Цхинвали Грузинской ССР;

— 1986—1988 годы — советник заместителей командира вертолетного и транспортного авиационных полков Республики Афганистан, Кабул;

— 1988—1989 годы — командир эскадрильи, заместитель начальника Богодуховского учебного авиационного центра ДОСААФ, Харьковская область;

— 1989—1993 годы — заместитель начальника Запорожского училища летчиков по политической части, Украина;

— 1993—1994 годы — заместитель начальника Запорожского центра летной подготовки по учебно-воспитательной работе, Украина;

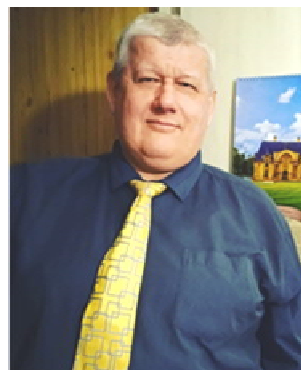
— 1994—2003 годы — работа в народном хозяйстве в Запорожье, Украина;

— 2001—2017 годы — работа в народном хозяйстве Тулы.

Награжден орденами Красной Звезды (20.07.1988), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени (22.02.1977), афганским орденом Звезды 3-й степени (1988), медалями.

Сергей Калинин
(г. Барнаул)

ПОДРАНОК

Публицист, поэт, прозаик. Живет в Барнауле. Профессиональный юрист, член Ассоциации Юристов России. Имеет журнальные публикации, лауреат литературных конкурсов.

I

В небе над огородом парил коршун. Казалось, он просто висел в воздухе. Обычное дело. Высматривая чем поживиться, эти птицы подолгу кружат высоко в небе, а увидев что-нибудь интересное, камнем падают вниз и столь же стремительно взлетают, унося в своих когтях добычу. Этот просто висел. Порой казалось, что это и не птица вовсе, а просто темная точка на небе.

Был теплый весенний день. Солнце стояло в зените. Вовсю звенела мартовская капель. Снег почти сошел, оставляя проталины. Внизу огорода, там, где росли столетние ивы, двенадцать исполинских деревьев, на проталине, согретой лучами мартовского солнца, распустились подснежники. Недаром в старину месяц март в народе назывался — протальник. Время, когда водят хороводы и встречают весну — красну.

До настоящего тепла далеко. Снег хоть и отступил, еще долго будет лежать на холодной земле, а северные, обжигающие холодом ветра еще не раз напомнят, что зима хоть и ослабла, но не сдалась. Но весне не страшны эти зимние происки. Теплое и яркое мартовское солнце постепенно прогреет своими лучами остывшие за долгую зиму землю и воздух. В марте природа просыпается от зимней спячки.

В палисаднике на липе, березе и клене набухли почки, а сосна и кедровка покрылись множеством мелких сосулечек, как будто вновь собрались праздновать новый год. Рябина и облепиха пока не спешили просыпаться. Видимо зимой им досталось от морозца. Повсюду журчат ручьи, слышится звон весны. Воздух пропитан весенней свежестью.

В скворечнике на сарае уже который день орудуют прилетевшие скворцы, наводя порядки в своем жилище. Иногда ветер доносит пение жаворонка. Пейзаж вокруг понастоящему оживает от громкого пения первых птиц. Везде слышно веселое чириканье воробьев, казалось, эта братия просто сошла с ума от радости по весеннему солнцу. Грачи, прилетевшие с приходом весеннего тепла, важно вышагивают по огороду, выискивая проснувшихся жучков и червячков. Небосклон был ясным и чистым, немного подернутый кучевыми облаками.

На крыльцо деревенского дома вышла женщина. Прислонив ладонь ко лбу как козырек, она посмотрела вверх, подставляя лицо лучам весеннего солнца, которое нежно ласкало кожу своим теплом. Спустившись с крыльца, женщина подошла к поливному баку с водой. Она набрала в большую пластиковую кружку воды и поставила ее возле будки. Будка была пуста. Собак у них уже давно не было, а будку облюбовал в качестве своей резиденции кот.

Она помнила его еще маленьким беспомощным котенком, который без устали

лазал по шторам и изрядно попортил всю тюль. Теперь это был обычный серый кот с весьма уравновешенным характером, немного вальяжный, но очень ласковый и преданный своей хозяйке. По странной иронии судьбы в ветеринарном паспорте значилось — «британец». Но женщина любила кота не за это. Она и сама не знала за что. А разве любить нужно за что-то?

Кота в будке не было. «Шляется где-то, гулена,— подумала женщина,— у котов в марте на уме одни гульбища. Уже который день орут по утрам свои кошачьи песни». Она распрямилась, потерла рукой поясницу и пошла в сторону огорода, посмотреть, не взошла ли рассада в парниках.

Внезапно в воздухе раздался переливающийся свист: «пийийю-йю-йю-йю-йю», «юрль-ююррль-ююрррль», «пийийойойойю», отдаленно напоминающий ржание жеребенка. Перед ней из ниоткуда, распахнув крылья, оказался коршун. Казалось, что он хочет обняться. Птица и женщина замерли и неподвижно смотрели друг на друга. Она узнала его. Это же он, вывалившийся из гнезда и сломавший крыло, ее прошлогодний подранок!

II

Семья черных коршунов уже на протяжении многих поколений гнездилась в кроне высоких ив. Они росли внизу склона холма, и за ними начиналось небольшое болотце, которое пересыхало, когда лето было особенно жарким. Чуть поодаль протекал ручей. По другую сторону ив, на склоне холма, располагался огород, а на вершине стоял жилой дом. Люди не трогали ивы, и доставляли коршунам беспокойство лишь весной, в период пахоты, и осенью, когда шел сбор урожая. Год из года ивы становились выше, а их стволы мощнее. Иногда ураган выкручивал несколько слабых ветвей, тогда люди забирали их на дрова. В остальное же время уголок оставался заповедным. Людям, живущим в доме на холме, почему-то нравилось такое соседство.

Из года в год весной пара коршунов прилетала в свое гнездо. Самка деловито поправляла конструкцию, обветшавшую после долгого зимнего отсутствия, а самец похозяйски обеспечивал ее строительными материалами.

В апреле произошло радостное событие, судьба подарила им не два, как обычно, а три яйца в кладке, которые, как и положено, были отложены с интервалом в три дня. В мае вылупились птенцы. Малыши были очень активные и жизнеспособные, даже «младшенький». Родители неустанно кормили свой выводок. Пищи всем хватало, только уставали сильнее, так как приходилось кормить не двоих, а троих птенцов. Все трое были мальчики и постоянно устраивали между собой потасовки. Братья быстро росли и набирались сил. В конце июня птенцы начали «вставать на крыло».

В тот летний день они не поделили, кто полетит первым, и устроили потасовку, да такую, что в запале вытолкнули «младшенького» из гнезда. От неожиданности молодой коршуненок не успел расправить крылья и рухнул на землю с шестиметровой высоты. От удара о землю помутнело в голове и пронзило резкой болью крыло. Какое-то время «младшенький» лежал неподвижно и не мог пошевелиться. Он только жалобно издавал резкое скрипучее «кирри», «киир-ки-ки-ки», как бы прося о помощи.

Вскоре прилетели родители. Вначале они кружили над ивой, пытаясь понять, откуда из высокой травы идет зов о помощи. Потом по очереди спустились вниз. Они посмотрели на своего «младшенького» и поняли — приговорен. С такой травмой крыла он не жилец и помочь они ничем не смогут. Коршуны попрощались с ним и улетели. К сожалению, природа сурова к своим детям.

Коршуненок с трудом поднялся на лапы, помогая здоровым крылом. Сломанное крыло беспомощно висело, и при любом движении тело пронзала боль. Птенец плакал и продолжал жалобно просить о помощи: «кирри», «киир-ки-ки-ки», «кирри», «киир-ки-ки-ки», но помощь не шла.

Шум и возню слышали люди, живущие на холме.

III

С холма по тропинке спускались двое, мужчина и женщина. В руках у них были странные предметы. Сердце коршуненка заколотилось от волнения. Силы покидали его.

Люди окружили больную птицу. Мужчина отвлекал внимание, а женщина коварно схватила «младшенького» сзади. Птах дернулся, пытаясь вырваться, но руки женщины крепко его держали. Мужчина одел птице на голову плотный носок. Наступила темнота и подранок успокоился.

Осмотрев крыло, мужчина сказал:

— В рубашке птах родился, вывих, правда серьезный, возможно трещина. У нас попугай как-то жил, так тоже долбанулся крылом со всего лету об угол шкафа, думали перелом, а оказалось вывих. Ветеринар опытный попался, на будущее научил, как определять на ощупь. Ох, и намаялись мы тогда с «попкой». Подержи страдальца, а я пока схожу за бинтом.

Послышался шум удаляющихся шагов. С того момента как на голову надели странный предмет и глаза не видели свет слух птенца особенно обострился.

Голос женщины звучал ласково и успокаивающе: бедолага, ты бедолага! Где же твоя орлиная рубашка? Не бойся. Сейчас прибинтуем тебе крылышко, и оно заживет. Будешь как новенький.

— Как вы тут? — спросил подошедший мужчина. От неожиданности «младшенький» вздрогнул, и из клюва вырвалось жалобное «кирри».

— Держимся. Мы молодцы! Прямо орлы! — бодро ответила женщина и улыбнулась.

Мужчина, пробежав еще раз пальцами по больному крылу, резко дернул и вправил больной сустав. После чего полил крыло какой-то жгучей жидкостью, это был йод, и ловко начал приматывать крылья бинтом, пропуская его вокруг лап.

Что-то мягкое обвилось вокруг лапы. Коршун услышал слова: ну вот и все. После чего по глазам резко ударил свет, и он вновь увидел мир во всех красках. Спасатели стояли рядом, в небольшом удалении, по-прежнему держа в руках странные предметы. Какая-то белая мягкая штука плотно сдавливала крылья, прижимая их к телу. Эта явная несвобода очень не нравилась птенцу, но он вынужден был признать, что так крыло болело гораздо меньше. Лапу обвивала тряпичная змея — люди называют ее веревкой. Другой ее конец обвивал торчащий из земли кол. Не зная как поступить, «младшенький» изобразил полное спокойствие и дождался пока люди уйдут на холм.

Только когда их силуэты скрылись из виду, коршуненок почувствовал резкий приступ голода и гнева. Зачем!? Зачем они его спасли!? И спасали ли они его? Нет! Они его мучители! Они связали его крылья и привязали на веревку, как привязывают собак и другой скот, чтобы не убежал. Они хотят, чтобы я умер от голода, думал птах, в гнев долбя клювом по веревке.

— Бедняжка, да ты голодный, — произнесла женщина. Птах вздрогнул от неожиданности. Гнев притупил его бдительность, и он не уследил, как она подошла. Ее ласковый голос успокаивал «младшенького». — Посмотри, что я тебе принесла, — произнесла женщина и поставила перед ним миску с полосками свежего мяса и кружку с водой.

Она приходила несколько раз в день. Меняла воду, приносила полоски мяса, странных, но вкусных «мышей» — сосиски и пельмени. Изредка приходил мужчина. Обычно он приносил размоченный в молоке хлеб и вареный картофель. Вкус у пищи был непривычный, но приятный. Пища была сытной. Дни текли за днями. Крыло перестало болеть и наш птах все чаще смотрел в небо. В эти моменты его глаза были полны тоски, одиночества и отчаяния. Он уже давно отклевал от лапы веревку, но оказалось, что бежать некуда.

В один из дней с холма по тропинке спустились двое, мужчина и женщина. В

кармане у женщины, что-то блестело. Сердце коршуненка заколотилось от волнения. С того самого дня вдвоем они еще не приходили к нему.

— Привет, бедолага! — сказал мужчина и как обычно положил в миску размоченную в молоке корку хлеба и вареную картофелину.

В то время, когда птах отвлекся на созерцание еды, женщина схватила его своими нежными, но сильными руками.

— Не дергайся, дурашка! — ласково произнесла она. — Возьми у меня в кармане ножницы, — сказала она, обращаясь к мужчине.

Мужчина протянул руку и достал из кармана женщины странный блестящий предмет. После чего, как и в первый раз, одел на голову «младшенького» колпак, который люди называли — носок.

Раздался скрежет разрезаемой ткани. По глазам резко ударил свет, и он вновь увидел мир во всех красках. Спасатели стояли рядом, в небольшом удалении, по-прежнему держа в руках странные предметы.

Крылья были свободны, на лапе больше не болтался узел тряпичной змеи, возникло непреодолимое желание взлететь. Взмах крыльями, толчок и коршун упал, уткнувшись клювом в высокую траву. Крыло не болело, но в нем не было той силы, которая нужна для полета. Люди, как и прежде, приносили ему еду. А он, вспоминая уроки родителей, каждый день тренировался, пытаясь взлететь.

Это случилось в жаркий полдень на излете июля. Был чудесный день, один из дней, которые случаются тогда, когда погода установилась надолго. С самого рассвета небо было чистое и ясное; утренняя заря не полыхала багряным пожаром, а разлилась нежным румянцем по окрестным холмам.

Солнце стояло в зените, а потому всяк живой старался избежать его лучей и прятался в тень. Воздух, казалось, звенел от тепла и света, переливался волнами, парил над землей. «Младшенький» как обычно разбежался вдоль ив, подпрыгнул, взмахнул крыльями и взмыл вверх, поднимаемый потоками теплого воздуха. Он парил! Сделав круг над огородом, коршун издал победный крик: «пийийюйюйюйю» и спикировал на свое место под вековым деревом, где в последнее время был его стол и дом.

Братья давно разлетелись по округе, и наш птах облюбовал себе в качестве ночлега высокую ветку на соседней иве. Изо дня в день он совершал тренировочные полеты и активно охотился. Добрая женщина продолжала его подкармливать. Выздоровевший организм молодого коршуна требовал много энергии, и он с благодарностью принимал помощь людей. Дни скользили один за другим, как костяшки счет, слагаясь в недели, месяцы.

В августе тихонько, небольшими шажками подкрадывается золотая осень. Помаленьку начинают облетать листья с деревьев. В природе наметились только самые первые признаки наступающей осени. На березе, липе и клене появились желтые листики. Ивы тоже подернулись белым золотом. Ветер — затейник, легонько дунет — несколько листиков улетает, а посильнее — настоящий листопад. Конец августа — итог лета. Много малины. В палисаднике созрел боярышник. По утрам ветер приносит запахи грибов. Благоухает разными ароматами и радует глаз красками цветник.

Пролетело лето и наступила осень. Пришла пора собирать урожай. В сентябре погода начала хмуриться, недаром народное название месяца — хмурень. Осень подошла неспешным шагом. Дни были солнечными, но временами затягивал дождь. Кроны деревьев местами покрылись позолотой. Сентябрь — переходный месяц от летнего тепла к осенней прохладе. Осень, как художник, взялась раскрашивать природу в желтые и красные краски, смывая дождями зеленый цвет.

Коршуны — перелетные птицы. Наш обычный черный коршун, который обитает по всей территории России и на Украине, отправляется зимовать в центральную и юго-восточную Азию и Африку. Зимой «наши» коршуны становятся обычным видом уже в Индии, южном Китае, Таиланде, Вьетнаме и даже в Японии. Самая отдаленная часть света их зимовок — Северная Австралия.

ской горной цепи в восточном и западном направлении сбегают реки и ручьи, наполняя окрестности своим журчанием. Полуостров утопает в зелени. Он покрыт тропическим редколесьем и саванной с преобладанием эвкалиптов. После летних муссонов травы высокие и густые. Вдоль воды как «маяки» местами растут чайные деревья.

Традиционными жителями этого района являются люди Кууку Яу, Каанджу и Умпилла, которые верят в духов и богов в виде зверей и птиц. Эти люди боготворят местных коршунов, считая их воплощением богини. Те же в силу своей лени и избретательности поджигают эвкалиптовые леса, разнося в когтях тлеющие угли, чтобы упростить себе поиск пищи.

«Наши» коршуны, прилетев на зимовку на полуостров Кейп-Йорк, узнали много нового о животном мире редколесья и дождевого тропического леса, увидев новых интересных животных. Леса плато Атертон, где поселились пернатые путешественники, переполнены разнообразием видов флоры и фауны. У вершин наиболее высоких гор полуострова встречаются австралийские представители редких растений, каких нет в Сибири.

Бесчисленные коралловые островки и рифы усеивают Торресов пролив, особенно между районом «высоких островов» и Большим Барьерным рифом. Все островки овальной формы, песчаные и плоские, но растительность на них хорошая. Птицы любят устраивать на них рыбалку, коршуны тоже не отстают от своих пернатых собратьев. Рыба вкусная и «легкая», так как коралловые острова буквально кишат всякой рыбьей мелочью.

Много узнал наш «младшенький» за долгие дни зимовки. Мангровые леса и эвкалиптовые рощи постоянно напоминали ему о столетних ивах дома, и сердце наполнялось тоской.

И когда уже желание вернуться превысило ощущение комфорта и новизны, настал час перелета. К этому сроку молодняк поменял окрас и стал выглядеть так же, как и старшие собратья.

И снова в путь. И снова тысячи километров под крылом. Все тяготы обратного перелета позади. Здравствуй, дом, здравствуйте, родные ивы и родной огород! «Младшенький» зависает и делает круг за кругом.

Где она? Где его спасительница? Ему так много хочется ей рассказать!

И вдруг на крыльцо деревенского дома вышла женщина. Прислонив ладонь ко лбу как козырек, она посмотрела вверх, подставляя лицо лучам весеннего солнца, которое нежно ласкало кожу своим теплом. Спустившись с крыльца женщина подошла к поливному баку с водой. Она набрала в большую пластиковую кружку воды и поставила ее возле будки, а затем пошла в сторону огорода, посмотреть, не взошла ли рассада в парниках.

Это была она! «Младшенький» издал торжественный переливающийся свист: «пийийю-йю-йю-йю-йю», «юрль-ююррль-ююрррль», «пийийюйюйюйю». Он резко спустился к ней и распахнул крылья. Он хотел ее обнять и рассказать о том, как много ему пришлось пережить с момента их последней встречи.

Коршун знал, что люди никогда не тронут его гнездо на столетней иве и небо над огородом будет всегда под его контролем.

А женщине было приятно, что птица ее вспомнила.

Дружба — она как море. У нее свои «приливы» и «отливы». Но если она настоящая... она жива пока бьется сердце.

Птица и женщина замерли и начали внимательно рассматривать друг друга.

— «Здравствуй», — улыбнулся коршун.

— «Здравствуй, я рада, что ты вернулся».

Александр Александров
(г. Санкт-Петербург)

МАГДА

Александр Григорьевич Александров родился в 1938 г. в Татарстане, в деревне Каськи, в большой крестьянской семье. Окончив экстерном школу, поступил в Саратовский политехнический институт, после окончания которого долгое время работал на севере Тюменской области в крупном проектно-институте, главным инженером проектов. Позднее окончил Институт марксизма-ленинизма с отличием, но, к сожалению, не был коммунистом. Начал писать примерно в 2000 г. Выпустил пять книг, печатался во многих российских и зарубежных журналах и альманахах. Является членом Многонационального союза писателей.

Часть 1

Незаметно пролетело трудовое лето, а следом куда-то ушла и промозглая надоевшая осень, уступив место снежной метельной зиме. В ежедневных заботах жители деревни Каськи давно уже забыли о цыганах, которых позапрошлым летом нелегкая дорога привела в эти края. Наступили суровые рождественские холода сорок второго года. Скукожившись от лютой стужи и спрятавшись под соломенные крыши, деревня притихла. Дни стали настолько короткие, что солнце не успевало заглянуть в крайние избы, как уже снова торопливо убегало за горизонт, уступая место длинной морозной ночи. Однажды, перед самым Крещением, в холодной сумеречной тишине, когда мороз щелкал, как голодный кобель зубами перед охотой, на улице послышался унылый скрип саней. «Кого это нелегкая несет? — вглядываясь в серую стылую туманность, ворчливо заметила Анна, запирая за скотиной ворота.— В такую погоду хороший хозяин собаку без надобности во двор не выпустит, а тут, на тебе, кто-то на двух лошадиных повозках тащится». «Батюшки, да это никак цыгане?» — удивилась она, когда в вязкой вечерней расплывчатости увидела движущиеся силуэты.

Две повозки, одна за другой, медленно скользили по снежной переметной улице, а впереди, укутанные в большие шали, еле передвигая ногами, шли две женщины, вглядываясь в замерзшие окна в надежде в каком-нибудь доме найти временный приют. Увидев во дворе работающую женщину, повозки остановились.

— Хозяйка, не пустишь на недельку? — обратилась к ней старая цыганка.

— Двоих можно, заходите, не на улице же ночевать! Только не обессудьте, для таких квартирантов у меня изба не шибко большая. Своих ребятишек полно! Остальные, не знаю сколько вас там, попроситесь к соседке, напротив, у нее изба большая, она пустит.

— В тесноте — не в обиде, и потом мы люди не гордые, разместимся прямо на полу!

Пока первая цыганка разговаривала, остальные цыгане, по совету хозяйки, поселились в доме напротив. Вторая, красивая молодая женщина явно не цыганских корней, все время молчала, разглядывая нищенскую крестьянскую убогость.

Первой в избу зашла старая цыганка. Пока остальные затаскивали багаж из видавших виды перин и подушек, свои ребятишки с печки наблюдали за неожиданными гостями. Когда весь скарб оказался в жилище, пожилая женщина, не раздеваясь, упала на одну из перин, другой укуталась сверху и, ни на кого не обращая внимания, от усталости закрыла глаза.

Молодая подошла к хозяйке дома, осторожно двумя пальцами прикоснулась к мочке левого уха, спросила:

— Тебя зовут Анна, я не ошиблась?

— Откуда тебе, милая, известно мое имя, аль кто сказал?

Но вместо ответа она вдруг произнесла:

— Твой муж Григорий с войны вернется целым и невредимым,— после чего, не проронив больше ни слова, улеглась рядом с пожилой цыганкой.

От такого неожиданного сообщения Анна расплакалась.

Услышав радостную весть, она выбежала в сени, где висело несколько гусиных тушек, приготовленных к предстоящему празднику, и взяв одну из них, в знак благодарности подала гадалке.

Но та брать отказалась, поблагодарив ее за оказанный приют.

Слух, что одна из цыганок умеет предсказывать, по деревне разнесся быстро.

Бабы, старухи и старики несли в руках завернутые в тряпицу последние кусочки мяса, лишь бы получить хоть какую-нибудь весточку с фронта о своих родных и близких. В просьбах гадалка никому не отказывала, но и лишнего из подношений не брала, видимо понимала, что те оторвали от семьи последний кусок.

Приезжая не говорила «позолоти ручку» и не брала в руки карты, а молча подходила к очередному человеку, почему-то прикасалась пальцами к мочке левого уха и называла фамилию мужа или брата, которые находились далеко от родного дома. От таких предсказаний у многих навертывались слезы, а некоторые начинали плакать навзрыд. Очередь из ходоков не уменьшалась с утра до вечера. Никто их не спрашивал, откуда прибыли цыгане и что заставляло их в такие трескучие морозы кочевать по отдаленным заснеженным деревням.

В лихие военные годы в поисках лучшей доли мало ли по стране бродило разного люда! Так, наверное, и этих странствующих скитальцев нелегкая судьба занесла в забытую Богом деревушку. Но как бы там ни было, местные жители такому случаю были несказанно рады. Именно кочевые люди принесли сюда маленький лучик надежды, и за это местные говорили им спасибо! Каждый день благодаря стараниям предсказательницы в крестьянской печи цыгане варили мясо, а в свободные минуты тихо распевали грустные песни, в которых была отражена их нелегкая кочевая жизнь.

* * *

Табор делился по старшинству. Почетное место в нем отводилось старой цыганке. Без ее совета не принималось ни одно важное решение. Однажды, когда гадалка с пожилой кочевницей остались вдвоем, та, назвав ее по имени, спросила:

— Мария, если я не ошибаюсь, в табор мы тебя приняли недавно, а вот откуда ты появилась, расспросить как-то все было недосуг. Поведай-ка мне, старой, о своей нелегкой скитальческой дороге, которая привела тебя в наш табор? Не удивляйся, милая, моему вопросу. Здесь со мной хоть и считаются, уважая мой почтенный возраст, но я ведь тоже, как и ты, приبلудная.

В начале войны наш поезд под Харьковом попал под бомбежку, и почти все цыгане погибли. Уцелели из нас только трое, а после этой мясорубки каждый пошел своей дорогой. Я, словно старая волчица, долго мыкалась в одиночестве, а затем примкнула к первому попавшемуся на моем пути немногочисленному бродячему табору, так по сей день с ним и породнилась.

— Моя история, бабушка, долгая,— опутив частокол густых ресниц, тихо произнесла молодая гадалка.

— Ничего, спешить нам с тобой некуда, расскажи, а я послушаю.

— Родилась я в Польше. Есть такой городок — Гданьск, и настоящее мое имя Магда, а не Мария. Мама полячка, до войны работала учительницей, а папа по национальности еврей, у него специальность была редкая — краснодеревщик. После окончания школы я поступила в Варшавский университет на исторический факультет. Хотела, как и мама, быть учительницей.

— Хорошее начало,— щелкнув языком, похвалила ее слушательница.

— С университета и начались все мои приключения: на предпоследнем курсе я познакомилась с молодым человеком, звали его Войтчек. Учился он на факультете международных отношений и должен был закончить учебу на год раньше меня. Знаю о нем немного, лишь только то, что его отец работал в правительстве Польши. Парень был галантен, хорошо воспитан и очень красиво за мной ухаживал, хотя и я в университетском кругу была не последняя красавица. Мы были молоды, и перед нами открывалась прекрасная перспектива, подруги мне завидовали. Все, казалось бы, складывалось прекрасно, но, несмотря на взаимную любовь, какие-то непонятные двойственные чувства мешали мне жить, от этого на душе было неуютно и тревожно.

— Что же, милая, за чувства будоражили твое девичье сердце?

— Со мной на одном курсе учился очень красивый молодой человек, родом, кажется, с ближнего востока, а откуда конкретно, не говорил, да и я не особо интересовалась, звали его Саид. Подружились, стали иногда ходить в кино, впоследствии я даже стала постепенно постигать его родной язык. Войтчек, естественно, ревновал и тактично отговаривал, чтобы я с арабом не заводила романтических отношений. Родители тоже были против моей дружбы с иноверцем. Но во мне кипела молодость, нравился флирт, и я не думала о последствиях, хотя по зову сердца мне все же ближе был Войтчек. Но время шло, и какая-то непонятная сила вновь и вновь тянула меня к Саиду. Наверное, молодую девушку привораживала, как мне тогда казалось, его неподдельная скромность, порядочность и внимательность. При каждом удобном случае он постоянно говорил: «Ты мое богатство!» Окончательную точку в наших с ним отношениях поставил случай.

— Что же это был, дочка, за случай?

— В честь окончания учебы я приглашена была на вечер в его диаспору. Вечер проходил в одном из загородных домов, видимо, принадлежащих кому-нибудь из присутствующих. Представляя меня своим друзьям, он опять же повторял: «Она мое богатство!» Мне это импонировало и льстило. В тот вечер в окружении его приятелей я была просто счастлива. Пользовалась повышенным вниманием, совершенно не думая о том, что наступит завтрашний день. Во время очередного танца он прошептал: «Ты красавица, а значит мое богатство!»

В этот вечер она действительно выглядела великолепно! Дух не истраченной любви, восхитительная улыбка, распахнутые, круто вписанные в разлет черные брови, и свежесть плоти — все это приковывало к ней взоры мужчин.

— К концу вечера Саид увез меня к себе. Отлично обставленные трехкомнатные апартаменты говорили о вкусе хозяина и безбедной жизни моего избранника. Правда, не знаю — это жилье было собственностью Саида, или он арендовал лишь на период нашей с ним встречи, скорее, склоняюсь к последнему варианту. Утром проснулась от запаха кофе. Принц стоял возле меня с серебряным подносом в руке, на котором стояла чашечка с ароматным дымящимся кофе. Когда я открыла глаза и улыбнулась, он снова заученно произнес: «Ты мое богатство!» Но не чашечка кофе поразила меня в это лучезарное утро.

— А что же?

— Его поступок. В тот вечер я пришла к нему в дом девственницей, и всю ночь

полностью была во власти этого человека. Но что больше всего удивило, когда утром проснулась такой же нетронутой целомудренной девочкой, и с этой минуты с еще большим чувством прониклась к нему душой и сердцем. Если до этого меня одолевали какие-то сомнения, то теперь они улетучились окончательно.

Душа моя пела от счастья, а сердце шептало: «Наша любовь чиста, и мы навеки вместе!» Именно в это утро я твердо решила ехать к нему на родину и даже готова была принять веру своего избранника. Остановить меня уже никто не мог, и в конце тридцать восьмого года мы отправились к нему на родину. Но вот только куда? Он ничего определенного об этом не говорил, а я не спрашивала, потому что была ослеплена его любовью, и каким-то магическим завораживающим счастьем! Всю дорогу, сдувая с меня пылинки, он продолжал повторять: «Ты мое богатство!»

«Венчаться будем по их обычаям»,— думала я, находясь во власти своего воспаленного воображения. Представляла, как при виде красавицы-полячки родители жениха будут безмерно рады удачному выбору сына, а я в знак благодарности подарю им внуков. Но мои надежды не сбылись. По приезду к нему на родину, вместо красочного дворца, нарисованного им во время наших встреч, мы попали в какой-то дальний аул с небольшими одно-двухэтажными каменными домами.

— Саид тогда меня убедил: «По пути следования хочу показать наши родовые владения».

— Ты же, Магда, видела, куда он тебя везет? — возмутилась старая цыганка.

— Любовь, бабушка, слепа, к тому же я безмерно ему верила, чтобы на подобные мелочи обращать внимание. Оставив меня в одном, в общем-то неприметном доме, сказал: «Побудь, милая, здесь, а я съезжу на алмазный прииск, через час вернусь». Больше своего любимого я не видела. Прошло два часа ожидания, но вместо жениха пришел неизвестный мужчина, достаточно грубо взял меня под руку и завел в одну из комнат. Окружили меня молодые восточные женщины. Примерно через месяц узнала, что у моего «любимого», которого я так боготворила, есть жена и дети, а где он проживает, никто не знает, или опять же не хотели мне говорить. Документы остались у Саида, а возможно, он передал их новому хозяину или за ненадобностью выбросил. Стало известно и то, что на Востоке невеста стоит намного дороже, если она девственница.

К сожалению, слишком поздно я поняла значение слов «ты мое богатство». Оказывается, этот продавец женщин мою девственность берег больше, чем я сама, и как только он получил за меня выкуп, тайно покинул аул. Но на этом мои приключения не закончились. Через месяц хозяин перепродал меня за еще бóльшие деньги в другой аул. Отныне я стала наложницей семидесятилетнего старика, и в отчаянии просто не знала, что делать. Чужая, совершенно незнакомая страна, никакого транспорта, никаких дорог, кроме ослиных троп, и кругом чужая речь.

Только теперь я вспомнила предостережение своих родителей и слишком поздно оценила первую настоящую любовь Войтцека.

Старая цыганка зацокала языком, покачала головой, в волнении раскурила трубку и, обвинив молодость, спросила:

— Ну, и как же ты выпуталась?

— До сих пор самой не верится. От безысходности хотела уже наложить на себя руки, но решила осмотреться, и по возможности начать бороться. Правда, вопрос стоял за малым: с кем «бороться» и как? Дни проходили в однообразной тревожной текучести, а за ними, похожие на братьев-близнецов, месяцы. В душу начала закрадываться неприятная червоточина, напоминая о том, что больше никогда не увижу родителей и свою Родину. Мысленно простилась с ними навсегда, но во мне все еще продолжала бушевать буря — я негодовала, не желая мириться с участью сексуальной рабыни. Прошел примерно год, и что самое удивительное, за все это время старик ко мне не прикасался. Находясь перед неусыпным надзором старших наложниц и видимо, стараясь строптивую как-то развлечь, они ежедневно одевали меня в различ-

ные восточные наряды. Однажды, занимаясь процедурой переодевания, одна из них случайно оставила нож.

Я незаметно взяла и спрятала его у себя в спальне. Прошло примерно еще полмесяца, когда одна из старших жен пригласила меня в спальню старика.

Вы, бабушка, наверное, уже заметили, что я постоянно говорю «примерно». Я на самом деле тогда потеряла счет времени.

Оставшись со мной наедине, хозяин приказал мне раздеться. Глянув на него, я с презрением произнесла лишь одно слово: «Никогда!» Тогда на помощь он позвал двух евнухов. Когда они появились в опочивальне перекупщика живого товара, я выхватила нож, и с яростью обреченной, которой уже нечего было терять, выкрикнула: «Если хоть один из них дотронется до меня, зарежу его и себя». Увидев мою решительность, старик приказал им бросить меня в темницу.

В одиночестве, на воде и лепешки, там продержали неделю, но наказание меня не сломило. Решила: лучше умру, чем буду очередной женой этого старого безумца.

— Саида в особо тяжелые минуты «добрым» словом не вспоминала?

— Нет, я вычеркнула его из своей памяти навсегда! Меня не покидала одна лишь мысль: как найти путь к спасению, ведь я даже не знала, в какой географической точке пребываю, не говоря уже об отсутствии документов.

Находясь в диком средневековом окружении, вдалеке от какой-либо цивилизации, среди чуждых мне людей, мой здравый рассудок, к счастью, продолжал жить. Единственным человеком, с которым мне удалось более-менее сблизиться в этом дремучем уголке земли, была француженка — старшая из наложниц. По годам я годилась ей в дочери, к тому же она немного знала польский язык, а я, к счастью, в совершенстве владею французским. Однажды, когда от невыносимой тоски я действительно решила с собой покончить, женщина, видя мое состояние, озираясь по сторонам, прошептала:

— Я тебе помогу бежать, правда, это будет связано с большим риском. Поймают, могут убить и тебя, и меня.

Сначала я подумала о каком-нибудь возможном подвохе со стороны француженки, в голове такая мысль промелькнула, но решила: «Будь, что будет, мне уже все равно! Лучше умереть, чем всю жизнь жить со стариком в чужой, Богом забытой стране».

После нашего мимолетного разговора о побеге прошел примерно месяц, а может и больше. Маленькая надежда, которая засветилась во мне небольшим огоньком, казалось, уже начинала гаснуть. Спасительница или забыла о своем обещании, или просто раздумала рисковать. Но, к счастью, оказалось не то и не другое. Однажды, как бы при случайной встрече, она шепнула:

— Завтра ночью ты должна бежать, другой возможности не будет. Я достану ключи и выпущу тебя за пределы крепости.

— С кем и куда бежать?! — глядя с благодарностью на женщину, в отчаянии выплеснулись слова надежды, и я расплакалась, еще не веря услышанным словам.

— Есть надежный, преданный проводник, ближе к полуночи он будет ждать тебя за углом ограды возле одиноко стоящего чинара, больше тебе знать ничего не нужно, с ним покинешь аул. Дорога предстоит длинная, за ночь по горным тропам вы должны с ним пройти очень большой путь. Не успеете преодолеть это расстояние, тебя поймают, потому что люди хозяина повсюду. Если все будет удачно, там, на месте, он поможет тебе сориентироваться.

Где «там» — меня уже не интересовало, и в порыве нахлынувшей радости спросила: — Почему ты решила мне помочь?

— Я француженка, и тоже жертва обмана. Мне уже много лет и моя участь predetermined. Скажу только одно: о существовании этой организации, где все построено на энтузиазме и жесткой дисциплине, я сама узнала совсем недавно. Кем она создана, и какова их цель, мне также ничего не известно, да и не важно это сейчас! Главное, что-

бы ты благополучно преодолела трудную дорогу и встретила с родными! У меня к тебе будет одна лишь просьба: если придется побывать во Франции, поклонись моей земле. Родителей в живых, наверное, уже нет, а я у них была единственная дочь.

* * *

Человек, с которым я должна отправиться в опасный побег, как и сказала наложница, ждал меня в назначенное время возле одинокого дерева.

При встрече, не перебросившись ни словом, мы покинули аул примерно часов в одиннадцать ночи и скорым шагом устремилась в неизвестность. На улице было тихо, таинственно, и вокруг ни огонька. Куда идем, не спрашивала, полностью доверилась судьбе. Мною двигало только одно желание: как можно скорее уйти от постылого места. Не останавливаясь, почти бегом, шли долго. Сколько прошло времени, не знаю, проводник каким-то образом ориентировался по звездам. На каком-то отрезке пути он вдруг резко остановился, подошел ко мне почти вплотную и, окинув меня обеспокоенным взглядом, глухо, почти шепотом, на арабском языке обронил:

— Снимай обувь!

На его лице я увидела тревогу, и тут мое сердце сжалось. «Неужели провал?!» — промелькнуло в голове.

Не раздумывая, я спешно сняла ботинки и, ничего не понимая, автоматически передала их проводнику. Затем он заставил меня показать ладони. Когда я это сделала, мужчина посыпал на них какую-то смесь, похожую на порошок канифоли, и тщательно растер. Потом присел на колени, то же самое проделал с подошвами моих ног и с заметным волнением произнес:

— Сейчас нам предстоит преодолеть небольшой, протяженностью не более сорока футов, но очень опасный отрезок пути. Коварность этого перехода в том, что ширина карниза, по которому нам предстоит пройти, не больше трех футов с уклоном в сторону пропасти.

«Боже, это же карниз шириной около метра», — подумала я, и струйка холодного пота пробежала по моей спине. Сердце сдавило тягучим ужасом, время, казалось, остановилось... И тут рядом услышала спокойный голос проводника:

— Перед тем как вступишь на эту опасную тропу, помолись Аллаху — если оступишься, спасти не смогу. Сейчас скала для тебя и враг, и спасение. В ней пальцами нащупывай малейший выступ, трещину и за них цепляйся, твоя жизнь — в твоих пальцах, и в тоже время постарайся следить за моими движениями. Я убираю руку, ты ставь свою на мое место, поскольку этот участок мне уже знаком, я проходил по нему дважды. Повторяю, главное — осторожность! Прежде чем сделать очередной шаг, убедись в надежности точки опоры. Не забывай, ночью скалы мокрые, — как бы оправдываясь, добавил: — Можно, конечно, идти обходным путем, тогда к утру до конечного пункта мы можем не дойти, и нас обязательно схватят люди твоего хозяина. Они очень хорошо знают тот маршрут. Ну что, пойдём?!

Бросив взгляд на небо, в вышине я увидела ярко мерцающую звезду. Перед опасным переходом мысленно поблагодарила далекую подругу за помощь, перекрестилась и решительно произнесла:

— Пойдем!

— Только не оборачивайся назад, скала и руки — это твое спасение! — сделал он последнее предупреждение.

Самое трудно было сделать первый шаг.

Шла словно по канату, который висел над пропастью. Перед моим лицом была холодная, серая, промозглая скала, уходящая куда-то вверх, от которой исходил запах неживой сырости, напоминающей о смертельной опасности. Не чувствуя боли в пальцах, я, помня наказ проводника, цеплялась за каждый незначительный острый

выступ скалы, чтобы не оступиться и не рухнуть в пропасть. Примерно на середине под ногами отломился небольшой кусочек камня и полетел туда...

Через некоторое время глухое эхо сообщило, что камень прибыл на место, а я в этот момент мысленно обратилась к Богу за помощью, чтобы Он дал мне сил преодолеть остаток пути. Мужчина уже стоял на твердой земле и как мог ободряюще помогал мне преодолеть тяжелые последние метры. Когда же я оказалась в безопасности, рухнула на землю и заплакала. От нервного перенапряжения одежда на мне была мокрая.

— Надо идти, путь длинный,— услышала рядом голос.

Но от непроходящего волнения ноги не слушались.

— «Надо»,— приказала сама себе.

Проводник вернул обувь и сказал:

— Покажи руки!

Только сейчас я увидела, что мои ладони и пальцы в крови. Он вынул из заплечного мешка какой-то сосуд, смочил их жидкостью и коротко бросил:

— Скоро заживет, пошли!

За оставшееся время пути не обмолвились ни словом, а когда в долине показались чуть заметные силуэты приземистых домиков, мужчина остановился и метнул взгляд на восток. Там, на лезвии горизонта, в узкой щели между землей и небом робко зарождалось утро нового дня. Видимо, чтобы поблагодарить Аллаха мужчина упал на колени, а затем быстро поднялся и уже на ходу бросил:

— Скорее, светает, а до конечного пункта еще далеко! — и, ускорив шаг, снова с тревогой глянул туда, где на горизонте робко выплескивалось чуть заметное зачатие предутренней зари.

Луна, окутанная паутиной рассвета, как желтая дыня, продолжала висеть под куполом неба, наблюдая за двумя куда-то спешащими путниками.

Чтобы не отстать, я бежала трусцой, ноги от ходьбы были сбиты в кровь, но боли не чувствовала.

В горах расстояние обманчиво, пока дошли до кишлака, прошло не менее часа. Было уже видно, как из труб некоторых мазанок выбрасывались робкие косы дыма. Начиналось сероватое зачатие дня, когда мы, наконец, зашли в какой-то домик, наполовину вросший в землю. Мой спаситель, озираясь по сторонам, торопливо о чем-то перебрался с хозяином хижины, и больше я его не видела.

В подвал, куда меня поместил владелец халупы, подали кувшин воды, лепешку, и оттуда никуда не выходя, я просидела до следующей ночи, а с наступлением темноты, с новым проводником, отправилась в путь. Шли долго, потеряла счет времени, а когда, обессилев, упала, и казалось, что больше уже не будет сил подняться, мужчина строго прошептал:

— Вставай, надо идти, опасно, скоро начнет светать!

Представила погоню, смертельный переход над пропастью, до конца жизни находиться в рабстве — и тут почувствовала, как по спине пробежал холодок. Поднялась, выпила глоток воды и, ощутив прилив сил, не отставая, побежала за быстро шагающим проводником. Когда же на третьи сутки пути мы в очередной раз днем спрятались в скальном ущелье, я присела, положила голову на огромный рядом лежащий валун и сразу же заснула. Похоже, задремал и мой проводник. Сколько времени спала, не знаю. Во сне почувствовала, что по-моему телу ползет что-то мерзкое и липкое. Открыв глаза, я увидела, как змея, издавая шипение и глядя на меня немигающими холодными глазами, ползет по животу, подбираясь к шее. Оцепенев от страха, я непроизвольно издала истошный крик. Проводник мгновенно вскочил с места, одной рукою крепко зажал мне рот, а другой сбросил с меня змею.

— Это кошачья змея, она не ядовитая. Такие виды змей обычно заползают спящему в рот, мне известны такие случаи,— прокомментировал он, а затем встал и на всякий случай осторожно выглянул из пещеры.

Я с ужасом представила, как эта тварь ползет по пищеводу и меня начало рвать. Отойдя от шока и обратившись к проводнику, робко спросила, долго ли нам еще предстоит идти. На мой вопрос он ответил по-восточному философски:

— Кто знает, есть одна путевая мера — сама жизнь.

От кишлачного убежища, примерно через четверо суток, довольствуясь несколькими глотками воды и лепешкой, мы добрались до довольно-таки большого населенного пункта. Как узнала позже — это город Аннаба. Какое расстояние прошли? Не знаю, проводник был прав, кто измерял эти тропы?!

* * *

— В Алжире есть американское посольство,— объяснил мне уже новый человек, которому в очередной раз передоверили мою судьбу.— Но добираться туда наземным транспортом небезопасно.

— Слышал, что через пару дней,— продолжал он,— из нашего порта идет торговое судно во Францию. Там у меня есть кое-какие связи, попробую договориться, однако, нужны будут безупречные документы, без них на судно тебя не пустят.

— Как же быть? — прошептала я, вытирая слезы.

— Не беспокойся, что-нибудь придумаем.

Видимо почувствовав «близость дома», этому, по счету уже третьему спасителю, я почему-то поверила особенно, и на волне душевного состояния спросила:

— Как вас звать и почему мне помогаете?

— Мое имя, как впрочем и все остальное, тебе знать не обязательно,— резко оборвал он меня, и больше с подобными вопросами к нему не обращалась. На вид хозяину было лет сорок пять, не больше. Разговаривали в основном на арабском языке, хотя, к моему удивлению, мужчина немного владел и польским. Обсуждая с ним мои дальнейшие планы, я мысленно не переставала благодарить старшую наложницу, которая проводила меня в долгий и опасный путь, наверняка рискуя своей жизнью.

После некоторого молчания хозяин дома спросил:

— Вы знаете французский?

— Да, в совершенстве.

— Очень хорошо! Тогда в документе так и запишем — француженка, а приезжала сюда по линии дипломатических связей между нашими странами. Надеюсь, наводить подробные справки никто не будет, поскольку Франция, как, впрочем, и Польша, уже давно оккупированы немцами.

— Неужели?! — вырвались слова отчаяния из моих уст.

— А ты разве не знала?

— Нет, по тропам, где мы шли, не было ни радио, ни газет! — выкрикнула я и снова заплакала.

— Сейчас, уважаемая, на дворе уже июль сорок первого и, к сожалению, действительность такова! В сентябре 1939 года, в результате нескольких пограничных инцидентов, немцы напали на Польшу, и в течение месяца она уже была под сапогом вермахта,— произнес он, разведя руками.

— «Неужели прошло почти три с половиной года?» — с ужасом подумала я, продолжая внимательно слушать хозяина.

— В настоящее время на вашей родине идет повальное уничтожение евреев. Такой невиданный по своей форме дичайший геноцид против этого народа происходит как со стороны немцев, так и со стороны самих поляков, и этим, по некоторым данным, руководит группенфюрер СС Фриц Гебауэр. Этот изверг особенно любит наблюдать, как умирают младенцы, опущенные в ледяную воду. Кстати, в Советском Союзе немцев за их человеконенавистническое отношение к людям презрительно называют фашистами. Это очень опасные существа в человеческом облики, у них одна лишь цель — завоевать и поработить все народы мира!

— Откуда вам известны такие подробности?

Но вместо ответа он, несколько раз в задумчивости «измерив» шагами помещение, а затем остановился возле меня и спросил:

— Может, ты напрасно спешишь туда?..

Он не успел закончить свою мысль, но продолжения не требовалось, я поняла его отлично, поэтому ответила резко:

— Нет, не напрасно! Я должна быть у себя на Родине вместе со всеми!

На другой день, очень рано, мой покровитель куда-то ушел и вернулся только к вечеру. По его настроению я поняла, что дела продвинулись в лучшую сторону.

— С этой минуты твое имя Ноэль и фамилия Бомануар,— сказал он, вручая мне документ,— и запомните, любая ошибка в произношении может принести вам много неприятностей. С капитаном тоже все улажено. В предстоящем путешествии ничего исключать нельзя, все будет зависеть от обстоятельств, так что излишняя осторожность не помешает. Тебя будет сопровождать очень надежный человек, звать его Камал. Запомни это имя! В пути ты должна выполнять все его требования, а когда корабль покинет пограничную зону, дальше уже будешь в безопасности.

Поняла позже: между проводниками населенных пунктов, как и сказала добрая француженка, существовала какая-то тайная международная связь, основанная на жесткой дисциплине, которая оказывала всяческую помощь людям, попавшим в беду, но кто за этим стоял, мне было неизвестно.

— Если все пойдет так, как задумано,— продолжал наставник,— примерно через неделю будешь в Париже. Не забывай, на пароходе ты — парижанка! На тебе должна быть приличная одежда, соответствующая статусу дипломата, и на всем пути следования достаточно денег на небедное существование.

— Но у меня ничего этого нет! — снова выкрикнула я в отчаянии.

— Не беспокойся, это входит в нашу обязанность.

Два дня показались вечностью. На третий день пополудни в сопровождении хорошо одетого джентльмена с европейскими манерами я вошла на палубу.

— Общаемся как хорошо знающие друг друга коллеги, по имени и на «ты», — шепнул он, когда мы поднимались с ним на палубу.

Моя каюта соответствовала статусу дипломата. На исходе первых суток, опьяненная свободой и забыв об элементарной бдительности, перед сном решила перекусить.

В ресторане посетителей было немного, страстная, чуть резкая мелодия аргентинского танго бурным потоком разливалась по всему залу. «Боже,— прошептала моя уставшая душа,— только ради этого стоит жить и бороться!» В эти минуты казалось, что я только что покинула пещерные казематы и перенеслась в другое измерение, где при помощи чарующей музыки мне заново предстоит познать азы цивилизации. Даже забыла, зачем я сюда пришла, и вдруг, словно очнувшись от сна, слышу:

— Разрешите пригласить на танец?

От неожиданности вздрогнула и глянула на стоящего возле моего стола незнакомого мужчину.

Он требовательно, в довольно-таки грубой форме повторил свой вопрос.

— Простите, я не танцую.

— Тогда разрешите присесть?

Не успев ответить навязчивому кавалеру, как позади себя услышала голос Камала:

— Прости, дорогая, звонили из германского посольства, потому и задержался,— выпалил он и, улыбаясь, поцеловал мою руку.

Мой «коллега» на двоих заказал легкий ужин.

— Я боюсь, этот мужчина не сводит с меня глаз,— прошептала своему доброму телохранителю.

— Не обращай внимания, веди себя естественно и улыбайся,— спокойно ответил мой спаситель. — Поужинаем, возьмешь меня под руку, и удалимся из зала.

Когда мы покинули ресторан, оставив солидные чаевые, сопровождающий требовательно произнес:

— Сегодня тебе придется ночевать в моей каюте,— и, закрыв меня на ключ, удалился.

Вернулся он только утром. На его лице я заметила следы усталости и волнения.

— Что-то случилось?

— Ничего, теперь уже все в порядке. Можешь идти в свои апартаменты и спокойно до Франции продолжать свое путешествие, никто тебя больше беспокоить не будет,— и, как бы подводя итог, добавил: — Извини, сейчас мне нужно отдохнуть.

Поблагодарив, я вышла из каюты и больше своего корабельного проводника не видела, как, впрочем, и того любителя танцев.

Через неделю, как и предполагалось, пароход прибыл во Францию. Помня наказ французской женщины-рабыни, я, как только сошла с трапа, припала устами к земле, и, поливая ее слезами, целовала, еще не веря, что до Родины осталась самая малость. Молилась за свою спасительницу, хотя не знала даже ее имени, и что с нею в данный момент...

Старая цыганка поднялась с постели, в лабиринте одежды в одном из карманов отыскала трубку, набила ее табаком и, раскурив, спросила:

— Что же, дочка, было дальше?

— В первые минуты в порыве радости захотелось разыскать мать моей спасительницы, но, подумав, решила не рисковать, ведь меня могли разыскивать и во Франции. Такой вариант сбрасывать со счетов было бы просто преступно! И потом, кто знает, может, специально, оберегая меня, наложница не назвала свой французский адрес. Помню, с какой болью в сердце она тогда обронила: «Возможно, мамы уже нет в живых». Вот это «возможно» и мучает меня до сих пор! После войны, если останусь жива, обязательно поеду во Францию! Может, удастся найти теперь уже дорогой для меня адрес и отдать земной поклон женщинам, двум прекрасным французенкам. Ведь одна из них меня спасла, а другая такую дочь родила!

— Не мучайся, доченька, не зная даже имени, ты навряд ли там чего отыщешь, а уж тем более после такой чудовищной войны, будь она проклята! Лучше благодари Бога, что на чужбине в помощь Он послал тебе хороших людей. Им за это обязательно воздается, ибо добрые дела бесследно не проходят! Лучше расскажи, как из Франции добралась до своей Польши?

— Когда немного успокоилась и осталась наедине со своими мыслями, подумала: «Все-таки мне действительно помогали боги преодолеть все трудности».

— Истину говоришь, именно так и есть!

— Однако, держать при себе документы, в которых я не была уверена в их подлинности, было крайне опасно. Скорее всего это была очень тонкая, профессионально, на скорую руку, выполненная подделка. Взвесив все плюсы и минусы, я все-таки решила от них избавиться. Так, как мне тогда казалось, было безопасней, но с этой минуты для полиции я стала открытой мишенью, и тем не менее, не поверите, чувствовала себя очень счастливой! Ведь теперь до дому было рукой подать и это меня окрыляло! Однако, в моем положении надо было придумать какую-нибудь убедительную версию, на случай, если попадусь стражам порядка. На тот момент в моем арсенале имелось только лишь безупречное знание французского языка — и ничего более. В общем, проблемы насаивались как снежный ком. Нерешенным оставался вопрос с жильем и питанием. Коротать ночи на вокзале было крайне опасно. Эту мысль отбросила сразу: без документов, при любом непредвиденном случае, могла в любой момент попасть в поле зрения полиции.

Наслаждаясь свободой, безо всякой цели, пошла туда, куда глядят глаза. На одной из узких улиц Парижа увидела кафе, над входом которого висела невзрачная вывеска: «Бистро».

* * *

— Прошу, мадам, заходите, что будете заказывать?! — спросил мужчина, когда я нерешительно перешагнула порог помещения.

— Мадмуазель,— поправила его и обратилась с вопросом: — Нельзя ли устроиться на работу?

— Документы при себе?

— Нет, они сгорели при бомбежке,— выпалила экспромтом.

— Это плохо, без документов принять не можем, время сейчас, сами знаете, какое...

Женщина, стоявшая за стойкой бара и, видимо, слушавшая наш разговор, обращаясь к мужчине, строго произнесла:

— У нас вчера уволилась посудомойка, спроси, если желает выполнять эту работу, пусть прямо сейчас и приступает!

— Merci beaucoup (большое спасибо), я согласна!

Мужчина отвел меня на кухню, где покоилась гора немойтой посуды...

— Если бы вы, бабушка, видели, с каким вдохновением я взялась за эту работу, словно тарелки и ложки на шаг приближали меня к дому! Только к концу рабочего дня поняла, что мне некуда идти ночевать.

— Пора закругляться! — услышала за спиной голос сердитой женщины, когда та заглянула в посудомоечную.

— Мне некуда идти, можно я временно поживу у вас?

Спросила так, на всякий случай, потому что других вариантов у меня просто не было.

— Можно,— сказала, будто отрубил.

Так у меня появилась не только крыша над головой, но и кусок хлеба, вопрос же с документами оставался в подвешенном состоянии.

Прошел месяц, и однажды, перед самым закрытием, в кафе заглянули два немецких офицера.

— Магда, спроси, что этим господам нужно? — попросила меня хозяйка. Подойдя к столу, я обратилась к ним на немецком языке:

— Что вам подать?

— У вас есть выбор? — ответил один из них вопросом на вопрос.

— Выбор небогатый, но для вас что-нибудь найдем,— улыбаясь, ответила я.

— Тогда, пожалуйста, по сто грамм коньяка и по чашечке кофе.

— Ганс, на меня не заказывай, я ухожу,— сказал второй и, попрощавшись, тут же покинул помещение.

Выполнив заказ клиента, я уже собралась уходить на свое рабочее место, как офицер в деликатной и очень неожиданной форме обратился ко мне на чистом русском языке:

— Сударыня, вы не составите мне компанию?

Боясь какого-нибудь подвоха со стороны гостя, ответила на немецком:

— Не понимаю, господин офицер, что вы спросили.

Теперь эту же просьбу он повторил на немецком языке.

— Я здесь не хозяйка,— продолжаю отвечать на его родном наречии,— к тому же недавно работаю, и нарушать установленный порядок не в моих правилах.

— Не беспокойтесь, с хозяйкой я сейчас договорюсь.

Я присела и, набравшись смелости, спросила:

— Меня удивило необычное обращение немецкого офицера к девушке, не проще ли было — фрейлин или мадемуазель?

— Вы уловили славянский мотив?

— Именно так! Сейчас такое время, могут и стены слышать.

Но вместо ответа он спросил:

— Как вас звать?

— Магда.

— Вы русская?

— Нет, полячка.

— Значит, паненка, а я то подумал, что русская, потому и обратился «сударыня». Не правда ли, красиво!

— Откуда известен вам русский этикет?

Но вместо ответа офицер сделал предложение:

— Если не ошибаюсь, у вас скоро конец рабочего времени, для продолжения нашего знакомства я хотел бы вас проводить.

— Я живу на квартире хозяйки этого кафе, и приходить поздно с моей стороны было бы нетактично.

— У меня, кстати, время тоже ограничено,— и, осторожно взяв меня под руку, мы вышли из зала.

На улице было темно, пахло весенней свежестью, легкий ветерок приятно омывал лицо, вдохновляя на непринужденный разговор, хотя сердце мое продолжало сковывать какая-то не проходящая тревога, и, чтобы отвлечься от неприятных дум, спросила:

— Позвольте, господин офицер, полюбопытствовать, откуда у вас русская галантность?

— Я, Магда, в свое время прочел Льва Толстого, Бунина, Достоевского и много других русских писателей. Вам что-нибудь говорят эти фамилии?

— Выходит, литературные гении подвигли вас на то, чтобы стать захватчиком?

— На эту тему поговорим в следующий раз, если этот «следующий» у нас с вами будет,— сухо ответил провожающий.— Лучше расскажите о себе: как попали в оккупированную нами Францию?

— Приехала к тете погостить, но дом, где она жила, попал под бомбежку.— И тут я с ужасом подумала: «А вдруг сейчас этот фашист спросит адрес “моей тетушки”, а завтра проверит?» Но, быстро отбросив от себя навязчивую мысль, продолжала: — Я уцелела по счастливой случайности. В этот самый момент меня не было дома. Тетя погибла, вместе с нею сгорели и мои документы, теперь не знаю, как попасть в Польшу.— И тут я вполне искренне расплакалась. Вместо придуманной тети опять перед глазами предстала дорогая моему сердцу француженка, ведь она не меньше меня хотела попасть домой! Да и жива ли она сейчас?! Я же в этот момент ненавидела себя за то, что вынуждена была изворачиваться и лгать шагая по земле моей спасительницы...

— Ничего не поделаешь,— сказала старая цыганка, жизнь иногда заставляет нас прибегать к подобным выкрутасам, и если эта ложь во благо, никакого греха в этом нет. А сейчас лучше расскажи, кто этот Ганс?

— Га-а-нс. Человек, на первый взгляд, вроде бы порядочный, но я не забывала, что он фашист. Дав мне тогда выплакаться и, видимо, до конца не веря в мои слезы, спросил:

— Вы на самом деле полячка?

— А почему вы заостряете вопрос на национальности?

— Любопытство с моей стороны, уважаемая Магда, вполне уместное. Сначала я подумал, что девушка, которая обслуживала меня в кафе — русская, потом немка, а теперь, признаться, и сам не знаю, кто вы на самом деле...

— Я, Ганс, истинная полячка, жаль, сгорел паспорт. Хотя, что говорю: будь при мне документ, удостоверяющий мою личность, я сейчас была бы не здесь, а в Польше. Но чтобы вы не сомневались в моей национальности — кроме польского языка пани, идущая с вами, почти в совершенстве владеет немецким, французским, неплохо русским, арабским.

— Интересно, и это говорит мадмуазель, которая работает посудомойкой в какой-то забегаловке под названием «Бистро»!

— А куда еще можно было мне устроиться без документов? На что-то же надо жить! Спасибо этим людям — хоть такую работу предоставили, а вообще по специальности я историк, в Польше с отличием окончила университет. Все произведения перечисленных вами писателей мною прочтены, а Чехова, которого вы забыли упомянуть, я перечитывала два раза, хотя, простите, звучит глупо: два, три... Их произведения настолько глубоки по содержанию, что никто не знает, по каким законам писательского жанра они построены. Пытливому читателю стоит хоть раз войти в этот многогранный, до конца не познанный храм философских размышлений, он не будет торопиться выходить из него, пока не поймет истинную формулу бытия.

— Вам-то уж наверняка, Магда, удалось распознать тайну русской языковой матрицы?

— Нет, к сожалению, время человеческой жизни — миг, а русский язык — это вселенная, и нельзя объять необъятное! Мы можем лишь восхищаться высказываниями отдельных писателей. Например, Лев Толстой о Чехове всегда говорил вдохновенно: «Вот — писатель!»

— У Толстого, Магда, есть и другое высказывание: «Телом женщина искреннее мужчины, а мысли у нее лживые...»

— Вы правы, в словах великого писателя есть истина. Порою в жизни трудно отличить правду от лжи! Возьмем хотя бы вас, господин офицер, вы рассуждаете о великих писателях и в то же время вместе со своими вождями захватываете другие государства, порабощаете и истребляете их народы!

— Я похож на варвара? Среди поляков, французов и народов других наций есть всякие люди, но это же не значит, что все они плохие или все хорошие!

— Вам, Ганс, не кажется, что народы вашего государства, включая и вас, столкнулись с чудовищным парадоксом истории?! — Страна Моцарта, Гете, Гейне, Себастьяна Баха, которыми веками гордилась Германия, и вдруг эта земля породила...

— Не буду продолжать, надеюсь, вы догадались, о ком я говорю?

— Вопрос сложный, и однозначно на него не ответишь, а пускаться в какие-то объяснения пока рано, а может, простите, уже поздно. Что же касается русской классики, то я полюбил ее с детства, ведь предки мои — выходцы из России. Так что с культурой и обычаями этой страны я знаком не понаслышке, во мне течет и русская кровь.

— Ганс, а если война с Россией?

— Она уже идет, но лучше на этом, Магда, наш диалог прервем, сейчас не время и уж тем более не место, к тому же мне пора уходить, да и вы, как мне кажется, спешите.— И, уходя, заверил: — Я обязательно помогу вам с документами!

— Большое спасибо, Ганс!

— До свидания, пани!

Встретилась с ним через неделю, а еще через два дня я покинула Францию.

Помню, с грустью в голосе на прощание он сказал:

— Пути неисповедимы, может быть, на дорогах войны где-нибудь и повстречаемся. Счастливого тебе пути, Магда!

* * *

Поезд с большим опозданием, наконец прибыл в Варшаву, где всюю хозяйничали немцы. На стенах железнодорожного вокзала всюду были развешаны фашистские флаги, на которых в виде огромных и, казалось, ползающих пауков изображены черные пугающие свастики. Немецкие патрули, облаченные в черные мундиры, чувствовали себя хозяевами города. Мне не верилось, что я прибыла в свою, родную Польшу, радость моя была омрачена разочарованием. Было такое ощущение, что я попала в чужую страну. Фасад бывшего правительственного здания оклеен ярко-

красными штандартами с черными свастиками. Хотелось поскорее покинуть улицу и попасть домой.

— Мама, а где папа? — это был первый вопрос, как только переступила порог родного дома.

— Всех евреев фашисты согнали в концлагерь, а что с ним сейчас — неизвестно, много раз пыталась узнать, но безрезультатно.

На воспоминание и слезы времени не оставалось, хотелось поскорее начать работать и по возможности приносить хоть какую-то пользу для своего государства. Через пару недель с трудом устроилась официанткой в ресторан, поскольку по специальности найти работу было практически невозможно. Все шло хорошо, если бы не одно непредвиденное «но»... Прошел месяц моего пребывания на Родине. Однажды пришла на работу в хорошем приподнятом настроении, поскольку накануне удалось наладить кое-какие связи с еврейской подпольной организацией. Часам к девяти вечера под фашистскую музыку из кинофильма Лили Марлен огромное помещение ресторана быстро заполнялось различными высокопоставленными посетителями. В предвкушении обильного шнапса и сытной закуски вокруг слышался наглый, самоуверенный смех, за столами раздавался перезвон бокалов и пьяное бахвальство офицеров по поводу завоевания Европы. Каждая официантка обслуживала определенное количество столиков. Офицеры, уверенные, что я не знаю немецкий язык, в мой адрес отпускали плоские, а порою грязные шутки, бросали похотливые взгляды, видимо забыв, что они «цвет нации». Время приближалось к одиннадцати вечера, когда в очередной раз я вошла в зал и через головы пьяной публики почему-то бросила взгляд в дальний угол. Дальше, словно загипнотизированная, не могла сдвинуться с места. Как удержала в руках поднос, не помню, шок мгновенно сковал все мое тело. Подбежала подруга по цеху и, видя мое состояние, спросила:

— Магда, что с тобой?

— Закружилась голова, сейчас пройдет.

Девушка взяла из моих рук поднос, а я отошла в подсобку и села на стул, чтобы прийти в себя и осмыслить свои дальнейшие действия. За одним из столов, среди хорошо подвыпившей компании фашистских офицеров увидела надменного, нагло улыбающегося Саида.

«Вне всякого сомнения, это он!» — думала я, растирая пальцами затвердевшие от волнения виски. Немного успокоившись, зашла в зал с другой стороны, чтобы еще раз убедиться, не ошиблась ли? Сомнения отпали — за столом сидел он, Саид!

Торговец живым товаром внимательно слушал своих собутельников, а порой увлеченно что-то рассказывал сам, и все это сопровождалось дружным хохотом.

Может он перед своими «хозяевами мира» хвастается тем, как продает в рабство девушек?

В одно мгновение меня охватило негодование и ненависть к этому существу! Я почувствовала, как по моим жилам полководьем пробежала вскипевшая кровь, но смогла взять себя в руки, чтобы в сложившейся ситуации не совершить ошибку, а принять единственно правильное решение! Хотя сердце призывало к немедленной мести, душа — к спокойствию, а голова — к хладнокровию. Окончательно успокоившись, подошла к зеркалу, поправила прическу и не спеша направилась в тот самый дальний угол зала. Не знаю, возможно сказалось критическое нервное состояние, но именно тогда мне достаточно было глянуть этому негодяю в лицо, чтобы прочесть все его мысли.

Бывшая невеста араба подошла к столу и остановилась напротив. Саид поднял голову и его сытое лицо застыло в шоке, затем неестественно исказилось, правая щека конвульсивно дернулась, в глазах промелькнул испуг. Нервы араба настолько напряглись, что в это мгновение он показался мне жалким и ничтожным! В нем не было ни былой красоты, ни уверенности.

— Магда, как ты оказалась здесь? — произнес скорее не он, а его непроизвольно отвисшая челюсть.

— Я-то дома, а вот как ты снова оказался в Польше?! Или опять приехал сюда за «богатством»?! Если перевоплотился в хищного зверя, думаешь, никто тебя не узнает?

Словесная дуэль происходила на арабском языке, поэтому сидящие за столом, ничего не понимая, бросали взгляды то на своего растерявшего компаньона, то на меня. Саид попытался что-то сказать, но я резко его остановила.

— Таким мерзавцам, как ты и Фриц Гебауэр, которые душат наших женщин, детей, стариков, и которым — собака, ты служишь, пощады не будет! Запомни мои слова, пес паршивый, крепко запомни, ибо они пророческие! — и, в пылу перепалки, сама того не заметив, я сделала роковую ошибку, перейдя на немецкий язык. — Жаль, что ты, мразь поганая, не увидишь конца фашистской империи. Германия скоро будет разбита в прах, а ты, поверь мне, подохнешь намного раньше! Запомнил?!

Саид встал, возможно, хотел успокоить меня, но я вплотную подошла к «кавалеру», плюнула ему в лицо и в гневе на прощание наградила такой оплеухой, что тот, не ожидая подобного гостинца, плюхнулся на прежнее место.

Напоследок по каждому из них прошлась тяжелым презрительным взглядом и, вспомнив слова русского поэта, теперь уже на польском языке бросила: *«Века, века — вас будет проклинать больное позднее потомство!..»*

Когда в пылу все словесные запасы были исчерпаны, поняла: надо скорее уходить, пока здесь, прямо в зале, меня не арестовали! Повернулась и быстро удалилась на кухню. Воспользовавшись запасным выходом, покинула ресторанное заведение.

* * *

— Что случилось, Магда? — с тревогой спросила мама, когда я появилась дома раньше положенного времени.

Пришлось коротко рассказать о случившемся.

— Что же ты, доченька, наделала, наша семья и так у немцев на особом контроле. Сейчас тебе дома оставаться никак нельзя, надо бежать!

— А как ты, мама?

— Мне немцы ничего не сделают, а если спросят тебя, отвечу, что ты на работе.

Мама оказалась права. К дому уже подъехали вооруженные мотоциклисты.

— Скорее беги, «гости» пожаловали! — взволнованно сказала мама, помогая в темноте отыскать одежду.

Схватив приготовленный узел, я тайным ходом убежала в ночь, сама не зная куда...

— Это что же, ты на самом деле тогда была уверена, что война скоро закончится? — спросила старая цыганка.

— Я и сейчас уверена, но до этого «скоро» еще долгих четыре года, не меньше. Тогда в ресторане было первое мое предсказание и моя серьезная ошибка, в результате которой мне пришлось срочно бежать из своего дома и страны. Мне до сих пор не верить, как после таких высказываний я могла тогда беспрепятственно уйти из фашистского ресторанного логова. Но в тот вечер в порыве нервного срыва с собой ничего не могла поделать. Однако в своем поступке не раскаиваюсь, — и, как бы в доказательство, что война будет долгой, и Германию ждет неминуемый крах, произнесла: — Помнишь, час назад сюда приходила женщина, на ней еще была старенькая фуфайка, а на ногах лапти.

— Помню, как не помнить, я хоть и старая, а память, слава богу, у меня крепкая.

— Она приходила узнать о своем сыне и предлагала кусочек мяса.

— Что же ты отказалась от приношения?

— Как же я могу взять, если сын ее уже убит.

— Ты ей об этом так и сказала?

— Нет, я соврала, сказав, что он жив.

— Ох-хо-хо,— щелкнула языком цыганка, перекрестилась и со стоном глухо произнесла: — Сколько же горя эта война принесла людям и сколько еще принесет, будь она проклята! Но откуда же в тебе появился такой дар?

— Не знаю, бабушка, возможно, это отпечаток моих потрясений.

— Молодец, что не сказала той женщине страшную правду, разве можно говорить такое?!

— Ты, бабушка, права. Человек живет надеждой, и отнимать ее я не имею никакого права. А вот муж нашей хозяйки вернется с войны целым и невредимым, сразу же, как эта проклятущая бойня закончится. Давеча обрадовала ее приятной новостью.

— А ты можешь сказать, сколько еще времени мне, старой бродяжке, осталось мыкаться по белому свету?

— Могу, но не буду.

— Скажи, милая, я не обижусь, все останется между нами, даю слово.

— Прости, но ты, бабушка, через год умрешь, похоронят тебя на опушке леса.

— Спасибо, я и сама знаю, что скоро умру, просто решила тебя проверить. Но коли уж мы заговорили о твоих способностях, я тебе вот что скажу, милая. Жить с грузом такого дара — и легко, и трудно. В сложившихся обстоятельствах — благо, так как в условиях нашего бродяжничества это вопрос выживания и уважения. Но по-человечески такой талант — это проклятие, потому что ужасно находиться рядом с человеком и знать, когда он умрет. Однако здесь, Магда, я тебя обрадую. Как только ты обретишь душевное спокойствие и будешь жить нормальной человеческой жизнью, вся эта напасть «предвидения» пройдет. Поверь мне, старой, я слов на ветер не бросаю.

Говорила старая цыганка с обдуманной неторопливостью, в ее словах чувствовалась какая-то удивительная прозорливость и мудрость, выстраданная за долгую скитальческую жизнь.

Она села, снова раскурила трубку, глубоко затянулась, а когда облако дыма растаяло, внимательно посмотрела на молодую гадалку, спросила: — Все же непонятно, как же ты, красивая, попала в наш цыганский табор?

— Тогда, из родного дома, остаток ночи бежала, сама не зная куда,— и, улыбаясь, грустно добавила: — Благо, что в этом деле опыта поднакопила.

— К утру, совершенно случайно, наткнулась на бродячий табор. Встретили беженку хорошо, накормили, что у самих было, дали выспаться, а потом старый цыган (видимо, старший) учинил допрос. Я рассказала ему о себе все как на духу. Он выслушал и говорит:

— Тебе оставаться у нас нельзя.

— Что же мне делать? — взмолилась я, глядя на этого бородатого, мудрого человека. Он долго не отвечал, видимо, задача и для него была не из легких, а затем после тяжелого раздумья сказал:

— Отдыхай, оставайся до следующего утра, там видно будет...

— Вот что, дочка,— сказал он, когда на другой день мы снова остались вдвоем.— С небольшой группой цыган сегодня ночью перейдешь границу Белоруссии, дом для цыган — это вся земля, ну а там будешь действовать по своему усмотрению.

— В начале января сорок второго года мы перешли границу без каких-либо происшествий, а затем война гнала меня все дальше на восток, пока вместе с вами, бабушка, не оказались здесь, в этой заснеженной деревушке.

— У меня, Магда, последний вопрос. Сейчас тебе лет двадцать пять, пожалуй, уже есть, а может быть чуть больше. Не гложет ли молодую девушку, еще не познавшую любовь мужчины, какая-то корысть, страсть или зависть, ведь все это жизненные составляющие?

— Отвечу коротко. Говорить сейчас о какой-то страсти не время и, извините, глупо, посмотрите на деревенских женщин, каждой из них тоже не больше двадцати пяти лет, их просто состарила жизнь, а ведь у этих тружениц тыла есть любимые, и многие из них уже наверняка погибли. Если что меня и гложет, так это собственная совесть.

Кто-то сейчас бьет врага, а я, здоровая, прячусь в тихой заснеженной деревне, под крылом пожилой цыганки. Дождусь лета и обращусь в первый попавшийся на пути военкомат, все-таки я в совершенстве владею пятью языками, а значит мое место не здесь, а на фронте, я должна отомстить этим варварам за поруганную мою Родину!

— Спасибо тебе, дочка, за хорошие твои намерения, да пусть хранит тебя Бог!

...Закончив рассказ, девушка откинулась на подушку, глядя на жарко топившуюся железную печку, молчала и старая цыганка, потягивая трубку. После очередной затяжки она посмотрела на молодую девицу, спросила:

— Как сложилась судьба того парня, который тебя любил?

— До войны он вроде бы был чрезвычайным и уполномоченным послом в Германии, но когда Польша была оккупирована немцами, уехал в Америку и в настоящее время находится в США.

— Чем, дочка, займешься после войны?

— Когда закончится война, вернусь в Польшу, и буду детям преподавать в школе историю, если, конечно, доживу до счастливого времени. Но пока говорить о далекой перспективе рано, сначала надо прогнать с наших земель фашистов...

Часть 2

После небольшой паузы, обращаясь к старой цыганке, Магда произнесла:

— Что это я все о себе и о себе! Лучше расскажите, бабушка, что-нибудь из своей жизни!

— Ох-хо-хо,— шелкнув языком, вздохнула старая женщина.— Что сейчас ворошить ушедшие годы, они давно уже цементной пылью покрылись, да и жизнь уже близится к закату.

— Но вы наверняка ведь кого-то любили и память, я почему-то так думаю, о своем возлюбленном храните до сих пор.

Отыскав в дебрях своей одежды трубку, цыганка вновь набила ее табаком и долго раскуривала. От волнения (а может, уже сказывался возраст) руки старой женщины заметно дрожали.

Она глубоко затянулась, выпустила в пространство дымовые колечки и, посмотрев на молодую полячку, вымолвила:

— Я родилась в богатой семье, но, к сожалению, родителей не помню. Они рано умерли от какой-то болезни, поэтому воспитывалась у чужих людей. Однако, это не помешало мне в раннем возрасте подружиться с книгами, возможно, сказались гены отца,— говорили, он был человеком грамотным и уважаемым среди цыган. Да и я, дочка, не всегда была такой старой. Во мне также кипела молодая кровь и не скрываемая природная красота. В молодости, как уже я говорила, много читала, в основном интересовалась библейским учением, хотя такое занятие в нашем обществе не поощрялось. Участь цыганки не грамоту постигать, а добывать хлеб-насущенный. Не скрою, учиться хотелось, но какая уж учеба в условиях кочевого образа жизни, даже думать об этом запрещалось.

После произнесенных слов цыганка опустила старческие ресницы, ненадолго замолчала и, видимо, заглянув вглубь прошлого, вновь посмотрела на Магду, а затем тихо, чтобы ненароком не расплескать воспоминания, начала говорить:

— У каждого человека в жизни есть незабываемые мгновения. Но не верь тем утверждениям, что всю жизнь можно быть счастливым. Счастье — это как падающая звезда... Женщина, впервые вкусившая любовь, замешанную на страсти, должна этот чудодейственный бальзам хранить в своей душе всю свою жизнь. Любовь, дочка, человеку дается свыше! В силу своего возраста, мне, может, и не с руки сейчас говорить об этом, потому что я нахожусь уже не на земле, но пока еще и не на небе, а где-то зависла между этими двумя противоборствующими стихиями. Но коли уж мы коснулись высоких чувств, дарованных человеку Богом, моя душа, несмотря на преклон-

ный мой возраст, отозвалась сейчас звуками гитарных струн, напомнив об ушедшей молодости. Я христианка, поэтому скажу словами митрополита Антония Сурожского: «Не только наша душа, наш дух, внутреннее наше естество, все создано Богом».

Цыганка замолкла, посмотрела на давно потухшую трубку, а затем, спрятав ее в один из многочисленных карманов, встала на колени и подняла верхнюю юбку. Из кармана нижней она вытащила два кусочка сахара неправильной формы: один небрежно бросила себе в рот, а другой подала Магде, проскрипев:

— На, дочка, отведай, продукт очень полезный, а главное — в наше трудное время редкий.

Распаренные от жарко натопленной печки, обе женщины, старая и молодая, причмокивая губами, наслаждались сладостью, думая каждая о своей нелегкой жизни.

— Прости меня, старую, что-то я хожу вокруг да около, а на главный твой вопрос так и не ответила,— неожиданно, словно выпавший откуда-то из пустоты, снова проскрипел прокуренный голос цыганки.— Вообще-то, как я уже сказала, не люблю вспоминать о прошедшем времени, но тебе, что осталось на задворках моей памяти, расскажу как на духу.

И на старой, выдавшей виды перине, по-детски уложив ноги калачиком, она начала рассказ:

— Давно это было, очень давно...

Немного пригнувшись, чтобы не обратила внимания слушательница, старуха прижала правую ладошку к сердцу и тяжело, словно с плеч сбросив тяжелый груз, тихо произнесла:

— Время — вот перед кем мы, дочка, абсолютно беззащитны! Кажется, что только еще вчера я была молодой, а когда оглянулась — минула целая эпоха! Тогда мне едва исполнилось четырнадцать лет и звали меня Шукар, что в переводе с цыганского означает «красавица». А вот какой на дворе был год, убей, не помню. По-моему, если не ошибаюсь, одна тысяча восемьсот семьдесят пятый. Наш немногочисленный табор кочевал по Бессарабским просторам. Но рассказ сейчас пойдет не о нашем кочевье, и уж тем более не о моем имени. Помнишь, дочка, я сравнивала человеческое счастье с падающей звездой?

— Я бабушка помню все, что вы мне говорили!

— Спасибо, милая, тогда слушай. За свои долгие годы я исходила почти всю землю, но в памяти осталась одна только ночь, а в свидетелях — бесконечная безмолвная степь, да Луна, застрявшая в пологе чернеющего ситца, с любопытством взиравшая сверху на поющих кочевников. Ты навряд ли согласишься, но я даже сейчас ощущаю запах степи. Она пахнет мерцающими звездами, дорожной пылью, не успевшей осесть на землю, которую еще в середине дня смерч поднял в поднебесную высь, бархатистой ковылью, прохладным, вольно гуляющим ветром и, конечно же, одиноким цыганским костром, словно осколок отделившимся от Млечного Пути и неостывшим угольком упавшим прямо к цыганским ногам на спящую Землю. В тот памятный вечер, сидя возле костра, мы распевали песни, они были такие же грустные, бесконечные, как и сама степь.

Поднявшись с постели и снова вынув из кармана трубку, она стала набивать ее табаком. От волнения руки ее дрожали, на лице резко обозначились борозды глубоких морщин, посиневшие губы вытянулись в одну черточку.

— Бабушка, вы не слишком много курите?

Старая женщина удивленно глянула на молодую гадалку, будто впервые ее увидела и, не проронив ни слова, достала из того же кармана спички, долго раскуривала, а когда выпустила клубок дыма, произнесла:

— Нет, дорогая, не много, во-первых, женщины-цыганки дымом отпугивают от себя бесов, а во-вторых, курево цыганке помогает обладать певческим голосом. Кстати, в молодости я неплохо пела.

После второй затяжки она снова уселась поудобнее на перину и продолжила свой рассказ:

— Время уже близилось к полуночи, за границей полыхающего костра стояла сплошная стена непроницаемого мрака, и тут в степи послышался быстрый топот копыт одинокого коня. «Это кому еще не спится?» — спросил старейшина нашего табора. Между тем топот нарастал, и в лунном свете мы увидели силуэт скачущего всадника. Гитарные струны и волнующие звуки скрипки смолкли, все устремили взоры на лихого наездника, который на скачущем коне стремительно приближался к свету.

Когда же незнакомец оказался возле табора, конь, как бы отдавая честь хозяевам пристанища, взвился на дыбы и, радуясь встрече с людьми, оскалив зубы, громко заржал. Ночное эхо подхватило голос коня и понесло его по степи в бесконечную даль, постепенно растворяясь где-то за невидимом горизонтом.

— Здравствуйте, ромале! — громко произнес ночной гость и лихо, как и подъехал, соскочил со своего буланого.

От быстрого бега по светло-рыжему телу коня пробежала дрожь. В скакуне одновременно сочетались красота, грация и скорость. Будто сама природа сотворила его из степного ветра и загадочного ореола таинственности. Парень, как и конь, был молод, красив и по всем признакам — смел. Загорелое лицо, шелковая косоворотка цвета голубого неба, черные штаны, на ногах до блеска начищенные сапоги. Он чем-то напоминал героя из увиденного когда-то мною фильма — не то «Зорро», не то «Морро», точно не помню, — только в тот вечер ему не хватало шляпы и шпаги.

— Доброй и тебе ночи! — на приветствие приезжего за всех ответил старейшина, и молодые цыганки под мелодию «пей до дна...» по цыганскому обычаю на подносе преподнесли гостю чарку. Когда же молодым человеком бокал был осушен, старший, держа в руке трубку, спросил:

— Каким ветром в наши края и как тебя звать?

— Степным, ромале, степным, на запах вот этой красавицы! — и он бросил обжигающий взгляд в мою сторону. — А зовут меня Лечо!

Я почувствовала, как огонь его взора перекинулся на меня, и мое молодое сердце, словно птица выпущенная на волю, радостно забилося. В этот момент я не могла объяснить состояние своей души, она впервые пела о той самой любви, которая не раз являлась мне в снах.

— Ну что вы, ромале, взгрустнули, давайте веселиться! — сказал Лечо и, взяв в руки гитару, запел:

*«...Костер — не костер, если нет огня,
Цыган — не цыган, если нет коня,
Нипочем тумана серый дым
Рядом с другом верным вороным...»*

Боже, как же он пел! Казалось, что его мягкий бархатистый голос слушала вся степь и звезды. Конь, чтобы не мешать хозяину веселиться, чуть отошел в сторону и, прислушиваясь к волшебному пению своего повелителя, слегка аккомпанируя ему колокольчиками, которыми была усеяна уздечка, подкреплялся подножной травой.

Песня прервалась неожиданно, и видимо решив продемонстрировать свой разно-сторонний талант, из рук молодого цыгана гость взял скрипку. Одновременно смычком и пальцем опробовав струны, скрипка, разбуженная незнакомцем, сначала вскрикнула, а затем почувствовав нежное к себе прикосновение, запела. Ее чарующие звуки перемешивающимися радужными красками уносились куда-то в необозримые степные дали, где властвовали ночь и звездное небо. Закончив играть, пришелец вернул скрипку хозяину, поправил на голове волосы, и, словно крыльями взмахнув руками, пустился в пляс. В эту минуту глаза его горели, и снова бросив искрометный взгляд на меня, крикнул:

— Ну что, красавица, разгоним зажигательной цыганской пляской на небе звезды!

Веселились до рассвета, а перед отъездом успел шепнуть:

— Через неделю отсюда уедем вместе, жди! — И, взлетев на коня, гость исчез в предутренней дымке.

Через неделю, ночью, он появился неожиданно. На сей раз веселье длилось недолго. Станцевав с ним танец, я навсегда покинула табор и уехала с любимым в неизвестность...

— Покидая табор, вы не раскаивались в своем поступке?

— Нет, дочка, не раскаивалась, да и никто не мог тогда меня удержать, я просто была счастлива, хотя знала, что еду в неизвестность. К тому же, родителей, как я уже сказала, потеряла в раннем детстве, а стало быть ничто меня в таборе не держало. Но только кто мог знать, что счастье мое будет недолгим?!

— Почему?

В ту ночь мы ехали долго и только с наступлением рассвета приехали в табор, который по численности превосходил наш раза в два. Встретили нас хорошо, Лечо представил меня своим родителям и объявил своей невестой, а через две недели состоялась свадьба. Как и положено по цыганскому обычаю, гостям показали белоснежную простынь, а на ней сгусток моей крови. С этой минуты табор принял меня в свои цыганские владения. Лечо любил меня, и я отвечала ему такой же любовью. Родители требовали от сына детей, а я почему-то не могла забеременеть. Возможно, сказывались переживания за любимого, а может, зачатию мешало что-то другое, что мне не известно до сих пор.

— А почему вы переживали за любимого, были основания?

— Были, дочка, были! Лечо оказался вором, он крал лошадей. К этому опасному промыслу, как я выяснила уже позже, он был приучен с детства.

Прошло полгода нашей счастливой жизни, и однажды темной осенней ночью он спешно стал куда-то собираться. Но я знала куда, и сердце мне подсказывало, что в табор мой муж больше не вернется, поэтому отговаривала, как могла, но мои уговоры были напрасны.

«Женщина, не лезь в мужские дела!» — крикнул он, и это были последние слова, которые я от него услышала.

— Как же, бабушка, дальше сложилась ваша жизнь?

— Никак. Меня сочли колдуньей и из табора выпроводили, ведь до моего прихода Лечо был жив, к тому же от любимого человека я не смогла забеременеть, а это у цыган не прощается.

— Второй раз выйти замуж не пытались? Вы же были такая молодая и красивая!

— Эх, дочка! Похоже, ты невнимательно меня слушала. Мое поколение цыган было совершенно другой закваски. Помнишь, я говорила о мгновении, а теперь, хочешь — верь, хочешь — нет, впервые говорю только тебе: запах любимого, как и запах степи, когда встретила с ним, я чувствую до сих пор, и этим счастлива. Допустить к телу другого мужчину — это означало бы взять на душу большой грех, хотя, скрывать не буду, сватали меня, и не один раз. Сейчас, наверное, спросишь, как я все эти годы жила? Отвечу: где я только не побывала! Как волчица, долгих шестьдесят пять лет мыкалась по белому свету, и, как я уже говорила, почти всю землю обошла пешком, в разные передряги попадала, пока не оказалась вот в этой заснеженной, Богом забытой деревушке...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Сухов
(г. Пенза)

ЗАПАХ ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Валерий Алексеевич Сухов родился в с. Архангельском Городищенского района Пензенской области. Окончил в 1980 году Пензенский государственный педагогически институт им В. Г. Белинского, а в 1996 году аспирантуру при Московском областном университете. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, член Правления Пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор многих поэтических сборников и публикаций в журналах. Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени С. А. Есенина «О, Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня».

ЗАПАХ ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Запах горькой полыни
Мне напомнил опять
Как тоскует о сыне
Поседевшая мать.

На рассвете выходит
За ворота она.
И до вечера бродит
Скорбной тенью — одна.

Сын мальчишкой безусым
Уходил на войну.
И домой не вернулся —
Сгинул в черном дыму.

Пламенеют закаты
Над полынной страной.
В поле боли солдаты
Стали горькой травой...

Горе душу сжигает.
Год за годом идет.
Каждый вечер встречает
Сына мать у ворот.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Купол неба — синий нимб России.
Дождь прошел, и радуга встает.
Влажный чернозем почуял силы.
Умерев, зерно росток дает.

Жизнь над смертью торжествует снова.
И от солнца отползает тень.
Воскресает воинство Христово
После Пасхи на девятый день.

Пламенеют травы на пригорках.
Взрывами черемухи цветут.
Сыновья в истлевших гимнастерках
К матерям седым с войны идут.

ПОХОРОНЫ ДЕДА

Бывают странные совпадения.
Они оставляют на сердце след.
Пришла из деревни — в мой день рожденья —
Телеграмма. Скончался дед...
Я не забуду тот день в декабре.
Морозы тогда стояли под сорок.
Шли мы к кладбищу на горе.
Снег под ногами взрывался, как порох.
В поле нас встретил пронзительный ветер.
Обметала поземка сугробов края.
От ледяного дыхания смерти
Как-то роднее вдруг стала родня.
И долго-долго смотрел нам вслед
Молоденький ельник, посаженный дедом...
Вот, говорят, в ногах правды нет.
А я бы мог поспорить об этом,
Вспомнив корявые корни-вены
Да пару разбитых солдатских сапог.
Из райбольницы после гангрены
Дед умирать вернулся без ног...
Гроб на плечах всплыл на гору, как лодка.
Захлебнувшись, замолк похоронный марш.
И в тишине причитала тетка:
«Папанька! Жалельщик наш!».
Небо высокое стало суровее.
Смертно белело поле окрест.
Вкопан был в мерзлые комья надгробия
Комлем — дубовый обтесанный крест.

Цело тело или короче —
Всех, как мать, принимает земля...
Умер дед двадцать первого ночью.
А наутро —
 родился я.

РУССКИЙ СНЕГ

Я родился в декабрьский мороз,
Когда сыпались звезды с берез,
И сугробы вздымались до неба.
Как снежок, я был слеплен из снега
В час, когда вызревала заря,
Снегириною грудью горя.
И качала седая метель
Светлый месяц — мою колыбель...

.....
Так сквозь радость и сквозь беду
Я по снежному полю иду.
Пусть калечит кровавый век —
Душу лечит мне русский снег.
Приложу я снежинки к глазам —
И откроется жизнь слезам.
Снег — небесная благодать.
Снегом мне б после смерти стать...

РОДНОЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ

В. Н. Крутину

Я родился в селе Архангельском.
Коренном, российском — не ангельском.
Там земная юдоль — не райская,
Церкви нет уже с давних пор.
Но родное село Архангельское —
Вот Архангельский мой собор.

Без молитвы душа томится.
Без истоков мелеет река.
И пора мне к ним возвратиться,
Чтоб увидеть родные лица
И святой водой причаститься
Из Михайлова родника.

СТАРЫЙ ДОМ

Подкатил мне под горло ком —
Вновь я вспомнил родимый дом.

Покосилось его крыльцо.
Почернело для зыбки кольцо.

По-старушечьи сгорбилась матица.
И моя жизнь под гору катится.

Вспомнил я на закате дня,
Как гуляла моя родня!

Дом для праздников был не тесен.
Сколько спели в нем русских песен!

Годы шли... И в последний раз
Он собрал на поминки нас...

Смертным холодом печка дышит.
Оседает могилой крыша.

Умер дом, как родной человек.
И занес его окна снег.

СЕНОКОС

О росу косою звеня
В утреннем тумане,
Дед косить учил меня
На лесной поляне.

Васильковая роса
Осыпала звенью.
Но не слушалась коса —
Все вонзалась в землю.

Но окрепли крылья рук.
Взмах взлетал за взмахом.
И просохла на ветру
Потная рубаха.

На душе так хорошо!
По плечу мне горы.
Вдруг пошел, пошел, пошел
Сам легко и споро...

Было радостно до слез
В благовест рассвета
Первый свой пройти прокос
По макушке лета.

И валок окинув свой,
К роднику спуститься
И его живой водой
Досыта напиться.

Знал я счастье бытия!..
Смерть махнет косою —
На сырую землю я
Упаду с травкою.

За один последний миг
Жизнь перелистаю.
Вспомню тот покос, родник —
И росой растаю.

ПОГОСТ

Высокий холм вздымается в крестах.
И слезы застывают на глазах.

Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.

Качнусь от горя я — без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.

Скрестила руки на груди родня —
И ждет не в гости — насовсем меня.

РУКОЙ ПОДАТЬ ДО БОГА

*Умирающая деревня,
Вечная память тебе.*

Сергей Есенин

Иду домой, как в гости,
Один среди людей.
Качнулся шаткий мостик
Из сгорбленных жердей.

Рукой подать до Бога,
Да не дойти никак.
Покрылась льдом дорога,
Как времени река.

В деревне умирающей
Порядок поредел...
Среди родни на кладбище
Я место приглядел.

На родину вернулся,
Чтоб мать в живых застать.
На тень ее наткнулся,
И дрожь не смог унять.

Прошла и не узнала
Седая, словно смерть.
Кого она встречала
Дорога, мне ответь?!

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Стал я тенью среди бела дня —
Не узнала родина меня.

Не признала вещая старуха,
Кашляя надрывно, тяжело, глухо.

Оборвалась древняя стезя.
А прожить без родины нельзя!

Долго мне она смотрела вслед.
Оглянулся я — и вспыхнул свет!

Так пронзила молния меня
И остался пепел от огня...

Тучей закружится в небе тьма.
Зарокочат грозные грома!

Бездною разверзнутся поля —
Но не примет мать — суха-земля.

Как отец, сурово глянет небо.
Онемею от его я гнева.

И закрутит смерч на вольной воле
Мою душу — перекасти поле!

ПОЛЫНЬ

С холма окину взглядом склон.
Волнение сердце заколышет.
Полынь взяла меня в полон.
Она вселенским горем дышит.

И боль от времени больней.
Ее не вырвать, словно жало.
Родную землю до корней
Обжег огонь степным пожаром.

Где билось полымя — полынь.
Седое поле — пепелище.
Полынь, куда глаза ни кинь.
Над ней по-скифски ветер свищет.

Сорвешь полынь — и сам не свой.
В жару, как погорельцу в стужу,
Святой и горькою тоской
Полынный дух сжигает душу.

Андрей Лушников
(г. Вологда)

Андрей Евстафьевич Лушников родился в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил факультет журналистики Алтайского государственного университета. Работал журналистом, редактором. Печатался в литературных журналах. Автор шести сборников стихов и прозы. Член Союза писателей России.

ПО ВОЛОГДЕ-РЕКЕ

Сбежав от вологодской пыли,
На белом-белом катерке
Четыре странника поплыли
В круиз по Вологде-реке.

Поплыли мимо захоlustья
К избушкам старым на мыску —
Там, где река в местечке Устье
Впадает в Сухону-реку.

Свои поплыли, не туристы,
Еще совсем не старики,
Ни дать ни взять — евангелисты,
Четыре всадника реки.

Из-под руки, с какой-то грустью,
Они смотрели на восток.
Чем ближе движемся мы к устью,
Тем ближе кажется исток.

* * *

Пока в мастерской домовина —
Душой согревается дом
И светлой реки половина
Еще не затянута льдом.

Пока еще учится плавать
В широкой протоке река
И в самую тихую заводь
Выводит гулять облака.

Простора распахнуты дверки
И август еще не предвзят.
И долго еще водомерки
На тонких конечках скользят.

Ревет где-то смерть, как турбина.
Стремится стремнина вперед.
Качнется у дома рябина.
Качнется и снова замрет.

ВЕСЕЛАЯ ЗАРЯНКА

Чтобы надышаться кислородом,
Не поеду ни в какой Давос,
Буду в куче, что за огородом,
Ковырять лопатою навоз.

Покосилась вся моя времянка.
Шутка ли — полвека за спиной.
И сидит на рабице зарянка,
Весело балакает со мной.

Шутка ли — всю жизнь отдать неврозам.
И всю жизнь точить свое тесло.
Сердце я обкладывал навозом,
Но оно ничем не проросло.

Неужели там, на небе, глухи?
И на сердце от большой тоски
Только растревоженные мухи,
И еще жуки да пауки?

Жизнь моя, ужели ты жестянка?
Иль в тебя не тот бензин залит?
Ловит мух веселая зарянка —
Сердце мне надежда веселит.

* * *

В окошке все краски весеннего дня.
На парте раскрыта тетрадь.
Учитель сегодня оставил меня
Ошибки мои исправлять.

Я глажу упрямый льняной вихорок,
Задачи решаю верней
И даже не знаю, что этот урок
Продлится до смерти моей.

* * *

Над Рубиконом взорван мост.
Душа горит у переправы.

В ночи на станцию Погост
Идут последние составы.

Печать последняя снята.
И все попутчики нестары.
В проходах узких теснота,
Плечами трутся санитары.

Я чую, что начмед непрост,
И то, что будет с ним не сладко,
И что на станции Погост
Нас ожидает пересадка.

* * *

Где роятся в малине журчалки,
Так похожие с виду на пчел,
Я глотку дорогой минералки
Горсть воды ключевой предпочел.

Пусть в ключе моем радости мелко
И так много вокруг моего,
Я-то знаю, что всюду подделка
Любит подлинник больше всего.

Я-то знаю — поддельные жалки.
Я в лукавых фасетках прочел
Как роятся в России журчалки,
Так похожие с виду на пчел.

* * *

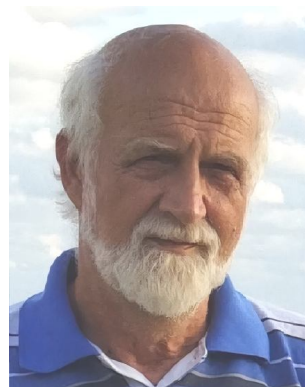
Дом — как лодка с разбитой уключиной.
А хозяин, себя не щадя,
До рассвета, с постели измученной,
Встал и вышел под зонтик дождя.

Смерть к утру приходила за лакомым.
Чай в заварнике стынет спитой.
А его, за окошком заплаканным,
Ночь водой окропляет святой.

Дождь в дорогу — примета хорошая.
Хорошо пробираться сквозь тьму.
И могила, травую поросшая,
Станет верной порукой тому.

Игорь Отчик
(г. Лыткарино Московской области)

ТВОРЧЕСТВО

Родился в 1951 г. в г. Мозыре Гомельской обл. Несколько лет в детстве жил в г. Брагине той же обл. Образование высшее. Работал в организациях электроэнергетики Молдавии и России, специализируясь в программировании, статистике, аналитике, экономике. Ветеран энергетики, заслуженный работник ЕЭС России. Проживает в Подмосковье. Прозаик, поэт, литературный критик, эссеист. Автор трех книг (поэзия и проза). Имеет публикации в изданиях России, Украины, Молдавии, Литвы, Израиля и Бельгии. Критические публикации в «Эмигрантской лире» (Бельгия), «Литературной газете» и «Независимой газете» (Россия).

ХУДОЖНИК

Славе Лисенкову

Открылась дверь, и странная фигура
Вошла, качнувшись, в наш невзрачный дом.
С тяжелым вздохом, исподлобья, хмуро
«Здорово, граф!» — бормочет он с трудом.

Багровый нос, нечесанные патлы,
Пиджак потертый, порванный карман:
«Сидите здесь... Но вы не виноваты.
И не понять вам, почему я пьян!»

В промокших башмаках — попал под дождик:
«Молчи, графиня! Я тебя люблю...
Скажи мне, граф, хороший я художник?
Давай стакан, я и тебе налью...»

Он мрачен, хоть с утра опохмелился,
В его кармане булькает портвейн:
«Молчите! Я во Франции учился —
Эль Греко, Рафаэль, Рембрандт ван Рейн...

Я знаю всех! Я раньше жил в Париже,
Философа Платона изучал,
Я на Монмартре жил, под самой крышей,
И рисовал их Северный вокзал...

Да, я запил. Набрался, как скотина.
Мне надо выпить, а потом уснуть...
Вот северный этюд. Купи картину —
Я не продам ее кому-нибудь.

Цена ей скоро будет — миллионы!
Ван Гога не ценили, дураки, —
И за моими на аукционах
Потом гоняться будут знатоки.

Я жил не зря. И я не хмырь пропащий!
Мои картины — память обо мне».
...И вышел он под дождик морозящий —
С рублевками в руке, с побелкой на спине...

ПУСКАЙ ПОЕТ ДУША

Сергею Толстому

Когда на гладь морской волны ложится отблеск лунный,
И южной ночи тишина чертовски хороша,
Рука твоя, лаская гриф, перебирает струны,
И, набирая высоту, парит твоя душа.

Ты счастлив, милый дуралей, и ты не понимаешь,
Что тему новую свою так искренне ведешь
Пока ни горя, ни беды, ни зависти не знаешь
И музу-музыку свою не продаешь за грош.

Ты слышишь? Где-то в небесах мотив волшебный льется —
Лови его! Струне души умолкнуть не давай —
Пуускай поет она, душа, пока душе поется,
Покуда в ней еще цветет благословенный май.

Пусть освещает жизнь твою надежды теплый лучик,
И пусть гитарная струна звенеть не устает —
Чтоб сделать этот грешный мир хотя б на ноту лучше.
Так пусть поет твоя душа и просится в полет!

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ФИЛЬМ!

Эльдару Рязанову

Какой прекрасный фильм! Кто создал это чудо?
Кто этой правды жизненной творец?
Ведь это наше все, а не из Голливуда —
Счастливый, добрый, неожиданный конец.

Кто создал этот мир, чудесный и реальный?
Как ухитрился из актеров выжать страсть?
Как смог поставить монолог исповедальный,
Чтоб публика прониклась и ревела всласть?

Как подобрал живую музыку к картине
И композитора сумел мечтой увлечь,
Чтобы поднять нас над корыстью и рутинной,
Чтобы сердца и души красотой обжечь?

Как из поэта выжал искренние строки,
Чтоб за столом их дружно пел простой народ?
Пусть наш народ и не оценит слог высокий,
Но песню добрую, коль выпьет, запоет!

А сколько раз он оператора обидел!
Чтоб на экран сценарий точно перенес
И снял все сцены так, как он хотел и видел,
Как все задумал этот воспаленный мозг.

Как он сумел вдохнуть в героев жизнь, витальность,
Чтоб вызвать в нас сердечный вздох иль звонкий смех?
Как смог в придуманную им кинореальность
Вместить все то, что на душе у нас у всех?

А сколько нервов потерял из-за цензуры!
Обидно вспоминать, хоть было и давно,
А ныне этот фильм — наш памятник культуры.
...Но как валил народ на прежнее кино!

КАРТИНА НА СТЕНЕ

Мой взгляд невольно привлекла картина:
В лучах заката — тундра, чахлый лес,
Болото бурое, канава и купины,
А сверху — чистота сияющих небес!

Картина эта — символ нашей жизни:
Есть высший мир над бренностью земной.
Художник умерший! Ты так и не был признан
Ни публикой капризной, ни страной.

Ты жил богемной, бесприютной жизнью,
Очаг семейный так и не зажег,
Но женщины тебя любили бескорыстно —
За то небесное, что дать другой не мог.

Ты знал страдания, житейскую непруху,
Запой, нищету — и творческий азарт,
Когда огонь таланта, страсти, духа
Горел в твоих неистовых глазах.

И в эти Богом данные мгновенья,
Отринув здравомыслия покой,
Небесный дар любви и вдохновенья
Владел твоей всесильною рукой.

И пусть не удалось отобразить и доли
Того, что озаряло воспаленный мозг,
Своей счастливой незавидной доле
Ты верность до последних дней пронес.

Ты, как сумел, распорядился божьим даром,
Не праведником жил, но не во зле,
Ну а бессмертия иного не бывает —
Лишь след, что мы оставим на земле.

МУЗЫКАНТ

Сергею Батову

Мой друг играет для души на стареньком кларнете,
За нотой нотой узор синкоповый плетет
В тот редкий час, когда уютно людям на планете,
Когда вечерняя заря над городом цветет.

Сыграй, Сергей, и для друзей, они так редко рядом,
И наши встречи коротки. Отозвалась душа
На звуки музыки твоей, на дружеские взгляды —
Давай, Серега, отплываем не спеша.

Мы отплываем в синеву и переливы блюза,
Чтобы развеять грусть-тоску скучающих сердец,
Чтоб позабыть хотя б на час заботы и обузы —
Играй, Сергей, ты наших душ и лекарь, и ловец.

Пуускай укачивают нас импровизаций волны,
Пусть бархатистый баритон уносит в небеса,
И этот бездуховный мир гармонией наполнит,
А мы доверимся ему, как в детстве чудесам.

Играй, Сергей! И пусть тебе живется как поется,
И чудо-дудочке своей умолкнуть не давай —
Пуускай негромкий голосок ее над миром льется.
Давай, Серега, звонче ноты выдувай!

Татьяна Горчакова (Гречишкина)
(г. Алексин Тульской области)

Родилась д. Белоозеро Тульской обл. С 1967 г. живет в г. Алексине. Член ЛИТО «АЛЛО» г. Алексина. Печаталась в тульских литературных изданиях. Автор нескольких книг.

ТУМАН

Над рекою туман на рассвете.
Ясным будет весь день по примете.
Молоком он завис над домами
И укрыл все густыми слоями.

Заблудилась, как «ежик в тумане»,
А найду ли дорожку я к маме?
Отыщу ли в деревне местечко,
Где распахнута дверь на крылечко,

Где встречают всегда с пирогами,
С молоком да с простыми речами?
Обливается кровью сердечко,
Ведь в ответ не дождусь ни словечка.

Нет давно уже родненькой мамы.
Не положит конфет мне в карманы,
Не приветит в пустующем доме.
Лишь соседский злой пес вдруг завоет.

Ближе к дому туман все густеет,
Ту реальность раскрыть он не смеет.

КАПЕЛЬ

Кап — кап! Капель не ленится,
Стучит, звенит с утра.
Сосульки, млея, светятся
От яркого луча.

Днем лужею растеются
Среди всего двора.

А в ночь опять метелица
Припорошит дома.

И лишь рассвет забрезжится,
Вновь постучит весна.
Зима в постельке нежится,
Не хочет сдать дела.

Но все ж с водою вешнею
Сберется в путь она
И от тепла весеннего
Закусит удила.

Зима была вся снежная,
Знать быть «большой воде».
Сбежит с гор в речку здешнюю,
Дорогу дав весне.

ВСЯ ЖИЗНЬ В ПОЛОСКУ

Закружили, завертели
Нашей жизни карусели.
Были взлеты и падения,
Были слезы очищения.
Не бывает все чтоб гладко,
То нам горько, то нам сладко.

И моя судьба в полоску:
То как рыба бьюсь об доску,
То плыву сплошь по течению
В гавань близкую к везению.
Но все чаще неудачи
Достаются при раздаче.

А невзгоды — закаляют
И борются заставляют
Через годы и мгновения,
Аж до самого старения.

Нам чрез тернии был создан
Путь, ведущий прямо к звездам.

ПОТОМКИ ПИРАТОВ

Потомки пиратов, опять за свое?
Слететься готовы все, как воронье.
А зря вы стравили славянский народ,
Ведь все бумерангом — да в ваш огород.

Не радуйтесь, рано вам Русь хоронить
И наши просторы на картах делить.
Не будет пути вам по крови чужой,
Не видеть и пяди землицы святой.

Запомните, Бога нельзя обмануть,
Он видит шакалью, гнилую всю суть.
Зачинщиков смуты в аду ждут на пир.
Одумайтесь, лучше боритесь за мир.

ОТЧИЙ ДОМ

Отчий дом с голубыми глазницами
Навсегда будет в сердце моем.
Освещались в нем детство зарницами,
Там спала безмятежным я сном.

Было детство тогда беззаботное,
Но промчалось то время стремглав.
Все хорошее — все мимолетное.
Прожила, счастье так не догнав.

Кров был брошен и предан забвению
И родителей нету давно.
Стало жить тяжело населению —
Опустело родное село.

Вмиг исчезло из карт поселение,
Не угнаться мне за миражом.
Посещаю свой край в сновидениях,
Он зовет, манит за окаем.

Отчий дом с голубыми глазницами —
Не забуду его никогда!
Лишь закрою глаза я ресницами,
Окунаюсь в былые года.

ЛЕТНЯЯ СИМФОНИЯ ЛЕСА

Пришла к нам летняя, веселая пора.
Природа красками и звуками полна.
А солнце светит жаркое уже с утра
И гонит в лес нас за прохладой со двора.

В лесу, под брызги первых утренних лучей,
Старается, выводит трели соловей.
Ему подтягивает вскоре птичий хор.
Поют все дружно, как народный наш «Махор»*.

Звучит в лесу мелодия со всех сторон:
Звенит, шумит листва, то слышен ветра стон.
Журчит серебряной струной ручей лесной.
Гудит над кронами всех лип пчелиный рой.

* «Махор» — (народный Махор) — известная музыкальная телепередача Я. Сумишевского.

То дятел застучит, трудясь все над сосной.
То вдруг сорочий гвалт нарушит жизни строй.
И громко ведь трещат, не зная в песнях толк.
То затрубит там лось, завоюет позже волк.

Гимн жизни и любви поют наперебой...
Устанут к ночи и уйдут все на покой.
Спеши, послушай какофонию. Постой!
А называют то «Симфонией лесной».

ВСЕМ НАРОДАМ!

*Тема взята из псалтиря
«Песнь степеней», 132*

Живите, братья, вместе,
Вам Бог желает мира.
От века и до века
На вас стекает мирра.

Божественной слезою,
По бороде Аарона;
Стекает вниз рососою
На горы из Сиона.

Вам дал Господь заветы,
Где есть на все ответы.
Грядет господство света
От века и до века.

Так будьте же терпимы,
Во всех делах едины.
В том будет ваша сила
Для праведного мира.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

«И ПРАВИТ МИРОМ ВНОВЬ ЛЮБОВЬ»
Из цикла стихов «К Наталье (НВГ)»

Наш постоянный автор.

* * *

Я к тебе обращаюсь на «Вы».
Но при этом люблю как мальчишка.
Не жалея своей головы,
О тебе много думаю, слишком.

Хоть немало препятствий порой
Может встретить влюбленная пара,
Нас они не пугают с тобой,
Не теряли мы времени даром

И друг друга хотели узнать
Ближе, лучше, чтоб ясно все стало.
Но удача — злодейка опять
Отвернула лицо свое. Мало

Я сказал тебе ласковых слов,
На просторах ночной синевы.
Ты пришла ко мне словно из снов,
А к тебе обращаюсь на «Вы».

* * *

Небо прояснилось. И на нем
Я звезду увидел — это Ты.
Дарит свет она мне даже днем
И Любовь с огромной высоты.

Я Натальей назову ее,
Ведь она прекрасна — как рассвет.
Счастье обрету я с ней свое,
Неземной приняв ее привет.

Две звезды, и обе вы — Наташи,
Ты — со мной, она всегда вдали.
Не найти тебя на свете краше.
Посмотри, как тучи поползли —

Небо прояснилось. А на нем
Я звезду увидел — это Ты.
Дарит свет она мне даже днем
И Любовь огромной высоты.

* * *

*Во времена средневековья
благородный рыцарь,
расставаясь с дамой
своего сердца и
припав на одно колено,
нежно целовал ей руку.*

Можно мне тебя поцеловать?
Только в ручку, каждый пальчик нежный.
Миром правит ведь любовь. Опять
Не лишай меня моей надежды.

Каждый пальчик — словно лепесток,
Тонкое, прелестное создание.
Разве я мечтать об этом мог
День назад? Сегодня, на прощанье,

Можно мне тебя поцеловать?
Только в ручку, каждый пальчик нежный.
Миром правит ведь любовь. Опять
Подари мне капельку надежды.

* * *

Свет погас и музыки не стало.
Только пламя множества свечей.
В зале ресторана очень мало
Посетителей, охрана у дверей.

Ты сидела молча, улыбалась
И пила глоточками вино.
Наша встреча для меня не малость —
Это праздник жизни. Как в кино,

В нем так сложно угадать финал,
Но набраться надо нам терпенья.
Я тебя сегодня долго ждал,
И теперь мы — вместе! Без сомненья

Мир спасает только красота,
А любовь лишь управляет им.
Ты — моя красивая мечта,
Чувствую себя вновь молодым.

Свет погас и музыки не стало.
Видно пламя множества свечей.
Мне для счастья надо очень мало —
Только чтобы ты была моей.

* * *

Ты меня уже свела с ума,
Даже стала сниться по ночам,
Не желая этого сама.
И навстречу солнечным лучам

Ты несешься, словно в небе птица,
Приближая золотой рассвет.
И в тебя так трудно не влюбиться,
Красоты, твоей подобной, нет.

Я всегда ищу с тобою встречи
И ловлю твой каждый нежный взгляд.
Ведь как только наступает вечер,
Я тебя увидеть снова рад.

Ты уже свела меня с ума,
Часто вижу я тебя во сне.
А проснусь — один лежу, и тьма,
И становится тоскливо мне.

* * *

Какое ты прелестное создание!
Тебя бы я хотел нарисовать.
Так много тайн хранит твое молчанье,
Оно волнует душу мне опять.

Хочу тебя я описать словами,
Чтоб отразить всю красоту лица,
Бездонных глаз, нетронутых слезами,
Которые волнуют так сердца,

Мужчин, смотрящих на тебя с надеждой
Поймать невольно твой игривый взгляд,
Который ты не спрячешь под одеждой,
Его не скроет никакой наряд.

Твой взгляд волнует душу мне опять,
Так много тайн хранит твое молчанье.
Тебя бы я хотел нарисовать,
Ведь ты такое милое создание.

* * *

*Дни сочились, как свежие раны,—
тоской, одиночеством, суевериями,
предчувствиями.*

В. Пикуль. «Ступай и не греши»

Дни сочились, как свежая рана,
Солнца свет заменяла мгла.

Мы живем в мире зла и обмана,
Между нами разлука легла.

Солнца свет заменила мгла.
Поскорее бы утро настало.
А меня ты простить не смогла,
Лишь сказав: «Я терпела немало,

Жили мы в мире зла и обмана,
Сколько можно такое терпеть?!
Все хотела любви и романа,
И достойна всего была ведь.

Между нами разлука легла.
А за нею придет расставанье.
Все в душе вдруг сгорело дотла.
И прощай. Не скажу «до свиданья».

Николай Полотнянко
(г. Ульяновск)

Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литинститут, 1975. Работал журналистом, редактором журнала «Литературный Ульяновск». Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат Всероссийской премии им. И.А. Гончарова, 2008. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Живет в Ульяновске.

ДУША РОССИИ

Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России
Как погорелец, потерявший дом.

То к Западу качнется, то — к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладает к Богу,
То вспыхнет верностью к нему.

То, в смуту впав, опять себя терзает,
Без милосердия все вокруг круша.
И только вещей черный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.

Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской гольтьбе,
Господь поволит знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭТА

Одушевляя ночь, исходит свет лучистый
Из тьмы, и над просторами страны
Сияют звезды пламенно и чисто...
Как много их, так далеки они!

Но иногда мне кажется, что рядом
Пульсируют они, как будто ртуть.
И я слежу за ними ждущим взглядом,
Стараясь не мигнуть и не спугнуть.

И в тишине сияния ночного
Я верю, что пробьет урочный час,
И прозвучит спасительное слово
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткется из крупинок света
И ярко вспыхнет письменами звезд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост

Как отраженье божьего сиянья;
И падших, нас, услышит и узрит,
И чаянья народа, и страданья
Глаголом милосердным утолит.

СУДЬБА РОССИИ

Александру Никонову

Не тяготит мне душу ремесло
Поэзии, хотя я понимаю,
Что всех поэтов русских унесло...
Я опоздал. И взглядом провожаю
Кибитку с Пушкиным, она уже далече,
В созвездьи Лиры. Вьется Млечный след.
Поток времен бесстрастен, бесконечен.
И мне не повторить твой путь, поэт!

Где утро русское, воспетое тобой?
Державы полдень минул. Скоро вечер.
А там уж близко сумерки России.
Жаль не дано тебе повелевать судьбой.
Но гений твой коснулся крайней тьмы,
Пред коей все пути кончаются земные,
Где души проданы, ослеплены умы...

Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святынь!
Следы необратимого распада
Видны на всем, куда свой взгляд ни кинь.
Давным-давно мы тлеем — не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним.

В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы — от полутьмы.
Наш порох отсырел, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.
Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом прозрении.
Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасение.

МЕТЕЛЬ

День шел к закату.
Боязливо
Сокрылось солнце в тьме густой.
Поземки белые извивы
Текли по улице пустой.

Два фонаря плеснули светом
На школу, баню, магазин.
Струился флаг над сельсоветом
Сквозь пряди белых паутин.

Смеркалось. Непогодь крепчала,
Взбивая снежную волну.
Я взял стакан крутого чая
И обратил свой взгляд к окну.

Метель ко мне в проулок узкий
Заволокла свой пышный хвост.
Сначала кралась по-пластунски,
Затем поднявшись в полный рост,

Кружилась, прядала, свистала,
Визжала, плакала, мела.
Снега в сугробы трамбовала
Ничуть не ниже крыш села.

Была в ней творческая сила,
На все, что есть, летучий взгляд.
Она легко преобразила
Меня на свой метельный лад.

Пока моя поэма-птица
Еще не встала на крыло.
В чужом доме с пустой божницей
Зачаться ей не повезло.

Я начал плыть, не вспомнив Бога,
И вскоре тяжело сел на мель.
Но мне явилась вдруг подмога —
Слепая буйная метель.

Она меня расшевелила,
Растормошила улей слов.
Душа в себе достала силы
Освободиться от оков.

И замелькали роем лица,
Прощанья, встречи, поезда...
И ожила поэма-птица
В горниле творческом труда.

Я записал все то, что пела
Метель всю ночь.
В начале дня
Поэма-птица ввысь взлетела,
Освободившись от меня.

Ее началом был случайный
Поэта осенивший бред.
Она собой явила тайну
Преображенья слова в свет.

НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧИТАТЕЛЬ МОЙ СЛУЧАЙНЫЙ

Не для того, читатель мой случайный,
Я написал стихи, чтоб поделиться тайной,
Как в жизни преуспеть...
Нет, цель моя проста:
Я не скажу тебе, что жизнь твоя пуста,

Что разумом тебя не наградили боги,
Что зря ты пыжишься и надуваешь щеки,
Дабы придать значительность себе.
Нет, ты не неудачник по судьбе,

Ты — представитель нового народа,
Не знающего плуга и завода.
И веришь в то, чего не знаю я,
Поэтому и не гожусь тебе в друзья.

В наш век ты беззаботен, я смешон,
Над чем ты потешаешься, я плачу.
Удачей в жизни ты не обойден,
Ты значишь все, я очень мало значу.

Но ты еще ни разу не страдал,
Не спотыкался, зря не тратил силы.
Еще ни разу ты не наступал
На скользкий край зияющей могилы.

Когда-нибудь в нее заглянешь ты
И прикоснешься к гибельному краю.
Обычной человеческой беды
Тебе я для прозрения желаю.

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

На кладбище, пристанище людском,
Всем грустно от предчувствия разлуки.
В старинный храм, осыпанный снежком,
Крестясь, входили дети и старухи.

Я обошел его со всех сторон.
Сырые стены вспухли от мороза.

Ряды могил. Осины и березы
Вплелись корнями в запредельный сон.

Кресты и звезды. Просто бугорки.
Пропеллер «яка». Кружева оградок.
О тех, что бесконечно далеки,
Теперь подумать можно без оглядок.

Кто им сейчас я, кто мне все они,
Лишь знаю я да старое кладбище.
Сюда, как на родное пепелище,
Я прихожу в родительские дни.

Есть час, когда душа беседует со мной.
И, словно храм величественный, дума
О неизбежной брэнности людской
Парит на крыльях городского шума.

БАБОЧКА

Обещает радио тепло:
Оттепель надолго установится.
Между рам порхает и в стекло
Бьет крылами бабочка-лимонница.

И куда торопится она?
Что спросонья ей, неловкой, грезится?..
Ведь вокруг зима, а не весна,
До нее еще почти два месяца.

Видно не по нраву ей житье
Взаперти за рамами и стеклами.
Отогрело солнышко ее —
Запорхала крылышками блеклыми.

ОЗЕРО НЕБЕСНОЕ

Рябь желтого песка, как черепаший панцирь,
Играет светом на прибрежном дне.
И золотых стрекоз порывистые танцы
Беззвучны в предвечерней тишине.

На берегах бессменным караулом
Стоит насквозь пронзенный солнцем лес.
И кажется, что озеро уснуло,
Вобрав в себя лазурный цвет небес.

Но гладь воды обманчива. Глубины,
Где бьют ключи, ознобно холодны.
Мелькают рачьи клешни, щучьи спины,
И водоросли темно-зелены.

В них прячется большой замшелый камень,
Что ключ к разгадке озера хранит.
Здесь некогда, извергнув гром и пламень,
Взорвался над землей метеорит.

Под ним кора земная расступилась,
С небес три дня потоки вод лились.
И озеро чудесное явилось,
Чтоб продлевать усталым людям жизнь.

Мне довелось однажды погрузиться
В живую плоть прозрачной воды,
И ощутить себя подводной птицей,
И видеть мир озерной суеты.

Рябь желтого песка, как черепаший панцирь,
Играла светом на прибрежном дне.
И рыбьей молодежи затейливые танцы
Сверкали серебром в упругой тишине.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ ТОПОРЩИТСЯ

Путями поднебесными
Нахоженной тропой
Весна приходит с песнями,
А осень — с тишиной.

Последний лист топорщится
На клене у плетня.
Ему о чем-то хочется
В упор спросить меня.

Ответ давно я знаю.
Он ясный и простой.
И бережно срываю
Кленовый лист сухой.

— Лети, приятель, по ветру,
Будь счастлив, так и быть!
И я отправлюсь по миру
Вслед за тобой бродить.

Курлыканья прощальные
Не слышу с высоты.
Настали дни печальные
Предзимней немоты.

Ледок прихватит Волгу,
Замолкнет плеск волны.
Осталось ждать недолго
Мне полной тишины.

Игорь Игнатъев
(г. Алексеевка Белгородской области)

Игорь Сергеевич Игнатъев родился в городе Строитель Белгородской области. Окончил Курский государственный медицинский университет. Работает врачом-хирургом в городе Алексеевка Белгородской области. Настоящая публикация — «проба пера».

* * *

Все до банальности наивно,
Все до банальности старо,
Как охры цвет весьма противно
Лежит на выцветшем панно.

Вот также точно наши души
С годами выцветают в прах.
Жизнь коротаем, все разрушив,
И ищем счастье впопыхах.

Под звон страдающих часовен
Опять клянемся мир любить,
Лишь преклонив колени вровень,
Спешим по новой согрешить.

И крест сжимающие руки
Вдруг развенчают все вокруг —
Напрасны тягостные муки —
Замкнут собой порочный круг.

Все до банальности наивно,
Все до банальности старо...
Твой мир вчера еще ретивый
Сегодня падает на дно.

И все опять придет к началу —
Во тьме тоннеля брызжет свет.
Ведь охра тоже поначалу —
Довольно нежный, теплый цвет...

* * *

Где небо ранено закатом,
Там алых слез стоят моря.
А звезды ровно миллиардом
Кидают в бездну якоря...

Обрубленный осколок солнца
Змеей залез за небосвод
И видно уж коснулся донца
Морских чудес богатых вод.

Природа пустоши не терпит,
Луна взошла на небосклон,
Колючий серп давно уж метит
При жизни отпустить поклон.

Там две души покой не знают,
Взрывая ночь своим огнем,
Ежесекундно умирают,
К утру рождаясь день за днем.

И будто дети замирают,
Взглянув на ночи красоту,
Свой взор к другим мирам бросают,
Не прикрывая наготу...

КОЛЫБЕЛЬ

Я шаг за шагом в перепутье,
Предвосхищая красоту,
Забыв о комнатном уюте,
Глотаю за верстой версту.

Трава недавно народилась
Наружу сквозь земельный плен,
Вся в инее она искрилась,
В смятенье жажда перемен.

Рассветный холод самый лютый
Природу все не отпускал,
И лес раздетый и разутый
Скрипел, ознобом весь дрожал.

Он не проснулся от морозов,
Кору седлали желваки,
Навис вдоль глиняных откосов,
Обрывов медленной реки.

От холода ворча, конечно,
Деревья стонут чернотой
И ждут, когда весна поспешно
Окутает стволы листвой.

И этот скрежет, ветром данный,
Манит туда, где леса нет.
Луга окутал плед туманный.
Весь в перламутре встал рассвет.

Я сел на пень и наслаждался,
Свой взгляд промеж красот стеля.

В святую колыбель пробрался,
Родная милая земля...

БЕЗДОННАЯ ХМАРЬ

Бездонная хмарь.
Отливы, приливы...
Тут помнится встарь,
Мы были счастливы.
Лозой спозаранку
Сплетались в постели,
Что хворост в вязанку,
Что трель свиристели,
В тумане впивались
В стук сердца лихого,
Бутоном вскрывались
Цветенья шального.
Душой зацепившись
Друг другу в объятья,
Любовью напившись,
Шептали заклатья.
Бездонная хмарь.
Отливы, приливы...
Полночный фонарь —
Маяк терпеливый
Запомнил страданья,
Тяжелые слезы
Что в час расставанья
Распутали лозы.
Любовные чары
Почили в тумане,
И сердца удары
Зажаты в капкане.
Все будет забыто
Сквозь годы, морщины,
И сердце закрыто,
И души ложбины.
Бездонная хмарь.
Отливы, приливы...
Все помнит фонарь —
Маяк терпеливый.

ПОСВЯЩЕНИЕ

«Что хочешь ты?» — меня спроси.
Уйти в сожженные закаты
Вдоль, поперек, не по оси,
Чтоб не нашли координаты.

Хочу я грянуть, будто гром,
Пространство заполняя песней.
Хочу потухшим быть костром,
Вновь вспыхнуть во сто крат чудесней!

Хочу в луга, в леса, в поля,
Познать всю суть первоначала:
Как можно, крылья опала,
Опять дойти до пьедестала?

Хочу прижать к себе тебя,
Как мать цветущего младенца —
Душой заботливой пленя,
Оберегать биенье сердца.

И просто быть хочу собой:
Тревожить дух как ревность-стерва,
И возбуждать сердечный бой
Струной натянутого нерва!

* * *

Не видят те — душой кто слеп,
Не слышат те — кто духом болен.
Их жизнь похожа на вертеп,
Они лишь куклы в ней, не боле.

Их мир ослеп, их мир оглох
И, к небу поднимая руки,
Они зывают до богов
Во власти круговой поруки.

Нетленен тот — чья грудь броня.
Кто в час решающего боя
Не преклонил колен, звеня
Щитом и не нарушив строя...

ДО НЕБЕС

Когда под пылкой страстью точно
Сердца, что колокол, звенят,
И поцелуи очень сочно
Ложатся, будто их гвоздят,

Люгуешь каждое мгновенье,
По новой, снова повторять
Любви неистовой движенья
И в похоть с головой нырять.

И каждым взглядом, каждым нервом
Огонь все выше разжигать,
Чтоб стать единственным и первым,
Кто до небес сумел достать.

И там, рука об руку взявшись,
Чтоб в облаках не утонуть,
Ты бога попроси, обнявшись:
«Лишь с ней пустите в рай шагнуть!»

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

В комнате таинственные тени
Прячутся за мебелью, в углах.
Холодно. Но согревает тело
Легкая накидка на плечах.

Я сижу недвижно на диване.
Думаю и грежу в тишине:
Что прошло — того уж не воротить.
Только мысли снова о тебе.

Где-то в глубине всплывают звуки
В нежных переливах серебра.
Задевают и ласкают душу
Ласковым порывом ветерка.

Проплывают разные виденья:
Детство, юность, сказочный пейзаж,
Страсть, тоска, что разрывают сердце,
Поцелуй горячий на губах.

Музыка тонка, светла, печальна.
В ней любовь, надежда, доброта.
Камертоном сердце застучало.
Встрепенулась спящая душа.

ВОСПОМИНАНИЯ

В мягком воздухе разлит осенний запах.
Он дурманит терпкостью вина.
И шуршит, пружиня под ногами,
Красная и желтая листва.

Там, вдали, над спелыми полями
Стелется тумана пелена.

И плывут, скользят воспоминания,
И тревожно задрожит душа.

Память воскресит родные лица,
Мудрые и глупые слова,
Вспоминаешь все, чему не сбыться,
Что когда-то забрала судьба.

Жизнь моя сейчас — как на ладони,
Вся видна и ясна для меня.
А вокруг ни ветерка, ни солнца.
На опушке я и тишина.

ПАДАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ

Пожелтели листья дуба.
Постарели.
Дунул ветер
И тихонько облетели.

Покружились в высоте,
Да вдруг упали.
Полежали.
Перегноем стали.

Так же люди:
К высоте стремятся,
Чтоб упасть
И больше не подняться.

Листья, листья.
Вдоль дороги листья.
Падают, кружатся на ветру.
И травы почти уже не видно —
Завалило сверху поутру.

И стоят раздетые деревья.
Ветки свои тянут в пустоту.
Грустная картина увяданья.
Жалко их былую красоту.

Просвистят снежинками метели.
Солнце заиграет в вышине.
Снова деревца наряд одели,
Радуйся и солнцу, и весне.

Валерий Демидов
(г. Тула)

PERSONALIA

Наш постоянный автор. Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ГОЛУБЬ НА ОКНЕ

КПП. Работа. Вахта.
Сизый голубь на окне,—
Видно, нравится рубаха,
Что красуется на мне.

Смотрит голубь как-то боком
И качает головой.
Не спугнуть бы ненароком
Любознательность его.

Час сидит, другой и третий.
Может, дать еще зерна? —
Птица любит добродетель,
Если искренна она...

Вот он клюнул лучик солнца,
На меня опять взглянул,—
В приоткрытое оконце
Свое тело протолкнул,

Прыг на стол — и тут же замер,
Испугавшись смены дня,
Красноватыми глазами
Молча смотрит на меня.

Не привык к уюту комнат,
Что-то начал гурковать,
Клюнул радиоприемник
И слетел вдруг на кровать.

Ты смотри, какой он шустрый!
Все бояться — этот нет.

В кружку заглянул, где пусто,
Посмотрел на горсть конфет...

Ты не бойся, смелый голубь,—
Не нарушу пруть твою,
Я ведь знаю слово «голод» —
Накормлю и напою...

Говорят, что голубь — ангел,
Сгусток света и добра,
Ведь недаром баба Ванга
Его на руки брала...

Вот и ты со мной воркуешь —
Значит, веришь в чем-то мне?
Может, здесь переночуешь
На кровати-топчане?

Ах, не хочешь? Воля лучше?
Ну, лети, родной, лети.
Я б с тобой, да вот «прикручен»
С девяти до девяти.

К небу ты. А мне с землею
Уготован долгий «брак».
Как хочу я ввысь с тобою,
Дорогой мой сизый брат!..

ДВЕ ПОЭЗИИ

Ах, какие цветочки!..

Но идет ведь война
и в ближайшее время
расставит она
в нашей жизни, быть может,
последние точки.

Ах, поют соловьи...

Но иные ведь звуки
из гортаней солдатских
ответом на муки
раздаются, Россия,
в години твои!

Ах, как сказочно небо!..

Но взгляните в него:
перекрестно и вдоль
ощущеньем тревог
от химтрейлов следы
над полями и хлебом.

Ах, подснежник взошел!..

Но безрадостным взором
старики и старухи
все смотрят с укором
на воров и лжецов,
коим жить хорошо.

Ах, какая любовь!..

Но вот в пьяном угаре
отнимает у матери
ее пенсию парень,
кулаком тыча в рот,
где всего пять зубов.

Ах, душа вновь поет!..

Но ведь острою болью
отзывается сердце,
будто рана под солью,
видя, как зерна Правды
клюет воронье.

Ах, волнения душат!..

Но такого пожара
не видела Земля
сотни лет уж, пожалуй,—
все сгорает: дома,
убеждения, души...

Две поэзии ныне
сошлись на ристалище,
две гигантских толпы —
господа и товарищи...
Кто же грешную голову
К Богу поднимет?

Как нам имя?

ЗИМНЕЕ ПОЛЕ

Снова вижу, как снежная вьюга
Под луною метет по полям,
А в защитных посадках с натугой
Чуть поскрипывают тополя.

Белой шапкой укрыт стог соломы
И мышинный там слышится писк,
И холмов заровнялись изломы...
Спит земля деревенская. Спит.

Неуютно ей в зимнее время.
Холода. Плотный снежный настил.
Далеко ей еще до апреля
И приходится крест свой нести.

Одиноко. Не слышно моторов.
Но зимы этот белый листок
Потемнеет весной — совсем скоро —
И откроет нам жизни поток.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Каждый камень брусчатки — свидетель истории,
в каждом камне сокрыты мечты и дела,
отпечатки побед, человеческих болей
и всего, чем когда-то отчизна жила.

И хотя она цветом совсем и не красная,
а скорее под цвет нашей серой земли,
в ней сокрыта та кровь, что бурлила в нас в праздники,
отблеск жив красных стягов, что люди несли.

Триста тридцать людьми отшлифованных метров
воплотили в себе силу нашей страны,
перед огнем устоявшей, ломаемой ветром
каждой бывшей и ныне идущей войны.

Здесь то слышался смех жениха и невесты,
то протесты борцов за свободу звучали,
в старину ее знали как лобное место,
где царей топором палачи величали.

Здесь некрополь вождей разных рангов и племени,
мавзолее с телом Ленина, ждущим земли,
здесь Пожарский и Минин из Смутного времени
к нам победу над польской ордой принесли.

И Казанский собор, и Музей исторический,
и Торговых рядов привлекательный вид —
все на площади Красной облито величием
и к Отчизне теплом всенародной любви.

Есть особое место на площади старой,
где Василий Блаженный покоится в Храме,
предсказавший Москве деревянной в пожарах
быть на треть уничтоженной в этой вот драме.

Он, московский юродивый, словом и делом
призывал к покаянию грешных людей
и молитвы за них возносил, и терпел он
голод, холод во имя высоких идей...

Ныне век наступил необычный, тревожный,
площадь Красная часто тиха и пуста,—
видно, в старости ей отдохнуть уже можно
от событий, толпы и парадов устав.

Всей нележкой своей переполненной долей,
что ей выпала за многоцветье веков,
площадь словно кричит, что засеянным полем
хочет стать, где хлеба и цветы васильков.

Человеческий мир растоптал ее душу,
миллионы мятущихся судеб и ног
прошагали по ней под дождями и в стужу,
и скулила она, как бездомный щенок...

Все устали — и люди, и площадь, и земли.
Жаждают все перемен и парадов иных —
тех парадов в душе, когда Богу мы внемлем,
когда просим Его о спасенье страны.

Время флагов прошло. Время мыслей настало.
Площадь Красная ныне затем нам нужна,
чтобы быть ей в России той главной заставой,
через которую вновь не проникнет война

и не ступят сюда больше грязные ноги,
не услышать чтоб танковых гусениц лязг...
Площадь Красная! Сбрось свои боли-тревоги —
Тебя красной — красивой — назвали не зря...

ЛИЦА

Как много людей на планете!
Как мало Божественных лиц!
Мы часто бываем как малые дети
на теле греховной Земли.

Порою нам кажется, будто бессмертны
мы сами и наши дела,
но в Небе пред Богом земное все меркнет
и суть нашей жизни мала...

Зачем воспевать красоту человека
и делать кумиром его?
Зачем восхвалять те события века,
где море проблем и тревог?

Но мы погружаемся дальше в болото
грехов, суеты и обмана,
и редко помолится Господу кто-то,
хотя и учили нас мамы.

Как сохнут деревья на улицах шумных,
так души зачахли совсем,
и вот среди людей — больше важных неумных,
как мой депутат и сосед.

В окно мошкара в лето жаркое бьется
и трудно от зноя дышать.
Попить бы холодной воды из колодца,
да выкопать не разрешат.

Высокий смысл жизни уже и не ищем,
нас быт поглотил целиком, —
не хочет никто быть голодным и нищим,
слыть в круге мужском слабаком.

Всегда озабочены хмурые лица,
улыбок не видно на них,
за день до зарплаты иной даже злится,
что медленно тянутся дни.

В словах — огрубели, в поступках — упали,
нет помыслов чистых и дел.
Весь в татуировках накаченный парень
очки безразличья надел,

с губами припухшими тычет девчонка
в мобильника сенсорный ряд,
и глаз ее спрятан за модною челкой:
пусть все, что хотят, говорят...

Я дома открыл Интернета страницы,
нашел фотографии тех,
кто умер, оставив нам добрые лица
свои и счастливых детей.

Как много увидел я в них благородства,
живой простоты, и доверчивость глаз
меня поразила божественным сходством
с глазами святых, в ком обилье тепла!

Их внутренний мир открывался особым
свечением лиц и улыбками губ,
и волосы падали, будто бы соболь,
на плечи, одетые в старый тулуп...

Как жаль, перестала жизнь песнями литься,
для радости поводов мало уже.
Во всем виноваты мы сами — не лица.
Без Бога живем. И людьми правит Лжец...

ОБЛАКА

Белыми мазками облаков
голубое небо разрисовано.

В очертаньях видятся легко
гномы разноликие и совы,

лебеди, барашки и пастух,
контуры людей давно знакомых,
и деревья белые растут
по небесным планам и законам...

Я читать умею облака.
Вот чернеет, нависает туча,—
непогода, значит, уж близка
в наших душах нежных и певучих.

Вот плывут они клоками ваты,
навевая размыслений дым:
на Земле все люди виноваты
перед Духом Божиим Святым.

А когда на небе одиноко
неподвижно облако висит,—
значит, жить недолго мне до срока,
а потом меня Он воскресит.

Мою немощь понимает Небо.
Я всяк день, смотря на облака,—
на любовь меняю сгустки гнева,
боль души — на розовый закат.

ПРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Кто мы пред Вечностью?
Пыль придорожная.
Пух одуванчика на ветру.
Все невозможное
или возможное
мы достигаем чрез каторжный труд.

Часто болеем,
в проблемах купаемся,
в правду влетаем сомненья и ложь,
вечно грешим,
иногда потом каемся,
в спины вонзаем предательства нож.

Любим себя,
окружаем удобствами,
вещи для нас лучше всяких идей,
в нищей среде
отличаемся жлобством,
делим на классы собак и людей.

Гордость — при нас,
самоуверенное важное,
в спорах порой переходим на крик,

летом дома
многоэтажные
дружно меняем на сотки земли.

Все устоялось
и встроилось в матрицу,
жизнь обрела, как река, берега,
в ульях пчелиных
по старому адресу
с нами Кашей и Баба Яга...

Что же в итоге?
Цветы и могила.
Голой души в неизбежность полет.
В прах обратится
все то, что хранилось,
что нельзя взять на ковер-самолет.

Ветер подул —
облетел одуванчик.
Шины и ноги, дорожная пыль...
Девочка ты
или влюбчивый мальчик —
станет седой наша юная быть.

Грустные мысли...
Но так ведь и будет —
в землю опустят могильщики гроб.
Кто мы пред Вечностью,
милые люди?
Сколько еще ждать ошибок и проб?

Сколько метаться
от страхов и войн нам?
Сколько надежд облетят, как листки...
В мире грехов
быть счастливым и вольным
вряд ли удастся, погибнут ростки.

Нам остается
лишь Богу молиться,
жить по библейским законам Его...
Только вот всюду
бесстрастные лица
в зеркале жизнь отражает кривом...

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ПОЭТУ — 80 ЛЕТ!

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

**ИЗ КНИГИ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ
«СИБИРСКИЕ САМОЦВЕТЫ»**

* * *

Эпоха разрушений и распада
Царит в душе и вне... А я: — Не надо! —
Внушаю каждый день себе и всем,
Кто рядом выпивает, глух и нем...

* * *

Алый парус... Рыбка золотая...
Сказки детства... Берег... Даль морская...
И Русалки в даль зовущий крик...
Неужели я уже старик?

* * *

Закончилось время романов...
И вот началось как-то сразу
Время крутых, без обманов,
Острсюжетных рассказов...

* * *

Говорят, что жизнь одна...
У меня ж их — вот те на! —
Две: во сне и наяву...
Так вот с двойней и живу...

* * *

О чем рокотала струна,
В тебя и в меня влюблена?

И солнце сверкало в волнах...
Ах, разве расскажешь в стихах...

* * *

Увы, спасение не в битве
И не в победе над врагом...
Оно — в тебе, в твоей молитве,
В ней... А не в чем-нибудь другом.

* * *

Жизнь ли, выживание,
Повторю опять:
Главное — желание
Жить и выживать...

* * *

Артист в России
Больше, чем поэт...
Актеру в ней
Альтернативы нет.

* * *

Мелодия звучит во сне
И наполняется словами...
Гармония во мне и вне
Важней, чем хаос между нами.

* * *

Прошли года Хрущева, Брежнева,
И Горбачева... Просто благодать!
Я не бегун. А значит, неизбежного
Среди бегущих мне не избежать.

* * *

Поэт живет, пока стихи живут,
Соединяя Этот и Тот свет...
Пока читают их и там, и тут,
И говорят: — Хороший был поэт!

* * *

За эпохой — эпоха...
Солнце светит сквозь тьму...
Все не так уж и плохо,
А вот как — не пойму...

* * *

Ты всех хотел перекричать —
Не получилось, вот досада...
Кричат, не могут замолчать...
А ты молчишь, так им и надо!

* * *

Мои сбываются мечты...
Твои сбываются мечты...
Что будем делать я и ты,
Когда все сбудутся мечты?

* * *

Есть мечта еще: в небе тающем
Птицей стать —
И над кладбищем прибывающим
Полетать...

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

— Люблю Ад-министрацию мою!
О ней — едва подумаю,— пою...
И в песне, помянув отца и мать,
Хочу Рай-министрацией назвать.

* * *

Как хорошо быть молодым поэтом
И жить, совсем не думая об этом...
Как плохо — вдруг об этом догадаться,
И старым стать — и Музы помогаться...

ПСЕВДОНАРОДНЫЕ ЧАСТУШКИ

Ты больной? Крепись, не плачь!
Телевизор — лучший врач —
Даст тебе любой совет
По дороге на Тот свет.

* * *

Жизнь все лучше, лучше...
Небо — супротив.
Жаль, подъем все круче,
А за ним — обрыв...

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В монастыре, у речки, под горой,
Мне показали старого поэта

И прошептали: — Это наш святой!
Он светит всем, хотя не видит света.

* * *

Когда не видишь, где добро, где зло,
Жизнь кажется прекрасною зело...
Но лишь узришь лик Дьявола и Бога,
Как в тот же миг — в душе и вне — тревога.

В ОКРУГЕ

В округе — ни гусей, ни лебедей...
Одни, увы, сороки да вороны...
И ты вороной белой меж людей
Живешь... Как высоки твои хоромы!

* * *

— Послушать музыку — бесплатно,
И новые стихи послушать
Все реже удается... Ладно!
Артистам тоже надо кушать.

Я НЕ ЗАМЕТИЛ

Я не заметил, как пришла зима.
И не заметил, как сошел с ума.
Так было в сердце снежно... В небе — звездно...
Увы, когда заметил,— стало поздно.

* * *

Бедным ясно: что было, то будет!
Так зачем, телевизор любя,
Бедных очень богатые люди
Заставляют смотреть на себя?

* * *

Наша жизнь — неокончательна.
Темноту пронзает свет...
Ты заметил? Замечательно!
Значит, ты и впрямь — поэт.

* * *

Донор — за доллар.
Стерва — за евро.
Тянут-потянут...
Вытянуть не могут...

* * *

Вставив ногу в Пегасово стремя,
Я скачу — от ворот поворот —
И кричу: — Драгоценное время
Продаю! — Но никто не берет...

НАД «КЪНИГОЮ» Марины САВВИНЫХ

Поэзия — стихия, не иначе!
Стихи сошлись — и ураган затих...
И плакать хочется... И я невольно плачу
Над «КЪНИГОЮ» Марины САВВИНЫХ...

* * *

Мы живем в искривленном пространстве...
В тридесятом загадочном царстве —
И куда нас кривая несет?
Что ни год — от ворот — поворот.

МИРАЖ ЕВГЕНИЮ СТЕПАНОВУ

Я всю жизнь провел в труде и, накапливая опыт,
Всем на свете и себе доказал, что я — не робот.
А вот то, что я — не Бог
Доказать никак не смог...

* * *

Не виделись столько — с ума сойти!
Нам взяться б за ум пора...
Давай проведем вечер памяти?
А лучше — всю ночь, до утра...

БЫЛО ДЕЛО

Тот — советы давал, и прослыл, было, антисоветчиком.
Этот — в трубку молчал, заблокирован автоответчиком.
Но потом времена изменились, и — ах! — оба стали ментами
И всерьез подружались, хоть в ролях поменялись местами.

* * *

Жаркой, радостной, полуголодной
Горькой, сладкой, а то и холодной,
Жизнь — и честной, и смелой была...
Позади — и слова, и дела...

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Всем-всем: гласит «Благая Весть» —
Читайте! Смысл у жизни есть!
А в чем он? Смертью на вопрос
Ответил Иисус Христос.

* * *

В округе — мороз и тайга.
В печурке пылает огонь...
Ах, как я стремился сюда,
Мечтая согреть свое сердце!

* * *

Я не знаю, зачем мое сердце стучит,
Отчего, почему...
Знаю только, что если оно замолчит,—
Смолкнет вмиг стихотворное эхо.

* * *

Во дворе — старый кедр.
Думу думает он молчаливо...
— Как дела? — говорю,
Пожимая смолистую лапу.

* * *

Подхожу к Енисею — и долго
По течению в воду смотрю...
Кто сказал, что вода — это время?
Вот и я вслед за ним повторяю...

* * *

Лунный свет —
И причина, и следствие...
Сколько мыслей и чувств
У лунатиков и селенитов!

* * *

Ты заставила думать меня о тебе
Днем и ночью...
Это было на счастье похоже...
А теперь — на несчастье, увы...

* * *

Полвека мы не виделись с тобой.
А ты мечтала стать моей судьбой.
Спасибо, говорю тебе устало,
Ты неспроста антисудьбою стала.

* * *

Тучами плывут воспоминания.
И щенками на семи ветрах
Жалобно скулят из подсознания
Жалобы, встречаясь в небесах.

* * *

Поговорим о том,
Чего не знаем?
Ну, а о том, что знаем,
Помолчим...

* * *

Поэт имеет бледный вид.
Он слаб, он перенес K0VID
И хочет сочинить сонет...
Но вдруг пропал Иммунитет.

* * *

Поэт хороший?
Значит, умер...
Поэт плохой?
Значит, живой.

* * *

О, жизнь! Когда-то был я рад,
Что между нами нет преград...
О, смерть! Я рад на склоне лет,
Что ничего меж нами нет.

* * *

Я говорил о главном: о любви,
Пока жила она в моей крови,
Преображая все на белом свете...
Увы, теперь я говорю о смерти...

* * *

Был я твой, а ты — моя...
А теперь, внимание:
Ты — не ты, и я — не я,
До неузнавания!

* * *

Любовь — первична.
Ненависть — вторична,
Третична, четвертична,
Пятерична...

* * *

Продавцы изюма — знаковые.
Знак — безумная цена.
Все изюмы — одинаковые...
Боже, что за времена?

* * *

Боже, от тебя я знать желаю:
Для чего живу и выживаю?
Кто ведет на свет из темноты
Всех поэтов, ежели не Ты?

* * *

Дьявол, от тебя я знать желаю:
Для чего, старея, умираю?
Кто ведет из света в темноту
Всех поэтов? Отвечай! Я жду...

* * *

В вышине, в поднебесных мечтах, —
Удивление, тайна... И страх,
За которым — бездонная высь...
И другая, бессмертная, жизнь.

* * *

Ощувив на сердце благодать,
Ты кому стихи пропел опять? —
О любви, о счастье, о судьбе...
Сам себе, несчастный, сам себе.

* * *

Счастливый полдень в липовой аллее.
Просветы ароматней и светлее.
Ах, пчелы — над тобой и надо мной...
Медовый гул... Благословенный зной.

* * *

Речка обмелела. Высохли цветы.
И стоят несмело на горе кресты,
Где часовня, ах,
Гаснет в облаках.

* * *

Кто-то пишет чепуху.
Чья-то глупость на слуху.
...И зачем, судьба моя,
Им внимаем ты и я?

* * *

Дай мне сдачи, судьба! Пусть на чай
Даст другой тебе невзначай...
Только, Боже тебя упаси,
Никого ни о чем не проси!

ВСЕ НАОБОРОТ

— Ах, как надоело — е-мое! —
Телевизионное вранье...—
Неспроста на улице народ
Говорит, что все — наоборот!

* * *

Было все. А нынче — ничего.
Только быт, где все — на одного
Среди ночи и средь бела дня...
Все — на одного — меня, меня!

* * *

Неужто, встретив новую зарю,
Привычно отпустив на волю душу,
Я в зеркало однажды посмотрю —
И никого за ним не обнаружу?

* * *

Опять зовешь, не ведая вины,
Един — в любви, и в вере, и в надежде —
О, Боже! Все слова твои ясны,
А все дела таинственны, как прежде.

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

СКРОМНОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА
(К 100-летию со дня рождения русского поэта
С. П. Панюшкина)

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018) и книги «Граница» (2022). Опубликовал шесть поэм: «Воля», «Настоящие волки», «Вечное Поле», «Князь Федор», «Монах», «Купец». На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

Сергей Порфирьевич Панюшкин родился 5 апреля 1919 г. в казачьем ловецком поселке Разин Бугор астраханского Понизовья. После окончания школы работал в колхозе «Красноловец». По комсомольскому набору в 1939 г. Сергей Панюшкин добровольцем ушел в военно-морское училище, а вскоре их группу направили на корабли Балтийского флота (в морскую пехоту!) из-за начавшейся войны с Финляндией. Он прошел три войны: Советско-финскую, Великую Отечественную и с Японией. Боевой путь закончил на Тихом океане в звании капитана 3-го ранга. Награжден орденами и медалями. К мирной жизни вернулся инвалидом. После войны работал на ответственных должностях, восстанавливая страну. В мае 1954 г. Сергей Порфирьевич переехал в Липецк. Служил начальником отдела кадров станкостроительного завода. В Липецке он продолжил свою литературную деятельность. Автор более 30 книг поэзии и прозы. Почетный гражданин Липецка и Астрахани. Умер С. П. Панюшкин 26 сентября 2010 г.

С 2011 года в Липецкой области проходят Панюшкинские чтения. Приветствуя эту инициативу липчан по увековечиванию памяти Панюшкина, Президент Петровской академии наук и искусств Л. А. Майборода напишет: «Его богатая на события жизнь — образец служения Отечеству, нашему народу. В памяти всех, кто его знал, он останется Человеком с большой буквы, истинным русичем, храбрым воином, принципиальным гражданином, надежным товарищем и благородным другом».

ПАНЮШКИН

*Дедом мы звали его,
Хитро моргая при этом.
А он смотрел глубоко...
Был он Поэт! Поэтом!
Словом искру высекал,
Рубил поэзии якорь.
Гонялся за ним кальмар —
Рыб бессловесных куратор.
Радаром ловили, в сеть,
Терли мозги тараканьи...
Но все ж не смогли запеть
Те головли и пираньи.
А он, паруса подняв,
Четко сигналив глаголом,
Шел среди этих коряг
Верным седым ледоколом.
Через войну в Ленинград,
Через войну на Кобоны.
Был он последний солдат
В нашем культурном салоне.
Ломаем, вяжем язык,
Глаголы черпаем кружкой.
Друг друга рвем за кадык
Какой-нибудь финтиклюшкой.
А он смотрел глубоко,
Как мы от ума балдели!
Был он когда-то Серго!..
Панюшкиным был Сергеем.*

С Панюшкиным Сергеем Порфирьевичем я познакомился в начале 90-х. Сейчас стало модно говорить о лихих 90-х и так далее... Легче легкого списывать свои недочеты и промахи на кого-то. Спросить этих оборотней, а где они были в то время и какое кресло занимали? Это наша жизнь, и никуда ее не денешь (судьба!). А когда в России было все гладко и хорошо? Назовите хотя бы 50—70 лет?! Судьба, а судьбу не выбирают — она и есть жизнь! Руководство страны успешно решало и решает проблемы девяностых. Одно возрождение армии чего стоит!

Поэт Сергей Панюшкин был не из тех, кто посыпает голову пеплом и кается в неизвестно каких грехах (чего от нас ждали и ждут либералы и их заграничные шефы). Он никогда не перекладывал ответственность на других, не искал виноватых и не предавал друзей (фронтальная порука!). Мне запомнился один момент из его жизни, характеризующий отношение к людям. Незадолго до смерти (было это в 2010 году) ему выделили деньги на издание своих книг, а он издал книги о покойных на тот момент друзьях — Житкове и Топоркове. Он мог бы найти применение этим деньгам, но деньги никогда не были для него самоцелью. У него никогда не было машины, ему было наплевать, какие у него в квартире обои и какой пол... Можно привести много примеров его нестяжательства и безразличия в этих вопросах.

Ему было не наплевать на народ, за который он воевал, для которого жил и писал. Он отстаивал свои взгляды, он был настоящим русским интеллигентом из народа. Да, он не был святым и не был «самоубийцей»: выражал свои некоторые мысли осторожно, но в основных, ключевых для него вопросах (принципиальных) стоял на

своем до конца. Это видно из его биографии, из его произведений. Например, в романе «Крах» в лице главного героя Егора Грибова мы видим Сергея Панюшкина и его военный путь (Грибов и есть Панюшкин!).

Путь этот был у поэта тяжелым, как и у всего народа. Уже тогда (видно из книги), на фронте, проявились неординарные качества Панюшкина: взять ответственность на себя, не поступиться принципами. Смелость, надежность, уважение к людям независимо от чина — это его отличительные черты. Из-за этих принципов старший лейтенант Грибов (Панюшкин) нажил себе немало недоброжелателей в лице вышестоящего начальства (тыловых особистов и прочих штабных вояк). Подчеркиваю, именно тыловых, потому что Сергей Порфирьевич Панюшкин войну по большей части провел в особых частях НКВД. Но, друзья, НКВДэшник НКВДэшнику рознь (и особист особисту тоже). Эта структура была очень многогранна (в том числе занималась разведкой). Именно задачи разведывательного характера стояли перед офицером Панюшкиным (постоянно лез на передний край!), но он успел до назначения в эту службу повоевать в окопах Ленинграда и на торпедных катерах.

К сожалению (из воспоминаний Сергея Порфирьевича), ему доводилось слышать в свой адрес (в 90-х и не только) обидные высказывания: «НКВДэшник» и прочую чушь. «Наплевать», — так он отвечал на эти и другие укусы. Это был бесконфликтный и очень мягкий человек, если дело касалось его лично. Толкование Иисуса Христа «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» метафорично выражает заповедь: на зло отвечать не злом, а добром. Сергей Порфирьевич Панюшкин, как никто другой, соответствовал этой заповеди. Но соответствовал, если это были его личные обиды, а если дело касалось судьбы страны, судьбы народа, русского слова в литературе, Правды, то он был неуправляем: шторм, тайфун, ураган... И с ним по этим вопросам связываться было опасно и накладно (к тому же мог дать в морду). Если посмотреть на его фотографию предвоенных лет (1939 г., курсант военноморского училища, г. Ленинград) — кулаки как две двухпудовки... Из таких людей подковы можно делать! И в то же время вместе с сослуживцами часто ходил в оперу, на балет, на концерты и литературные встречи.

Лично мне было очень обидно за него, когда его так обзывали (слышал от него и не только, обзывали обычно за глаза). Говорили эту дрянью люди, никогда не нюхавшие пороха, — тыловые жирные головли, крысы кабинетные, подхалимы, которые к настоящим труженикам тыла никакого отношения не имели, а если бы имели, то до такого маразма никогда бы не додумались. Легко причисывать всех под одну гребенку и наживать дивиденды на этих поклепах под шумок (в зависимости от конъюнктуры!), поливая заслуженных людей грязью. Запихнуть бы этих знатоков-говорунов в ленинградский окоп или поставить на палубу ракетного катера, идущего в атаку на фашистов, но эти люди знали, где им располагаться и в каких местах квартироваться.

Если взять историю Великой Отечественной войны, то можно увидеть, что части НКВД на фронте занимались не только охранными и вспомогательными вопросами, но и героически сражались на передовой: Ленинград, Москва, Сталинград (10-я стрелковая дивизия НКВД под командованием полковника А. А. Сафарова — Мамаев курган и др. участки).

Его борьба за правду (в его — панюшкинском — понимании), за идею продолжалась и в мирное послевоенное время, где он часто пер на рожон: вспомним хотя бы события в Вологде, куда Панюшкин был направлен после войны и где вместе с руководителем обкома (в интересах народа!) пошел против некомпетентных распоряжений Хрущева (попал на карандаш и нажил проблем), или спор о возрасте Липецка и т.д.. Казалось бы, какая разница, с какого времени считается возраст того или иного населенного пункта: от упоминания в официальных документах или из каких-то других источников. Взять хотя бы Лебедянь!

Город датирован 1613 годом, но мы все прекрасно знаем, что это не так, и никому не приходит в голову об этом бить в колокола. Панюшкин был другой, лучше нас! Эту принципиальность, я так думаю, он приобрел, запитал на фронте. Кстати, о Лебеядни: в нашем городе Панюшкин был неоднократно, последний раз в возрасте 80-и лет. Был у меня в гостях: ели рождественского гуся и пили водку. На следующий день пошли в баню на поселке Машзавода, где Порфирьевич прыгал с вышки рыбкой, чему местные любители спорта были очень удивлены. Спрашивали у меня: что за мощный старик? Я отвечал. Они посчитали за честь знакомство с такой глыбой. А как иначе!

Сергей Порфирьевич был очень добрым и отзывчивым человеком, люди к нему тянулись всей душой. Эта доброта чувствовалась на расстоянии, при мимолетном знакомстве. Было понятно: это не показушный, а очень глубокий и настоящий человек. К нему с одинаковым уважением относились люди, наделенные властью и заслуженными полномочиями, а также обыкновенные ребята от станка. В 1997 году, на юбилее Панюшкина (чему я был свидетелем), кроме липецких литераторов и родственников, присутствовали начальник милиции Липецкой области, представители и ветераны спецслужб, прошедшие горячие точки, бывшие рабочие Станкозавода, где Порфирьевич долгое время работал, липецкие летчики и служащие военного аэродрома, где юбиляр много-много лет назад выступал с литературными произведениями. Хоронили Сергея Порфирьевича Панюшкина с почетным караулом и трехзалповым салютом, и над могилой Поэта, четко в момент прощания, прошла тройка истребителей, помахав крыльями. Знать, заслужил!!!

Сергея Панюшкина смело можно назвать фронтовым поэтом. По этой теме у него несколько десятков стихотворений и поэма «Былою болью». На фронте он не печатался и писал в сапог, но стихи эти были не слабее шубинских, например:

*Я когда-то видел в храме фрески:
Ангелы-хранители крылаты...
Ныне — из Кронштадта
на Карельский
Я лечу на крыльях
маскхалата.*

1941
(Лыжный отряд моряков).

Это стихотворение, уважаемые читатели, 1941 года, и из него видно, что писал его православный человек, а это был лыжный отряд моряков (спецназ!). Именно эти отряды морской пехоты были праотцами современного спецназа. И в этом отряде таких православных пехотинцев, как Панюшкин Серега, было много — если не все (я в этом уверен!). Даже наличие партбилета не затемняло веру русскую (православную) в душе каждого бойца. Война у Сергея Порфирьевича Панюшкина показана из окопа — это окопная правда: горе и кровь... Некоторые авторы (в том числе и в кинематографе), времен войны и после, описывали войну как увеселительную прогулку (немцы — дураки и т.д.), но были певцы окопной правды: Шубин, Твардовский, Симонов, Астафьев, Муса Джалиль, Юлия Друнина и др. В один ряд с этими писателями можно поставить и Сергея Панюшкина!

Лично я, Польшин Аркадий Олегович, горд, что судьба свела меня с этим героическим и талантливым человеком. Сергей Панюшкин был моим другом и учителем. Привел меня к нему лебеяднский краевед Курков Анатолий Сергеевич, с которым Панюшкин дружил. Замечательный был человек Анатолий Курков — человек с большой буквы. Впоследствии я написал стихотворение «Память», посвященное Анатолию Сергеевичу (лебеяднскому «Нестору Летописцу»).

Сергей Порфирьевич Панюшкин редактировал два моих первых поэтических сборника: «Где-то там, за грозой...» — 1994 г., «Воля» — 1996 г. Не только редактировал и составлял, но и рисовал рисунки, разрабатывал обложки к этим книгам. Порфирьевич рекомендовал и принимал меня в Союз писателей России в 1995 г. Третью свою книгу «Берег» я прочитал (проорал!) почти всю Сергею Порфирьевичу в ухо, потому что он к этому времени (2010 г.) был слеп и глух. Несмотря на это, он сделал мне некоторые замечания и пожелания, которые я отразил в содержании. В поэме «Князь Федор», например, он посоветовал мне больше уделить внимание действию елецкой разведки. «Куликовская битва была битвой разведок в первую очередь», — его слова. А кто лучше разведчика мог знать о разведке, тем более Панюшкин интересовался и занимался темой Куликова поля! В поэме «Вечное Поле» порекомендовал усилить народную составляющую и добавить героев из народа (ополченцев), что я и сделал.

Сергей Порфирьевич был не только талантливым поэтом и прозаиком, но и краеведом, журналистом, публицистом, художником, замечательным певцом. Стихи его отличались новизной форм, необычными сочными метафорами, простотой восприятия, неожиданными концовками (часто с потерей ритмического слога, что добавляло произведению веса — смысла). Он был новатором в литературе: использовал новые формы построения поэтической строки, часто употреблял устаревшие слова, придумывал (как Маяковский!) свои слова не в ущерб русскому языку. Панюшкин всегда был проводником, защитником русского языка и русской культуры. Сергей Порфирьевич — это большой патриот России! К концу жизни он много думал о религии, о Боге, о судьбе Земной цивилизации.

Нас многое связывало. Мы были близкими по духу людьми. Несмотря на большую разницу в возрасте, он меня уважал и понимал. Многие литературные темы нам были близки: Разин, Тамбовское восстание крестьян, Куликовская битва, гражданская война, Великая Отечественная и др. Поэт (Панюшкин в первую очередь Поэт — Поэт с большой буквы, а потом уже все остальное) преклонялся перед Степаном Разиным, занимался историей жизни Разина, историей его происхождения, его предками (родом Разин из Усманки, близ Воронежа — роман «Горный орел» стр. 187, Липецк: изд. ООО «Редакция газеты «Де-факто», 2006 г.). Разин для Панюшкина был одновременно Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем, тем более что Порфирьевич был родом из Астрахани, с Разина Бугра, где находился стан атамана. У меня есть стихотворение по этой теме — «Скит». Немного не в том ключе написанное, но, думаю, Панюшкину понравилось бы.

Никогда не забуду, перед выходом сборника «Воля», который редактировал и оформлял Панюшкин, он постоянно, в дни моего приезда, ходил по кухне и напевал: «Волки, волки, волки...», — и перефразировал одного известного вождя (из произведения этого сборника). Дело в том, что в книге была поэма «Волки» — поэма о восстании тамбовских крестьян 1918—1920-х годов, а у Сергея Порфирьевича было произведение о тех временах, датированное 1973 годом, — «Артур Зегелис», где наши взгляды и мысли отчасти перекликались. Панюшкин был человеком своего времени, но человеком думающим и постоянно развивающимся. К тому же он располагал данными, большинству людей недоступными. Лично я, к сожалению, об этом сочинении узнал уже после смерти Поэта. Узнал бы раньше — задал бы много вопросов. Вот фрагмент из поэмы «Артур Зегелис» (сборник «Таволжанка», Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж — 1973г.):

(Слова атамана)

*«Пьем, братаны, самогонку,
Жрем свинину и халву!*

*Скоро вольную сторонку
поведу я
на Москву!
Дайте срок — я приготовлю!
Знай, жидовский совнарком:
«За свободную торговлю» —
поработаем
клинком!
Зегель-нехристь тут
с невестой
баламутят мужика.
Смять
грозится Тухачевский —
барин, купленный Чека.
Черной кровью,
словно илом,
мы удобрим чернозем,
и крестьянской ратной силой
в стольный град
махнем
гужом!..»
Тут
истошно закричали
кулаки:
«Москва!
Москва!..»*

Произведение это 1973 года. Как такое могли издать в то время? Сатира (замаскированная) налицо! Не любил Порфирьевич Совнарком и Тухачевского — факт. Почему? За что? Это не трудно узнать, заглянув в книги, в произведения Сергея Панюшкина. Хочешь узнать человека-автора, возьми книгу этого автора и прочитай. Только так! Я уверен, что Панюшкин будет востребованным писателем, Поэтом. Интерес к его творчеству растет — этого не отнять, и потомки воздадут ему по заслугам. Мы, его друзья и почитатели, со своей стороны, несем творчество Сергея Порфирьевича Панюшкина в народ, и в первую очередь в молодежную аудиторию.

В Лебедяни, в Липецке ежегодно проходят Панюшкинские чтения (задействована и охвачена молодежь). Михаил Корольков, Геннадий Рязанцев, Наталья Ушакова, ваш покорный слуга — Аркадий Польшин и другие собратья по перу не даем погаснуть этому костру мысли и доброты, который зажег, в том числе и в наших сердцах, этот замечательный человек.

В заключение хотел бы остановиться еще на одной отличительной черте Сергея Порфирьевича. Всех ведущих на сегодняшний день литераторов Липецка воспитал Панюшкин. И я никогда не слышал, чтобы он кого-то учил писать поэзию или прозу.

Если он видел у автора потенциал, то говорил: «Работай!» Мог помочь советом, примером, добрым словом, но никогда, подчеркну — никогда! — не занимался какими-то исправлениями, перестановками, правками, нравоучениями. Этому не помешало бы поучиться у Панюшкина некоторым сегодняшним «классикам» Липецкой области в области литературы. «Скромность — сестра таланта», — вот девиз Панюшкина и не только его. В начале 90-х (когда я с ним познакомился!) он сотрудничал и общался с публицистом Василием Шаховым, с поэтом Борисом Шальневым, они из-

давали альманахи «Родники Липецкие» и другую краеведческую литературу. Они печатали и поддерживали молодых авторов: Петрова, Рязанцева, Тамбовскую, Ширнина, Аксенову, Польшина и др. И я не знаю такого случая, чтобы кто-то из того триумvirата (Панюшкин, Шахов, Шальнев) исправил или заменил у нашей пишущей братии хотя бы слово или букву. А могли бы!!! Они не давали потухнуть искренности, самобытности, индивидуальности того или иного душезнатца. Это принципы, образ мыслей этих людей. Суть этих людей! А принципами не разбрасываются и не торгуют!

Панюшкину — 100! Будет и 200...

P.S. к роману С. П. Панюшкина «Крах»:

*Задира задире рознь!
Иной — «багдадская» вонь,
А этот — обложки гвоздь —
Торпеды скуластой «товсь».
Куда ты, Грибов Егор,
Летишь, как злой метеор?
Катер — бросок души,
Волны — моря клеши...*

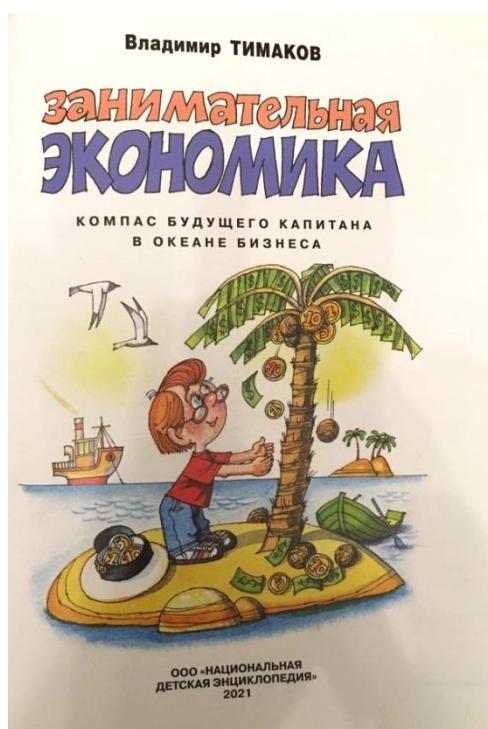

Игорь Карлов
(г. Стамбул, Турция)

ОБ ЭКОНОМИКЕ ДОСТУПНО И УВЛЕКАТЕЛЬНО

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В 2021 году «Национальная детская энциклопедия» порадовала своих маленьких читателей книгой самой что ни на есть взрослой тематики — книгой об экономике.

Казалось бы, детская аудитория не готова воспринимать сухие термины вроде амортизации, дефляции, лизинга, приватизации и т.п. Не по годам, да и неинтересно... Издатели «Занимательной экономики» взялись развеять подобное заблуждение, что им с успехом удалось сделать.

Верно пишет в предисловии автор книги, известный политик, общественный деятель, публицист, депутат Тульской городской думы В. В. Тимаков, «не хватает книг о том, чем мы заняты семь дней в неделю с утра до вечера. Мы непрерывно зарабатываем и тратим, создаем товары и услуги, берем кредиты и делаем вклады — то есть участвуем в экономике. А что знают про эту, настоящую жизнь наши дети?»

Познакомить детей с настоящей жизнью Владимиру Тимакову, отцу троих детей, помогли не только экономические знания, но и знание детской психологии. На помощь автор «Занимательной экономики» также призвал героев популярных книг, исторических персонажей разных стран и эпох, современных мальчиков и девочек, которые играют, обмениваются наклейками, пополняют счет мобильного телефона, заказывают пиццу.

Доступно и увлекательно рассказать детям о сложных экономических процессах помогли автору реально произошедшие или убедительно смоделированные ситуации из исторического прошлого и сегодняшнего дня, экономические курьезы и закономерности.

Книга написана живо, информативно. Но, пожалуй, основным ее достоинством

является четкая нравственная позиция В. Тимакова. Читая красочно оформленное, богато иллюстрированное, снабженное справочными материалами и таблицами издание, наши юные сограждане наглядно убеждаются в том, что основой любой экономической деятельности является труд. Что вести бизнес надо честно. Что предпринимательство имеет социальное измерение. Что жадность и безделие губительны и для человека, и для экономики.

Думается, что, познакомившись с «Занимательной экономикой», будущие капитаны в океане бизнеса (а именно таков подзаголовок книги) не только добьются личного успеха, но и страну поднимут к новым экономическим высотам. В этом уверен и доктор экономических наук, известный бизнесмен А. Е. Лебедев, который, обращаясь к юным читателям, резюмирует: «Наша Россия передовая Держава с великой культурой и талантами. А благодаря вам, уверен, обретет и авангардную экономику!»

Такой оптимистический настрой, навык и желание справляться с непростыми, но разрешимыми проблемами, оптимистический взгляд на отечественную экономику серьезных и успешных людей, наверняка, окажется полезен новому поколению, готовящемуся прокладывать свой маршрут через финансовые шторма мимо санкционных рифов в тихие гавани бизнеса.

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

**«КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ»:
И. С. ТУРГЕНЕВ И Ф. И. ТЮТЧЕВ
(К юбилеям писателей)**

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) и Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — два знаменитых имени в звездной плеяде имен русской словесности — прославили наше Отечество доброй славой во всем образованном мире.

Писатель и поэт тесно связаны творчески и биографически. Между ними существовало взаимное человеческое притяжение, психологическая совместимость. На это указывают их произведения, эпистолярное наследие. Впечатлениями о личности и творчестве Тургенева Тютчев делился с самыми близкими ему людьми. Так, в сентябре 1852 года поэт писал своей супруге Эрнестине Федоровне: «я только что прочитал два тома “Записок охотника” Тургенева, где встречаются восхитительные страницы, отмеченные такой мощью таланта, которая благотворно действует на меня: понимание природы часто представляется вам как откровение. Нам нужно прочесть это вместе»*.

В письме жене от 10 декабря 1852 года, намекая на обстоятельства ареста и высылки из столицы Тургенева в его имение Спасское-Лутовиново Орловской губернии, Тютчев горячо сочувствовал изгнаннику: «И когда подумаешь, что вследствие какого-то грубого недоразумения... Надо пожелать ему, художнику, найти в своем таланте достаточно воздуха и сил, чтобы не дать задохнуться человеку...». Поэт надеялся, что Тургенев по-соседски приедет погостить в тютчевское родовое имение Овстуг, расположенное в той же Орловской губернии: «Если он вас навестит, чего я вам желаю от всего сердца, передай ему от меня душевный привет» (139). Разделяя читательские впечатления о «**Записках охотника**», Тютчев прибавлял: «Я так и думал, что ты оценишь книгу Тургенева. Полнота жизни и мощь таланта в ней поразительны» (186).

Ранее — еще до близкого знакомства с Тургеневым — Э. Ф. Тютчева в письме к П. А. Вяземскому от 8 ноября 1849 года сообщала: «На днях состоялся литературный вечер у кн. Одоевского. Читали драму, озаглавленную “Нахлебник”. <...> Актер Щепкин, как говорят, превосходно прочел пьесу. Мой муж находит, что это произведение отличается захватывающей и трагической правдой» (138).

В начале декабря 1853 года Тургенев возвратился из своего имения в столицу, и уже 19 декабря Тютчев извещал жену: «изгнанник Тургенев вернулся в Петербург и

* Цит. по: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. — М.: АН СССР, 1962. — С. 139. Далее подлинники писем Ф. И. Тютчева на французском языке в переводе К. В. Пигарева — правнука поэта — цитируются по этому изданию с указанием страниц.

живет по соседству со мной. Я часто и с удовольствием вижу с ним» (139). Эти строки свидетельствуют о том, что между двумя авторами установилось близкое знакомство, завязались дружеские отношения, которые Тургенев высоко ценил. В предисловии к собранию своих романов 1880 года он называет имя Тютчева и прибавляет: «дружбой которого я всегда гордился и горжусь»*.

В результате их общения Тургеневу удалось уговорить поэта на издание его стихов отдельной книгой. Как известно, Тютчев очень небрежно относился к судьбе своих творений, называл их то «бумагомараньем», то «стихами-подкидышами»**. Справедливо предвидя, что грядет важное событие в русской литературе, Тургенев 10 февраля 1854 года с удовлетворением сообщал С. Т. Аксакову о своих усилиях: «Я сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Федора Ивановича) издать в свет собранные свои стихотворения и помог Фегу окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация»***. Без непосредственного участия Тургенева многие тютчевские стихотворения никогда бы не дошли до читателя. Только благодаря стараниям писателя было осуществлено первое издание собрания стихотворений Тютчева****, что принесло Тургеневу «душевную радость»: «мы не могли душевно не порадоваться собранию воедино разбросанных доселе стихотворений» (4, 524).

Заслуга Тургенева также и в том, что он, искренне восхищенный творчеством своего старшего современника, выступил как его горячий сторонник, стремясь расширить круг читателей и ценителей Тютчева. Так, благодаря Тургеневу состоялось знакомство с тютчевской поэзией Л. Н. Толстого, который сразу стал ее почитателем: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта»*****.

Будучи сотрудником редакции некрасовского журнала «Современник», Тургенев продолжил начатое Н. А. Некрасовым (1821—1878) в статье «**Русские второстепенные поэты**» (1850) открытие Тютчева как поэта «первостепенного». В апрельском выпуске «Современника» за 1854 год Тургенев поместил свою статью «**Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева**». Это один из первых литературно-критических отзывов о творчестве Тютчева, где дана объективная оценка его поэзии, в те годы мало известной и недостаточно глубоко понимаемой читателями и критикой. Высоко оценивая Тютчева, Тургенев переводит его из разряда «русских второстепенных поэтов» в ранг авторов первого ряда и ставит даже выше «более даровитых из теперешних наших поэтов» — Фета, Некрасова, Майкова и других: «г. Тютчев <...> стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону» (4, 524).

Для писателя, органично усвоившего пушкинские традиции, Тютчев особенно дорог прежде всего как наследник и преемник Пушкина. Тургенев заметил, что стихи Тютчева поражают «почти пушкинской красотой своих оборотов» (4, 526). Автор статьи открывает «одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина» (4, 524), не только для читателей, но и для себя самого.

Очевидно, что Тургенев работал над статьей под свежим и сильным впечатлением от тютчевской поэзии, осмысливал и прочувствовал ее заново. Он увидел в Тют-

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 9.— С. 394. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

** Чагин Г. В. Федор Иванович Тютчев.— М.: Просвещение, 1990.— С. 57, 84.

*** Тургенев И. С. Полн. собр. сочинений и писем: В 28 т.— М.; Л.: АН СССР, 1960—1968.— Письма: В 13 т.— Т. 2.— С. 216—217. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

**** Вопрос о редактировании Тургеневым стихотворений Тютчева подробно исследовался в специальных работах. См., например: Благой Д. Д. Тургенев — редактор Тютчева // Тургенев и его время.— М.: Пг., 1923.

***** Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т.— Т. I.— М.: Гослитиздат, 1955.— С. 413.

честве проникновенного лирика, мыслителя и художника, по духу близкого своим собственным творческим устремлениям. Отмечая своеобразие таланта Тютчева, Тургенев в небольшой по объему статье сумел развить целую теорию поэтического искусства, опираясь на художественные образы, подсказанные тютчевской лирикой.

Так, например, в рассуждениях Тургенева различима натурфилософская образность стихотворения «**Не то, что мните вы, природа...**» (<1836>):

*Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?**

«Драгоценным» качеством тютчевских стихов Тургенев считает их естественность, неотделимость от личности поэта, которому талант ниспослан в дар: «от его стихов не веет сочинением; <...> они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве» (4, 525). Поэтические образы получают в тургеневской статье дальнейшее идейно-эстетическое развитие: «Из отрубленного высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на том суке свежему листу, не раскрыться на нем пахучему цветку, как ни согревай его весеннее солнце» (4, 525).

Важно отметить, что Тютчев смотрел на стихотворцев как на любимых детей матери-природы. В лирическом послании А.А. Фету «**Иным достался от природы инстинкт пророчески-слепой...**» (1862) можно усмотреть тютчевскую самохарактеристику и в то же время отнести эти строки к Тургеневу, который, согласно глубоко верному суждению поэта, сумел уловить «сокровенное природы со всей ее поэзией» (186):

*Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел... (250)*

Чуткий к поэтическому слову и его интонациям, Тургенев отмечает, что поэт не только «дитя» матери-природы, но и сам в свою очередь, образно говоря, является «матерью» своих стихов. Он должен «выносить» произведение «у своего сердца, как мать ребенка в чреве» (4, 525).

Поэзия Тютчева в восприятии Тургенева позволяет писателю глубже осмыслить собственные эстетические взгляды и принципы. Гармония стиха, «обаяние мерной лирической речи», «соразмерность таланта с самим собою», «соответственность его с жизнью автора» (4, 524) — наиболее ценные качества тютчевской лирики, указанные Тургеневым, характерны также и для него самого. Тургеневская статья, овеянная задушевной лирической интонацией, стала яркой страницей в истории творческого взаимодействия двух художников русского слова.

Способность к восприятию тютчевской поэзии явилась для Тургенева обобщенным критерием наличия либо отсутствия эстетического чувства: «О Тютчеве *не* спорят, — категорически заявил писатель в письме к Фету от 27 декабря 1858 года, — кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии» (III, 254—255).

В то же время литературные оценки взаимодействовали с собственными художественными поисками Тургенева. Складу его писательского мышления отвечали глубокий психологизм и философичность тютчевской лирики: «великие мысли, если они действительно велики, выходят не из одной головы, но из сердца» (4, 525—526).

* Тютчев Ф. И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. — С. 136. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

Осердеченное ощущение таинственной сущности жизни, изображаемой в свете религиозно-философских и эстетических представлений, свойственно обоим художникам. Тургеневу близок характерный для Тютчева поэтический образ «очарованной души», устремленной к недостижимым тайнам бытия.

«Тайны человеческой жизни велики, а любовь самая недоступная из этих тайн...» (8, 137),— утверждал писатель в повести «**Несчастливая**» (1868). В тургеневскую повесть «**Фауст**» (1856), тема которой — непостижимая игра судьбы, действие «тайных сил» (5, 98) в жизни каждого человека,— органично вплетается строфа из стихотворения Тютчева «**День вечереет, ночь близка...**» (1851):

*Крылом своим меня одень,
Волненье сердца утиши,—
И благодатна будет тень —
Для очарованной души... (7, 33)*

В поэтическом тексте в особенности проявляется необъяснимость, иррациональность романтического любовного чувства:

*Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!.. (193)*

Стихотворение завершается каскадом вопросов, на которые, как и в повести «**Фауст**», человеку в его земной юдоли ответа не дано:

*Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой. (193)*

Философско-психологические открытия метафизических глубин вселенской жизни и противоречивых движений человеческой души, лирический самоанализ, романтическая одухотворенность — важные сферы пересечения художественных миров Тургенева и Тютчева. Поэт уже в «**Записках охотника**» пронизательно уловил тургеневское стремление к синтезу реалистических и романтических начал — «реального и сокровенного»: «Редко встречаешь в такой мере и в таком полном равновесии сочетание двух начал: чувства художественности и чувства глубокой человечности. С другой стороны, не менее поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного» (186). В полной мере редкостное соединение указанных свойств, поразивших Тютчева в тургеневской прозе, относится к эстетическим качествам его собственной поэзии и свидетельствует о взаимном глубинном проникновении двух авторов в их художественные миры.

Самобытная «поэзия мысли» Тютчева получила свое отражение в оригинальном тургеневском цикле «**Senilia. Стихотворения в прозе**» (1878—1882). Существует своеобразное «притяжение» между тургеневскими лирическими миниатюрами и поэтическими шедеврами Тютчева. Их общая этико-философская направленность очевидна. Во многом сходны лирические ситуации, источники образности, на которые Тургенев обратил внимание еще в своей статье: «каждое его <Тютчева.— А. Н.-С.> стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления <...> мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы» (4, 526).

Преемственные связи обнаруживаются также и в проблематике, и в общей тональности произведений двух художников слова. Обращают на себя внимание некоторые важные моменты творческой параллели «Тургенев — Тютчев».

Прежде всего они обнаруживаются в стремлении двух художников к лирико-философским обобщениям многолетних сокровенных раздумий о смысле бытия, к раскрытию сложных душевных конфликтов, в которых проявляется глубоко выстраданное «я» лирического героя. Тургеневский цикл **«Senilia» («Старческое»)** — лирическое завещание писателя, его последняя исповедь, близкая по тематике и эмоционально-психологической настроенности поэтически исповедальной лирике Тютчева:

*То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!* («Проблеск» (<1825>) —29)

Проблема жизни и смерти — центральная в цикле **«Стихотворений в прозе»** — характерна и для тютчевской поэзии:

*Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади...
(«Брат, столько лет...» (1870)— 307)*

Оба автора испытывают извечный ужас перед лицом неотвратимой смерти. «При всем желании нельзя избежать чувства все возрастающего ужаса, видя, с какой быстротой исчезают один за другим наши оставшиеся в живых современники,— писал Тютчев 14 сентября 1871 года.— Они уходят, как последние карты пасьянса» (172). Пессимистический и трагический характер носят стихотворения в прозе Тургенева **«Старуха»**, **«Череп»**, **«Последнее свидание»**, **«Встреча»**, **«Насекомое»** и другие.

Один из характерных тургеневских образов, передающих трагизм человеческой жизни,— раненая птица (**«Без гнезда»**, **«Журопатки»**). В лирической миниатюре **«Что я буду думать?»** автор распознал, как в глубине потускневших глаз умирающего «билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло насмерть раненной птицы» (10, 167). Та же метафора развернута в стихотворении Тютчева **«О, этот Юг! О, эта Ницца!..»** (1864):

*Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет,— и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...* (256)

Оба художника изображают «вечернюю зарю» человеческой жизни на закате дней. Ее скоротечность символизируют **«Песочные часы»** Тургенева: «День за днем уходит без следа, однообразно и быстро. Страшно скоро промчалась жизнь, скоро и без шума» (10, 183). Обостренный слух лирического героя в гробовой тишине бессонной ночи способен различить еле уловимый шорох песочных часов: «мне постоянно чудится этот слабый и непрерывный шелест утекающей жизни» (10, 183). Тот же элегический мотивно-образный комплекс обнаруживается в тютчевском стихотворении **«Бессонница»** (<1829>):

*Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,*

*Глухие времена стенанья,
Пророчески-прощальный глас? (50)*

Однако сквозь тоску ночного пейзажа души лирического героя Тургенева и Тютчева, среди «темных тяжелых дней», когда «под гору пошла дорога» («Старик» — 10, 154), еще возможны минуты ярких озарений, сияние душевного света. В старости, предаваясь счастливым воспоминаниям, человек по-прежнему способен испытывать прилив жизненных сил, горение сердечного огня, постигать гармонию бытия: «О поэзия! Молодость! Женская девственная красота! Вы только на миг можете блеснуть передо мною — ранним утром ранней весны!» (10, 149), — восклицает Тургенев в миниатюре «Посещение».

«Камень на морском побережье в час прилива» — этот образ переходит в развернутую метафору человеческого сердца: «Так и на мое старое сердце недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души — и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами бывшего огня!.. Волны отхлынули, но краски еще не потускнели» («Камень» — 10, 162).

Подобные настроения особенно ощутимы у Тютчева в его шедеврах: «Я помню время золотое...» (<1836>), «Я встретил Вас — и все былое...» (1870), «Последняя любовь» (<между 1852—1854>), «Как над горячею золой...» (<1829>):

*Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..
О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле.
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас! (97)*

Лирическая медитация в тургеневском стихотворении в прозе «Старик» также обращена к свету, но источник его — в отличие от поздней лирики Тютчева — только в прошедшем: «Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминанья, — и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской и силой весны! Но будь осторожен... Не гляди вперед, бедный старик!» (10, 154).

Миниатюра «Завтра! Завтра!» сопоставима с тютчевским стихотворением «Не рассуждай, не хлопочи...» (<1850>). Тургенев любил эти стихи, цитировал их в качестве собственного совета в письме к Фету от 16 июля 1860 года: «“Не хлопочи” — сказал мудрец Тютчев. — “безумство ищет”...» (IV, 109).

Писатель, выражая всечеловеческое содержание, отмечает, что каждому свойственны неоправданные ожидания благ от будущего, «безумные» надежды на завтрашний день. К человеку, который почему-то «воображает, что другие, грядущие дни не будут похожи на этот только что прожитой день? Да он этого и не воображает. Он вообще не любит размышлять — и хорошо делает» (10, 164), Тургенев мог бы адресоваться тютчевскими стихами:

*Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу! (180)*

«Эх! Лучше не думать!» (10, 181),— восклицает тургеневский герой, сокрушаясь об утраченной молодости в мыслях, которые грызут его «постоянно, глухою грызью» («**О моя молодость! О моя свежесть!**»).

При схожести нравственно-психологических состояний лирических героев двух авторов у каждого из них намечены своеобразные способы выхода из трагической ситуации. Преодоление метафизического одиночества требует от тургеневского героя большого мужества и особых усилий. И все же «пейзаж души» остается по преимуществу «ночным». В миниатюре «**Я встал ночью...**» герой смиренно склоняет голову перед неизбежным: «Ах! Это все мое прошедшее, все мое счастье, все, все, что я лелеял и любил, навсегда и безвозвратно прощалось со мною! Я поклонился моей улетевающей жизни — и лег в постель, как в могилу» (10, 183). Эмоционально-психологическая тональность созвучна элегическим стихам в романе «**Дворянское гнездо**»:

*И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.* (6, 85)

В истории духовно-душевных проявлений лирического героя Тютчева больше «светлости», кротости. Строки стихотворения «**Осенний вечер**» (1830): «*Есть в светлости осенних вечеров / Умильная таинственная прелесть*» (91) — Тургенев цитировал в письме к Фету, советуя ему таким же образом «настроить струны» поэтической лиры (IV, 140—141). В отличие от Тургенева, которому в старости была свойственна безысходная тоска по утраченной молодости («**Посещение**», «**О моя молодость! О моя свежесть!**», «**Чья вина?**»), тютчевскому герою присуща

*Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.* (91)

В поэтических воспоминаниях Тютчева об ушедшей молодости, о любви, счастье нет чувства старческой горечи, бесплодной обиды или разочарования. Над лирическим героем и его возлюбленной «тень быстротечной жизни» пролетает «сладко»:

*И ты с веселостью безпечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.
(«Я помню время золотое...» (<1836>) — 112)*

В поздней поэзии Тютчева сильнее ощутимы жизнелюбие: «*Тут не одно воспоминанье, / Тут жизнь заговорила вновь...*» (304); надежда на полноцветное сияние «прощального света» человеческой жизни:

*Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!* (213)

Поэт оптимистически утверждает:

*Не все душе болезненное снится:
Пришла весна — и небо прояснится.* (254)

Неслучайно Тургенев называл Тютчева поэтом со «светлым и чутким умом». Философско-поэтическая символика света и тьмы, дня и ночи, представленная Тютчевым («**О чем ты воешь, ветер ночной?..**» (<1836>), «**День и ночь**» (<1839>) и др.), давала основания видеть в поэте творца «ночной поэзии». Однако для Тургенева до-

минантой личности и лирики Тютчева явилось именно светлое, «дневное» начало. Узнав о смерти поэта, Тургенев писал Фету из Буживаля 21 августа 1873 года: «Милый, умный, как день умный, Федор Иванович, прости — прощай!» (X, 143).

И сам Тургенев постепенно обретал выход к свету из безпросветных трагических размышлений о мимолетности земной жизни. Излюбленный цветосветовой образ тютчевской лирики — «лазурь» («чистая и теплая лазурь» — 231, «туманная и тихая лазурь» — 91, «лазурный сумрак» — 93, «лазурью неба огневой», «лазурь небесная смеется» — 71 — и т.д.) — нашел отражение в стихотворно-прозаическом шедевре Тургенева «Лазурное царство». «Царство лазури, света, молодости и счастья» эстетически утверждается как «неувядаемый рай» (10, 153), к которому и в глубокой старости стремится человеческая душа, наделенная способностью предчувствовать вселенскую гармонию. Однако ощущение гармонии как непреложного закона жизни приходит лирическому герою только во сне: «О лазурное царство! Я видел тебя... во сне» (10, 153).

Схожий комплекс идей, настроений и образов представлен в стихотворении Тютчева «Арфа скальда» (1834):

*Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне. (108)*

Оба автора ощущают непостижимость, таинственность жизни, поэтому зачастую изображают ее на грани яви и сна, здешнего и потустороннего. Так, например, в миниатюре Тургенева «Соперник» появление загробного гостя, призрака не испугало и даже не удивило героя. Некоторым своим стихотворениям в прозе («Конец света», «Встреча») Тургенев сообщает подзаголовок «сон». Действие многих новелл разворачивается как сон или видение: «То было видение...» («Два брата»), «Снилось мне...» («Насекомое»), «Мне снилось...» («Природа») и др.

Поэтика сновидений содержит намек на иррациональность, запредельность бытия, смысл которого жаждет постичь человек, но в бессилии отступает перед загадкой мироздания. Это становится собственной поэтической темой многих стихотворений Тютчева:

*О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертию летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.
<...>
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадем не к покою,
Но в утомительные сны. («Проблеск» (<1825>)— 29)*

Общий пафос позднего тургеневского цикла стихотворений в прозе, его мотивный и образный комплекс предузнаются в лирико-философской образности тютчевской поэзии:

*Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадные встанут!
 («Кораблекрушение» (<между 1827—1830>)— 37)*

«Мучительной отрадой» в изображении двух художников слова становится любовь. «Мучительность» проистекает из страстной природы такой любви — первопричины тяжелых душевных страданий.

Своеобразие изображения любовного чувства, особенно в цикле стихотворений, посвященных Елене Денисьевой, — «Денисьевском цикле», — было отмечено Тургеневым в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева»: «Язык страсти, язык женского сердца ему <Тютчеву.— А.Н.-С.> знаком и дается ему» (4, 527). Обращает на себя внимание, что применительно к тютчевскому циклу любовной лирики Тургенев говорит не о «любви», а именно о «страсти».

Страсть, помрачающая душу, доводящая человека до «обморока духовного», губительна по своей греховной природе, далеко отстоящей от Божией благодати. Неслучайно в порыве покаянного самообличения у поэта родились следующие строки:

*Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и встать,
Пройдет ли обморок духовный?
(«Не знаю я, коснется ль благодать...»
<Э. Ф. Тютчевой> (1851) — 194).*

Помертвевший от буйства страстей человек, даже не смея надеяться на благодать и прощение Божие, все-таки жаждет восстановления своего «падшего образа». Душа, будучи «по природе христианкой» (Тертуллиан), верует «сверхнадежды <...> с надеждою» (Рим. 4: 18), что возрождение и воскресение возможны во Христе, пришедшем в мир, чтобы «взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19: 10). Об этом — и древние пророчества: «Господь поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных» (Пс. 144: 14); и молитвенное упование на Рождество Христово: «Христос рождается прежде падший восставити образ»; и данное на Кресте обещание Господа покаявшемуся разбойнику: «ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23: 43).

«Человек создан по образу и подобию Божию и призван к полноте непосредственного богообщения, а потому все люди без исключения должны были бы идти этим путем, но в опыте жизни он оказывается доступным далеко “не для всех”, — размышлял Святой старец Силуан Афонский. — Это потому, что большинство людей не слышит в сердце своем голоса Божия, не понимает его и следует голосу страсти, живущей в душе и заглушающей шумом своим кроткий голос Божий»*.

В полифонии «Денисьевского цикла» Тютчева представлено подобное многоголосие: в полную силу звучат голоса двух лирических героев — мужчины и женщины, — не сумевших вовремя расслышать в душе «кроткий голос Божий» и безоглядно увлекаемых к гибели шумным «голосом страсти». Именно здесь кроется главный источник драматизма, трагичности тютчевской любовной лирики. Страстное чувство, сулившее «райские наслаждения», обернулось адскими муками, «судьбы ужасным приговором», легло на жизнь женщины «незаслуженным позором» (197), привело ее к гибели.

Биографическая основа «Денисьевского цикла» так же трагична и поучительна, как сам этот «роман в стихах».

Двадцатичетырехлетняя Елена Александровна Денисьева — преподавательница Смольного института благородных девиц, в котором обучались дочери Тютчева («моя коллекция барышень», как он их называл), самозабвенно полюбила поэта — человека почти вдвое старше себя. Девушка безоглядно отбросила светские приличия и условности, дотла сожгла все связующие с прежним мосты, возложила свою жизнь на жертвенный алтарь. Она была уволена из Смольного института, проклята отцом; дети от так называемого гражданского брака без церковного благословения считались незаконнорожденными.

Все неисчислимы скорби, тяжесть и катастрофичность союза, на который «нет

* Старец Силуан. Жизнь и поучения. — М.; Новоказачье; Минск, 1991. — С. 73—74.

Божьего согласия» («Когда на то нет Божьего согласия...» (1865) — 259), нашли отражение в стихотворном цикле Тютчева. Неизбежный итог разгула «буйной слепоты страстей» подводит стихотворение «О, как убийственно мы любим...» (<первая половина 1851>):

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей! (197).*

Поэт осознал убийственную и самоубийственную природу греховной страсти как диавольского искушения:

*И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь! («Близнецы» (<1852>) — 207)*

Через весь поэтический сборник также проходит новаторский мотив «любовь — поединок», «неравная борьба», роковая смертельная схватка. Стихотворение «**Предрепделение**» (<1851 или начало 1852>), нарушая устоявшиеся традиции любовной лирики, раскрывает трагедийность любовного чувства «*в борьбе неравной двух сердец*»:

*Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой... (202)*

Новаторство и в том, что лирический герой не только испытал чувства жгучей вины и раскаяния, но и сумел обвинить себя самого от имени возлюбленной за те душевные муки и безчисленные страдания, которые он ей причинил, будучи духовно незрячим в «*слепоте страстей*». Безоглядная страсть ставит под удар любящее женское сердце, делает его ранимым и беззащитным, как под ножом убийцы. Пожалуй, впервые в русской литературе поэзия так глубоко проникла в духовный мир героини, помогла выразиться страдающей женской душе. От лица женщины, которая не в силах сдержать охватившего ее ужаса и боли, написано стихотворение «**Не говори: меня он, как и прежде, любит...**» (<1851 или 1852>). Здесь возлюбленный уподобляется душегубу с занесенным над жертвой ножом:

*Он жизнь мою безчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
<...>
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютomu врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу. (203)*

«**Денисьевский цикл**» отличается диалогичностью, дуэтным построением. Так, своеобразным ответом героя на укоризны и упреки героини становятся стихотворения «**О, не тревожь меня укорой справедливой...**» (<1851 или 1852>), «**Ты, волна моя морская...**» (1852) и другие.

Тютчевский герой постоянно терзается, сознавая свою вину перед Богом и людьми, перед любимой женщиной за то, что безрассудно вверг ее в пучину отчаяния. Тогда как надлежало бы молить Господа о вразумлении, о преодолении диавольских

искушений, познавая святую волю Божию, просить Его великого заступления в борьбе с помрачающими разум и душу страстями и блудными помыслами.

К тем, кого смущают помыслы прелюбодеяния, обращался со своей неустанной проповедью святой апостол Павел: «*Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела*» (1 Кор. 6: 18); «*Тело же не для блуда, но для Господа*» (1 Кор. 6: 13); «*А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас*» (Еф. 5: 3); «*Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеи судит Бог*» (Евр. 13: 4).

Отпавшего от Бога человека церковное предание называет блудным сыном — в соответствии с евангельской притчей (ср.: Лк. 15: 11—32). Христос пришел спасти Своих блудных сыновей, вывести их на истинный путь, потому что они заблудились, отступив от Божьих заповедей.

Лирический герой Тютчева одержим жгучим раскаянием за ложное и фальшивое положение, в которое поставил свое «случайное семейство», обрекая его на трагическую участь. Об этом говорят строки поэтической исповеди «**Чему молилась ты с любовью...**» (<1851 или 1852>):

*Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн, и жертв, доступных ей. (205)*

Представленная страшная картина поругания «святилища души» толпой обвинителей идет вразлад с Божьими заповедями. Христос, пришедший призвать грешников к покаянию: «*пойдите, научитесь, что значит: “милости хочу, а не жертвы”?*» Ибо *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию*» (Мф. 9: 13), — даровал людям свободную волю в Боге, чтобы каждый мог внутренне очиститься от греха. Сам Господь, сошедший с Небес «*нас ради человек и нашего ради спасения*», явил великий образец милующего отношения к падшему грешнику. Обличив лицемерие книжников и фарисеев: «*кто из вас без греха, первый брось на нее камень*» (Ин. 8: 7), — Христос, преподав душеспасительное наставление, отпустил с миром приведенную к Нему «*женщину, взятую в прелюбодеянии*» (Ин. 8: 3): «*Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши*» (Ин. 8: 11). Не раскаявшимся в гордыне и неверии первосвященникам и старейшинам народа Господь сказал о покаявшихся грешниках: «*истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царствие Божие*» (Мф. 21: 31).

Очистительные страдания тютчевской героини не только терзают ее, но и раскрывают силу женской натуры, ее самопожертвования. Все это также вызывает в лирическом герое ощущение непоправимой вины, самоосуждения за неспособность на столь же самозабвенное ответное чувство. Он готов только преклониться перед высотой самоотвержения:

*Перед любовь твою
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...
(«**Не раз ты слышала признанье...**» (1851) —188)*

В поэтическом воплощении образа женщины появляются мученический надрыв и даже истовость. Лирическая героиня воспринимает свою любовь то как преступное падение, то как жертвенное вознесение:

*Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Безмертной пошлости людской!* (205)

Поэт потрясен зрелищем разрушительной стихии страстной любви, смертоносной для героини («**Весь день она лежала в забвении...**» (<1864>)):

*Весь день она лежала в забвении,
И всю ее уж тени покрывали.* (257)

Глубина и сила страданий, причиненных возлюбленной лирическим героем, поражает его в самое сердце:

*Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...* (257)

Героиня прошла свой крестный путь и искупила свою страдальческую жизнь:

*Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,—
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...* (259)

После кончины своей невенчанной жены герой продолжает нести мучительное бремя раскаяния. Более того — во искупление непоправимой вины он молитвенно просит у Господа, чтобы эта боль с годами не притуплялась, страдание не ослабевало:

*О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—
<...>
По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.
(«**Есть и в моем страдальческом застое...**» (1865) — 260)*

Накануне годовщины смерти Денисьевой Тютчев создал покаянно-молитвенные стихи «**Накануне годовщины 4 августа 1864 г.**» (3 августа 1865):

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
<...>
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?* (268)

Стихотворение «**Когда на то нет Божьего согласия...**» (1865) — завершение «**Денисьевского цикла**» — горячая молитва к милосердному всемогущему Господу:

*Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он милосердый, всемогущий,
Он, греющий Своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском. (259)*

Одухотворенные строки выстраданных поэтических признаний Тютчева — ярчайшая страница русской любовной лирики.

Сходный с «**Денисьевским циклом**» трагический отголосок безуспешной внутренней борьбы человека со страстями явственно различим в тургеневском стихотворении в прозе «**Роза**». Эта миниатюра отличается особой тонкостью психологического рисунка. Излюбленный писателем прием «тайной психологии» указывает на зарождение и развитие чувства героини, решившейся принести себя в жертву беззаветной любви-страсти. О самом предмете не сказано ни слова, но жесты, взгляды, мимика и движения женщины позволяют автору читать все сокровенное в ее сердце: «Я знал, что совершалось тогда в ее душе; я знал, что после недолгой, хоть и мучительной, борьбы она в этот самый миг отдавалась чувству, с которым уже не могла сладить» (10, 145).

Такой психологический контекст сообщает пейзажным зарисовкам этой миниатюры функцию предварения: «Сад перед домом горел и дымился, весь залитый пожаром зари и потопом дождя» (10, 145). Здесь стихии природы: «внезапный порывистый ливень», «пожар зари», «потоп» — знаменуют губительную силу греховной страсти.

В судьбе отдавшейся этой страсти женщины предугадывается участь лирической героини «**Денисьевского цикла**». Иносказательный образ втопанной в грязь розы с измятыми, испачканными лепестками соотносится с тютчевской метафорой:

*Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
(«**О, как убийственно мы любим...**» — 197)*

В том же стихотворении, отмечая разрушительное действие страдания, Тютчев пишет:

*Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей. (197)*

Мотивы розы, слез, огня концентрируются в эмоционально-психологическом комплексе тургеневского стихотворения в прозе: «слезы жгут,— отвечала она и, обернувшись к камину, бросила цветок в умиравшее пламя.— Огонь сожжет еще лучше слез <...> Я понял, что и она была сожжена» (10, 145).

Мотив испепеляющей силы любовной страсти в равной мере характерен для обоих авторов. Для Тургенева и Тютчева — это сила неведомая, роковая, которую человек без помощи Божией побороть не в состоянии. Универсальным лейтмотивом этой

темы могли бы послужить пушкинские строки из поэмы «**Цыганы**»: *«и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет»*.

Человек ощущает себя беззащитным, слабым перед лицом таинственных стихий. Одна из самых могущественных — сила природы. Характер эстетического восприятия природы и ее философского осмысления у двух авторов различается.

Тютчеву — поэту-пейзажисту и философу — свойственно пантеистическое одухотворение природы, которая служит источником вдохновения, поэзии, красоты. Философские идеи Шеллинга о тождестве природы и духа получили в творчестве Тютчева свое законченное эстетическое воплощение. «**Весенняя гроза**» (<1828>, начало 1850-х годов), «**Весенние воды**» (<1829>, начало 1830-х годов), «**Еще земли печален вид...**» (<1836>), «**Есть в осени первоначальной...**» (1857), «**Чародейкою Зимою...**» (1852), «**Душа хотела б быть звездой...**» (<1836>) и другие поэтические шедевры строятся на олицетворенных образах природы.

У Тургенева утрачивается характерный для тютчевской пейзажной лирики пантеистический смысл. Однако в миниатюре «**Нимфы**» нарисована картина воскресения Пана — античного бога лесов, ликования духов природы, нимф и дриад. Когда видение пропало, писатель признается, что ему «было жаль исчезнувших богинь» (10, 159).

В то же время оба художника сближаются в постижении временного существования человека в соотнесенности с вечным и безконечным. Для Тургенева, как и для Тютчева, «*природа — сфинкс*» (298). Она предстает грозной и безучастной стихией, перед которой индивид остро переживает свою случайность, обреченность. Стихотворение в прозе «**Природа**» содержит аллегорический образ «величавой женщины» — самой Природы, «общей матери» всего живого: «Все твари — мои дети,— промолвила она,— и я одинаково о них забочусь и одинаково их истребляю» (10, 165). Совершенствование и счастье рода людского, по мысли Тургенева, заботит природу не более, чем ножка блохи. Это вызывает внутренний протест человека, мыслящего категориями «добра, разума, справедливости».

Также в стихотворении Тютчева «**Певучесть есть в морских волнах...**» (1865): «*Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе*» — вступают в разлад с душой и мыслями человека:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?* (262)

Миниатюра Тургенева «**Разговор**» представляет собой олицетворенный диалог двух горных альпийских вершин. С льдистой высоты безжизненных каменных громад люди кажутся «козьявками», «двуножками» (10, 127), гибнущими бесславно и бесполезно. Выразительный пластический образ на ту же тему создан в тютчевском стихотворении «**Альпы**» (1830):

*Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.* (93)

Человек ощущает свое вселенское метафизическое одиночество:

*Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг —*

*И мы, в борьбе с природой целой,
Покинуты на нас самих. («Бессонница» (<1829>) — 50).*

Настроения космического пессимизма, восходящие к философии Шопенгауэра, в особенности свойственны Тургеневу. Склад его художественно-философского мышления ярко проявился в рассказе «**Поездка в Полесье**», который носит характер стихотворения в прозе, речь ритмически организуется в форме лирической медитации: «О, сердце, к чему, зачем еще жалеть, старайся забыть, если хочешь покоя, приучайся к смиренной последней разлуки, к горьким словам: “прости” и “навсегда”» (5, 139).

Пластически выписанная картина Полесья, в котором герой ощущает себя пленником обступившего его соснового бора, илистого мха, болотной тины, берегов с «рассыпчатым и мелким песком» (5, 131), сходна с пейзажной образностью стихотворения Тютчева «**Песок сыпучий по колени...**» (1830):

*Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста! (90)*

Природа внушает тайный ужас человеку, но вместе с тем она же дает ему надежду на спасение. Тургенев борется с проявлениями космического пессимизма и преодолевает его. Философское представление о грандиозности и непостижимости мироздания соседствует с чувством внутреннего родства человека со всей вселенной.

Метафизическое одиночество, сознание того, что каждый встречает смерть один на один, преодолевается с помощью сострадания, милосердия, участия («**Ты заплакал**», «**Мне жаль...**»); солидарности со всем живым, сущим: «в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек. <...> Нет! это не животное и не человек меняются взглядами... Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке — одна и та же жизнь жметя пугливо к другой» («**Собака**» — 10, 129). Свою мысль писатель продолжает в новелле «**Морское плаванье**»: «Все мы дети одной матери — и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному» (10, 170). Несомненно, только любящим сердцем, просвещенным Духом Господним, писатель сумел художественно выразить эти благодатные чувства.

Так наставлял и святой старец Силуан Афонский: «Дух Божий учит жалеть всю тварь, так что “без нужды” и листа на дереве не хочется повредить. “Листок на дереве зеленый, и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок, жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить”»*.

Пафос братственного единения людей, сочувствия как Божьей благодати особенно горячо выражен в миниатюрах Тургенева «**Милостыня**», «**Нищий**», «**Два богача**» и в стихотворениях Тютчева «**Странник**» (1829), «**Пошли, Господь, свою отраду...**» (1850), «**Нам не дано предугадать...**» (1869).

Лирический герой вместо подаяния благожелательно назвал нищего братом и в ответ получил горячий благодарственный отклик. «Я понял, что и я получил подаяние от моего брата» (10, 132),— признается Тургенев. Ситуация может быть выражена по-тютчевски:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать... (293)*

* Старец Силуан. Жизнь и поучения.— М.; Новоказачье; Минск, 1991.— С. 73—74.

Тургеневу и Тютчеву свойственно также обостренное патриотическое чувство. В отличие от многих современников, считавших Тютчева, проведшего более двадцати лет за границей, «русским иноземцем», «почти иностранцем», Тургенев увидел в нем истинно русского поэта. Писатель осмыслил тютчевское творчество как национальное, накрепко связанное с Богохранимой землей русской: «мы восстаем только против отделения таланта от той почвы, которая одна может дать ему сок и силу,— против отделения его от жизни той личности, которой он дан в дар, от общей жизни народа, к которой, как частность, принадлежит сама та личность» (4, 525).

Родина, народ, родной язык становятся для личности духовно-нравственной опорой. Ее высшее выражение — в хрестоматийном тургеневском стихотворении в прозе «**Русский язык**».

В миниатюре «**Деревня**», концептуально открывающей цикл «**Стихотворения в прозе**», картины среднерусской природы, простонародного быта даны в узнаваемых конкретных деталях, красках, запахах, звуках. И в то же время они раздвигаются до грандиозных масштабов: «на тысячу верст кругом Россия — родной край» (10, 125). В художественном диапазоне писателя ближний ракурс изображения соседствует со вселенским, космическим: «Вдали, на конце-крае земли и неба» (10, 125). Это осердеченный взгляд именно русского человека, любовно отмечающего в родной земле то, что, по Тютчеву,

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной. (220)*

Глубокое постижение жизни православной России; природа как источник творческого вдохновения, поэзии, красоты; вера в духовные силы русского народа; слиянность личности со всеобщим также помогают обоим авторам преодолевать пессимистические настроения. С тургеневскими шедеврами «**Деревня**», «**Щи**», «**Русский язык**» лирически соотносятся стихотворения Тютчева «**Эти бедные селенья...**» (1855), «**Слезы людские, о слезы людские...**» (<1849>), «**Над этой темною толпой...**» (1857), «**Умом Россию не понять...**» (1866) и другие.

Родная земля для поэта — благословенная святыня, покрытая «*ризой чистой Христа*» (230). В финале стихотворения «**Эти бедные селенья...**» эпический образ Родины:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!..—*

получает знаки святости, неземной высоты, Божьего благословения:

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя. (220)*

Мысль о жертвенности во имя заповеданной любви к Богу и ближнему отличается особенной образной и лирической силой: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142),— утверждает Тургенев в новелле «**Воробей**». Христианскую заповедь любви и спасительно-го самопожертвования: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою*

за други своя» (Ин. 15: 13),— Тютчев выражает в стихотворении «**Чему бы жизнь нас ни учила...**» (1870):

*Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел. (306)*

Философская мысль двух художников развивается от ощущения вселенской катастрофичности («**Конец света**» у Тургенева и «**Сон на море**» (<1830>), «**Кораблекрушение**», «**Последний катаклизм**» (<1829>) у Тютчева) — к пафосу жизнеутверждения, постижению гармонии Божьего мироустройства как непреложного закона жизни:

*Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога,—
Ему отверста вся земля,—
Он видит все и славит Бога!.. («Странник» (1829) — 87)*

Приобщение к высшим сферам бытия в моменты духовно-нравственного подъема показано в стихотворениях Тургенева «**Стой!**», «**Мы еще повоюем**», в стихотворении Тютчева «**Чему бы жизнь нас ни учила...**»:

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
<...>
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет! (306)*

Главным недугом своего времени Тютчев считал утрату веры — «обморок духовный». «Не плоть, а дух растлился в наши дни...»,— утверждал поэт в стихотворении «**Наш век**» (1851). Тютчевский современник

*И жаждет веры... Но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
“Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..” (189)*

«**Вещая душа**» поэта ощущает себя «на пороге / Как бы двойного бытия!..», ищет опору в христианской вере:

*Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа...
(«Над этой темною толпой...» —230)*

Несказанную отраду душе подает благая весть слова Божия. Поэт, отправляя своей возлюбленной Евангелие, сопроводил его стихотворением «**При посылке Нового Завета**» (1861). Тютчев адресует к Евангелию и всех своих читателей:

*Вот в эти-то часы с любовью
О Книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни. (248)*

Поэтика Тютчева, обогащаясь духовно, вбирает в себя евангельские сюжеты, мотивы и образы. Например, образ Марии — сестры воскресенного Христом Лазаря и Марфы. В отличие от хлопотливой, многозаботливой Марфы ее тихая, созерцательная сестра представлена в Новом Завете не только духовно сосредоточенной, но и глубоко смиренной в своей любви к Господу. В нескольких евангельских эпизодах Мария показана у ног Христа: «села у ног Иисуса и слушала слово Его» (Лк. 10: 39); «Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидевши Его, пала к ногам Его» (Ин. 11: 32); «Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его» (Ин. 12: 3).

В подобном любовно-смиренном христианском порыве предстает «вещая» — пророчески-прозорливая — душа поэта, жаждущая покаяния:

*Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть
(«О, вещая душа моя...» (1855) — 222)*

Христианской насыщенностью отличаются тургеневские стихотворения в прозе «**Христос**», «**Молитва**». Автор ощущает живое всеприсутствие Христа, готов молиться о чуде, принять личного Бога: «настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

Наблюдения над проблематикой и поэтикой произведений Тургенева и Тютчева позволяют сделать вывод о том, что при всей творческой и поэтической индивидуальности, при всем своеобразии их художественных миров оба автора объединяются одухотворенным лиризмом, христианским пафосом утверждения единого и неделимого, гармоничного, Богом данного мира:

*Приди, струей своей эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь! («Весна» (<1838>) — 148)*

**ТУЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1950-х — 1970-х годов**

(Александр Лаврик, Наталья Парыгина, Иван Панькин, Анатолий Кузнецов, Владимир Лазарев, Сергей Галкин, Виктор Пахомов, Владимир Сапронов, Валерий Ходулин, Николай Завалишин, Глеб Паншин, Виктор Греков, Игорь Минутко, Сергей Белозеров...)

«Каждый человек имеет свою историю встречи с Богом и встречи с Дьяволом... И то и другое обыденно, как прогулка в горах... Большая часть людей не понимают значения этих встреч, не умеют читать знаки высших сил, духовная неграмотность часто приводит их на край гибели... Для многих с юных лет жизнь становится поражением, когда они, привыкнув ко злу, покорно плывут по реке обыденности, как духовные трупы, больше всего радуясь материальным благам и комфорту. Эти люди не достойны даже сожаления, так как они не оправдали надежды Спасителя...»

О. Иоанн Снычев.

«Миром управляют не те, кто играет на сцене, а те, кто находится за кулисами.»

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфильд.

«Мы живем в подлые времена, когда разрушается иерархия ценностей, когда в культуре и в общественном мнении правит бал бездарность, пошлость и серость, когда талантливые люди отодвинуты на обочину жизни, ощущая равнодушие и невостребованность, когда мы не знаем при жизни и забываем после смерти талантливых людей, предаем своих учителей, товарищей, дружбу... Мы равнодушны друг к другу, разобщены, живем, словно родства не помнящие...»

(Геннадий Красников в эссе на смерть В. Пахомова, 2017).

«Зло пускает в ход громадные силы и с неизменным успехом — да только тщетно; оно лишь подготавливает почву, на которой пустит ростки добро...»

Толкиен в письме Кристоферу Толкиену, 1944.

*«Но коль смеешь мир — соцветием
Рифм пленять, из сердца выданным,—
Увы, ни долготием
Не отметишься, ни «Избранным»...
Верю я: в эпоху нежности
Бредящий литературою
Следопыт — найдет подснежники
Строк, не сгинувших под Тулою...»*

Валерий Савостьянов.

С эпохой нежности, конечно, не получилось. Россия снова тяжело воюет. У построенного в нашем городке еще при Сталине Дома пионеров — снаружи слегка осыпавшийся римский портик, дорические колонны, в нишах стен фигуры рабочего и колхозницы, внутри атлетический зал и танцевальные секции, — с утра суতোлка людей и машин, идет «частичная мобилизация». Играет простоватая музыка, парни вчера явно перебрали с водкой, рыдают женщины, но в открытый рядом храм никто не идет. Молодежь — почти сплошь атеисты. Мне думается: «Им и литература не нужна здесь, в рабочем пригороде Тулы, да еще в военное время... Стоит ли сейчас этим заниматься?»

Но, думая наспех, в этом ничего не понять. Литература, как и религия — сложнейшая вещь, зеркало своего времени, «совокупность общественно значимых текстов», проникших в «генетический» код нации, влияющих на ее самосознание. Она связана невидимыми нитями со всеми сторонами человеческого бытия, с войной тоже. Чтобы понять происходящее — надо разбираться и в литературе.

До 1910-го года в Туле она была представлена, в основном, Львом Толстым. Понятно, что Толстого лишь формально можно назвать «тульским» писателем. Лев Николаевич — явление планетарного масштаба, хотя большую часть жизни он прожил в Ясной Поляне. Мощь его таланта, жизненной энергии такова, что находясь телом в тульской глубинке, он сиял на литературном небосклоне всей планеты. Прозаики и поэты рангом поменьше из Тулы обычно уезжали — Викентий Вересаев, Глеб Успенский, менее известные Иван Родионов, родившийся в 1850-м в Одоеве; поэт Василий Богданов (1837 год, Лихвин, сейчас Чекалин); поэт и литературный деятель Басов-Верхоянцев (1869 г., Макеево Тульского уезда, он с 1930-й по 1938-й заведовал Домом-усадьбой Толстого в Хамовниках). Уехали из Тулы поэт, прозаик, драматург Павел Сухотин (1884 г., Чернский уезд), поэт Николай Полетаев (1889 г., Одоев), и многие другие.

До второй половины 1950-х Тула не была плодородной почвой для поэтов и писателей, не могла прокормить их, не давала необходимой культурной среды, не предполагала хорошего образования. После Октябрьской революции в тульской культуре вообще случился провал, связанный с гражданской войной, развитием идеологии классовой ненависти. Уничтожались или бежали из страны интеллигенты, предприниматели, буржуа. Трудовой народ реформатировали коллективизацией, милитаризацией, обобществлением собственности, атеизмом. Мешало культурному процессу и расформирование Тульской губернии в 1929-м (Тульская область вновь образована в сентябре 1937) — тогда оказались закрыты некоторые губернские газеты, учебные заведения, духовная семинария, значительная часть храмов. Из Ясной Поляны уехали дети и внуки Толстого. Вместо ВУЗов, монастырей, музеев советская власть строила шахты, заводы, предприятия. У тяжело трудящегося и воюющего народа было много забот, далеких от литературы, да еще идеологический фон жизни в стране оказался таким, что публиковать свободные мысли оказалось смертельно опасным делом. Поэтому тульские поэты и прозаики 1920-х, 1930-х годов малоизвестны. Первые ростки сколько-нибудь свободной, а потому интересной тульской литературы явились во времена «оттепели», продлившейся с середины 1950-х до середины 1960-х.

К переменам 1950—1960-х сейчас относятся по-разному. Историк Олег Платонов, например, считает «оттепель» «...бульдозером идеологии малого народа, который стремился снести все, что не соответствовало космополитическому взгляду на жизнь и отражало духовные особенности русского народа». И все же трудно спорить — «оттепель» привнесла элементы свободы в духовную жизнь страны. Писателям и поэтам разрешили думать, за это уже не отправляли в лагерь, как при советском Цезаре. Может быть именно во время «оттепели» в нашу жизнь оказались за-

ложены семена, разрушившие позже СССР, но для литературы послабления оказались плодотворными.

Тульская литература стала укрепляться с первых послевоенных лет. В декабре 1945 года вернулись в Москву «сербские Толстые», потомки второго сына Толстого — Ильи Львовича. Внуки Толстого Илья и Владимир Ильичи, правнуки — Никита Ильич, Олег Владимирович, Илья Владимирович. Они представляли в Сербии партию российских патриотов, призывали оборонять Россию от фашистов. Никита Ильич Толстой даже успел послужить в Красной армии, воевал в Румынии, Австрии. Илья Ильич и Владимир Ильич через знакомого генерала передали письмо Сталину, прося разрешения вернуться на родину. Предприятие это было весьма рискованным. После войны в СССР было возвращено, иногда насильно, несколько миллионов репатриантов. Многие из них прошли советские лагеря и ссылки. Сербских Толстых Берия тоже предлагал судить и пропустить через лагеря, но Сталин ему ответил: «Пусть их судит история». Для имиджа страны выгодно возвращение громких имен.

Толстые всегда были творческими людьми. Никита Ильич и Илья Владимирович поступили учиться в МГУ, написали несколько значимых книг. Все они, вместе со своими детьми, Сергеем Львовичем Толстым, Софьей Андреевной Толстой-Есениной и «тетей Анночкой», то есть Анной Ильиничной Толстой-Поповой, составляли в те годы «толстовскую диаспору» России. Толстые часто приезжали в Ясную Поляну, привлекая сюда знакомых писателей.

В 1948 году в Россию возвратился из-за границы Валентин Булгаков. Этот яркий человек в 1910 году служил секретарем Толстого. После смерти графа еще несколько лет жил в Ясной Поляне, опубликовал книгу «Лев Толстой в последний год его жизни» (1911). Во время Первой мировой войны, истинный толстовец Булгаков отказался идти на фронт и был арестован. Перед революцией освобожден, при поддержке Бонч-Бруевича он отвоевал для музея Толстого особняк на Пречистенке 11. В 1920 он соединил этот особняк с усадьбой в Хамовниках, на некоторое время став директором объединенных музеев Толстого. Но в феврале 1923 его выслали из страны на «философском пароходе» за участие в «Помголе» (комитет помощи голодающим, который действовал в том числе на иностранные деньги). Булгаков некоторое время жил в Праге, дружил там с Цветаевой, читал в Европе лекции о Толстом, пропагандировал ненасильственные методы сопротивления, был председателем Союза русских писателей в Чехословакии, редактировал сборник этого союза «Ковчег», входил в число основателей «Русского культурно-исторического музея», открытого возле Праги. Теперь экспонаты этого музея мы видим в Третьяковке и в Историческом музее Москвы. Годы войны Булгаков провел в немецком концлагере, был освобожден американцами, в 1948 принял советское гражданство, смог вернуться в СССР. В 1948-м он поселился в Ясной Поляне, двадцать лет был здесь одним из главных лиц, переписывался с Р. Ролланом, Р. Тагором, Н. Рерихом...

В 1954 в Тульскую область переехала Наталья Парыгина — молодой писатель и педагог, — серьезно ее поначалу не воспринимали, лишь со временем она приобрела вес. Перемены в тульской литературе наметились летом 1955, когда председателем Тульского обкома КПСС назначили Хворостухина. Он помогал тульским газетам, издательству, а затем, оглядевшись, решил выписать в Тулу «настоящих писателей», хлопотал об этом в ЦК КПСС. Тогдашний заведующий сектором культуры ЦК КПСС Поликарпов в 1959-м прислал в Тулу Анатолия Кузнецова*, только что закончившего Литературный институт им. Горького. Кузнецов ярко описал тогдашнюю Тулу, он был носителем тех человеческих качеств (релятивизм, ироничность, отвращение к другим идеям, кроме идеи свободы и материального благополучия), которые через

* Фигура этой личности, на многие десятилетия «опустившей» Тульскую писательскую организацию СП СССР на «литературное дно непризнания», гротескно описана в книге Алексея Яшина «Житие наше оцифрованное» (М.: Новые Витражи, 2019); см. на сайте www.pz.tula.ru (Прим. ред.).

несколько десятилетий разрушат Советский Союз. Потому он будто сегодняшний человек в том времени, уникальный случай.

В начале своей жизни Кузнецов был советским романтиком, он мечтал о «...ветрах дальних странствий и великих открытиях», учился в Киеве на танцовщика, играл в театре. Десятиклассником, не окончив школы, он собрал чемодан и поехал строить Каховскую ГЭС, добирал там образование в вечерней школе, участвуя в издании днепростроевской многотиражки «Всенародная стройка». Для старшеклассника «...слова «земснаряд», «котлован», «шлюз» звучали... далекими умопомрачительными фанфарами...», но столкновение с реальностью вызвало сильнейшее разочарование. Он послал несколько своих газетных очерков в Москву, поступил в Литературный институт им. Горького, оставаясь при этом бетонщиком на строительстве Иркутской ГЭС. Эта работа и стала материалом для его первой повести «Продолжение легенды» (1957): *«Я написал и предложил журналу «Юность» повесть «Продолжение легенды» — о молодом человеке, приехавшем работать в Сибирь; описывал жизнь, какова она была, — сам поработал в Сибири бетонщиком, — с ее трудностями, нищетой, но с упрямой верой молодости в лучшее, в какое-то конечное добро. В «Юности» повесть очень понравилась, но публиковать, сказали мне, нельзя: не пропустит цензура, закроют журнал, меня арестуют или, в лучшем случае, передо мною закроют путь в литературу. Главное, западная пропаганда может ухватиться...»*. Кузнецов согласился сделать «издевательски бодрые» поправки в тексте, но этого было недостаточно, повесть оставили на редакционной полке. Спустя год кто-то из редакции «Юности» тщательно отредактировал текст, который вскоре вышел в журнале с большими купюрами, переделками, но именно этот исправленный вариант и сделал Кузнецова знаменитым. Кузнецов, вместе с Гладилиным и Аксеновым, стал основоположником русской «исповедальной прозы», хотя большая часть «исповедальных» страниц, повествующих о трудностях советской жизни, из повести редакторы вычеркнули.

Конечно же, Поликарпов, Хворостухин и близко не знали этих вычеркнутых страниц, да и вообще настроений Кузнецова. Видели внешнее — в 1959 году рабочий парень окончил Литинститут, женился, хотел остаться в Москве, но Поликарпов ему отказал: *«...сейчас в Москве ни одной свободной квартиры нет... Я вас отправляю на периферию... Вот из разных мест секретари обкомов просят прислать писателей. В Рязани мало, в Ставрополе мало, в Туле нет ни одного... выбирайте...»*. Кузнецов из-за близости Тулы к Москве и Ясной Поляне выбрал город оружейников, был радушно принят Хворостухиным, едва ли не в первый же день получил трехкомнатную квартиру на углу Мира и Механической (теперь Смидовича). Поразительно, как много значил тогда для страны каждый молодой писатель: выпускника Литинститута принимает завсектором культуры ЦК КПСС, вчерашнему студенту сразу дают трехкомнатную квартиру в областном городе, хотя 90 % советских людей еще ютятся в бараках и коммуналках.

Получив ордер на вселение, потрясенно заплакав среди просторной квартиры, Кузнецов ринулся в Москву за вещами, новость о квартире произвела там ошеломляющее впечатление. В полуголодную промышленную Тулу в 1959-м выехали еще несколько писателей! Уже находясь в Лондоне, Кузнецов так живописал свои первые тульские впечатления: *«Я прибыл в Тулу в промозглый, туманный зимний день... Город был грязный, унылый, ободраный, косые разваливающиеся дома на кривых улочках, дымный промышленный город... все сплошь почему-то в черном (а потому что было нельзя безопасно надеть яркое, новое, дорогое — тобой сразу могли заинтересоваться органы, да и не было яркой одежды в магазинах). За каждым подслеповатым окошком виднелись занавесочки или гераньки... уму непостижимо, где в этом скоплении развалюх могли разместиться четыреста тысяч человек... Заглянул в один-другой продовольственный магазин — и охнул. По сравнению с Москвой пусто,*

шаром покати... В магазине под названием «Колбасы, копчености» стояла ужасающая очередь... с давкой, свистками милиции. И поперек улиц... кумачовые транспаранты: «Перегоним США по производству мяса и молока!» Обком помещался в одном из двух лучших зданий на центральной улице — бывшем губернском правлении. Напротив — бывшее дворянское собрание, теперь Дом офицеров... Первым секретарем тульского обкома был тогда Хворостухин, пожилой, простоватый на вид человек... он принял меня как живого классика. В Советском Союзе великий писатель не тот, кто пишет гениально, а тот, кого одобрил ЦК, в моем же случае поступил звонок от самого начальника всесоюзной культуры. «...После Толстого,— сказал печально секретарь,— писателей в Туле больше нет, так что поселяйтесь, милости просим». ...Через несколько минут я сидел в машине с председателем горисполкома, и мы ехали выбирать квартиру... Получив ордер и ключ... я нетерпеливо поехал, отпер пустую, казавшуюся необъятной мою теперь квартиру, бессильно сел на пол прямо в прихожей — и всплакнул, припоминая все трудности и общежития, по которым с женой ютились легально и нелегально, боясь всех комендантов, прячась от милиции... Когда я поехал в Москву укладывать чемоданы и кому-то похвастался квартирой, среди бесквартирных, детских писателей разнесся сенсационный слух, что в Туле писателям по три комнаты дают. Немедленно в Тулу ринулись желающие. И секретарь обкома действительно самым первым успевшим дал по малогабаритной, но трехкомнатной... Вместо одного члена Союза писателей в Туле оказалось пять... И состоялась торжественная организация Тульского отделения Союза писателей. На торжества по случаю организации... из Москвы прибыла большая группа руководителей Союза писателей РСФСР, с Леонидом Соболевым во главе...»

Хворостухин вскоре погорел на хрущевской компании «по мясу и молоку». В угоду Хрущеву, который после поездки в США выдвинул лозунг «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока», Рязанская область в 1959 взяла на себя обязательства превышающие план в три раза, Тульская — в два раза. Под эту компанию истребили почти весь скот в Рязанской и Тульской области, недостающее мясо закупали в соседних регионах. Когда обман вскрылся, рязанский секретарь обкома КПСС Ларионов покончил с собой, а Хворостухин отделался почетной ссылкой обкома ненадолго стал Чуканов, но уже в июле 1961 главой области назначили Ивана Харитоновича Юнака. При Хрущеве и Брежневе многие руководители областей были выходцами из Восточной Украины. Юнак родился в Полтавской области, успел поработать с Никитой Сергеевичем в Киеве, был кандидатом в члены ЦК КП УССР. Брежнев родился в Екатеринославской губернии, то есть рядом с Днепропетровском, некоторое время работал первым секретарем Днепропетровского и Запорожского обкомов КП Украины, но это отдельная история...

Кузнецов, уже находясь в Лондоне, так описывал создание Тульской писательской организации в 1960-м году: «Делегация во главе с Соболевым истратила какой-то пустяк, несколько тысяч, по графе «организационная работа». Сперва собрались в обкоме в узком кругу для распределения постов в тульской организации. Мне предложили быть главой — ответственным секретарем, ставка 170 рублей в месяц и полное распоряжение по своему усмотрению всеми творческими командировками, всеми графами — до подарков на елку и похоронных расходов включительно... я наотрез отказался от какого-либо хотя бы микроскопического поста. Это вызвало несказанную радость остальных, у них разрумянились лица и они полюбили меня на много лет. Обком утвердил расположение пяти писателей в новорожденном отделении Союза в следующей иерархии: Александр Лаврик — ответственный секретарь, Наталья Парыгина — заместитель ответсекретаря, Иван Панькин — уполномоченный литфонда, то есть распорядитель материальных благ и кассир, Валентин Булгаков — ревизионная комиссия, проверяющая кассира. И Анатолий Кузне-

цов — я, член, то есть масса. Был собран так называемый литературный актив Тулы и области, разные начинающие, пописывающие, газетчики и трудолюбивые графоманы, некоторые даже авторы книг о повышении надоев или исторических революционных событий в Туле, выпускавшихся довольно обильно местным тульским издательством... Все местные улыбались, заискивали и поздравляли новоизбранных, но про себя ненавидели их и за приезжими прочно и навсегда укрепили кличку «варяги». Они не без основания опасались, что новый союз теперь безраздельно наложит лапу на тульское издательство, заберет на свои книги все лимиты бумаги и гонораров, а их писания отодвинет в перспективный план. Никогда не забуду глаза главного редактора тульского издательства Юдкевича... когда я зашел представиться... Его лицо побледнело и вытянулось, в глазах появился холод смерти. Уходя, я трижды поклялся себе ни строки никогда не предложить для печати в Туле. ...меня избрали редактором стенгазеты... и я нарисовал грандиозную диаграмму. Слева очень низкий пункт, дата — 1910, количество писателей в Туле — один. Крутая головокружательная стрела вверх, дата — 1960, количество писателей — пять... Пока история, с разными вариациями, шлифуясь от рассказчика к рассказчику, дошла до Михаила Шолохова, в ней вместо не такой эффектной цифры фигурировало уже, кажется, двадцать восемь...»

Но Кузнецов зря иронизировал, во многом это был естественный процесс. К «варягам» — Кузнецову, Парыгиной, Панькину, Лаврику, Шманю,— подтягивалась тульская творческая молодежь. Впоследствии многие из начинающих тульских писателей получают хорошее образование в Москве. Они любили русское слово, жили в нем, почему Кузнецов хотел запретить им заниматься литературой? Виктор Пахомов, например, окончил Московское художественное училище и, заочно, Московский педагогический институт. Работал учителем, журналистом, печатался в газетах с 1958 года, был замечен Н.К.Старшиновым, стихи Пахомова стали публиковаться в журналах «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Наш современник». Сергей Галкин окончил Литературный институт в Москве, работал в «Молодом коммунаре» с 1963 года, вел здесь литературный кружок. Первая книга стихов «Доверчивость» вышла у него в 1966 году в Приокском издательстве. Владимир Сапронов окончил Московскую ветеринарную академию, работал зоотехником и секретарем Узловского горкома ВЛКСМ, с 1956 года его стихи выходили в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Огонек». Несмотря на это Сапронов был удивительно привязан к «малой родине» — всю свою жизнь провел в селе Акимов-Ильинка под Узловой. Валерий Ходулин с 15 лет работал на оружейном заводе, трехлетнюю воинскую службу проходил на крейсере «Аврора», окончил Литературный институт им. Горького, первая книга стихов «Гравюра» появилась в 1965 году, затем он много лет работал старшим редактором Приокского книжного издательства. Виктор Греков родился под Белевом в деревне Сыгичи в 1940-м, вначале работал фельдшером и писал стихи. Закончив в 1973 году Литературный институт, Греков превратился в яркого писателя, журналиста, краеведа. Он возглавлял одно время Белевский ДК, вместе с Н. Д. Жилиевым стал создателем Белевского краеведческого музея. Греков тащил чуть ли не «за волосы» родной город из провинциальности, во многом это ему удалось, сейчас Белев — одна из духовных столиц Тульской области...

Не менее значимы для Тулы оказались писатели, переехавшие сюда в юности. Игорь Арясов перебрался с родителями в Тульскую область в 1954 году, окончил Тульский педагогический институт, преподавал, работал журналистом в тульских газетах, десять лет возглавлял редакцию художественной и детской литературы в Приокском издательстве, в 1976 году прорвался в большую литературу с повестями, опубликованными в журнале «Наш современник». Сергей Белозеров приехал с матерью в Советск школьником, работал слесарем на заводе, с 1969 года в «Молодом коммунаре» стали появляться его стихи. С 1972 года он корреспондент этой газеты,

одно время был там заведующим отделом, даже заместителем редактора. Белозеров пытался учиться на факультете журналистики МГУ, но его образ жизни не благоволил этому. Юрий Кириленко в Туле с 1966 года, он тоже окончил Литературный институт, работал в Приокском книжном издательстве и тульских газетах. Сергей Щеглов в Туле с 1959 года, перед этим отбывал срок в Норильлаге за создание «молодежной антисоветской организации» (студенты обсуждали будущее страны). В 1959-м Сергей Щеглов, вслед за родителями, реабилитирован за отсутствием состава преступления, переехал в Тулу, с 1963 он сотрудничал с газетой «Коммунар», впоследствии выпустил 14 книг с главной темой — политические репрессии в СССР. Александр Харчиков родился в 1936 году в Орловской области, окончил Литературный институт в 1972 году, 50 лет прожил в Туле. В молодости Харчиков работал на Косогорском металлургическом заводе, в 1965 издал книгу о доменщиках — «Лицом к огню», затем повести и романы «Среди людей», «Заводские повести», «Хранители огня». Некоторые из них публиковали в журналах «Новый мир», «Октябрь». Харчиков имел неуживчивый характер, за месяц до смерти в 2010-м руководители тульской писательской организации исключили* его из нее. Глеб Паншин приехал в Тулу в 1952-м, организовал спортивную школу и техникум физической культуры в Новомосковске. Глеб Иванович встречал в этом городе (через него москвичи тогда ехали на Куликово поле) столичные литературные десанты, писал книги, издавал журнал «Поле Куликово». Игорь Минутко родился в Москве, но школу и педагогический институт окончил в Туле, работал здесь учителем и журналистом. Заочно учился в Литературном институте, с 1953 года начал публиковаться в «Молодом коммунаре», в 1958-м был принят сюда на работу. В конце 1950-х вышла из печати его первая книга «Девочка из нашего класса», затем последовали «Когда приходит любовь» (1960), «Мне восемнадцать лет» (1962). Владимир Лазарев** родился в Харькове, он — сын известного одессита Якова Лазаревича Мильдона. Но Владимир Мильдон-Лазарев и его брат долго жили в Туле, Владимир окончил здесь школу и Тульский механический институт. Свою первую литературную награду он получил в 1956 году, будучи еще студентом, первые две поэтические книги у него тоже вышли в нашем городе. С 1967 года, после окончания Высших литературных курсов, Мильдон-Лазарев жил в Москве, став широко известным как поэт, прозаик и публицист. Он автор слов песен «Прощание славянки», «Мне приснился шум дождя», «Березы» и многих других. В Москве, перед тем как перебраться в США, он выступил инициатором создания общества «Лосевские беседы» и музея «Дом Лосева».

Вопреки мнению Кузнецова, эти тульские литераторы оказались талантливы — каждый на своем уровне. Невозможно всем писать как Толстой, должны существовать и писатели поменьше. Даже самый лучший богатырь не может составить армию, а ведь литературу делают поколениями пишущих людей. Тульская молодежь тех лет оказалась щедро одарена и помимо литературы: Пахомов отлично рисовал, Ходулин прекрасно пел, Паншин выказал себя прирожденным организатором, Галкин умел работать с молодежью... Такие самородные таланты всегда рождаются на российской земле, но лишь в 1950—1960-е годы тульская почва стала для них плодотворной на ниве словотворчества.

Оживлению литературной жизни способствовало создание в городе Тульского (позже его назвали Приокским) книжного издательства. Областные газеты сделались питательной средой для литературы. В одном только «Молодом коммунаре» работали Сергей Галкин, Николай Завалишин, Юрий Кириленко, Сергей Белозеров, Ольга Подъемщикова, Вячеслав Алтунин, Николай Савченко, Андрей Коровин, Алексей

* Не соответствует действительности: Харчиков, Овинников и Аникеев сами вышли из Тульской организации СПР, недовольные «курсом» ее руководства (Прим. ред.).

** Свою последнюю поэму «Егор Таланов, тульский мастер» Лазарев, уже проживая в США, опубликовал в журнале «Приокские зори» (№ 4, 2013) (Прим. ред.).

Дрыгас, Олег Хафизов... Кроме издательства, с 1948 года в областном центре появились литературное объединение (руководитель Николай Виноградов) и литературно-художественный альманах, который выпускался под редакцией С.М. Юдкевича. Вначале с названием «Тульский альманах», с 1950 года — «Литературная Тула». Читая его, понимаешь, что и до приезда «варягов» Тула за словом в карман не лезла. Областные совещания тульских писателей, читательские конференции, литературные вечера, диспуты краеведов. За этим стояли десятки, сотни пишущих людей! Что касается Юдкевича — он родился в Ельце, в дни обороны Тулы служил военным журналистом в тульской дивизионной газете. С ней лейтенант Юдкевич прошел с боями от Тулы до Кенигсберга, затем вернулся в город оружейников. С 1954 по 1972 год он работал главным редактором вначале Тульского, позже Приокского книжного издательства.

Наталья Парыгина вспоминала о первых годах тульской писательской организации: *«Я приехала в Тулу из Сибири в сентябре 1954 в роли начинающей писательницы... В Туле регулярно — два раза в год — издавался альманах «Литературная Тула» и в тоненьких книжечках выходили уже стихи и проза местных авторов. Литературным объединением руководил директор областного книжного издательства Николай Владимирович Виноградов. В редколлегию издательства входили — главный редактор издательства С. М. Юдкевич, профессор Ашурков... Литературное объединение той поры и альманах «Литературная Тула» стали преддверием Тульской писательской организации. В 1959 году по моей просьбе меня приняли на двухгодичные Высшие литературные курсы. Условия для учебы в институте и для творческой работы были, на мой взгляд, идеальные. В общежитии каждый писатель получил отдельную комнату. Стипендия — на уровне средней зарплаты, творческий день — пятница (плюс следом — два выходных). В нашей группе учились будущие знаменитости: Виктор Астафьев и Сергей Викулов. А на втором курсе — будущий «туляк» Александр Лаврик... Все трое писателей, приехавших вскоре в Тулу (Кузнецов, Лаврик и Шмань), получили трехкомнатные квартиры. Кузнецов приехал с беременной женой. Следующим летом, окончив Высшие литературные курсы, решил перебраться в Тулу и Иван Панькин. И он тоже получил трехкомнатную квартиру. С «офисом» для писательской организации оказалось сложнее. Приютил писателей Виноградов: в самом большом кабинете издательства вместе с редакторами. Лаврик дал объявление в газету о вакансии технического секретаря, и вскоре молодая красивая женщина Надежда Васильевна Коропова заняла этот пост. Лаврик оказался талантливым организатором и тонким «дипломатом». Рукописи как членов Союза писателей, так и молодых литераторов теперь, прежде чем попасть на издательский стол, проходили стадию рецензирования или даже обсуждения в секции прозы или поэзии. Для молодых литераторов ежегодно устраивались семинары. Обычно на такие семинары приглашался кто-либо из столичных писателей. «Литературные страницы» в областной газете «Коммунар» стали обычаем на многие годы. Часто печатал стихи, реже прозу молодых литераторов «Молодой коммунар». Вновь изданные книги не оставались незамеченными: в областных газетах публиковались рецензии, написанные нашими же, областными критиками, в роли которых чаще всего выступали журналисты. Отзывы бывали и добрыми, и — порой — жесткими. Еще одной формой общения с жителями Тулы были вечера в крупных залах города. В Туле было создано Бюро пропаганды художественной литературы — филиал Всесоюзной организации того же названия. Возглавлял Бюро пропаганды обязательно писатель. В Туле в этой роли поработали Сергей Галкин, Виктор Трапезников, Михаил Абрамов, Александр Жуков, Марк Жарковский... Писатели выступали на предприятиях, в школах, библиотеках. В районах наши выступления организовывались в колхозах и совхозах, а то и просто на животноводческой ферме или на полевом стане. Иногда бригады писателей выезжали в соседние области: Калужскую, Рязанскую, Орловскую.*

И принимали у себя писателей из этих областей. Мы — и прозаики, и поэты — говорили с читателями о героях Великой Отечественной войны, о хороших людях мирного времени. Наши беседы были направлены на утверждение идеалов нравственности и прежде всего — любви, — во всех ее проявлениях: любви к труду, к человеку, к природе, к книге. И высшего проявления этой любви: любви к Родине. Выступления были платными и частично шефскими (то есть бесплатными). Рецензирование рукописей тоже оплачивалось. Это было заметное подспорье к непостоянному бюджету писателя. Писательская организация бурно росла, и это как будто было хорошо. Но становилось тесновато на издательском поле! Чехов когда-то сказал устами своего героя: «Я — художник, я издерган завистью». Однако Лаврик умел тактично гасить мелкие конфликты. Пока не нанес ему тяжелый удар тот, кого он более всего прославлял. В 1969 году Анатолий Кузнецов, «травмированный ранней славой», взял в журнале «Юность» командировку в Лондон. Для поездки за границу нужна была безупречная характеристика, и Лаврик написал такую характеристику. Анатолий Кузнецов, благополучно добравшись до Лондона, тотчас попросил у английских властей убежища, ибо в советской стране ему не хватает свободы для жизни и творчества. Лаврика за добрую характеристику тому, кто обманом убрался в эмиграцию, сняли с любимой работы. В писательской организации начался новый, более трудный период жизни. Тяжелее всех переживал беду Лаврик. В конце концов тяжелые переживания привели к инсульту. От второго инсульта Александр Григорьевич скончался. Умер в Лондоне и Анатолий Кузнецов. Умер в день похорон Лаврика. После Лаврика руководители писательской организации надолго на этом посту не задерживались: П. Г. Сальников, Н. Д. Парыгина, В. Г. Ходулин, Ю. М. Щелоков, В. Н. Трапезников. Пока не избрали на эту должность В. Ф. Пахомова... Со временем издавать книги в Туле стало труднее. В стране затеялась компания по сокращению числа издательств. В Туле издательство сохранилось, но под новым названием: Приокское. И с обязанностью обслуживать издание книг уже не одной, а четырех областей. Виноградов ушел на пенсию. Сменившие его два других директора... обращались с писателями как с назойливыми просителями, которые только мешают им работать. В те годы многие члены нашей писательской организации были ветеранами Великой Отечественной войны: Иван Федорович Панькин, Владимир Александрович Большаков, Николай Антонович Любин, Александр Александрович Елькин, Николай Павлович Акулиничев, Петр Георгиевич Сальников, Виктор Никитович Трапезников, Николай Константинович Дружинин...»

В 1966 в Тулу приехал еще один будущий тульский писатель — Алексей Яшин, родившийся в мурманском Заполярье. Окончив Тульский политехнический институт, он с 1971 года работал инженером-конструктором, начальником сектора в тульских конструкторских бюро оборонпрома. Начал входить в литературу с 1981-го года, окончив Литературный институт им. Горького. В конце 1960-х занялся стихами будущий тульский поэт Валерий Савостьянов — в 1968 он, студент второго курса Политехнического, участвовал в Областном совещании молодых литераторов, которым руководили Александр Лаврик и Анатолий Кузнецов. В 1979-м журнал «Молодежная эстрада» опубликует стих Савостьянова «Душа от мысли корчится» с предисловием к рубрике Николая Старшинова.

Известного поэта Николая Старшинова судьба привела на тульскую землю благодаря Куликову полю. Он приехал сюда с «литературным десантом», а все эти десанты обычно высаживались на железнодорожном вокзале Новомосковска, автомобильные дороги тогда были в плохом состоянии. Старшинов сдружился с местным литератором Глебом Ивановичем Паншиным и провел затем в Новомосковске и окрестностях, если сложить все дни его приездов, около года. Он жил в столице, но его тянуло к народу — в деревню, на рыбалку, в дружескую компанию близких по духу людей: «А правда, мне в деревне бы родиться, — / Я к ней привязан с малых самых

лет. / Родиться, по-крестьянски утвердиться, / Чтобы познать всю тьму ее и свет». У Старшинова было тонкое чувство природы, влюбленность в народную речь, он всю жизнь собирал частушки, любил петь их. А еще он был заядлым рыбаком, написал о своем увлечении шестьдесят рассказов и пятьдесят стихотворений, они вышли отдельной книгой. Старшинов объяснял свою страсть так: «Здесь, на воде, я полностью отдыхаю от городской суеты, от шума, от заседаний, от бесконечных рукописей и бесчисленных звонков. Отключаюсь от всего этого, забываю о неудачах, заботах, литературных долгах...» Глеб Паншин не терял времени даром: «Конечно, мы не могли упустить случая, чтобы не поэксплуатировать его. И Николай Константинович встречался с нашими авторами, бывал на литературных вечерах, выступал перед студенческой молодежью... Останавливался он либо у меня, либо в однокомнатной квартире В.Х.Пронина на улице Маяковского, дом 17. И всегда просил: «Дайте мне в охотку пожить, по-своему...» Это значило — чем меньше ему уделяется внимания — тем лучше». Именно на тульской земле Старшинов напишет свои знаменитые стихи «Моя гармонь», «А я приеду наудачу», «У осины раззеленый ствол», «Там за Непрядвою, за Доном...» Они с Паншиным ловили рыбу в небольшой речке Проне «среди пестрого разнотравья с отдельными березками, с крутыми берегами, где из-под известковых срезов даже в самую июльскую жару бьют ключи...» (Из очерка Старшинова «Там, близ поля Куликова»).

Старшинов не только рыбачил — ездил из Новомосковска на Куликово поле, в Ясную Поляну, встречался с тульскими поэтами. В результате никто из общероссийских литературных деятелей, после Ярослава Смелякова, не оказал такого влияния на тульских поэтов, как Старшинов. Он участвовал в судьбе Виктора Пахомова, Степана Позднякова, Николая Акулиничева, Сергея Галкина, Анатолия Брагина, Николая Боева, Валентина Киреева, Дмитрия Ракитина. Старшинов и Паншин сделали модными для тогдашних советских писателей поездки на Куликово поле: «По его «наводке» в канун празднования 600-летнего юбилея Куликовской битвы на ночлег в Новомосковске, чтобы успеть к началу торжеств, остановились писатели из многих земель России, а редакцию журнала «Наш современник» (целый автобус) мне пришлось расквартировывать в спорткорпусе техникума физической культуры, где я был тогда директором» (Глеб Паншин). У Глеба Ивановича в директорском распоряжении находилась служебная машина, баня техникума, спортивный корпус с комнатами для ночлега — он мог встречать писателей на хорошем уровне.

Что касается Старшинова, более всего из тульской поэзии ему нравились стихи Виктора Пахомова. Старшинов часто говорил о Пахомове в редакции журнала «Поэзия», широко публиковал его стихи. Вот как вспоминает Геннадий Красников: «Николай Константинович высоко ценил стихи тульского поэта, в ту пору еще учителя рисования и черчения из поселка Бегичево. Старшинов взволнованно читал именитым и неименитым посетителям альманаха его замечательные пронзительно-трагические стихи о военном детстве... Я глубоко убежден, что без многих стихотворений Пахомова невозможно во всей полноте понять и оценить поэзию последних 30—40 лет. Для иного поэта и половины, и четверти этих стихотворений хватило бы, чтобы навсегда притулиться где-нибудь рядом с классиками. Да что там «четверти»!.. Если бы и одно только стихотворенье «Сон» было написано, то и оно не затерялось бы среди драгоценных поэтических россыпей нашей литературы». Геннадий Красников и Старшинов помещали Пахомова в разряд «поэтов — детей войны» вместе с Игорем Шкляревским, Юрием Кузнецовым, Юнной Мориц, Владимиром Костровым: «Пахомов из того поколения, чье детство, словно дрожащий неоперившийся птенец, было безжалостно выброшено войною из тепла родового гнезда в сиротство, в грязь, в трагедию обезумевшего мира, лежащего уже не только «во зле», но и в золе, в крови, в целом море «детских слезинок» (Красников).

Лучшие стихи Пахомова о войне, правда, невозможно читать без волнения. Его

отец погиб на фронте в 1943, когда мальчику едва исполнилось одиннадцать лет, военная травма навсегда станет поэтической темой Виктора Пахомова: *«Нас выгнали немцы из дома / На снег, на мороз из тепла. / Овинов ржаная солома / Тогда нас, бездомных спасла...»*. *«Заплачу то ночью, то днем / (Я это уже не скрываю). / Сожженный фашистским огнем, / Отец мой, тебя забываю! / Прости, ты ушел, я был мал, / Хоть с мамою плакал за тыном. / Ты больше дней провоевал, / Чем, в общем-то, нянчился с сыном. / Тебя ли за это винить? / За чьей-то скрываться спиной? / Нет, Родину ты сохранить / Мог только такую ценною»*. В 1966 году молодой Виктор Пахомов, окончив художественно-графический факультет Московского заочного педагогического института, работал учителем, а затем директором школы в Богородицком районе — в деревне Бегичево. В это время он и показал свои стихи Николаю Старшинову, приехавшему в Новомосковск. Они начинают общаться, стихи Пахомова появляются в центральных газетах и журналах Москвы — в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Наш современник», «Поэзия». Вот как вспоминал об этом сам Пахомов: *«И тогда милосердная судьба подарила мне встречу с необыкновенным человеком. Он спас меня, разочаровавшегося во всем, помог разобраться в себе, в окружающем, в поэзии, поддержал своей добротой и вниманием... Он заменил мне литературный институт и, главное, укрепил веру в себя, чего мне тогда не хватало. Наверное, в жизни каждого из нас есть такой человек — опора, встреча с которым определяет многое в судьбе. Их называют учителями, наставниками, воспитателями, крестными отцами. Поэт Николай Константинович Старшинов для меня все вместе взятое...»*

Впоследствии поэтическая и жизненная судьба Виктора Пахомова сложится благополучно. В 1974-м выйдет его первая книга «Мое село», затем — еще более двух десятков книг. Он двадцать семь лет руководил Тульским отделением СП СССР и России, был секретарем правления Союза писателей СССР и России. Его отметили несколькими литературными премиями — Союза писателей России, «Бежин луг», журнала «Дружба народов», имени Л. Н. Толстого... Он проживет 85 лет, станет почетным гражданином Тулы и будет похоронен 1 сентября 2017 года на Почетной аллее центрального Тульского городского кладбища на Мыльной горе.

Не менее благополучно, в общем-то, сложится судьба у Сергея Ивановича Галкина, Валерия Георгиевича Ходулина, Валерия Николаевича Савостьянова... Но был рядом с ними в XX-м веке не менее талантливый, но гораздо более несчастливый поэт — Сергей Белозеров. Его в писательские и журналистские союзы не приняли, в конце жизни он потеряет свою дочь, любимую жену, работу, даже квартиру в Советске. Он умрет в чужой квартире, не дожив до 55 лет, автором единственной книжки «Словарь далей», изданной в Приокском издательстве в 1989: *«При жизни его так и не приняли ни в один писательский союз и не признали своим в официальных литературных кругах, оставив за скобками и официальной, и неподцензурной литературы. Могила его зарастает кладбищенскими сорняками. И все меньше людей помнят его стихи»* (Андрей Коровин, журнал «Арион» № 4, 2022). В отличие от Пахомова, Белозеров не умел выстраивать отношения с сильными мира сего, он писал эпиграммы на людей, от которых зависела его литературная судьба — например, на Катаева: *«Алмазный мой венец» / прочел я, наконец. / И книги той накал / есть подтверждение слов, / что выживший шакал / страшнее мертвых львов»*. Он был тульским камертоном непредвзятого отношения к действительности, он был наедине с поэтической вечностью, почти раздавленный ею, весь израненный жизнью. Такие раны, как у него (разрушение карьеры, потеря семьи, ребенка, друзей), можно выдержать лишь на транквилизаторах. А тогда, из доступных, главным был алкоголь...

Родился Сергей Белозеров (1948 год) в Приморском крае, где служил в летном полку его отец. Мать и отец его — белорусы, родом с Могилевщины. Через некоторое время семья распалась, родители развелись и Сергей с матерью (он тоже — безотцовщина) оказался в городке Советске (мать сюда завербовалась на стройку) на

тульщине, которая станет настоящей родиной поэта. В Советске Белозеров окончил 8 классов, поступил в Горный техникум Тулы, не закончив его работал на стройке в Советске, в 1967-м уехал в молдавские Бельцы, следуя за любимой девушкой: *«Перед встречей нового 1967 года Сергей уволился с работы. А жил он тогда и работал на стройке в Советске после отчисления его из техникума, где мы вместе учились. Приехал к матери в Тулу, уложил чемодан и... поехал в Молдавию. А я к тому времени уже жила и работала в Бельцах... Сергей быстро познакомился с каким-то дедом, напоил его, и дед прописал его у себя. Затем он устроился на стройку арматурищиком. А потом уже, после ЗАГСа, мы вместе снимали комнату, и там у нас в октябре 1967 родилась дочь. Он сразу, как приехал в Молдавию, нашел литературный кружок, и все время с ними в компании пропадал, домой приходил за полночь...»* (Надежда Иващенко, первая жена Белозерова).

«Гуляя с нами, он тащился позади всех. Я спросил его — почему? Сергей ответил, что у него задники туфель стоптаны и в носках пятка порвана. Узнав это, наша компания устроила ему день рождения — собрали в складчину деньги и купили ему полностью всю одежду и туфли. Он был в шоке! Он был нашим любимцем и кумиром! Его нельзя было не любить! На стройке, где он работал разнорабочим, в день полочки он пропивал с друзьями всю зарплату, часто оставался голодным... Мы выступали на молдавском телевидении, по местному радио. Известный поэт Ольшевский на литобъединении сказал: «Белозеров, ты у нас в папке полугениев!» Вернулся Сергей в Тулу в 1969-м. И хотя в Бельцах Сергей прожил короткое время, он стал одной из легенд города и вошел в его историю...» (поэт Александр Теплер).

Вернувшись в Тулу, Белозеров несколько лет работал в местных газетах, поступил на журфак МГУ, казалось — жизнь налаживается. Вячеслав Алтунин вспоминает: *«В 1976 году я только что поступил на работу в «Молодой коммунар» и зашел в секретариат редакции... там особенно выделялся один, небрежно одетый, какой-то растрепанный и, совершенно очевидно, поддатый. Он отчаянно жестикулировал и о чем-то увлеченно говорил.*

— Знаешь, кто это? — толкнул меня в бок Коля Маликов.— Это легенда нашей конторы, сам Сергей Белозеров! Скоро в Казань поедет, собкором «Комсомолки»! Карьера!

В Казани у Сергея не сложилось. Теперь я понимаю, почему. Чтобы быть успешным собкором, необходима железная самодисциплина... Он же был поэтом во всем: и в газете, и в поэзии, и в любви...»

Белозерова изгнали из «Комсомолки», по мнению Андрея Коровина из-за того, что Белозеров, по своему обыкновению, начал писать статьи против казанского начальства. Уволенный, возвращаться домой он не захотел, вот как позже рассказывал об этом Андрею Коровину: *«После того, как меня выгнали из «Комсомолки», я жил в Москве, ночевал на вокзалах, подрабатывал в редакциях, ездил в командировки аж в Сибирь. Я каждый день обходил все редакции по Садовому кольцу в поисках заданий».*

Судьба Андрея Коровина оказалась тесно связана с судьбой Белозерова через Ольгу Подъемщикovu, еще раз предоставим слово ему: *«В 1977-м Белозеров поехал в Казань, расстался с семьей и пропал. Жена объявила Сергея в розыск, его признали «безвестно отсутствующим» и заочно развели. Несколько лет Белозеров внештатничал во всевозможных газетах, переезжал из города в город, много пил и неуклонно шел ко дну. В то же время его нигде не опубликованные стихи с восторгом читали в узких кругах, в том числе — в среде студентов и преподавателей Тульского пединститута. Там, в Туле, Белозеров и познакомился с молодой, аристократичной студенткой Ольгой Подъемщиковой, которая решила посвятить ему жизнь. Она вытаскивает его из запоев и переезжает к нему в город Советск. Казалось, жизнь начинает налаживаться, но не тут-то было...»* («Новый мир», 2013, № 3). Почему Белозеров не захотел возвращаться в Советск из Казани? Его тогдашняя жена Надежда Иващенко подавала заявления на Белозерова в милицию, мне рассказал об

этом Василий Константинович Козлов, работавший в милиции, но не чуждый литературе. Однажды Ивашенцева оказалась на приеме именно у него. Так вот, она просила милицию выселить Белозерова из их квартиры — из-за дебошей и пьянства. Такое отношение жены лишь увеличивало скорость его падения. Был ли Белозеров диссидентом, как Анатолий Кузнецов? Вот мнение Андрея Коровина: *«Я помню его стихи в пожелтевшей подшивке газеты «Молодой коммунар» за 1969 год, на одной полосе с отрывком якобы из нового романа Анатолия Кузнецова, тщательно планировавшего тогда свой побег и из Тулы, и из СССР. Оттепель уже закончилась, начались посадки и высылки. Белозеров не причислял себя к диссидентам, хотя стихи диссидентские писал и речи, конечно, тоже произносил. Ну вот как понять — где диссидент, а где патриот — если человек всего-то хочет, чтобы страна его была лучше, честнее, справедливее? Страна ответила поэту тем, что переломала-перекрутила всю его жизнь, да так и не дала опомниться»* (журнал «Арион», 2012).

После скандального* бегства Кузнецова в Лондон почти все тогдашние тульские писатели и поэты должны были придерживаться общепринятой идеологии. На своих кухнях, конечно, продолжали говорить всякое, но печатать слова, идущие против «линии партии», теперь стало невозможно. За лояльностью к власти следили соответствующие органы, с писателями проводили занятия.

Тогдашняя интеллектуальная жизнь, социальное творчество происходили под спудом и на Западе. В то время там, как грибы в пасмурную погоду, росли открытые и закрытые структуры глобалистов: Римский (1968) и Билдербергский клубы (1954), общество «Мон Пелерин» (1947), Трехсторонняя комиссия (основана банкирами Нью-Йорка в 1973), Тавистокский институт (1947), Лондонский клуб (1976), Парижский клуб (1956), «Институт Эсален» (1962).

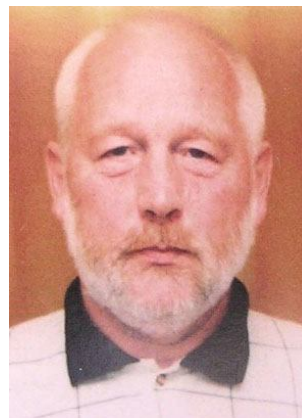
Советские руководители — Косыгин, Гвишиани, некоторые другие — участвовали в работе этих организаций. Например, Гвишиани был членом Римского клуба. Не только на Западе, но и в руководстве КГБ СССР в конце 1970-х выросли сетевые структуры, готовящие реформирование страны. Но советский народ ничего об этом не знал, обсуждать назревшие реформы категорически запрещалось. А те, кто пытался это делать, могли оказаться в тюрьме или психбольнице. Примером тут может быть судьба будущего тульского богослова и писателя Олега Сенина. В 1965 году, учась в Рязани, он присоединился к марксистскому студенческому кружку. Год спустя, поступив в Саратовский юридический институт, он со студентами-единомышленниками продолжал штудировать труды основоположников марксизма, писал публицистические статьи, где переосмысливал теорию и практику господствующей в СССР идеологии. За попытки обсуждать идеологию в августе 1969 года Олег Сенин был арестован и осужден на 7 лет лишения свободы строгого режима. В марте 1974-го его помилюют, в 1991 году реабилитируют «за отсутствием состава преступления». Но в заключении он успеет потерять зрение, разочароваться в марксизме, встать на путь веры... После судимости его не приняли учиться в Ленинградскую духовную семинарию, он мог заниматься только самообразованием.

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

* Правильнее — хамского (Прим. ред.).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

К СОВПАВШИМ ЮБИЛЕЯМ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА: ЛИТЕРАТУРНОМУ, НАУЧНОМУ И ЖИЗНЕННОМУ

Алексей Афанасьевич Яшин — человек очень многим известный. Его деятельность поражает своей многогранностью: он всероссийски известный прозаик, философ, ученый, литературный шеф-редактор (то есть главный редактор) всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Писатель нестандартного мышления. Ему свойственно стремление к широкому охвату разнообразных жизненных явлений, а отличительной особенностью является дар предвидения. Он дает четкий и глубокий анализ исторических и современных событий, поднимая на рассмотрение и обсуждение острые проблемы политической жизни страны, экономики, военного строительства, образования. И все это благодаря способности охватывать мысленно, системно всю ситуацию целиком. Автор ставит актуальные вопросы и отвечает на них.

«Кто рожден с талантом и для таланта, тот обретает в нем свое лучшее существование», — писал И. Гете. Это утверждение полностью относится к А. А. Яшину.

А родился он в поселке Белокаменка Полярного района Мурманской области. Окончил Тульский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького, учился на матмехе Ленинградского госуниверситета. Член Союза писателей СССР и России, Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Доктор технических и доктор биологических наук. Двойной профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Лауреат многочисленных научных и литературных премий. Член Правления Академии российской литературы, член ряда российских и зарубежных академий.

В нем кроется талант ассоциативного, системного мышления. А многие наблюдения Алексея Афанасьевича проникнуты тонким эстетическим вкусом и сильны своей философской составляющей, исполнены глубочайшего смысла. В своих философско — этических размышлениях он обращается к проблемам социального и нравственного выбора, справедливости, гармонии нашего бытия и творчества.

«Наш автор в своих книгах, от романа к роману, сосредотачивается на тех аспектах современного бытия, которые он полагает важнейшими в их соподчиненности и последовательности» (Леонид Ханбеков). Так, философский роман «Любовь новоюрского периода» продолжает общую тему ранее изданных романов: «В канцелярии», «В конце века», «Историк и его История», «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», рассказывающих о судьбе нашего современника и философии жизни.

Писатель обладает великолепным литературным языком, профессионально выстраивает сюжеты. Автор необычайно наблюдателен, хорошо знает описываемую эпоху, тонко чувствует материал. В его книгах любая строчка может быть полна скрытого смысла, при этом в них много трогательных деталей и подробностей. Ведь мир человеческих отношений сложен и противоречив. А. А. Яшин — писатель, ис-

следующий глубины человеческой души, аналитик ее тончайших настроений, не принимающий умом и сердцем фальши, показухи и лицемерия. Он умеет видеть сердцем и душой. В книге «Административный восторг, или картинки с выставки» автор в сатирической форме пишет о бюрократии, преимущественно вузовской.

Президент (ныне Почетный президент) Академии российской литературы Л. В. Ханбеков отмечает, *«что каждый писатель всю жизнь пишет одну, главную для него книгу, которая «дробится» на романы, повести, рассказы, а в случае с Алексеем Яшиным — и эссе, литературоведение, критику и публицистику. Причем это не пресловутая всеядность, но стремление автора всеми удающимися ему жанрами выразить свое писательское кредо, традиционное для русской и советской литературы...»*. В этой связи необходимо отметить, что у Алексея Афанасьевича имеется целая серия из десятка с лишним «автобиографических» книг «Рассказы Николая Андреевича», включающая в себя романы, повести и сборники рассказов и новелл.

Его произведения полны оригинальных взглядов, емки как по сюжетным линиям, так и по подтексту. В них немало мест, исполненных живого и светлого юмора. Каждый открывает их по-своему. Это и понятно, так как эмоциональная связь читателя с книгой слишком сложная материя, чтобы можно было определить ее какими-то рамками. Ответ может иметь столько смыслов, сколько вы готовы в него вложить.

Его вера в красоту окружающего мира помогает создавать прекрасные произведения. Они вызывают интерес и полемическими рассуждениями, неординарными героями. Чувствуется стремление автора к правде, к верности изображения событий. Сюжет держит внимание читателя и позволяет испытать силу самых противоречивых ощущений. В них нет дешевых эмоций. Автор задевает самые глубокие, потаенные струны души и на Вас накатывает поток любви, радости, счастья, а может и грусти.

Он не поэт — по собственному признанию Алексея Яшина, но немногие стихи замечательны достоверностью наблюдений и производят впечатление созданных на основе лично услышанного и увиденного: «Начался день отрезка бытия...», «Для всех людей спасительное знание...», «Стояла ночь неясных побуждений...», «До горизонта тянется фиорд...», «Когда писать не хочешь — не пиши...», «Взрыв пустоты...», «На сердце будто брякнулся сундук...», «Оставшееся от него наследство...». Они вошли в хрестоматию «Три века Тульской поэзии», в которой собраны лучшие стихотворения, написанные тульскими поэтами за три прошедших века.

А. М. Горький писал: *«Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа. В этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников»*.

Творческий путь Алексея Афанасьевича Яшина в литературе начался в середине 1970-х годов. За это время им написано тридцать пять книг, опубликовано в литературной периодике более тысячи прозаических произведений и стихотворений. Он автор романов: «В канцелярии», «В конце века», «Историк и его история», «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», «Любовь новоюрского периода», «Катехизис идеалиста», «Видение на Патмосе», «Квадратная пустота», «Задушевные беседы об умозамещении», «Женщина в человеинике», повестей: «Сокровища смиренных», «На Итаке», «Страна холода», «Дэкаф», сборников рассказов: «Тяжело дышит синий норд», «На островах», «Трамвайное кольцо», «Живые шахматы», «Штиль» и др. Каждый может найти в них то, что его волнует, что понятно и близко, что созвучно его душе. Писатель успешно совмещает литературную деятельность с научной работой. Буквально «на днях» он стал лауреатом старейшей в России, одной из самых престижных в науке Макариевской премии.

А. А. Яшин является основателем и руководителем Тульской научной школы «Биофизика полей и излучений, и биоинформатика». Заслуженный деятель науки РФ, действительный член десятка академий, почетный радист России. Действитель-

ный член Русского физического общества. Автор более тысячи научных публикаций.

Как-то в одном из радиointервью Алексей Афанасьевич сказал: *«Я достаточно хладнокровно и логически выверено «распределяю» себя по областям деятельности: литературное творчество, литературная же и историко-философская публицистика, наука, связанная с биофизикой, математикой, теорией эволюции, ноосферологией и пр., научно-педагогическая деятельность...»*.

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей, в Википедии. Его творчеству посвящены три книги, изданные в московских издательствах.

Художественные произведения Алексея Афанасьевича Яшина навсегда останутся одним из интересных явлений русской литературы. Их достоинства признаны и очевидны. Удивительная способность и серьезно поразмыслить, и улыбнуться, и погрузить придает его творчеству духовную полноту, объемность и многогранность.

*Руководитель литературного объединения
«Приупские просторы», член СП России Е. Трещев
(г. Шекино)*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

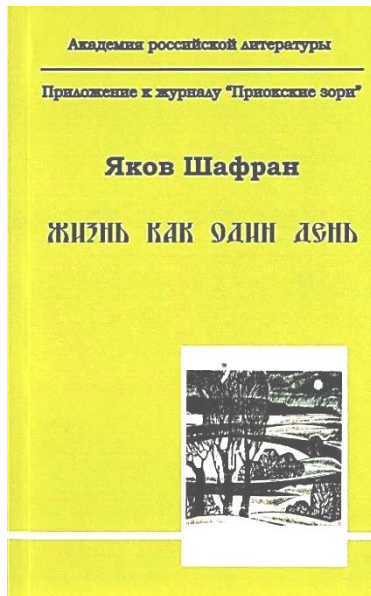
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2023.— № 1—3. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2023.— №№ 1—3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Дым Отечества*. В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах: ТРОПО «Знание», 2023.— Вып. 7 (Тула: ТПО) (Опубликованы материалы Геннадия Маркина, Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).— 275 с.
4. *Иртышъ — Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2023.— № 1—2 (41—42).— 374 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Дальний Восток*: Российский литературный журнал.— 2023.— № 2.— 240 с. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
6. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2023.— № 1—2.— 183 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
7. *Тула*. Литературный альманах.— Тула: Аквариус, 2023.— 515 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
8. *Сергей Овчинников*. Пересечение судеб.— М.: ИД «Звонница-МГ», 2021.— 304 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 13.— М.: «Новые Витражи», 2023.— 312 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Санкт-Петербург: «Астерион», 2023.— 269 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Тулская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах.— Тула: Аквариус, 2023.— Вып. 10.— 90 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художествен-

но-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2023-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

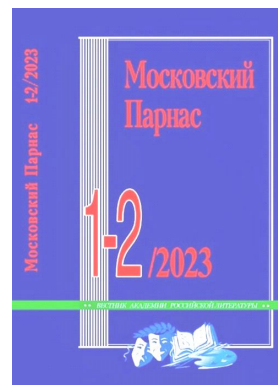

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Представляем содержание очередного выпуска вестника Академии — Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» № 1—2/2023 года.

Поздравляем авторов «Московского Парнаса» с изданием!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Евгений СКОБЛОВ5

ПОЗИЦИЯ

Валерий БУТОВ. О русском языке, русской культуре и Русском Мире.....8
О «звездах», «звезданутости» и их воспитательном воздействии.....13

ПОЭЗИЯ

Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ). Стихи20
Владислав ДОБРОСЛАВСКИЙ. Стихи26
Валентина КОРНЕВА. Стихи32
Михаил МОРОЗОВ. Стихи35
Сергей ОВЧАРОВ. Стихи37

ПУБЛИЦИСТИКА

Яков ШАФРАН.
Западная цивилизация – антипод русской цивилизации....44

ПРОЗА

Николай ЗАМЯТИН. Зубная боль. Рассказ60
Александр ШЕПЕЛЬ. Опасная поездка. Рассказ65

ЗАГРАНИЦА БЛИЖНЯЯ И ДАЛЬНЯЯ

Аркадий МАР. Решётка. Рассказ73
Кристина Анастасия Верас Брзин. Стихи.....85

ДЕБЮТ В «МП»

Василий БИСЕРОВ. Стихи86
Сергей МИРОНОВ. Стихи89

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Ирэн НЕМИРОВСКИ94
Людмила ПОПОВА. Отрывок из романа
Ирэн Немировски «Осенние мухи».
Перевод с французского языка.....95

ПИСАТЕЛЬСКИЙ БЛОКНОТ

Ольга КАРАГОДИНА.
Дом Владимира Дая на Пресне.....104

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Евгений СКОБЛОВ.
Эпоха космических романтиков115

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Редакция журнала «Приокские зори».
Алексей ЯШИН. Литературные юбилеи.....135

ПАМЯТЬ

Редакция альманаха «Московский Парнас».
Роман Константинович ТИШКОВСКИЙ.
Лучи таланта и добра145
Анатолий ПОЛЕТАЕВ.
Инскрипт от Романа Константиновича.....147

* * *

Четвертого июля в Доме художников на Верхней Масловке (г. Москва) состоялась тематическая творческая встреча членов Академии российской литературы в литературно-художественном цикле «Коридорник в мастерской Евгении Кокоревой». В ходе встречи участники ознакомились с коллекцией картин известного московского художника и большого друга Академии Евгении Кокоревой, обсудили очередной № 1—2/2023 г. вестника Академии — международного литературного альманаха «Московский Парнас». Так же были представлены новые книги и издания Академии из г. Тулы — литературный и публицистический журнал «Приокские зори» № 1/2023 г. и региональный музыкально-литературный альманах «Тульская сторона».

Поэт, прозаик, композитор, автор-исполнитель Михаил Морозов

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

4 мая — День памяти Дениса Давыдова

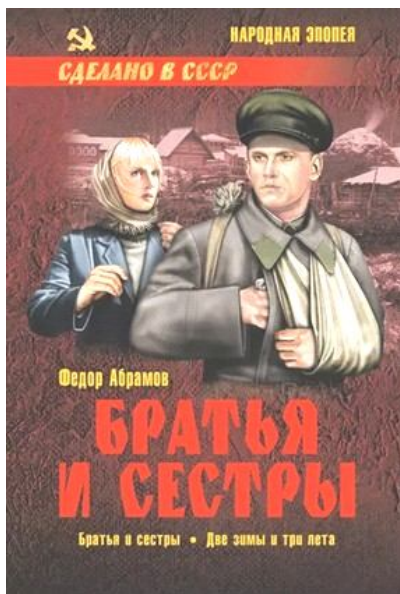
* * *

Четырнадцатого мая — 40 лет со дня ухода из жизни, день памяти писателя, публициста, критика и литературоведа, одного из представителей «деревенской прозы» **Федора Александровича АБРАМОВА.**

Родился он 29 февраля 1920 года в деревне Верколе Архангельской области в многодетной крестьянской семье. Когда Феде исполнилось два года, умер отец, и трудиться будущему писателю пришлось с малых лет вместе с матерью и другими детьми. Тем не менее уже тогда он пробовал писать стихи, первая его публикация состоялась в 1937 году. После сельской десятилетки стал студентом филологического факультета ЛГУ. В 1941 году записался добровольцем в народное ополчение. Был дважды ранен, чудом остался жив. После выздоровления переведен в отдел контрразведки «СМЕРШ». Федор Абрамов награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В августе 1945 года Абрамов возвращается в Ленинград для завершения учебы. В 1948 году, получив диплом с отличием, поступает в аспирантуру, занимается филологией, в 1951 году защищает кандидатскую диссертацию.

В 1958 году журнал «Нева» печатает первый роман Абрамова — «Братья и сестры», через несколько лет — повесть «Вокруг да около». В 1968 году в журнале «Новый мир» было издано продолжение романа «Братья и сестры» — «Две зимы и три лета». Трилогию «Пряслины», за которую Федор Абрамов в 1975 году был удостоен Государственной премии СССР, завершил роман «Пути-перепутья». Последняя книга из цикла о Пряслиных, роман «Дом», вышел в 1978 году. Одноименный спектакль по тетралогии «Братья и сестры», поставленный Львом Додиным в Малом драмтеатре, идет с 1978 года до сих пор с большим успехом в России и за рубежом. Последнее произведение Абрамова — незаконченный роман «Чистая книга» — был впервые опубликован в журнале «Нева» в 1998 году.

...Федор Абрамов был блестящим публицистом. Его творчество остается до сих пор актуальным. Он поднимал проблемы не только социальные, но и нравственные: «Социальные, экономические, экологические проблемы неотрывны от духовных, нельзя возродить Россию, не улучшая самого человека», «нельзя заново возделывать русское поле, не возделывая души человеческие, не мобилизуя всех духовных ресурсов народа, нации».

...14 мая 1983 года в Ленинграде Федор Александрович Абрамов скончался от сердечной недостаточности. Похоронен в селе Веркола Архангельской области, на правом берегу реки Пинега. А на другом берегу находится Артемиево-Веркольский монастырь, вопросу восстановления которого Абрамов уделял много внимания в конце жизни. В 1985 году в Верколе был открыт литературно-мемориальный музей Ф. Абрамова.

* * *

Пятьдесят пять лет со дня ухода из жизни Константина Георгиевича ПАУСТОВСКОГО

«ЧАСТО Я СПРАШИВАЮ СЕБЯ — ДОСТАТОЧНО ЛИ Я СТРАДАЛ, ЧТОБЫ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ» (К. Паустовский).

Писатель родился 31 мая 1892 года в Гранатном переулке Москвы.

Отец, Георгий Паустовский, был офицером в отставке, работал статистом на железной дороге. Родословная отца уходит корнями к казацкому гетману Петру Сагай-254

дачному. Дед по отцовской линии служил при Николае I, участвовал в русско-турецкой войне, вернулся оттуда с женой-турчанкой Фатьмой. Бабушка по линии матери по национальности полька, придерживалась католического вероисповедания. Таким образом, в жилах будущего писателя смешалась украинская, польская и турецкая кровь. Несмотря на это, он сам считал себя русским писателем, всю жизнь воспевавшим родной край...

Раннее детство Паустовского прошло в Москве, позже, в 1898 году, семья переехала в Киев. В 1904-м мальчика отдали в Первую классическую гимназию. Отец оставил семью, когда Костя учился в шестом классе. Ему нужно было как-то оплачивать свою учебу, и поэтому мальчишке пришлось заняться репетиторством. Отца он видел редко, но когда тот прислал телеграмму о том, что болен, немедленно поехал в Белую церковь, чтобы застать его живым. Перед самой смертью отец уволился с работы и поселился в дедовой усадьбе.

В гимназии Костя любил не только читать, но и сам сочинял рассказы. Творческая биография писателя началась с небольшого рассказа «На воде». А смерть отца он описал в своем произведении «Повесть о жизни». Юношеские годы он провел в Киеве. После окончания гимназии в 1912 году стал студентом историко-филологического факультета Киевского университета. Именно там он впервые отчетливо понял, что хочет посвятить писательству всю свою жизнь. Паустовский проучился всего два года, и в 1914-м бросил университет. Он переехал в Москву, где жила его мама, сестра и один брат, добился перевода в Московский университет. Но нормальной учебы не получилось. Началась Первая мировая война, молодой человек нашел себе работу вожатого трамвая, потом трудился на санитарном поезде. В действующую армию его не взяли — парень страдал близорукостью. В 1915 году он случайно узнал, что оба его брата погибли. На разных фронтах, но в один день.

Первые произведения Паустовского напечатал журнал «Огни». В 1916 году молодой писатель поселился в Таганроге и начал писать книгу «Романтики». Работа над ней завершилась в 20-е годы, когда писатель жил в Одессе, в печать роман попал только в 1935 году. Паустовский вернулся в столицу в 1923-м году и устроился в Российское телеграфное агентство на должность редактора. Он посещал многочисленные митинги, которые возникали в Москве повсеместно. Впечатления от того времени вошли в третью часть романа «Повесть о жизни». Его героями стали политики и революционеры.

Константин много путешествовал по стране. География его поездок была очень обширной — Сибирь, Донбасс, Балтика, Средняя Азия. Он пробовал свои силы в разных профессиях, и каждый такой период мог бы стать отдельной книгой жизни. Сильнее всего он прикипел душой к Владимирской области, находил своеобразное очарование в ее голубых озерах, глухих лесах и заброшенных дорогах. Природа этого края вдохновила его на написание рассказов «Барсучий нос», «Кот-ворюга», «Снег», «Сивый мерин». Писал Константин и сказки, которые получались очень добрыми и поучительными. К примеру, «Теплый хлеб», история о жестоком мальчике-эгоисте, и как от этого эгоизма пострадали его односельчане. Еще одна сказка называлась «Корзина с еловыми шишками» о музыканте Григе и дочери лесника, которая легла в основу мультфильма, вышедшего в 1989 году. В общей сложности тринадцать произведений писателя были экранизированы.

В 50-х годах имя советского писателя Паустовского стало известно в мире. Его произведения выходили на многих европейских языках. Он был не только писателем, но и преподавателем Литературного института, многие из его учеников пополнили ряды классиков советской прозы. Писатель был номинирован на Нобелевскую премию, но она досталась Михаилу Шолохову. По мнению членов шведской комиссии, у писателя было больше недостатков, чем заслуг.

Примечательно, что Паустовский обрел себе поклонницу в лице актрисы Марлен Дитрих. Однажды она прочитала произведение «Телеграмма», и была так поражена, что навсегда запомнила имя его автора. В 50-е годы Дитрих побывала в Москве. Именно тогда и состоялась их первая и единственная встреча. Актриса подарила писателю несколько снимков, один из которых сделан в Доме литераторов.

Долгие годы Паустовского мучила астма. К концу жизни она обострилась, но, несмотря на это, он продолжал вести активный образ жизни, участвовал в общественных делах. Под его защиту попадали «опальные» писатели, Константин никогда не участвовал в расправах над «инакомыслящими», наоборот, по мере возможности протягивал им руку помощи. Во время выступления одного из критиков, который разносил в пух и прах роман «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, Паустовский даже не подал ему руки, настолько неприятно ему было все происходящее.

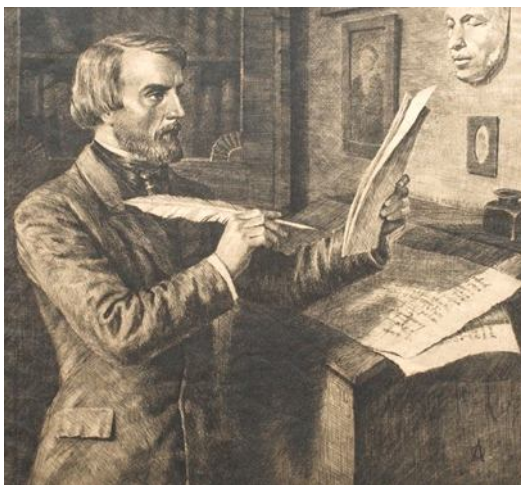
Сердце писателя остановилось 14 июля 1968 года. Он завещал похоронить его в Тарусе и его волю исполнили в точности. Имя Константина Паустовского присвоено одной из планет, которую открыли в 70-е годы.

* * *

Годовщина памяти (175 лет) В. Г. Белинского

11 июня 1811 года в Свеаборге (ныне Суоменлинна, Финляндия) родился Виссарион Григорьевич БЕЛИНСКИЙ — русский писатель, литературный и театральный критик, историк и теоретик литературы и искусства, публицист, философ.

Его отец, Григорий Никифорович Бельинский, служил флотским врачом, а позже — уездным лекарем в г. Чембаре (ныне г. Белинский, Пензенской области), и в 1830 году получил потомственное дворянство. Мать, Мария Ивановна, была дочерью шкипера. Свое детство Виссарион Белинский провел в городе Чембаре. В 1820 году он был определен в уездное училище, затем — в пензенскую гимназию, не окончив которую смог поступить на словесное отделение Московского университета. Время, проведенное в Чембаре и Пензе, отразилось на его дальнейшей жизни. Несмотря на слабое здоровье и постоянный недостаток средств, он глубоко впитал увиденное и услышанное во время приема больных отцом, поездок с ним по окрестным деревням, наблюдений природы, игр с ровесниками, чтения. Впоследствии эти впечатления нашли выход в многочисленных «лирических отступлениях» его зрелых статей. В Пензе юноша впервые увидел театральные спектакли в крепостном театре В. Г. Гладкова. Они потрясли мальчика и предопределили его увлеченность театром на всю жизнь.

Любовь к родной литературе развилась в Белинском с юных лет. Он сам писал о том, как перечитывал без разбора все, что печаталось тогда в журналах, альманахах и собраниях сочинений. Еще будучи учеником уездного училища, Виссарион Григорьевич «в огромные кипы тетрадей» списывал стихотворения классиков русской литературы: Державина, Карамзина, Крылова и знаменитостей того времени: Станевича,

Невзорова и др. В пензенский период особое впечатление произвели на него сочинения князя Одоевского, а позже он увлекся Державиным, Жуковским, Пушкиным. Белинский сам пробовал писать стихи и прозу. В 1830 году из-под его пера вышла трагедия «Дмитрий Калинин». Направленная против крепостного права, она не прошла цензуру, и начинающего литератора исключили из университета.

Еще в университете Белинский начал сотрудничать с московскими периодическими изданиями («Телескопом», «Московским наблюдателем») и немного изменил свою фамилию, из-за чего получение им дворянских прав состоялось только в июле 1847 года, после оформления необходимых документов. С 1839 года его работы стали публиковаться и в столичной периодике («Отечественных записках» и «Современнике»).

Белинским было написано более тысячи статей и рецензий. Его оценки творчества М. В. Ломоносова, А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. В. Кольцова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского стали хрестоматийными. Белинский дал толчок развитию истории русской литературы, определив периоды и направления ее развития; теории литературы как научной дисциплины, обосновав понятия родов и видов, жанров, специфики художественного творчества; эстетики, обозначив ее основные категории, введя понятие народности искусства; театральной критики.

Виссарион Григорьевич Белинский скончался 7 июня 1848 года в Санкт-Петербурге, похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

НЕСКОЛЬКО ЦИТАТ В. БЕЛИНСКОГО:

— Всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с Отечеством.

— Из всех страстей человеческих сильнейшая — самолюбие, которое, будучи оскорблено, никогда не прощает.

— Истина выше людей и не должна бояться их.

— Женщина мыслит сердцем, а мужчина любит головой.

— Величайшее сокровище — хорошая библиотека.

— Благо тем, которые умеют и в зиму дней своих сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему великому и прекрасному бытия.

* * *

120 лет со дня рождения русского, советского поэта Михаила Аркадьевича СВЕТЛОВА

* * *

В 2023 году исполняется 150 лет со дня смерти великого поэта **Федора Ивановича ТЮТЧЕВА**.

* * *

14 июля 2023 года исполняется 280 лет со дня рождения **Гавриила Романовича ДЕРЖАВИНА** — русского поэта и драматурга, крупнейшего представителя русского классицизма, просветителя, известного государственного деятеля XVIII века при дворе Екатерины II, автора первого неофициального гимна России («Гром победы, раздавайся!»).

Державин родился 14 июля 1743 года в Казанской губернии в семье обедневших дворян. Его детство прошло в родовом имении в селе Сокуры, обучался в Казанской гимназии. В 1762 году будущий поэт поступил рядовым гвардейцем на службу в Преображенский полк, затем был произведен в прапорщики, получив первый офицерский чин. В 1773—1775 годах Державин в составе полка участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачева.

...С 1777 года Державин поступает на государственную службу в Правительствующий Сенат в чине статского советника. В 1784—1788 годах занимает пост правителя (губернатора) Олонецкого, а затем Тамбовского наместничества. Стоит отметить, что он активно занимался улучшением экономики края, способствовал формированию губернских административных, судебных и финансовых учреждений.

В 1791 году Державина назначают кабинет-секретарем Екатерины II. С 1793 поэт служит тайным советником императрицы. В 1795 году Державин получает должность президента Коммерц-коллегии. С 1802 по 1803 год служит министром юстиции.

Творчество Гавриила Державина считается вершиной русского классицизма. Первые произведения поэта появились еще в период его военной службы. В 1773 году Державин дебютировал в журнале «Старина и Новизна» с переводом отрывка «Ироижа, или Письма Вивлиды к Кавну» из трудов Овидия. В 1774 году свет увидели произведения «Ода на великость» и «Ода на знатность». В 1776 году был выпущен первый сборник стихов поэта «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагое».

С 1779 года Державин отходит от традиций, заложенных Сумароковым и Ломоносовым, работая над философской лирикой. В 1782 году была опубликована ода «Фелица», посвященная императрице Екатерине II и принесящая поэту широкую литературную известность. Позже появились другие знаменитые произведения Державина: «Вельможа», «Евгению. Жизнь Званская», «На смерть князя Мещерского», «Бог», «Добрыня», «Водопад», «Ирод и Мариамна» и др. В 1808 году вышел сборник сочинений Державина в четырех томах.

В 1803 году Державин уходит в отставку и поселяется в своем имении Званка в Новгородской губернии. Последние годы жизни поэт посвящает литературной деятельности. В 1813 году Державин, биография которого даже в этот период была насыщена поездками, отправляется в Украину с визитом к В. В. Капнисту. В 1815 году присутствует на экзамене в Царскосельском лицее, слушая произведения юного Александра Пушкина. В «Отечественных записках» 1841 года сообщается: «На последовавшем за экзаменом парадном обеде Разумовский (министр просвещения), довольный впечатлением, произведенным на гостей молодым поэтом, сказал отцу Пушкина: «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего в прозе...» На что Державин ответил: «Оставьте его поэтом».

...20 июля 1816 года Гавриил Романович Державин скончался в своем имении. Похоронили поэта в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря недалеко от Великого Новгорода.

Министр юстиции и Генерал-прокурор Российской империи — последняя высокая должность великого русского поэта. Он получил отставку с необычной формулировкой: «слишком ревностно служит». Услышав эту фразу, он сказал, что иначе служить и жить не может. Дальнейшим откликом на увольнение явилась ода «Свобода», в которой он восхваляет свободу от всех условностей мира.

* * *

Высокая награда для старейшего русского писателя

Известный российский писатель **Александр Андреевич ПРОХАНОВ** Указом Президента РФ от 10 июля 2023 года № 512 награжден высокой государственной наградой — Орденом Александра Невского (с формулировкой «За активную общественную деятельность»).

А. А. Проханов — член Высшего творческого совета Союза писателей России (член Союза писателей СССР с 1972 года; в 1985—1991 гг. занимал должность секретаря Союза писателей РСФСР), главный редактор газеты «Завтра», бывший главный редактор журнала «Советская литература» (орган Союза писателей СССР) и газеты «День» (с 1990 года издание выходило как орган Союза писателей СССР, а с лета 1991 года до закрытия в 1993 году — как орган Союза писателей России), председатель движения поддержки и реализации социально значимых проектов «Русская мечта», заместитель председателя Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации.

Творческую работу начал в 1968 году, в газете Союза писателей СССР «Литературная га-

зета». С 1970 года работал специальным корреспондентом «Литературной газеты» в Никарагуа, Афганистане, Камбодже, Анголе и в других «горячих точках».

Автор известных широкому читателю произведений: «Иду в путь мой», «Сон о Кабуле», «Африканист», «Паола Боа», «Последний солдат империи», «Пятая империя», «Охотники за караванами», «Пятый Сталин», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген» и др.

Его произведения переведены и изданы отдельными книгами на китайском, ирландском, болгарском, голландском, испанском, английском, немецком, польском, чешском и других языках.

Лауреат премии Ленинского комсомола, премии «Национальный бестселлер», премий журнала «Наш Современник», Международной премии Ким Ир Сена, Бунинской премии, Международной Шолоховской премии и др.

Награжден орденами «Знак Почета» (1981), Трудового Красного Знамени (1984), Дружбы народов (1988).

* * *

Полвека со дня кончины

Двадцатого июля — день памяти советского поэта, прозаика и переводчика **Михаила Васильевича ИСАКОВСКОГО**.

**МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ИСАКОВСКИЙ
(1900 – 1973)**

Песни, написанные на его стихи, давно считаются народными. Это ли не доказательство подлинного таланта? «Одинокая гармонь», «Катюша», «Каким ты был, таким ты и остался» и «Ой, цветет калина» — слова этим песням подарил именно Исаковский...

Михаил Исаковский родился 19 января 1900 года в деревне Глотовка Смоленской губернии в бедной крестьянской семье. Местный священник научил Мишу читать и писать. С 1921 года он работал в смоленских газетах, а в 1931 году переехал в Москву.

Первое стихотворение «Просьба солдата» Исаковский опубликовал еще в 1914 году, но началом своей литературной деятельности считал 1924 год, когда вышли его стихи «Подпаски», «Родное» и др. Талант Исаковского высоко ценил Горький.

В годы Великой Отечественной войны Исаковский пишет ряд произведений, в которых отражен героизм советских людей на фронте и в тылу («Русской женщине», «Слово о России» и др.). Многие стихи были положены на музыку и стали популярными песнями, среди них «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы», «Снова замерло все до рассвета» и другие.

Исаковский писал и теоретические работы о литературе. Одна из самых успеш-

ных его книг «О поэтическом мастерстве» включает письма к молодым стихотворцам. Кроме богатого поэтического творчества Исаковский известен и литературными переводами с украинского, белорусского и венгерского языков. А на склоне лет Михаил Васильевич написал книгу «На Ельнинской земле: Автобиографические страницы». Не стало поэта 20 июля 1973 года в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» от всей души поздравляет с днем рождения **Николая Федоровича ИВАНОВА** — прозаика, публициста, драматурга, председателя правления Союза писателей России.

Николай Федорович ИВАНОВ — человек, прошедший сложную и уникальную школу жизни, сумевший сохранить себя. Офицер-десантник, военный журналист, полковник, перенявший у своих командиров самые благородные качества, высокие принципы и идеалы. Автор нескольких десятков книг прозы и драматургии, в которых каждое произведение поражает глубиной мысли и одновременно духовной, нравственной высотой. Руководитель многотысячной писательской армии, который уверенно держит на своих плечах ответственность за всю литературу России. Сын, с честью и великой памятью продолжающий заветы своих родителей — защитников Отечества. Патриот, добрыми делами воспевающий свою страну и сберегающий для нее чистое русское Слово...

Писатели всех уголков необъятной России шлют имениннику самые сердечные поздравления!

* * *

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» сердечно поздравляет с днем рождения **Анатолия Юрьевича АВРУТИНА** и желает доброго здоровья, новых больших творческих свершений и благополучия!

Анатолий Юрьевич АВРУТИН — видный поэт, переводчик, публицист, литературный критик, обозреватель, член Союза писателей Белоруссии, Союза писателей России, Академии российской литературы, Международной Славянской академии, почетный член Союза русскоязычных писателей Болгарии, член редколлегии нашего журнала. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и Большой литературной премии России, всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (Тула, Россия), премии имени Марины Цветаевой от министерства культуры Татарстана. Обладатель «Золотого Витязя — 2022» в жанре поэзии. Награжден орденом и медалью Франциска Скорины, а также высшей наградой Союза писателей России — знаком «За

заслуги в литературе» и наградой Патриарха Московского и Всея Руси — Знаком «За вклад в развитие русской литературы». Член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Лауреат ряда общественных наград и премий, среди которых Международные литературные премии им. Анны Ахматовой и «Славянские объятия» (Болгария), им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. Басе (Япония), им. Роберта Бернса (Шотландия), им. Франческо Петрарки (Италия), Международная литературная премия мира (Германия), премии им. Иннокентия Анненского, им. Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами», «Золотое перо Руси», им. Бориса Корнилова «На встречу дня», им. Николая Гоголя и им. Григория Сковороды «Сад божественных песен» (Украина), Общественная премия Союзного государства, общественный орден «Трудовая слава России», ордена Лермонтова, Маяковского, Есенина (дважды), «За благородство помыслов и дел» (Россия), «Культурное наследие» (Венгрия), «Золотая Есенинская медаль» — всего свыше пятидесяти литературных премий и столько же наград. Отмечен также высшей наградой Министерства информации Беларуси — знаком «Отличник печати Беларуси», высшей наградой Министерства культуры Беларуси — знаком «За вклад в культуру Беларуси», Почетным Знаком профсоюза работников культуры Беларуси.

* * *

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» радушно и сердечно поздравляет с днем рождения **Евгения Марковича СКОБЛОВА** и от всей души желает крепкого здоровья, семейного благополучия, новых свершений на благо русской литературы и поддержки Академии российской литературы и нашего журнала!

Евгений Маркович СКОБЛОВ — известный российский прозаик, автор двадцати с лишним книг прозы крупных и малых форм, член Союза писателей России, председатель Правления и главный редактор Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», член редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», администратор информационных ресурсов группы «Академии российской литературы» в «VK», участник более сотни российских и зарубежных периодических литературных изданий, лауреат литературной премии им. А. П. Чехова (2010), литературно-общественной премии «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (2012), дипломант конкурсов МГО СПР «Лучшая книга 2008—2010» (им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет») Московской городской организации Союза писателей России, неоднократный дипломант Германского международного конкурса «Лучшая книга года», участник Международных книжных ярмарок (ММКЯ).

* * *

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет члена редколлегии **Александра Агубечировича Хадарцева** с присвоением ему звания **Почетного гражданина города-героя Тулы!**

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Обзор июльского номера литературно-исторического журнала «Александръ»

Тульская область — красивейший и щедрый край, давший миру талантливых писателей, художников, ученых, изобретателей и государственных деятелей. Тульская земля воспета Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым, В. А. Жуковским и И. А. Буниным, представлена на полотнах В. Д. Поленова, Г. Г. Мясоедова и П. Н. Крылова. Это историческое Куликово поле, дарящая очарование и вдохновение толстовская Ясная Поляна, загадочный тургеневский Бежин луг, неповторимые пейзажи на берегах Оки, раздольная прелесть Красивомечья и древняя гордая Тула.

Обойти своим вниманием столь благодатный край «Александръ» не мог и посвятил июльский номер раскрытию перед читателями творчества современных земляков Льва Толстого, с портрета которого и начинается «тульский» номер.

С вступительным словом к читателям обратился председатель тульского отделения Союза писателей России Николай Жуков, представивший читателям поэтические строки. А далее сразу на «Тульском парашюте» с воспоминаниями батальонного врача влетел в номер Николай Макаров, оказавший огромную поддержку при подборе произведений в издание.

Традиционный поэтический блокнот начался с творчества тоже Макарова, только Алексея, фронтовика, ветерана Великой Отечественной войны. Начав сочинять на фронте, Алексей Дмитриевич посвятил поэзии всю жизнь. «Мы в строю» говорит о жизненных принципах этого патриота, вырастившего замечательных детей, продолживших дело отца.

Следующая страница «блокнота» поэта Валерия Виноградова открывается посвящением Александру Пушкину, а продолжается стихами о родном крае. «Сын кузнеца и медсестры» Валерий Савостьянов в поэтической форме искренне поведал читателям свою биографию. А закрыла поэтический блокнот Татьяна Шелепина «Гимном мира».

О борьбе добра и зла в противостоянии «темного человека» и волка живописно и эмоционально изложил Сергей Крестьянкин в рассказе «Волк».

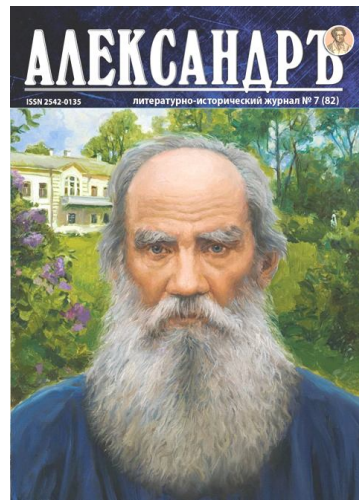
В «Тульском калейдоскопе» читатель номера может внимательно рассмотреть творчество Любви Самойленко, Вячеслава Алтунина, Ольги Бугримовой, Алексея Гусакова и Анатолия Камаева.

«Неподсудны». С таким утверждением выступил Геннадий Маркин, рассказавший читателям о деятельности партии эсеров, организующих теракты на территории Тульской губернии более века назад.

В волшебники русской литературы произвел Ивана Сергеевича Тургенева Евгений Трещев, проведя подробный анализ творчества классика.

Своему другу Виктору Пахомову, человеку непростой судьбы, поэту и патриоту малой родины посвятил биографический очерк Владимир Куликов, прикрепив к нему стихотворения героя.

«Последний бой» с фашистским злом описал Владимир Сапожников.

С помощью стихотворной строки к читателям обратились Елизавета Баранова, Олег Пантюхин, Галина Лялина и Дмитрий Нестеренко.

А завершает июльский номер широкая палитра прозаических произведений: житейские рассказы Валерия Кулешова, философские размышления Алексея Яшина, главного редактора издающегося в Туле всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», журналистские заметки Людмилы Алтуниной и литературный обзор Елены Осминкиной, наиболее полно и наилучшим образом раскрывая прекрасный мир тульской литературы.

Александр Сергеев

* * *

ДВА АЛЕКСЕЯ

Петрунин Алексей Степанович (мой дед) родился в 1898 году в деревне Ивановское Веневского района Тульской области. Крестьянствовал. Женат. Отец пятерых детей в том числе и моей мамы. На фронт призван 16.01.1942. Извещение о том, что пропал без вести на Калининском фронте, получили в июле 1942 года.

Шмаков Алексей Алексеевич родился в 1903 году в деревне Жуково (в одном километре от Ивановского) Веневского района Тульской области. Крестьянствовал. Женат. Отец сына Петра. На фронт призван 18.08.1941. Извещение о том, что пропал без вести в битве за Москву получили в октябре 1941 года. Петр Алексеевич Шмаков женат на Анне Алексеевне Петруниной (моей тете).

Валерий Акимов

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisaifine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2023
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносо-
ву»—
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположни-
ка
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова
—
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

